

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Синица Наталья Александровна

**Портретирование как методика этнолингвистических
исследований
(на материале образов священнослужителей
в славянских языках)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН
Березович Елена Львовна

Екатеринбург – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	7
Глава 1. Портретирование в этнолингвистическом исследовании: общий обзор.....	26
1.1. О термине <i>портрет</i> в практике лингвистических исследований.....	27
1.2. Портретирование в лингвокультурологических и этнолингвистических исследованиях.....	29
1.2.1. Портретирование в «широкой» этнолингвистике.....	29
1.2.1.1. Когнитивная дефиниция.....	29
1.2.1.2. Тезаурусное описание языка фольклора.....	32
1.2.1.3. Схемы описания реалий в практике исследований Московской этнолингвистической школы.....	34
1.2.2. Портретирование в «узкой» этнолингвистике.....	36
1.2.2.1. Ономастологический портрет.....	36
1.2.2.2. Этнолингвистический портрет.....	41
1.3. Объекты портретирования в этнолингвистике.....	42
1.4. К вопросу о способах систематизации информации, составляющей этнолингвистический портрет.....	44
1.5. Принципы сопоставления этнолингвистических портретов по данным раз- ных языковых традиций и субстанциональных кодов культу- ры.....	48
Выводы.....	50
Глава 2. Опыт моделирования этнолингвистического портрета (на основе портретов служителей культа в русском, польском, украинском, белорусском язы- ках).....	52
2.1. Моделирование портретов в этнолингвистическом исследова- нии.....	52
2.1.1. Деривационно-фразеологическое гнездо как источник информации для портрета.....	52
2.1.2. Структура этнолингвистического портрета.....	55
2.1.3. Анализ «реципиентных» семантических сфер и проблемы семантической реконструкции.....	57
2.2. Этнолингвистические портреты служителей культа в русском языке.....	58

2.2.1. Священнослужители.....	59
2.2.1.1. Немонастырское духовенство.....	59
2.2.1.1.1. Дьякон, дьячок.....	59
2.2.1.1.2. Пресвитер.....	62
2.2.1.1.3. Проб.....	62
2.2.1.1.4. Поп.....	63
2.2.1.1.5. Архиерей.....	91
2.2.1.1.6. Митрополит.....	92
2.2.1.1.7. Патриарх.....	92
2.2.1.2. Монастырское духовенство.....	92
2.2.1.2.1. Монах, монахиня.....	92
2.2.1.2.2. Инок.....	97
2.2.1.2.3. Калогер.....	98
2.2.1.2.4. Чернец.....	99
2.2.1.2.5. Архидьякон.....	99
2.2.1.2.6. Игумен.....	100
2.2.1.2.7. Архимандрит.....	101
2.2.2. Церковнослужители.....	101
2.2.2.1. Пономарь.....	101
2.2.2.2. Звонарь.....	103
2.2.2.3. Богомаз.....	104
Выводы.....	104
2.3. Этнолингвистические портреты служителей культа в польском языке.....	107
2.3.1. Немонастырское духовенство (Duchowieństwo świeckie).....	108
2.3.1.1. Duchowny.....	108
2.3.1.2. Kapelan.....	108
2.3.1.3. Kapłan.....	109
2.3.1.4. Ksiądz.....	109
2.3.1.5. Pleban.....	128
2.3.1.6. Pop.....	129
2.3.1.7. Proboszcz.....	132
2.3.1.8. Wikary.....	133
2.3.1.9. Kanonik.....	133
2.3.1.10. Prałat.....	133
2.3.1.11. Biskup.....	133

2.3.1.12. Kardynał.....	134
2.3.1.13. Eminencja.....	136
2.3.1.14. Papież.....	136
2.3.2. Монастырское духовенство (Duchowieństwo zakonne).....	137
2.3.2.1. Общие обозначения монашествующих.....	137
2.3.2.1.1. Mnich.....	137
2.3.2.1.2. Zakonnik.....	142
2.3.2.1.3. Pustelnik.....	143
2.3.2.1.4. Opat.....	143
2.3.2.1. Монашеские ордена (Zakony).....	143
2.3.2.1.1. Benedyktyn.....	143
2.3.2.1.2. Bernardyn.....	144
2.3.2.1.3. Dominikan.....	147
2.3.2.1.4. Jezuita.....	147
2.3.2.1.5. Карусун.....	148
2.3.2.1.6. Karmelita.....	149
2.3.3. Церковные служки (Posługi).....	150
2.3.1. Kantor.....	150
2.3.2. Kościelny.....	150
2.3.3. Organista.....	150
Выводы.....	152
2.4. Этнолингвистические портреты служителей культа в украинском языке.....	155
2.4.1. Немонастырское духовенство.....	157
2.4.1.1. Алілуйко.....	157
2.4.1.2. Дяк, дячок.....	157
2.4.1.3. Батюшка.....	158
2.4.1.4. Ксьондз.....	159
2.4.1.5. Піп.....	159
2.4.1.6. Архієрей.....	178
2.4.1.7. Біскуп.....	179
2.4.1.8. Папіш.....	179
2.4.2. Монастырское духовенство.....	179
2.4.2.1. Общие обозначения монашествующих.....	179
2.4.2.1.1. Законник.....	179
2.4.2.1.2. Монах.....	179

2.4.2.1.3. Чернецъ.....	181
2.4.2.2. Монашеские ордена.....	182
2.4.2.2.1. Бенедектинець.....	182
2.4.2.2.2. Єзуїт.....	182
2.4.2.2.3. Капуцин.....	182
Выводы.....	183
2.5. Этнолингвистические портреты служителей культа в белорусском языке.....	186
2.5.1. Священнослужители.....	187
2.5.1.1. Немонастырское духовенство.....	187
2.5.1.1.1. Дзяк, дзякан.....	187
2.5.1.1.2. Ксёндз.....	188
2.5.1.1.3. Поп.....	190
2.5.1.1.4. Архіерэй.....	201
2.5.1.2. Монастырское духовенство.....	201
2.5.1.2.1. Езуїт.....	201
2.5.1.2.2. Законнік, законніца.....	201
2.5.1.2.3. Манах.....	202
2.5.1.2.4. Пустэльнік.....	202
2.5.1.2.5. Ігумен, ігуменя.....	202
2.5.2. Церковнослужители.....	203
2.5.2.1 Арганіст.....	203
2.5.2.2. Панамар.....	203
Выводы.....	203

Глава 3. Закономерности организации этнолингвистических портретов служителей культа в русском, украинском, белорусском и польском языках.....207

3.1. Совокупный портрет служителя культа на основе данных русского, украинского, белорусского и польского языков.....	207
3.2. Тематические сферы вторичной семантики обозначений служителей культа	228
3.2.1. Природа.....	229
3.2.1.1. Растительный мир.....	229
3.2.1.2. Животный мир.....	239
3.2.1.2.1. Насекомые.....	239
3.2.1.2.2. Рыбы.....	240
3.2.1.2.3. Гады.....	241

3.2.1.2.4. Птицы.....	241
3.2.1.2.5. Млекопитающие.....	242
3.2.2. Материальная и духовная культура.....	243
3.2.2.1. Предметы быта.....	243
3.2.2.2. Игры и игровые принадлежности.....	246
3.2.3. Человек.....	247
3.2.3.1. Физические особенности.....	247
3.2.3.2. Черты характера и интеллект.....	248
3.2.3.3. Образ жизни.....	249
3.2.3.4. Речь.....	250
3.2.3.5. Физиологические состояния: болезнь, смерть.....	252
3.3. Сопоставительный анализ мотивационной структуры портретов в различных языках.....	254
Выводы.....	259
Заключение.....	264
Литература.....	271
Приложение 1. Основные мотивы, составляющие этнолингвистические портреты служителей культа в русском языке.....	296
Приложение 2. Основные мотивы, составляющие этнолингвистические портреты служителей культа в польском языке.....	299
Приложение 3. Основные мотивы, составляющие этнолингвистические портреты служителей культа в украинском языке.....	302
Приложение 4. Основные мотивы, составляющие этнолингвистические портреты служителей культа в белорусском языке.....	305
Приложение 5. Портретные черты служителей культа в русском, польском, украинском и белорусском языках.....	307

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к народным культурным традициям и представлениям о мире привел к возникновению и развитию **этнолингвистики** – «раздела языкознания или – шире – направления в языкознании, ориентирующего исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» [Толстой 1995: 27]. В современной славистике это направление представлено работами таких ученых, как Т. А. Агапкина, Н. П. Антропов, Е. Бартминьский, М. Белетич, О. В. Белова, Е. Л. Березович, Т. Н. Бунчук, И. Ванькова, Т. В. Володина, А. В. Гура, Л. П. Дронова, М. В. Жуйкова, Г. И. Кабакова, И. Б. Качинская, В. И. Коваль, М. М. Кондратенко, Н. И. Коновалова, Т. В. Махрачева, Д. Младенова, А. Б. Мороз, И. А. Морозов, С. Небжеговска-Бартминьска, Е. А. Нефедова, С. Е. Никитина, А. А. Плотникова, И. А. Подюков, И. И. Русинова, И. А. Седакова, Н. И. Толстой, С. М. Толстая, А. Тырпа, В. Хлебда, О. А. Черепанова, А. В. Юдин и др.

В рамках этнолингвистики принято выделять две ее разновидности: «широкую» и «узкую». Под «широкой» этнолингвистикой понимается «комплексная дисциплина, предметом изучения которой является “план содержания” культуры, народной психологии и мифологии независимо от средств и способов их формального воплощения (слово, предмет, изображение)» [Толстой 1995: 39]. Объектом изучения «узкой» этнолингвистики является исключительно «язык в отношении к культуре народа» [Там же].

Методы «узкой» этнолингвистики используются, в частности, представителями Уральской этнолингвистической школы, в числе которых Е. Л. Березович, Е. Д. Бондаренко (Казакова), Е. О. Борисова, К. С. Верхотурова, Ю. Б. Воронцова, А. А. Едалина, М. А. Еремина, Ю. А. Кривошапова, В. С. Кучко, Т. В. Леонтьева, А. А. Макарова, О. В. Моргунова (Атрошенко), К. В. Осипова (Пьянкова), И. В. Родионова, М. Э. Рут, О. Д. Сурикова, А. В. Тихомирова, Л. А. Феокистова, Е. В. Шабалина и др. В их работах фрагменты народной картины мира реконструируются в результате семантико-мотивационного анализа русской диалектной лек-

стики и ономастики (на славянском и финно-угорском фоне). К данному направлению относит себя и автор настоящего исследования.

Этнолингвистика стремится реконструировать языковую картину мира – «совокупность суждений о свойствах и способах существования объектов внеязыковой действительности, <...> в той или иной степени закрепленных в языке, заключенных в значениях слов или подразумеваемых этими значениями» [Bartmiński, Tokarski 1986: 72]. Эти суждения изначально не упорядочены, и в задачи исследователя входит, в том числе, их систематизация. Одним из вариантов системного представления фрагментов языковой картины мира является **этнолингвистический портрет реалии**. Создание портрета (**портретирование**) – это исследовательский прием, позволяющий определить частотность и значимость отдельных черт и признаков, приписываемых исследуемому объекту, установить взаимосвязи между чертами одного объекта и сопоставить представления о сходных объектах внутри одного языка и в разных языковых и культурных традициях. Таким образом, портрет содержит результат портретирования – максимально подробную реконструкцию культурно-языкового образа какой-либо реалии.

В этнолингвистике накоплен достаточный опыт портретирования. Свои варианты портретов культурно значимых реалий представили Т. А. Агапкина, Е. Бартминьский, Е. Л. Березович, О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, Д. П. Гулик, А. В. Гура, А. А. Едалина, Г. И. Кабакова, Ю. А. Кривошапова, С. Е. Никитина, М. Э. Рут, С. М. Толстая, Л. А. Феокистова и др. (подробнее о них будет рассказано в гл. 1 настоящей диссертации). Однако существующие разработки в этой области достаточно разнородны, не имеют единой методики и принципа построения. В связи с этим актуальны следующие вопросы: 1) что представляет собой объект портретирования, какие ограничения на него накладываются; 2) какими параметрами обладает этнолингвистический портрет и какими способами систематизируется входящая в него информация; 3) каковы принципы контрастивного исследования портретов, на каких уровнях и по каким критериям их можно сопоставлять.

Попытка ответить на эти вопросы предпринята в представленном исследовании. В качестве фактической базы мы выбрали **портреты служителей христианского культа** в русской, польской, украинской и белорусской языковых традициях. Такой выбор обусловлен, во-первых, многогранностью портретируемого объекта: с

одной стороны, мы имеем дело с «профессиональным» стереотипом, который во многом обусловлен родом занятий персонажа. С другой стороны, речь идет о стереотипе «чужого»: соседствуя с крестьянами и тесно с ними взаимодействия, священники в корне отличны по внешним признакам, роду занятий и др., а следовательно, их образы обладают яркой маркированностью. С третьей стороны, изучаются культуремы, неразрывно связанные со сферами церкви и веры. Последнее обстоятельство особенно важно при контрастивном исследовании портретов, так как дает возможность сравнить языковые традиции, «питаемые» разными конфессиональными практиками, и определить, насколько различия веры влияют на содержание, логику компоновки и окраску образа священнослужителя. Этой же причиной обусловлен выбор языков. Привлечение русской и польской языковой традиции позволяет сопоставить образы служителей культа, сложившиеся в разных конфессиях: православной и католической. Интерес к украинскому и белорусскому языкам обусловлен, кроме прочего, «пограничностью» этих религиозных культур, сочетанием в них православного и католического начал, а также существованием на территории Украины и Белоруссии греко-католической церкви, представляющей собой синтез православной и католической традиции.

Лексика религиозной сферы многократно становилась объектом лингвистических исследований в славистике, рассматриваясь в различных аспектах. В ряде работ изучается христианский дискурс славянских литературных языковых традиций. Этой проблеме посвящены работы Е. В. Бобыревой [Бобырева 2007], И. В. Бугаевой [Бугаева 2008], В. И. Карасика [Карасик 1999], Т. В. Ицкович [Ицкович 2016], И. Баеровой [Bajerowa 1988], М. Войтак [Wojtak 1992; Войтак 2003] и др.

Анализировались религиозная терминология и фразеология, при этом использовался различный языковой материал. Так, есть работы, выполненные на материале русского литературного языка [Войцева 1989; Горюшина 2002; Огай 2001; Слаутина 2006; Тимофеев 1997]. Изменения семантики религиозной терминологии исследуются в трудах Е. В. Сергеевой [Сергеева 2000] и Ю. Н. Михайловой [Михайлова 2004]. Истории польских лексем *cerkiew* ‘церковь’ и *kościół* ‘костел’ посвящена статья Т. Лисовского [Lisowski 1993].

В диссертации Е. Ю. Балашовой [Балашова 2016] заявлен сопоставительный аспект исследования религиозной лексики. В ней анализируется три концептуальных поля – *вера/faith*, *надежда/hope*, *любовь/love* – в русском (православном) и английском (протестантском) дискурсах. Проводится их сопоставление на системно-языковом и текстовых уровнях. Сопоставлению относящихся к религиозной сфере концептов посвящено и исследование Л. Г. Пановой [Панова 2000].

Литературная фразеология и паремиология, в состав которых входят церковно-религиозные термины, исследуются в работах Ю. Т. Листровой-Правды [Листрова-Правда 1996] и С. В. Булавиной [Булавина 2003].

Анализу рус. *подвести под монастырь* и укр. *підвести під монастир* и его культурных основ посвящена глава в монографии М. В. Жуйковой [Жуйкова 2007: 130–146].

На базе русского литературного языка проведено довольно много исследований языковых единиц (как правило, фразеологических), связанных по происхождению с библейским текстом [Байрамова 2013; Бурукина 2013; Гехт 1997; Верещагин 1993; Дубровина 1995; Листрова-Правда 2001; Мокиенко 1998; Федуленикова 1997 и др.].

Раздел, посвященный исследованию религиозного дискурса в украинском языке, включен в монографию Н. Бабич. В книге рассматриваются языковые особенности жанров проповеди и молитвы, анализируется параллелизм лексем *блаженний* и *благословенний*, понятий *добро* и *зло*, грех (*grіх*) и искупление (*спокута*) и др. [Бабич 2012: 79–212].

Польская библейская лексика исследуется в работе Д. Беньковской и М. Каминьской [Bieńkowska, Kamińska 1990]. Достаточно распространены и сопоставительные исследования библеизмов [Адрианова 2013; Вальтер 2013; Kovačová 2013] и др.

Церковно-религиозный язык на «смешанных» этноконфессиональных территориях описывается в статьях [Krasowska 2011; Golachowska 2011] и др.

Ряд исследований посвящен народной религии, функционированию христианских реалий и терминов в народной среде. Проблема двоеверия, соотношения христианского и языческого в славянской культуре и языке раскрывается в работах В. М. Живова [Живов 1993] и Н. И. Толстого [Толстой 1996]. В монографии

Е. Л. Березович анализируются идеи и символы народной религии, проявившиеся в русской топонимии [Березович 2000: 199–351]. В исследовании И. В. Родионовой изучаются диалектные номинации, образованные от библейских антропонимов и топонимов [Родионова 2000]. Этноконфессиональные стереотипы, существующие в сознании жителей пограничных «христиано-еврейских» территорий, описываются в работах О. В. Беловой [Белова 2006; 2009; 2013а; 2013б; 2015].

В монографии С. Ю. Дубровиной осуществлен системный анализ функционирования христианской лексики в народных говорах, произведено описание семантических полей лексики веры и церкви, а также структурный анализ данного пласта слов [Дубровина 2005]. Однако в этой работе довольно мало внимания уделено образованию вторичных значений на основе христианской лексики.

Функционированию польской религиозной терминологии в народном сознании посвящена работа М. Каминьской [Kamińska 1993].

Ряд исследований сфокусирован на фигуре православного священнослужителя и ее восприятии в традиционной культуре. В первую очередь, фигура священника вписывается в ряд «чужих» с точки зрения крестьянства сфер деятельности, которым присваивается сакральный статус. Соотношение представлений о священнике и колдуне рассматривается в работе И. Н. Белобородовой [Белобородова 1997]. Образы носителей сакрального знания (скоморох, колдун, печник), среди которых и священник, описываются в статье В. А. Коршункова [Коршунков 2002].

Анализ особенностей образа священника в русской народной культуре осуществлен в статьях В. Ю. Макаровой [Макарова 2007; 2007а; 2008]. В названных работах к анализу в основном привлекается фольклорный и этнографический материал и практически отсутствуют системно-языковые данные. Преимущественно на основе фольклорного и этнографического материала построен также портрет священника в славянских культурных традициях, представленный в словаре «Славянские древности» [СД 4: 594–597].

В польской антропологии и лингвистике тоже выделяется ряд исследований, посвященных образу служителя культа. История названий польских священнослужителей рассматривается в работе А. Яблоньского [Jabłoński 1997]. Изучение стереотипа польского ксендза проводится в работе А. Поплавской [Popławska 2011]. Это исследование ограничено только современным литературным польским язы-

ком, а источником данных служит незначительное количество лексики и паремиологии; в наибольшей степени автор опирается на анкетные материалы, при сборе которых были опрошены две группы польской молодежи (учеников школ и гимназий) – не участвующей в костельных движениях и принимающей участие в приходских встречах или прислуживающих в костеле. Соответственно, результатом исследования стала реконструкция стереотипа ксендза, характерного для картины мира молодых поляков – наших современников.

Пословицы, художественные тексты и анкетные данные служат материалом для создания образа ксендза в статье А. Гранат [Granat 2009].

Особенности функционирования лексемы *ksiądz* в подгальских говорах изучаются в монографии М. Рака [Rak 2015: 120–126]. К анализу привлекались основные названия священнослужителей, их словообразовательные дериваты, фразеология, паремиология и народные песни, в которых эти названия функционируют. При этом исследование осуществлено на материале одной группы говоров, в нем практически не приведены семантические дериваты на основе обозначений священников и не затронут мотивационный аспект.

Языковой портрет польского ксендза обрисован также в работе И. Клешты [Kleśta 1998]. В исследовании А. Млотек [Młotek 1998] реконструируется языковой портрет польского монаха. В двух названных сочинениях анализу подвергается в первую очередь паремиология; лексические же факты фиксируются спорадически и практически не получают семантико-мотивационной реконструкции.

Есть отдельные труды и по инославянским языковым традициям. Например, языковым образам монаха и монастыря в болгарском языке посвящено исследование М. Витановой [Витанова 2012].

Насколько нам известно, практически не существует работ, посвященных системному этнолингвистическому исследованию русской, польской, украинской и белорусской лексики, обозначающей священнослужителей, составлению и контрастивному изучению языковых портретов духовенства в славянских языковых традициях.

По этой причине данный материал может быть выбран для нашей диссертации, в которой анализируется **портретирование как методика этнолингвистического исследования.**

Системно-языковые данные, которые используются в исследовании, отражают наиболее устойчивые и закреплённые в культуре фрагменты языковой картины мира. Именно поэтому в качестве базы для этнолингвистического портрета мы выбрали **деривационно-фразеологическое гнездо** – лексический комплекс, в который входят семантические и семантико-словообразовательные дериваты исследуемого слова, фразеология и паремиология с его участием [Березович 2014: 14]. Деривационно-фразеологическое гнездо помогает охарактеризовать потенциал ассоциативно-деривационной и фразеологической семантики того слова, которое является вершиной гнезда (см. [Там же]); тем самым может быть выявлен его коннотативный спектр.

Таким образом, **объектом** данного исследования являются деривационно-фразеологические гнезда, включающие в себя русские, польские, украинские и белорусские диалектные и общенародные семантические дериваты лексем, которые обозначают церковно- и священнослужителей, фразеологизмы и поговорки, в которых присутствуют эти обозначения.

Для выявления портретных черт и мотивационных признаков, составляющих портрет, применяются **методы** семантико-мотивационной реконструкции, ономастического, этимологического, контрастивного, семасиологического, и контекстного анализов. Используются также приёмы идеографической классификации и лингвостатистики.

Предмет исследования – структура и способы построения этнолингвистического портрета; при этом портретирование понимается как методика этнолингвистического исследования, а портрет – как способ представления результатов семантико-мотивационной реконструкции.

Следовательно, **цель** работы – охарактеризовать основные принципы портретирования в этнолингвистических исследованиях и закономерности организации этнолингвистических портретов (на материале языковых образов русского, украинского, белорусского и польского духовенства).

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- определить содержание понятий «портрет» и «портретирование» в современной лингвистической традиции;

- обозначить задачи и принципы портретирования в практике этнолингвистических исследований;
- охарактеризовать возможные способы систематизации информации для этнолингвистических портретов;
- выявить корпус русских, украинских, белорусских и польских обозначений служителей христианского культа, которые дают семантическое развитие в диалектах и общенародном языке;
- определить состав деривационно-фразеологических гнезд, вершинными словами которых являются обозначения служителей культа в исследуемых языках;
- произвести мотивационный анализ лексики каждого деривационно-фразеологического гнезда, выявить мотивы и мотивационные признаки, положенные в основу вторичных номинаций и фразеологизмов;
- осуществить семантическую реконструкцию «темных» в мотивационном отношении фактов славянской лексики, фразеологии и паремиологии, основанных на наименованиях служителей культа;
- определив релевантный объекту портретирования способ систематизации информации, составить этнолингвистический портрет на основе мотивов, реализующихся в каждом деривационно-фразеологическом гнезде;
- систематизировать входящие в портрет признаки по тематическому принципу, логическому статусу, характеру подачи информации, особенностям «принимающей» семантической сферы;
- сопоставить портреты разных служителей культа внутри одной языковой традиции и на межъязыковом уровне: определить уникальные черты, проявляющиеся в портретах отдельных служителей культа и в отдельных культурно-языковых традициях, а также признаки, объединяющие портреты всех служителей культа (или различных категорий служителей) во всех исследуемых лингвокультурных традициях;
- на основе полученных данных сделать выводы о структуре и закономерностях организации этнолингвистических портретов в зависимости от объекта портретирования, о принципах контрастивного изучения портретов.

Материал для данного исследования выбирался в несколько этапов¹.

При работе с русским языком для выделения опорных слов использовались «Словарь православной церковной русской культуры» Г. Н. Складневской [Складневская] и «Православный словарь» Н. Будур [Будур]. Кроме того, в список опорных слов были включены следующие лексемы, не представленные в словарях православной лексики: разг. *поп*, диал. *богомаз*, *проб*, *калогер*, *чернец*. Таким образом, в корпус исследуемой лексики вошли слова *алтарник*, *батюшка*, *викарий*, *владыка*, *диакон*, *дьяк*, *дьячок*, *епископ*, *зонарь*, *игумен*, *иерарх*, *иерей*, *инок*, *иподьякон*, *ирей*, *калогер*, *келарь*, *келейник*, *клир*, *ктитор*, *митрополит*, *монах*, *монахиня*, *монашка*, *наместник*, *насельник*, *настоятель*, *парох*, *патриарх*, *подвижник*, *пономарь*, *поп*, *послушник*, *предстоятель*, *пресвитер*, *псаломщик*, *регент*, *рясофор*, *священник*, *схимник*, *чтец*, *экзарх*.

Методом направленного отбора по производящей основе были просмотрены «Словарь русских народных говоров», «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Ботанический словарь» Н. Анненкова, «Архангельский областной словарь», «Большой толковый словарь донского казачества», «Словарь областного вологодского наречия» П. А. Дилакторского, «Смоленский областной словарь» В. Н. Добровольского, «Новгородский областной словарь», «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. И. Подвысоцкого, «Псковский областной словарь», «Словарь вологодских говоров», «Словарь говоров Русского Севера», «Словарь русских говоров Среднего Урала», «Словарь пермских говоров», «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей», «Словарь русских говоров Сибири», «Фразеологический словарь русских говоров Сибири», «Словарь фитонимов Среднего Приобья» В. Г. Арьяновой, «Народное православие на Тамбовщине» С. Ю. Дубровиной, «Словарь говоров Подмосковья» А. Ф. Войтенко, «Словарь псковских пословиц и поговорок», «Словарь русских говоров Алтая», «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия» и др. Выбирались наиболее полные и репрезентативные словари, а также те, которые позволяют охватить различные группы гово-

¹ Пользуясь случаем, выражаем сердечную благодарность белорусским, украинским и польским коллегам – проф. Т. В. Володиной (Минск), П. Е. Гриценко (Киев), А. Тырпе (Краков), Е. Бартминьскому, С. Небжеговской-Бартминьской (Люблин) за возможность работать с источниками славянского языкового материала, в том числе неопубликованными.

ров. Словари фитонимической лексики просматривались по той причине, что начальный сбор материала дал представление о том, что среди семантических дериватов от наименований священнослужителей нередко встречаются фитонимы.

Кроме того, методом направленного поиска материал выбирался из неопубликованных картотек диалектной лексики, основанных на полевом материале, собранном экспедициями Уральского федерального университета на Русском Севере и в Верхнем Поволжье (ТЭ УрФУ). В сборе лексики в течение 9 полевых сезонов принимал участие и автор настоящего исследования. Во время этих полевых сезонов сотрудники экспедиции уделяли особое внимание направленному сбору элементов деривационного-фразеологических гнезд с вершинными словами *поп*, *монах* и др.

Источниками паремиологического материала послужили «Пословицы русского народа» В. И. Даля, «Сборник российских пословиц и поговорок» И. И. Иллострова, «Русские народные пословицы и притчи» И. М. Снегирева, «Словарь псковских пословиц и поговорок», а также «Загадки русского народа» Д. Н. Садовникова.

В результате анализа **русского материала** было выявлено 17 лексем, получивших семантическое развитие в говорах и вошедших в состав фразеологизмов или паремий: *архидьякон*, *архиерей*, *архимандрит*, *богомаз*, *дьякон*, *звонарь*, *игумен*, *инок*, *калогер*, *митрополит*, *патриарх*, *пресвитер*, *проб(ст)*, *пономарь*, *поп*, *монах*, *чернец*.

Для сбора фактов **украинского языка** методом направленного поиска были просмотрены словари украинских диалектов и литературного языка «Словарь украинского языка («Словник української мови») Б. Гринченко, «Словарь западно-полесских говоров» («Словник західнополіських говірок») Г. Л. Аркушина, «Гуцульские говоры: короткий словарь» («Гуцульські говірки: короткий словник»), «Словарь полесских говоров» («Словник поліських говірів») П. С. Лисенко, «Словарь говоров Центральной Бойкивщины» («Словник говірок Центральної Бойківщини»), «Словарь бойковских говоров» («Словник бойківських говірок») М. И. Онишкевича, «Словарь говоров Нижнего Поднепровья» («Словник говірок Нижньої Наддніпрянщини») В. А. Чабаненко, «Фразеологический словарь украинского языка» («Фразеологічний словник української мови»), «Фразеологический

словарь лемковских говоров» («Фразеологічний словник лемківських говірок»), «Фразеологический словарь говоров Житомирщины» («Фразеологічний словник говірок Житомирщини») Г. М. Добролежи и др. Привлекаются также неопубликованные данные картотеки словаря украинских говоров Закарпатской области Н. А. Грицака, хранящейся в Институте украинского языка НАН Украины.

Источниками украинской паремиологии послужили «Пословицы и поговорки» («Прислів'я та приказки»), «Украинские поговорки, пословицы и тому подобное» («Українські приказки, прислів'я і таке інше») М. Номиса, «Устойчивые народные сравнения в говорах Центрального Полесья и смежных территорий» («Постійні народні порівняння в говірках Середнього Полісся та суміжних територій») Г. М. Добролежи, «Закаленное слово: устойчивые сравнения в говорах Нижнего Поднепровья» («Гартоване слово: постійні порівняння в говірках Нижньої Наддніпрянщини») В. Чабаненко и др.

В результате из списка слов, проверенного нами по диалектным словарям и сборникам пословиц и поговорок (*абат, батюшка, біскуп, вікарій, домініканець, духовний, дяк, дячок, законник, еміненція, єзуїт, єпископ, ігумен, ієрей, інок, калугер, канонік, кантор, капелан, каплан, капуцин, кардинал, костельний, ксьондз, мніх, монах, органіст, паламар, панотець, Папа, папіж, парох, піп, плебан, пресвітер, пробст, регент, священник, чернець* и под.), было отобрано 14 лексем: *алілуйко, архієрей, батюшка, бенедиктинець, біскуп, дяк, єзуїт, законник, капуцин, ксьондз, монах, папіш, піп, чернець*.

Для сбора белорусской лексики и фразеологии привлекались «Словарь говоров центральных районов Белоруссии» («Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі»), «Туровский словарь» («Тураўскі слоўнік»), «Диалектный словарь восточной Могилевщины» («Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны») И. К. Белькевича, «Витебский диалектный словарь» («Віцебскі краёвы слоўнік») М. Касперовича, «Растительный мир: тематический словарь» («Раслінны свет: тэматычны слоўнік»), «Сельское хозяйство: тематический словарь» («Сельская гаспадарка: тэматычны слоўнік»), «Словарь фразеологизмов белорусского языка» («Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы»), «Словарь диалектной фразеологии Гродненщины» («Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны»), «Белорусская

фразеология: фразеологизмы, их значение, использование» («Беларуская фразеалогія: фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне») Ф. Янковского и др.

Паремиология извлекалась из «Словаря белорусских народных сравнений» («Слоўнік беларускіх народных параўнанняў»), «Толкового словаря пословиц» («Тлумачальны слоўнік прыказак»), «Пословиц и поговорок» («Прыказкі і прымаўкі») А. Аксамитова и др.

В качестве справочного материала использовался «Энциклопедический словарь религиозной лексики белорусского языка» («Энцыклапедычны слоўнік рэлігійнай лексікі беларускай мовы»).

В список проверяемых по словарям опорных слов вошли *арганіст, архібіскуп, архіепіскап, архідыякан, архіерэй, архімадрыт, архіпастар, бенедыкцінец, бернардзінец, біскуп, вікарый, дамініканец, дзяк, дыякан, дэкан, езуіт, епіскап, званар, іааніт, ігумен, іерарх, іерэй, ілюмінат, інак, інквізітор, канонік, кантар, капелан, капуцын, кардынал, кармеліт, касцельн, ксёндз, легат, манах, мітрапаліт, мніх, нунцый, Папа Рымскі, парохус, паслушнік, пастар, патар, патрыярх, плябан, поп, прыёр, прымас, прэлат, прэсбітар, псалміст, псаломшчык, пустэльнік, рэгент, святар, скітнік, схімнік, уладыка, урсалінка, францысканец, цэлесцінец, экзарх, эмініцыя*. Обнаружено, что семантическое развитие в говорах получили 11 лексем: *арганіст, архіерэй, дзяк, езуіт, законнік / законніца, ігумен / ігумення, ксёндз, манах, панамар, поп, пустэльнік*.

Для выделения опорных **польских лексем** использовались «Католическая энциклопедия» («Encyklopedia Katolicka»), а также польский диалектный идеографический словарь «Сравнительный словарь трех малопольских деревень» («Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich») М. Куцалы. В результате был составлен список польских обозначений служителей культа: *abbreviator, adoratki, altarysta, antypapież, arcibiskup, arhidiakon, archimandryta, archiprzebiter, arcybiskup, arcykapłanka, bartoszek, benedekyn, bernardyn, biskup, braciszek, diaczek, diakon, dziekan, duchowny, duszpasterz, dzwonnik, cystersi, egzarcha, egzorcyst, eminencja, eucharyst, ewangelik, franciszkan, igumen, jezuit, jozefit, kalikant, kapucyn, karmelit, kanclerz, kanonik, kantor, kapelan, kapłan, kardynał, katechista, klecha, kleryk, kościelny, ksiądz, kustosz, legat, lektor, mafrian, mansjonarz, metropolita, mibistrant, misjonarz, mnich, mniszka, monstrancja, nastawnik, neoprezbiter, nowicjusz, nuncjusz,*

ojciec, opat, ordynariusz, organista, papież, parochus, paulin, pijarz, pleban, pop, prałat, prepozyt, prezbiter, proboszcz, przeor, psalmista, psalterzysta, pustelnik, reformat, rektor, religiant, subdiakon, szarytan, teolog, wikarius, władyka, zakonnica, zakonnik, zmartwychwstaniec.

Данный корпус лексики проверялся по польским диалектным и литературным словарям. Методом направленного отбора были просмотрены «Словарь польского языка» («Słownik języka polskiego») В. Дорошевского, «Словарь польских говоров» («Słownik gwar polskich») Я. Карловича, «Словарь польских народных говоров» («Słownik gwar polskich») под ред. М. Карася, «Диалектный словарь Тешинской Силезии» («Słownik gwarowy Śląska Cieszyńskiego»), «Словарь оравского говора» («Słownik gwary Orawskiej»), «Словарь говоров Острудского, Вармии и Мазур» («Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur»), «Фразеологический словарь польского языка» («Słownik frazeologiczny języka polskiego») С. Скорупки, «Словарь кашубских говоров на фоне народной культуры» («Słownik gwar Kaszubskich na tle kultury ludowej») Б. Сыхты. Источником значительной части лексического материала послужили также этнолингвистический архив Университета Марии Кюри-Склодовской (Люблин) и картотека «Словаря польских говоров» (отдел диалектологии Института польского языка ПАН, Краков). Следует отметить, что это большей частью не опубликованные еще материалы, содержащие, кроме прочих, данные полевых сборов. Источником паремиологического материала стала «Новая книга польских пословиц и пословичных выражений» («Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich»).

Таким образом, было выявлено 27 слов, получивших семантическое развитие в польской языковой традиции и вошедших в состав фразеологизмов и паремий: *benedyktyn, bernardyn, biskup, dominikan, duchowny, eminencja, jezuita, kanonik, kantor, kapelan, kapłan, kapucyn, kardynał, karmelita, kościelny, ksiądz, mnich, opat, organista papież, prałat, pleban, pop, proboszcz, pustelnik, wikary, zakonnik.*

В качестве справочной литературы привлекались также исследования, посвященные истории и описанию быта приходских священников и монашествующих: А. Р. Андреев «Монашеские ордена» [Андреев 2003], Л. Мулен «Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы. X–XV века» [Мулен 2002],

Л. П. Карсавин «Монашество в Средние века» [Карсавин 1912], А. Н. Розов «Священник в духовной жизни русской деревни» [Розов 2003] и др.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной этнолингвистике и общей теории языка не подвергалась еще методологической рефлексии этнолингвистическое портретирование, являющееся, как представляется, эффективной методикой организации и представления результатов этнолингвистического исследования. Кроме того, в славистике отсутствуют сопоставительные работы, в которых рассматриваются общие и уникальные черты, формирующие языковые образы священнослужителей.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые на основе комплексного лингвистического анализа деривационно-фразеологических гнезд русских, украинских, белорусских и польских обозначений служителей культа охарактеризованы закономерности организации этнолингвистического портрета: особенности объекта портретирования, принципы структурирования и подачи информации, составляющей портрет, возможности сопоставления портретов. В научный оборот введен новый лексический и фразеологический материал, в том числе извлеченный из неопубликованных русских, польских и украинских полевых источников. Осуществлена семантическая реконструкция ряда лексем, «темных» в мотивационном отношении.

Теоретическая значимость заключается в том, что в диссертации осуществлена разработка принципов и методики этнолингвистического портретирования, а также контрастивного изучения портретов реалий, выполненных на материале разных языков. Выводы диссертации могут представлять интерес для методологии языкознания, этнолингвистики, контрастивной семантики.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования предложенной методики и представленного материала в практике вузовского преподавания – в курсах по диалектологии, этнолингвистике, славистике, мотивологии и семантике. Материалы и выводы исследования могут быть использованы в практике составления этнолингвистических словарей славянских языков.

Степень достоверности результатов определяется достаточным объемом проанализированного материала (1925 лексических единиц и паремий, на основе которых составлено 69 этнолингвистических портретов), а также использованием

адекватных поставленным целям и задачам методик анализа, позволяющих построить этнолингвистические портреты служителей христианского культа и на их примере охарактеризовать основные закономерности реконструкции и сопоставления этнолингвистических портретов.

Апробация работы. Основные положения были изложены автором в докладах на II и III международных научных конференциях «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2012, 2015), Втором всероссийском совещании славистов (Москва, 2013), III Всероссийском конгрессе фольклористов (Москва, 2014), Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы лингвистического краеведения», посвященной 80-летию доцента кафедры русского языка К. Н. Прокошевой (Пермь, 2014), Международной конференции молодых ученых «Фольклористика и культурная антропология сегодня» (Москва, 2015), I конференции студентов и аспирантов «Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика» (Санкт-Петербург, 2012), XVIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2011), межвузовской конференции молодых ученых «Слово в традиционной и современной культуре» (Екатеринбург, 2010, 2011, 2013, 2014). По теме исследования опубликовано 17 работ, из них 4 в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура работы обусловлена ее задачами.

Первая глава содержит изложение теоретических основ исследования. В ней дается анализ портретирования как способа представления результатов этнолингвистического исследования. Рассмотрены различные понимания термина *портрет* в лингвистике (портрет языковой личности, языковой портрет города, лексикографический портрет и др.), а также методики портретирования в «широкой» и «узкой» этнолингвистике (когнитивная дефиниция, тезаурусное описание языка фольклора, схемы описания реалий Московской этнолингвистической школы, ономаσιологический портрет).

Во **второй главе** определены особенности объекта портретирования, предложены принципы и структура этнолингвистического портрета и представлены собственно этнолингвистические портреты служителей христианского культа в русском, польском, украинском и белорусском языках.

Поскольку чины христианского духовенства организованы по принципу жесткой иерархии, значимой не только для внутренней церковной жизни, но и для народного сознания, эту иерархию мы положили в основу расположения этнолингвистических портретов. Так, в состав глав входят этнолингвистические портреты двух больших групп реалий: церковно- и священнослужителей², последняя из которых, в свою очередь, подразделяется на группы немонастырского³ и монастырского духовенства. Разделение духовенства на монастырское и немонастырское условно соответствует православному делению на «черное» и «белое», однако эта классификация нерелевантна католической культуре, поэтому мы приняли решение унифицировать метаязык описания. В украинском и польском языках внутри лексики, обозначающей монастырское духовенство, выделяется подгруппа названий монашеских орденов. Так как по данным белорусского языка можно реконструировать лишь один портрет орденского монаха – иезуита, мы сочли нецелесообразным выделять его в отдельную группу. «Персонажи» в составе групп и подгрупп расположены в соответствии с их местом на церковной иерархической лестнице: от низшего к высшему.

В начале большинства портретов дается справка относительно происхождения слова, являющегося вершиной деривационно-фразеологического гнезда, на основе которого строится портрет. Но так как наборы портретов и, соответственно, «вершинные» лексемы в исследуемых языках пересекаются, этимология приводится только один раз – при первом упоминании лексической единицы: например, этимологическая справка к слову *поп* дается в главе, посвященной русскому языку, а для соответствующих польских, украинских и белорусских слов (*pop*, *pin*, *pop*) не приводится. В очевидных случаях (например, *duchowny* или *benedyktyn*) этимология не указывается.

² При разделении портретов служителей культа на данные две группы мы следуем за принятой в христианской церкви иерархией. В ней, соответственно, выделяется группа священнослужителей – высших клириков, имеющих возможность проводить богослужения; посвящение в которые проходит через таинство хиротонии (рукоположение, проводимое епископом в алтаре во время литургии), и группа церковнослужителей – низших клириков, помогающих при богослужении, для посвящения в которые проходят через обряд хиротесии (возложение руки епископа вне алтаря во время чтения часов). В качестве синонима словам *церковнослужитель* и *священнослужитель* в данном исследовании используется слово *духовенство*.

³ В эту группу входят образы представителей духовенства, которые, как правило, взаимодействуют с паствой.

В **третьей главе** выявляются закономерности организации этнолингвистических портретов служителей культа. В первом параграфе представлен совокупный этнолингвистический портрет служителя культа на материале всех исследуемых языков. Производится сопоставление портретов в отдельных языках, выявление общих и особенных черт и мотивов. Во втором параграфе рассматриваются основные тематические сферы «принимающих» лексем. Анализируются способы реализации составляющих портрет мотивов и типы лексико-семантических межъязыковых параллелей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Народные представления о конкретных объектах действительности (в том числе персонажах), отраженные в вербальных кодах традиционной культуры, могут быть реконструированы с максимальной полнотой с помощью методики этнолингвистического портретирования. Этот способ комплексного представления результатов этнолингвистического исследования позволяет выявить структуру и основные черты языковых образов и сопоставить образы, сложившиеся в разных лингвокультурных традициях.

2. Ядро стереотипных знаний о реалии отражено в языковых фактах, закреплённых в системе языка. Имя портретируемой реалии является вершинным словом деривационно-фразеологического гнезда, включающего в себя семантические и семантико-словообразовательные дериваты на основе этого слова, а также фразеологизмы (и в необходимых случаях поговорки) с его участием. Портрет строится на основе признаков и мотивов, выявленных посредством семантико-мотивационного, ономастического и контекстного анализа лексики, составляющей такие гнезда.

3. Важными параметрами этнолингвистического портрета являются степень субъективности мотивов (выделяются объективные и субъективные мотивы) и их логический статус (мотивы делятся на качественные, акциональные, ситуационные, мотивы-атрибуты, мотивы-партнеры; этот список, вероятно, может быть расширен).

4. Этнолингвистические портреты реалий должны иметь такую структуру, которая позволяет сравнивать их на разных уровнях: между разными диалектами одного языка; между разными языками; между разными субстанциональными

кодами одной лингвокультурной традиции; между разными хронологическими пластами, относящимися к одной и той же лингвокультурной традиции; между разными лингвокультурными традициями.

5. Для систематизации информации, организующей этнолингвистический портрет, целесообразно использовать тематический принцип, позволяющий наиболее последовательно отразить содержание народных представлений о реалии. В частности, в составе портретов служителей культа, реконструируемых на основе славянских лингвокультурных традиций, выделяются группы мотивов, характеризующие внешний вид, возраст, интеллект, поведение и личностные качества, образ жизни, хозяйство, семью, обрядовые действия, социальное положение и отношение к сфере сверхъестественного.

6. Степень детализации информации, отраженной в портрете, определяется как условиями контактов номинаторов с реальией, так и внутриязыковыми факторами – например, выразительностью звукового облика слова и его контаминационной активностью. Говоря о портретах священнослужителей, следует отметить, что в наибольшей степени детализированы портреты православного попа и католического ксендза, в наименьшей – православных и некоторых католических высших чинов (архимандрита, митрополита, каноника) и католических низших чинов (костельного, кантора).

7. Показательную в этнолингвистическом плане информацию дает анализ реципиентных семантических сфер, которым принадлежат значения семантических дериватов, образованных от вершинных слов каждого деривационно-фразеологического гнезда. Например, семантические дериваты на основе обозначений служителей культа номинируют: а) растения; б) животных; в) предметы быта; г) игры и игровые принадлежности; д) физические свойства человека; е) черты характера и интеллект; ж) образ жизни человека; з) особенности речи; и) состояние болезни и смерти.

8. Методика этнолингвистического портретирования позволяет сопоставить отдельные портреты и их совокупности («галереи»), реконструируемые по данным различных лингвокультурных традиций. При этом могут быть выявлены как константы, характерные для «галереи» в целом, так и уникальные мотивы. В результате сравнения портретов служителей культа в славянских языках выявлены

различия в восприятии этих образов носителями православной и католической культур. Для наивных образов православных священнослужителей специфичны такие разноплановые детали, как прямостоячая поза, длинные волосы, наличие семьи (жены); для католических – красный, фиолетовый или коричневый цвет одеяния, занятия травничеством, нечистоплотность, трудолюбие.

9. В ходе изучения портретов целесообразно сопоставить между собой их ряды, объединенные тематической близостью портретируемых реалий. Так, в портретах немонастырского духовенства в большей степени проявлены мотивы и признаки, отражающие внешний вид (одежда, прическа, головной убор, фигура) и обрядовые действия (крещение, венчание, погребение), а в портретах монастырского – особенности поведения и образа жизни (уединенность, аскетичность).

10. При сопоставлении мотивной структуры деривационно-фразеологических гнезд выявляются семантико-мотивационные параллели, образованные на основе обозначений различных реалий. Обнаружение таких параллелей помогает осуществить реконструкцию ряда «темных» фактов на основе лексических единиц с ясной мотивацией. На основе методики семантико-мотивационных параллелей были предложены решения для рус. диал. *поп* ‘прямостоящий предмет’, ‘головастик’, рус., укр. диал. *монах*, польск. *mnich* ‘водоспуск у плотины’, кашуб. *vikari jaχał (přejaχał)* <викарий ехал (приехал)> ‘о подгоревшем блюде’, польск. диал. *kapucyńskie śniadanie* <капуцинский завтрак> ‘нюхательный табак’ и др.

ГЛАВА 1.

ПОРТРЕТИРОВАНИЕ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ:

ОБЩИЙ ОБЗОР

Лингвистике известны различные понимания термина *портрет* и различные способы его конструирования. Из-за своей образности это слово не отличается терминологической безупречностью и не имеет единого общепринятого толкования. С одной стороны, любое описание, обладающее достаточной степенью полноты, можно назвать портретом. С другой стороны, термин *портрет* коррелирует с иным термином, имеющим в основе живописную метафору, – *языковая картина мира* («совокупность суждений о свойствах и способах существования объектов внеязыковой действительности, суждений, в той или иной степени закрепленных в языке, заключенных в значениях слов или подразумеваемых этими значениями» [Bartmiński, Tokarski 1986: 72]), и, следовательно, является одним из способов воссоздания языковой картины мира.

В настоящем исследовании речь идет об этнолингвистическом портрете реальности, имеющей культурную значимость. Такой портрет мы считаем единицей воссоздания языковой картины мира. В портрете представлена система признаков объекта, актуализирующихся в народной культуре. В этом плане портрет, в отличие от минимальной структурной дефиниции слова, называющего реальию, во-первых, включает в себя все признаки, свойственные или приписываемые реалии, а не только необходимые и достаточные; во-вторых, отражает изучаемый объект с позиции наивного языкового знания; в-третьих, позволяет сопоставить образы одного и того же объекта в разных языках и близких реалий внутри одного языка.

Чтобы понять специфику этнолингвистического портретирования, вначале обратимся к истории использования термина *портрет* в лингвистике, а затем охарактеризуем параметры этнолингвистического портрета и методику его конструирования. Отсюда структура данной главы.

- 1.1. О термине *портрет* в практике лингвистических исследований.
- 1.2. Портретирование в лингвокультурологических и этнолингвистических исследованиях.
 - 1.2.1. Портретирование в «широкой» этнолингвистике.

1.2.1.1. Когнитивная дефиниция.

1.2.1.2. Тезаурусное описание языка фольклора.

1.2.1.3. Схемы описаний реалий в практике исследований
Московской этнолингвистической школы.

1.2.2. Портретирование в «узкой» этнолингвистике.

1.2.2.1. Ономаσιологический портрет.

1.2.2.2. Этнолингвистический портрет.

1.3. Объекты портретирования в этнолингвистике.

1.4. К вопросу о способах систематизации информации, составляющей этнолингвистический портрет.

1.5. Принципы сопоставления этнолингвистических портретов по данным разных языковых традиций и субстанциональных кодов культуры.

1.1. О термине *портрет* в практике лингвистических исследований

В лингвистике существует несколько пониманий термина *портрет*. С одной стороны, сложилась традиция говорить о лингвистическом или социально-речевом **портрете языковой личности**. В данном случае под портретом понимается характеристика речи индивида или группы, в которую входит этот индивид, а также описание тактики его речевого поведения. Впервые такое понимание термина проявилось в *фонетическом портрете*, идею которого выдвинул М. В. Панов. Им был создан ряд фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых XVIII–XX вв. [Панов 1990].

В дальнейшем понятие расширилось до *речевого портрета* и получило отражение в работах других исследователей [Ерофеева 1990; Николаева 1991; Китайгородская, Розанова 1995; Голев, Шпильная 2014 и др.]. Были составлены речевые портреты современного человека [Винокур 1989], ребенка [Земская 1990], русского интеллигента [Крысин 2001], современного студента [Леорда 2006], студента-филолога [Солодянкина 2012], красноярских толкиенистов [Воронина 1999], думского политика-либерала [Царьков 2012] и многие другие.

В определенной степени подобное понимание термина используется при составлении **языкового портрета города**, построенного, в первую очередь, на осно-

ве его топонимикона [Котлярова 2013; Яковлева, Демичева, Еременко 2013 и др.], а также на анализе устной речи горожан [Шкатова 1988].

Термин **лексикографический портрет** впервые был использован Ю. Д. Апресяном. Портрет такого типа «должен давать исчерпывающую характеристику всех лингвистически существенных свойств лексемы, выполненную в рамках интегрального описания языка» [Апресян 1995: 503]. Установка на интегральность предполагает, что «каждой лексеме должны быть явным образом приписаны все свойства, обращения к которым могут потребовать какие-либо лингвистические правила. В число последних включаются не только собственно грамматические, но семантические, прагматические, коммуникативные и иные правила. Из этой установки почти автоматически следует, что микромир лексемы должен быть представлен в словаре с учетом всех тех связей и взаимодействий, которые определяют ее жизнь в языке и ее поведение в составе высказывания» [Там же: 503–504]⁴. Реализован этот подход был в «Новом объяснительном словаре синонимов» [НОСС], словаре активного типа, опирающемся на принципы системной лексикографии и настроенном на отражение языковой картины мира. Портретирование такого рода применяется не только представителями Московской семантической школы под руководством Ю. Д. Апресяна, но и используется за ее пределами (ср., например, кандидатскую диссертацию О.В. Павлиновой, посвященную портретированию лексемы *словно* в современном русском языке [Павлинова 2017]).

Таким образом, в современной лингвистике закрепились практика лингвистического портретирования. При этом используются преимущественно два разноплановых объекта портретирования: во-первых, носитель языка (личность или социально-территориальная группа), во-вторых, центральная единица языковой системы – лексема в ее функционировании и семантических связях. В каждом из пе-

⁴ Например, портрет глагола *быть* включает морфологическую информацию (сведения о парадигме, варианты морфов для выражения одного и того же грамматического значения, сведения о видовом корреляте и ограничениях на формы вида, времени, наклонения, лица, числа, информацию об участии в образовании аналитических форм), стилистическую информацию, семантическую информацию (аналитическое толкование лексического значения, сведения о возможных семантических противопоставлениях внешне различных манифестаций одной и той же грамме, семантические модификации словарного толкования в различных семантических конструкциях и грамматических формах, ограничения на возможности реализации некоторых грамматических значений в определенных синтаксических конструкциях или грамматических формах, синтаксические употребления внутри одного лексического значения, парадигматические семантические связи), прагматическую, просодическую и коммуникативную информацию [Апресян 1995: 514–515].

речисленных случаев при составлении портрета используется в основном материал литературного языка. Нас же интересуют преимущественно варианты портретов, реконструирующие народные представления о реалии, основанные в том числе на диалектных материалах. О них речь пойдет далее.

1.2. Портретирование в лингвокультурологических и этнолингвистических исследованиях

1.2.1. Портретирование в «широкой» этнолингвистике

1.2.1.1. Когнитивная дефиниция

Одним из вариантов портрета реалии, отраженной в языке и народном сознании, является когнитивная дефиниция, концепция которой была разработана польским ученым Е. Бартминьским и его коллегами – представителями Люблинской этнолингвистической школы. Данный термин используется для определения дефиниции, которая «направлена на извлечение когнитивной информации, закрепленной в языке, и способа структурирования этой информации через язык» [Бартминьский 2005: 58; Bartmiński 2012: 45].

В отличие от таксономической дефиниции, которая оперирует, как правило, элементами научного знания, когнитивная опирается на обыденное сознание и, следовательно, учитывает совокупность всех признаков, релевантных для функционирования предмета и его наименования в культуре и в языке.

Когнитивная дефиниция используется как способ экспликации стереотипа, т. е. «представления о предмете, сформировавшегося в рамках определенного коллективного опыта и определяющее то, что этот предмет собой представляет, как он выглядит, как действует, как воспринимается человеком и т. п., <...> которое воплощено в языке, доступно нам через язык и принадлежит коллективному знанию о мире» [Бартминьский 2005: 68]. Таким образом, объектом когнитивной дефиниции является не слово, как в таксономических дефинициях языковых словарей, и не реальные предметы, как в энциклопедических статьях, а «семантические корреляты, стоящие между словами и предметами, иначе говоря, коллективные образы предметов» [Там же].

Для составления когнитивной дефиниции и выявления черт стереотипа привлекается три типа данных.

1. Системно-языковые. В их число входят словарные дефиниции, словообразовательные дериваты лексемы, семантические дериваты и метафорические употребления, словосочетания, фразеологизмы, этимологические данные. Они позволяют учитывать наиболее традиционный и закреплённый пласт в содержании стереотипа.

2. Анкетные. С помощью специальных вопросов осуществляется доступ к сознанию носителей языка, выявляются коннотации, которые не закреплёны в системе языка, и устанавливается степень устойчивости закреплённых. Испытуемому предлагается несколько типов тестов: требуется дать определение изучаемой лексеме, выявить признаки «типичного» и «настоящего» объекта, названного исследуемой лексемой, привести одно слово, которое лучше всего характеризует объект, составить сочетания с названием объекта или его словообразовательными дериватами и др. Кроме того, проводится «but-тест» (респондентам предлагается дополнить предложение, построенное по противительной модели: «Он – X, но...»).

3. Текстовые. Исследуются тексты разных типов: клишированные, передающие обыденное и традиционное знание, и индивидуальные, передающие новое знание, часто не принятое обществом [Бартминьский 2005: 192–208; Bartmiński 2012: 153–162].

Таким образом, к исследованию привлекаются достаточно разнородные факты. И если системно-языковые данные и клишированные тексты, очевидно, помогают реконструировать образ реалии, существующий в коллективном сознании, то на основе анкетных опросов и индивидуальных текстов в большинстве случаев реконструируется фрагмент индивидуальной картины мира. Кроме того, привлечение современных публицистических текстов и результатов опросов городского населения переводит исследование преимущественно в синхронный план и приводит к тому, что когнитивная дефиниция описывает общенародный, а не исключительно традиционный образ реалии.

В качестве метаязыка когнитивной дефиниции используется общенародный язык в его разговорном варианте; основным ее компонентом является предложе-

ние, а не название отдельного признака. Предложения упорядочены в рамках дефиниции в соответствии с семантическими категориями (фасетами)⁵.

Галерея стереотипов, характеризующих народную картину мира, представлена в «Словаре народных стереотипов и символов», который издается люблинскими этнолингвистами под руководством Е. Бартминьского и Ст. Небжеговской-Бартминьской [SSSL]. Словарь включает 7 тематических разделов: «космос»; «растения»; «животные»; «человек»; «общество»; «религия и демонология»; «время, пространство, мера, цвет». Словарная статья состоит из двух частей, связанных взаимными цифровыми отсылками. Первая («экспликация») представляет собой собственно когнитивную дефиницию (портрет реалии), содержащую приписываемые объекту народной культурой признаки, объединенные в фасеты. Вторая часть («документация») содержит материал, на основе которого составлен портрет: цитаты из фольклорных текстов, а иногда их пересказ или резюме, в которых встречается трактуемое слово, и формулировки «мотивов», представленных в этих цитатах. Вариантами портретов можно считать имеющиеся в словаре статьи: СОЛНЦЕ, МЕСЯЦ, ОГОНЬ, КАМЕНЬ, ПЕСОК и др.

Подобный подход к исследованию стереотипа активно применяется в рамках Люблинской этнолингвистической школы, он представлен в работах, посвященных образам поляка [Lappo 2005; Bartmiński, Mavrič, Rzeutka 2005; Skibińska 2005], россиянина [Bartmiński, Lappo, Majer-Baranowska 2002; Lappo 2002], африканца [Wysocka 2002], образу дома [Bartmiński, Bielińska-Gardziel 2015; Kozłowska-Doda 2015; Misiak 2015] и многим другим.

Строгое следование единой методике исследования и иерархическая структура когнитивной дефиниции позволяют использовать ее в контрастивных исследованиях. Подобный опыт осуществляется в рамках международного проекта «EUROJOS – культурно-языковой образ мира славян и их соседей на сравнитель-

⁵ Например, в стереотипе *matka* выделяются **биологические** признаки (имеет ребенка, кормит грудью, передает ребенку свои черты), а также **психические** (эмоциональная, понимающая, умная, мудрая, строгая, нежная, сердечная, добрая, принимает детей такими, какие они есть, к ней относятся нежно и сердечно, ее любят), **социальные** (заботится, помогает, защищает, занимает важную позицию в группе, учит детей, наказывает, бьет детей, дает советы детям, учит дочь работать, дети должны слушаться мать, ребенок благодарен матери за опеку), **бытовые** (управляет домом, отдает распоряжения, обременена работой, для детей она единственная и незаменимая, в самых трудных ситуациях она узнает своего ребенка, выдает дочь замуж) и **этические признаки** (она образец для подражания, самоотверженная, жертвенная, бескорыстная) [Бартминьский 2005: 212; Bartmiński 2012: 155–156].

ном фоне», осуществляемого группой исследователей (преимущественно славистов) под руководством Е. Бартминьского (среди них Д. Айдачич, И. Белинска-Гардзел, М. Бжозовска, И. Ванькова, Б. Живицка, А. А. Кожина, С. В. Мартинек, Д. Пазио-Влазловска, С. Ристич, П. Сотиров, М. Стефанович, В. Хлебда, Л. Л. Федорова, О. Е. Фролова, А. В. Юдин и др.). Проект нацелен на параллельный семантический анализ названий основных ценностей в языках народов Европы («честь», «дом», «Европа», «свобода», «работа» и др.) и дальнейшее межъязыковое и межкультурное сравнение. Отметим, что в этом случае предметом портретирования становятся не только предметно-чувственные, но и абстрактные объекты. В рамках проекта проведено несколько международных научных конференций, выпущены серии статей, объединенных впоследствии в коллективные монографии [LASIS 2015, LASIS 2016 и др.]

Таким образом, когнитивную дефиницию следует считать вариантом портрета реалии, отраженной в национальном языке и культуре. При этом результатом портретирования является общенародный образ предмета, включающий и традиционные представления, и представления, сложившиеся в современной городской среде, и, очевидно, ряд индивидуальных особенностей восприятия. В качестве материала привлекаются разнородные данные: языковые, текстовые, анкетные – при этом сопоставления реализации образов в разных культурных кодах в большинстве случаев не производится.

1.2.1.2. Тезаурусное описание языка фольклора

Близок к нашему пониманию портрета вариант тезаурусного описания ключевых слов конфессиональных текстов, представленный в работе С. Е. Никитиной [Никитина 2009]. Анализу подвергаются лексемы *человек, люди, духовборцы, народ, языки, род, мир, богатство, золото, убогий, сирота, пророк* в духовных стихах, псалмах духовборцев и молоканских духовных песнях. В большей степени исследование ориентировано на экспликацию текстовых, синтагматических связей фольклорного слова. «Схема словарной статьи представляет собой анкету, на пункты-вопросы которой заголовочное слово отвечает другим словом или словосочетанием того же языка (в данном случае языка фольклора)» [Никитина 2009: 42–44]. Таким образом, каждая словарная статья содержит набор тезаурусных функций (более 40), которыми обладает исследуемое слово в конфессиональных текстах. Кроме

непосредственно указания на семантические связи слова и отраженные в них свойства реалии, дается также общая информация о слове: количество словоупотреблений в корпусе, фонетические и морфологические варианты, грамматическая и словообразовательная информация⁶.

Так же, как и в случае с когнитивной дефиницией, иллюстрации выделяются в отдельный раздел и располагаются после тезаурусной части. Однако, как в лексикографическом портрете, предметом описания в данном случае является слово в его синтагматических связях, представленное в конфессиональных текстах, а не образ реалии.

⁶ Например, лексема *человек* в молоканских духовных песнях характеризуется по следующим функциям:

Общая часть

Заглавное слово и количество словоупотреблений: ЧЕЛОВЕК 56. Корпус: 76980 словоупотреблений, 724 песни.

Фонетические и морфологические варианты: нет. Грамматическая информация: мн. ч.: *человеки, человецы, люди*, зват. пад. *человече*. Словообразование: *человеколюбивый, человеческий, человечество*.

Тезаурусная часть

Эквиваленты: а) изофункциональные слова: *душа, раб божий*; б) синонимы-тропы (метонимия): *сердца* (для слова *человеки*).

Гиперонимы: *тварь*.

Главный элемент множества: *Христос*.

Части: *внутренность, душа, лицо, ребро, плоть, сердце, тело*.

Целое: *человечество*.

Внутренний атрибут/признак: а) эпитеты: *праведный, премудрый, совершенный, счастливый, убежденный* и др.; б) остальные атрибуты: *вечная жизнь, вера, дела, жизнь бессмертная/вечная; любовь* и др.

Посессор: *Бог, Владелец жизни нашей*.

Мера, кванторы, число, количество: *каждый, всякий, первый* (Адам), *один; век*.

Локус пространственный: *земля, белый свет, рай, ад, скиния Бога*.

Начальная точка: *С первого дня рожденья человек страдает*.

Действие, деятельность, восприятие, состояние, эмоции: а) фактическое: *человек живет, на Бога уповает, Богу угодил, человеку, кающемуся Тебе, всякий человек, на земле живущий*. б) потенциальное: *человеки жить будут вовеки, человеку нужно действовать справедливо* и др.

Действие (А – адресат/бенефициант): *сказано тебе, прощаешь всякому человеку, вложил в него мудрость, Ты объявил свободу всем человекам, Бог сам сказал человеку* и др.

Действие (А – пациенс): *Дух святой воскрешает и целит человека, человек избит, весь он ранами покрыт*.

Причина, каузатор, творец: *Бог создал человека, сотворил человека, премудрость создала человека*.

Следствие/созданное: *грех*.

Назначение/основная роль/цель: *спасение, [славить] Бога*.

Материал/источник: *создала премудрость человека из праха*.

Метаморфоза: *прах*.

Сравнение/параллелизм: *Человек ходит подобно призраку*.

Коммуникативный партнер: *Бог-судья, Бог-союзник, Христос, Святой Дух, ангелы и архангелы, помощница*.

Статус: *брат, сестра* (как член общины).

Этапы существования: *рождение, первая смерть, вторая смерть*. [Никитина 2009: 98–101].

1.2.1.3. Схемы описания реалий в практике исследований Московской этнолингвистической школы

Метод портретирования неоднократно использовался в исследованиях, проводящихся учеными Московской этнолингвистической школы под руководством Н. И. Толстого и С. М. Толстой. Материалами, на основе которых строится портрет, в этом случае становились данные языка, фольклорных текстов, обрядов, поверий, иконографии и орнаментики. Следовательно, такой портрет нацелен на реконструкцию традиционной точки зрения, проявленной во всех культурных кодах.

Московские этнолингвисты представили несколько серий различных портретов, но при этом не следовали единой структуре портрета для всех типов объектов. Для каждого вида объекта используется собственная типология признаков. Назовем несколько объектов портретирования.

1. Вариантом этнолингвистического портрета стала представленная на VI конгрессе по изучению стран Юго-Восточной Европы схема описания мифологического персонажа [Виноградова, Гура, Терновская, Толстая, Кабакова 1989: 78–85]. Набор составляющих портрет черт упорядочен по тематическому принципу (подробнее о структуре данного типа портретов см. в разделе 1.4). На основе этой схемы выстраиваются как описания нескольких персонажей в одной лингвокультурной традиции (ср. [Кабакова 1989]), так и сопоставительные исследования, основанные на материале различных культурных традиций. Сравнению восточнославянской русалки, западнославянской богинки, болгарской самодивы и сербской ви́лы посвящена работа Л. Н. Виноградовой и С. М. Толстой [Виноградова, Толстая 1989]. На все четыре образа накладывается единая схема описания, что позволяет выявить их типологические сходства и своеобразные черты. Сопоставление целого ряда мифологических персонажей лужицкой традиции с другими славянскими, которое производит А. В. Гура [Гура 1989], дает возможность определить набор черт, связывающий маргинальный лужицкий ареал с другими славянскими зонами, и установить их генетические особенности.

2. По схеме, подобной описанию мифологических персонажей, строятся портреты животных, представленные в монографии А. В. Гуры [Гура 1997]. Исследователь придерживается того же тематического способа подачи черт, что и в предыдущем случае. В обоих названных работах портреты реконструируются на

основании тех признаков, которые могут быть реконструированы по данным разных субстанциональных кодов традиционной культуры в комплексе, но при этом не отмечаются различия в наборе черт, отраженных в разных кодах.

3. Примером портрета представителя этнической группы стал портрет еврея, которому посвящены работы О. В. Беловой [Белова 2012; 2013].

4. Специфическую структуру имеют портреты деревьев, созданные Т. А. Агапкиной. Общая модель описания дендросимволов представлена в статье «Деревья в традиционной культуре славян: проблема системного описания» [Агапкина 2012]. Одна из целей построения такого портрета – сопоставление и обособление одних дендросимволов от других, что особенно важно для образов деревьев, близких по набору характеристик и культурной роли. Поэтому большое значение имеют дифференциальные признаки – оппозиции, которые дают возможность отнести конкретное дерево в ту или иную группу: классификация производится как по реальным (плодоносное / неплодоносное, вечнозеленое / листопадное и под.), так и по культурным признакам (мужское / женское, демоническое / чистое и т.д.). Кроме этого, характеристики дендросимволов предлагается классифицировать по тем кодам, в которых они проявляются (дерево в магических обрядах, дерево в фольклорных текстах), и соотношению с другими элементами традиционной картины мира (дерево-мир, дерево-человек, дерево-календарь) и др. Наиболее полно отражает эту схему портрет осины [Агапкина 1996], описания же других дендросимволов [Агапкина 1998; 2011; 2013] имеют менее четкую структуру.

5. Своеобразными этнолингвистическими портретами реалии можно назвать некоторые статьи словаря «Славянские древности» [СД]. В основном это статьи, описывающие конкретные реалии: уже упоминавшихся мифологических персонажей (беса [СД 1: 164–166], летающего змея [СД 2: 330–331]), животных (аиста [СД 1: 96–100], зайца [СД 2: 284–288]), растения (березу [СД 1: 156–160], можжевельник [СД 3: 272–275]), а также бытовые предметы (веник [СД 1: 307–313], гвоздь [СД 1: 493–494], зеркало [СД 2: 321–324] и т. д.). Нужно отметить, что портреты реалий разного рода организованы различным образом: некоторые из них (например, портрет летающего змея) строятся строго по тематическому принципу, другие (портреты веника, гребня, березы) опираются на субстанциональные коды

культуры, в которых проявлены те или иные черты, приписываемые характеризующему объекту.

Таким образом, в рамках Московской этнолингвистической школы в основном создаются портреты конкретных объектов: людей или антропоморфных персонажей, животных, растений, бытовых предметов. При создании портрета исследователи стремятся воссоздать представления носителя традиционной культуры и опираются на разнородный фольклорный материал. В одних исследованиях признаки, составляющие портрет, разделяются по кодам, в которых они проявлены, в других – нет.

1.2.2. Портретирование в «узкой» этнолингвистике

1.2.2.1. Ономасиологический портрет

Еще одним вариантом лингвистического портрета является ономасиологический портрет, который строится путем воссоздания мотивирующих признаков, положенных в основу наименования реалии и производных на его основе. Базовой в этом случае служит информация, извлекаемая из внутренней формы слова, ведь заложенный в ней признак предмета отражает наиболее устоявшееся в сознании носителя языка представление о реалии [Березович, Рут 2000]. При создании портрета такого рода используются материалы двух типов:

- 1) собственно обозначения реалии (пример из нашего материала: такая деталь портрета священника, как tonsura (*плешь*), отражена в рус. костр. *плехан* ‘священник’, а черный цвет одежды монаха – в рус. общенар. *чернец* ‘монах’);
- 2) факты семантической деривации на базе данных обозначений; ср. мотив tonsury в номинациях растений (рус. диал. *попова плешь*, *гуменцо попово* ‘одуванчик *Leontodon taraxacum*’) и мотив черного цвета в рус. калуж. *монах* ‘голубь очень темной окраски’, простонар. *монашек* ‘угольная курильная свеча’.

Материал, на основе которого составляется ономасиологический портрет, может включать также фразеологию и паремиологию, в которых содержатся обозначения исследуемых реалий, но только в том случае, если использование этого обозначения неслучайно (т. е. не имеет номинативных дублетов или включено в определенную систему наименований).

В работах Д. П. Гулика и Е. Л. Березович [Гулик 1999; Березович, Гулик 2002] представлены ономаσιологические портреты инородцев на материале английского и русского языков. Портреты реконструируются на основе анализа следующих типов единиц:

- собственно этнонима, если он имеет прозрачную внутреннюю форму или его трактуют с позиции народной этимологии (англ. *gypsy* ‘цыган’ < *gypciēnt* < кратк. от среднеанглийского *Egipcien* ‘египетский, египтянин’);
- его словообразовательных производных (рус. *цыганищина*, англ. *gipsyish* ‘свойственный цыганам’);
- прозвищных этнонимов, т. е. неофициальных названий народов (рус. *хохол*, англ. *Nip* ‘японец’);
- отэтнонимических семантических дериватов: переносных значений и закрепленных во фразеологизмах метафор и сравнений (рус. *китайская грамота* ‘непонятные письма’, диал. *мериканец* ‘изобретательный, изворотливый человек’, англ. *Paddy* <ирландец> ‘ярость, гнев’, *Irish apricots* <ирландские абрикосы> ‘картофель’) [Березович, Гулик 2002: 234–238].

В результате анализа выявляются признаки, релевантные для языкового портрета представителя определенного этноса или этнической группы, и обнаруживается их взаимодействие друг с другом. Примером может служить «наивный» портрет ирландца, характерный для английской языковой картины мира: «Его зовут обычно Патрик либо Майкл. Обитает он где-то в болотистой местности. Он, как все ирландцы, черноглаз, а у его жены толстые ноги. Он гневен и агрессивен, глуп и неотесан, а по отношению к окружающим – нечестен и нагл, хотя гостеприимен крайне (и это его единственное положительное качество!). В нем проглядывает “сексуальный монстр”. Он беден, быт его примитивен. По роду занятий так или иначе связан с полицией: он либо сотрудник полиции, либо ее “клиент”. В то же время он весьма религиозен, исправно соблюдает пост. Ирландцы едят тушеную баранину с луком и картофелем, пьют свое особое виски, которое добавляют даже в кофе вместе со сливками, а по праздникам танцуют знаменитую ирландскую джигу. А вообще, ирландцев трудно понять – все у них не так, как должно быть у нормального человека, все у них какое-то “ненастоящее”, шиворот-навыворот!» [Березович, Гулик 2002: 245].

Интересен также опыт М. А. Ереминой, представившей в своей монографии два портрета, построенных подобным образом: портрет субъекта отрицательного отношения к труду и портрет субъекта положительного отношения к труду [Еремина 2014]. В этом случае портреты строятся на основании лексических и фразеологических единиц русских народных говоров, имеющих в своей семантике признак 'отношение к труду'; факты «правой» мотивации и фольклорные данные к анализу не привлекаются⁷.

Ономасиологические портреты *скупого*, *жадного*, *щедрого* представлены в работе А. А. Едалиной [Едалина 2006]. Материал исследования включает в себя исключительно диалектные лексемы со значениями 'скупой', 'жадный' и 'щедрый', т. е. факты «левой» мотивации. В качестве примера приведем черты, составляющие портрет *жадного*: «... жадный человек наиболее активно характеризуется через действия. Важно то, что благосостояние приобретается не при помощи собственных усилий, а при помощи присвоения чего-либо, принадлежащего другому. Особую значимость приобретает идея насильственного давления, оказываемого на других действием или эмоцией. Жадный человек хватает (*похватный*), хапает (*захапистый*), загребает (*грабастый*), забирает, присваивает что-либо себе (*забираха*, *присвойчивый*). Жадность проявляется и через отношение к еде. Здесь оказываются значимыми следующие действия: поглощение как можно большего количества еды (*заедный*, *жоркий*), активная работа горлом, глоткой (*глотень*), набивание едой органов, связанных с процессом принятия пищи (*брюшина*). На уровне личностных

⁷ Так, субъект отрицательного отношения к труду описывается как толстый и высокий, имеющий большой живот, с ускользающим или мигающим взглядом. Он в основном лежит или сидит, руки находятся в пассивном положении: в кармане, на затылке, ощущаются как «неподъемные» или просто сложены, ноги задраны в потолок или скрещены. Не способен согнуть спину. Имеет пониженную температуру и находится в дремотном, усталом или болезненном состоянии. Невосприимчив, глуп, рассеян. В процессе работы иногда слишком мудрит. Находится в плохом настроении; уныл, капризен, равнодушен к окружающему миру. Не имеет желаний. Не имеет нравственных ориентиров и устойчивой позиции. Ведет себя не так, как следует. Хитрит, обманывает, притворяется, наводит смуту, избалован. Свободное время получает даром, предпочитает гуляние, веселье, пьянство, застолье, бессодержательные разговоры, смех, сплетни, хождение из двора во двор, проводит время в детских забавах, шалостях, озорстве, посвящает себя бессмысленным занятиям: ловить вшей, пасти кур, бить мух. Не помогает в работе. Не выполняет поручения, нуждается в понукании. Склонен словесно выражать свое несогласие работать. Является объектом физического воздействия. Живет, питается за чужой счет. Отвергается обществом. Может принадлежать к привилегированному сословию или к разряду нищих, бродяг, бобылей. Не имеет земли, дома, одежды, расточителен или скуп. Не занимается полезным производительным трудом. Выполняет работу медленно, без точного плана, с частыми остановками, поверхностно, неудачно, облегченным способом; совершает промахи в работе, не доводит ее до конца, заводит в тупик. Предпочитает работу, не требующую усилий и ответственности [Еремина 2014: 182–184].

качеств выделяется, прежде всего, хищнический характер жадного человека (*ворон*) и наличие такого чувства, как зависть (*заркий*)» [Едалина 2006: 81–88].

Несомненное достоинство описанных выше портретов состоит в том, что они в значительной мере воссоздают систему народных представлений о реалии, формулируют своеобразную «народную дефиницию». В то же время у них нет закрепленной структуры, а при создании портрета не указывается частотность и степень проявленности тех или иных признаков в первичных наименованиях, производных, фразеологии или в единицах всех типов. В итоге различные по значимости признаки оказываются представленными как бы на одном уровне – и нам трудно осознать, какие акценты в восприятии реалии расставлены в сознании носителей языка.

Сопоставлению портретов рус. *Ивана*, польск. *Jana*, франц. *Jean* посвящены работы Д. В. Спиридонова и Л. А. Феоктистовой [Спиридонов, Феоктистова 2012; 2015; 2016]. В этих исследованиях выделяются мотивы, специфические для русского (высокомерие, недоверчивость, подвижность и др.), польского (неопрятность, молчаливость, неуклюжесть и др.) и французского языков (звание рога носца, склонность к женской работе, непорядочное поведение), а также общие для всех сопоставляемых традиций (глупость, крестьянское происхождение, бедность и др.).

При ономаσιологическом портретировании воссоздаются образы не только одушевленных персонажей (инородцев, носителей имени, носителей тех или иных качеств или черт характера и т. д.), но и неодушевленных предметов.

Галерея «одежных» портретов представлена в кандидатской диссертации А. В. Тихомировой [Тихомирова 2013]. Портретирование осуществлено на основе анализа обозначений наиболее ярких элементов русского традиционного костюма: *лапоть*, *сапог*, *рубаха*, *сарафан*, *шапка*, *колпак* и под. Портрет в данном случае можно условно разделить на две части. Первая (основная) часть включает весь материал и подробно описывает проводимый анализ, вторая представляет собой краткую схему, содержащую выявленные в результате анализа мотивы и номинативные модели⁸.

⁸ Так, ономаσιологический портрет *лаптя* представлен следующими признаками:

1. Функционирование реалии:
 - лапоть – вид обуви, предмет повседневного быта;

Помимо выделения черт, приписываемых исследуемой реалии, создается также портрет связанных с ней ситуаций и их составляющих (изготовление, применение, личность владельца и т. д.). Например, наряду с признаком дешевизны лаптей в их ономазиологическом портрете учитывается образ бедного крестьянина, который не может позволить себе другую обувь; ситуация плетения лаптей связывается с бессмысленным говорением (сиб. *целы лапти наплести* ‘наговорить вздору’), путаницей (прост. *лапти плести* ‘неумело делать что-либо; путать’), обманом и изменой (*сплести лапти* ‘изменить, нарушить верность’) [Тихомирова 2013: 28–59].

При создании ряда ономазиологических портретов вводится **понятие точки зрения**. Наиболее ярко это проявлено в описаниях Москвы и Сибири, произведенных в работах Е. Л. Березович и Ю. А. Кривошаповой [Березович, Кривошапова 2011; 2014; 2015]. Привлечение к анализу не только русского, но и иноязычного (главным образом, инославянского) материала привело к возникновению в структуре портрета трех пластов, отражающих три точки зрения: внутреннюю (жителей Москвы или Сибири), внешнюю (тех, кто живет за пределами России) и «промежуточную» (жителей остальной России)⁹. Точка зрения важна и в «зеркальных» портретах француза и «французскости» в русском языке и русского и «русскости» во

-
- лапоть – вид обуви, показатель принадлежность к определенной социальной группе (крестьянству) => мотив глупости, невежества, грубости и т. д.;
 - лапоть – дешевый вид обуви => мотив бедности.
 - 2. Локус:
 - смежность лаптей и ног
 => лапоть как единица измерения пространства (и далее – времени);
 => мотив передвижения => мотив намерения.
 - 3. Внешние признаки:
 - парность;
 - форма;
 - малый размер по сравнению с ростом человека;
 - «клетчатость»;
 - грубый (древесный) материал для изготовления;
 - 4. Характер изготовления – плетение:
 - мотив простоты;
 - мотив говорения;
 - мотив путаницы;
 - мотив обмана => мотив измены.
 - 5. Оценка реалии, заложенная в слове => экспрессивность вербальных формул с участие слова *лапоть* [Тихомирова 2013: 58].

⁹ Эта точка зрения будет внешней, если Москву или Сибирь приравнивать к России, и внутренней, если их противопоставлять.

французском, воссозданных в статье Е. Л. Березович и Г. И. Кабаковой [Березович, Кабакова 2015].

1.2.2.2. Этнолингвистический портрет

Термин *этнолингвистический портрет* впервые, кажется, использован в кандидатской диссертации Ю. А. Кривошаповой [Кривошапова 2007]. При портретировании в данном случае воссоздаются культурно-языковые образы насекомых в русской языковой традиции (на фоне славянских). В работе представлены портреты *блохи, виши, жука, мухи, комара, паука, кузнечика, муравья, пчелы, бабочки, божьей коровки*. Ближе всего этот вид портрета оказывается к портрету ономаσιологическому. «В качестве основного источника портретной информации, как и в случае с ономаσιологическим портретом, используются мотивационные отношения в сфере энтомологической лексики» [Кривошапова 2007: 122]. Привлекаются не только языковые данные, но и культурные: сведения об обрядах и ритуалах с участием насекомых, их роли в народной системе верований. Это обусловлено в первую очередь тем, что «традиционная культура представляет собой, в известном смысле, единое смысловое пространство, включающее систему языка, и зачастую невозможно выделить мотивационный признак без учета экстралингвистических факторов. Нередко причина выбора именно данного признака номинации (т. е. собственно мотивация) оказывается не столь очевидной и требует обращения к экстраязыковым сущностям – ментальным образам, мифологическим представлениям, ритуальной сфере или практическому опыту»¹⁰ [Там же: 123]. Таким образом, автор не только выделяет мотивационный признак, но и описывает его проявление в «языке культуры». Например, портрет муравья складывается из мотива трудолюбия, признаков множественности, хаотичного движения, маленького размера, красного (рыжего) цвета, способности выделять муравьиную кислоту, соотношения со скотом и человеком.

¹⁰ Например, распространенные у славян названия бабочки с использованием лексики с основным значением 'душа' или 'мифическое существо, дух (демоническая душа)' (ср. болг. *вещица*, укр. *відьма, босорка, стри́га*, польск. *czarownica*, рус. жиздр. *ворогуша*, рус. калуж., олон. *душа, душечка*, ю.-слав. *мара, самовила, вампир* и т. п.), непосредственно связаны с народными представлениями о бабочке как воплощении души или как о *знающей* (обладающей сверхзнанием), о демонической природе этого насекомого (согласно русским народным представлениям, душа, вылетающая из тела покойника, может иметь облик бабочки) [Кривошапова 2007: 123].

Тот же подход используется Е. И. Рыбниковой при создании портретов культурных растений (*жита, ржи, пшеницы, ячменя, овса, льна, конопли* и т. д.), составленных на материале русских народных говоров и фольклора [Рыбникова 2015]. В их портретах выделяются такие признаки, как цветовая характеристика (*чёрный хлеб* ‘яровая рожь или ячмень’), размер зерна (*мелкоколосница* ‘рожь, ячмень с мелким колосом, не достигшие полного развития’), форма (*гранатый ячмень* ‘сорт ячменя (по форме зерен)’), способы сбора и обработки (*рванец* ‘плохой ячмень, редкий и недорослый, который не жнут, а рвут или берут’), время посева и созревания (*ячмень не ломится* ‘нет необходимости спешить, беспокоиться’), особенность укладки (*ячменная кладь* ‘бран. о нерадивом, ленивом человеке’), ценность (*божий хлеб* ‘ячмень’), обрядовые функции (*золотая каша* ‘ячменная каша, которую невеста должна есть после «красованья» <обряда накануне свадьбы>’) [Рыбникова 2015: 45–51].

Этнолингвистическими портретами растений можно считать этноботанические очерки, представленные в работе В. Б. Колосовой. При построении портрета выявляются мотивировочные признаки славянских фитонимов *василек, зверобой, иван-да-марья, крапива, лютик, одуванчик, первоцвет, подорожник, полынь, цикорий, чертополох, ятрышник*, учитываются также фольклорные и этнографические источники [Колосова 2009: 142–265].

1.3. Объекты портретирования в этнолингвистике

При определении объекта этнолингвистического портрета мы сталкиваемся с рядом проблем. Во-первых, встает вопрос, что именно портретируется: реальное или ментальное явление. Думается, что объектом этнолингвистического портретирования становится наивное представление о каком-либо предмете или явлении действительности (стереотип), закрепленное в языке и культуре. Цель портретирования – систематизировать представления о реальном предмете, которые в неупорядоченном виде отражены в культурных и языковых кодах. В некоторых случаях портрет строится на основе данных фольклора, обрядов и других неязыковых знаковых систем. Например, в словаре «Славянские древности» [СД] основными источниками информации служат преимущественно фольклорные тексты и ритуалы,

а в «Словаре народных стереотипов и символов» [SSSL] языковая, текстовая и образная информация используется в равной степени.

Создание портретов, проводящееся в рамках «узкой» этнолингвистики, нацелено в первую очередь на воссоздание фрагмента языковой картины мира. Поэтому нам представляется целесообразным в качестве объекта портретирования рассматривать сигнификат отдельной лексемы. Такая установка связана еще и с тем, что наборы портретных черт, выделяющихся в результате анализа синонимов, нередко различны. На наличие или отсутствие в составе портрета тех или иных черт может влиять стилистическая окраска слова (ср. далее портреты попа и пресвитера) или внутренняя форма (например, в портрете чернеца, где важнейшую роль ожидаемо играет признак черного цвета).

Несмотря на то, что в нашем исследовании речь идет не о самом явлении действительности, а о закреплённом в языке представлении о нем, для краткости мы используем формулировки типа *портрет попа* или *портрет монаха*. Корректнее было бы говорить, что портретируется не *реалия*, а *реалема* (ср., к примеру, использование этого термина в работе М. М. Кондратенко [Кондратенко 2016]), но этот термин не имеет пока широкого распространения, поэтому мы условно употребляем слово *реалия*.

Во-вторых, нужно решить вопрос: объекты какого типа подвергаются портретированию. В большинстве описанных выше примеров объект портретирования связан с конкретной реалией: в портретах могут быть воссозданы представления о людях с точки зрения их этнической или профессиональной принадлежности и черт характера, животных и растениях, неодушевленных предметах (одежде, небесных светилах и т. д.). Абстрактные понятия портретируются гораздо реже.

В-третьих, нужно определить, какой объем информации об объекте необходим для создания портрета. Очевидно, что количество черт, составляющих портрет, может различаться. В некоторых портретах может быть воссоздана практически исчерпывающая информация о реалии (ср., например, портрет попа в русской языковой традиции), в которой представлены как объективно ей присущие, так и субъективно приписываемые черты. Другие же портреты могут содержать 1–2 черты (портрет архиерея, каноника и др.). В качестве параллели уместно вспомнить понятия «концепт-минимум» и «концепт-максимум», которые вводит А. Вежбицкая

для характеристики освоенности слова носителями языка. *Концепт-максимум* предполагает полное владение смыслом слова, присущее носителю языка; *концепт-минимум* – неполное владение, которое, однако, не может быть меньше определенного значения [цит. по: Фрумкина 1992] . В случае с портретами мы также можем выделить максимально наполненный портрет – он фиксирует представление о реалии, хорошо знакомой носителю культуры. Минимальный портрет же обычно связан с реалиями, с которыми носитель народного сознания соприкасается редко.

Если образ содержит минимальное количество признаков, трудно говорить собственно о портрете. Однако, как хорошо известно любому читателю, иногда в художественном тексте автор ограничивается минимальными штрихами для создания портрета героя. Даже минимальное количество признаков, релевантных для этнолингвистического портрета, предполагает их укорененность в культуре, поэтому мы считаем возможным и в этих случаях использовать термин *портрет*.

Таким образом, объектом этнолингвистического портретирования нам видится образ конкретного предмета или персонажа, закрепленный в народном сознании, который отражен в языке или других кодах народной культуры одним или более признаком.

В качестве объектов портретирования в данном исследовании мы выбрали образы служителей христианского культа, так как, во-первых, они подчиняются требованиям, предъявляемым к объекту портретирования. Во-вторых, при сопоставительном исследовании подобных культурем возможно выявить сходства и различия не только между языками, но и между конфессиональными культурами.

1.4. К вопросу о способах систематизации информации, составляющей этнолингвистический портрет

Следующий вопрос, который встает при создании этнолингвистического портрета, это вопрос о способе его структурирования. Для того чтобы портреты были сопоставимы между собой, они должны иметь единую структуру, однако принципы, на основе которых происходит это структурирование, различаются. Черты внутри портрета могут располагаться по тематическому, жанровому принципам, степени их субъективности, эмоциональной окраске и проч.

Наиболее распространен **тематический принцип систематизации информации**. Этот принцип можно считать базовым, диктуемым самим материалом. Он представлен в схеме описания мифологических персонажей [Виноградова, Гура, Терновская, Толстая, Кабакова 1989; Виноградова, Толстая 1989; Гура 1989; Кабакова 1989]. В данной схеме выделяются три большие группы признаков: субъект в его «статике» (названия ипостаси и внешний вид, атрибуты, особенности характера, пристрастия, генезис), деятельность персонажа (действия направленные и ненаправленные на объект, локальные, темпоральные характеристики), взаимодействие персонажа с другими объектами [Материалы к международному VI конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы 1989: 78]. Подобную же схему использовал при составлении портретов животных А. В. Гура, дополнив ее несколькими новыми группами¹¹ [Гура 1997: 31–118].

Тематический принцип реализован и в портретах Москвы и Сибири [Березович, Кривошапова 2011; 2014; 2015]. Здесь выделяется 4 тематические группы: география и природа (пространство и ландшафт, климат, животный мир, растительный мир), социум и человек (слои населения, религия, черты характера жителей, человек «физический»), культура (материальная и духовная), экономика и политика.

Этим же принципом руководствуется при составлении ономаσιологических портретов предметов одежды А. В. Тихомирова. Мотивационные признаки объединяются в пять групп: 1) функционирование реалии; 2) ее локус; 3) внешние признаки; 4) характер изготовления; 5) оценка реалии, отраженная в слове [Тихомирова 2013: 27].

В портретах субъектов отрицательного и положительного отношения к труду М. А. Ереминой выделяется 11 тематических групп, по которым распределены признаки: 1) внешний вид; 2) поза; 3) общее физическое состояние; 4) динамические возможности; 5) интеллектуальные способности; 6) эмоционально-волевая сфера; 7) нравственно-волевая сфера; 8) времяпрепровождение; 8) взаимодействие с другими людьми; 9) социальный статус; 10) частная собственность; 11) деятельность [Еремина 2014: 181–184].

¹¹ В частности, был добавлен раздел «Состояния» (живое/неживое) и группы «Использование» и «Воспроизведение» в раздел «Животные как объект».

Второй способ группировки черт лингвистических портретов – **по степени их объективности / субъективности.**

Несколько уровней различной степени субъективности номинативных признаков выделяется в структуре ономаσιологического портрета, предложенной Е. Л. Березович и М. Э. Рут [Березович, Рут 2000].

1. Объективный. Если говорить о нашем материале, то объективные признаки номинации отражены, к примеру, в рус. *попова скуфья* ‘одуванчик, дикий цикорий’, где запечатлены представления о головном уборе священнослужителя, или польск. *biskupowy* ‘фиолетовый’, где фиксируется цвет одеяния епископа.

2. Интерпретационный. В этом случае в названии отражаются впечатления носителя языка от объекта номинации. Так, например, поп представляется жадным и завистливым (рус. сиб. *попóвы глаза́* ‘завидующие глаза’).

3. Оценочный. Оценка чаще всего определяется содержанием интерпретационного уровня.

Классификация по степени субъективности, как правило, совмещается с тематической: тематические группы выделяются внутри групп объективных и субъективных (или интерпретационных) признаков.

По мере субъективности структурирует портреты насекомых в своей работе Ю. А. Кривошапова. Автором выделяются дескриптивные мотивационные признаки, соответствующие реальным характеристикам денотата. «Например, мотивационный признак ‘способ передвижения – ползти’, лежащий в основе наименования *поползу́ха* ‘насекомое, букашка’, следует считать дескриптивным, так как он полностью соответствует реальному положению дел: многие насекомые ползают» [Кривошапова 2007: 123–124]. Другим видом мотивационных признаков являются признаки интерактивные, т. е. такие, которые обнаруживаются в результате взаимодействия человека с реалией (например, *кровопі́вка* ‘вошь’ связана со свойством этого насекомого кусать и пить кровь) [Там же: 124]. И, наконец, третий вид мотивационных признаков – эмпатические, «связанные с ирреальными свойствами денотата, которые приписываются ему извне волею номинатора. Объект в подобных случаях воспринимается как “вжившийся в миф” и функционирующий в рамках того или иного сценария. Так, выражение *с тараканами в голове* ‘о человеке, ведущем себя странно’, очевидно, связано с представлением о том, что таракан спо-

собен проникать в тело человека» [Там же]. При подаче материала автор располагает признаки по мере увеличения субъективности, начиная с дескриптивных (цвета, размера, особенностей поведения и под.) и заканчивая эмпатическими свойствами.

В работе, посвященной портретам культурных растений, Е. И. Рыбникова выделяет 3 группы семантико-мотивационных признаков.

- Объективные (цвет, форма, размер и т. д.).
- Субъективные. Они, с одной стороны, могут быть приписаны растению номинатором (например, в арх. *бо́жий хлеб* ‘ячмень’ проявляется признак, который приписывается ячменю на основании его собственного свойства – быть ценным), а с другой – это могут быть объективные признаки, субъективно переосмысленные номинатором (например, облик пшеничного колоса может метафорически переосмысляться для характеристики эмоционально-психологического состояния человека, ср. карел. *прямая пшеница* ‘слабохарактерный, безвольный человек, подкаблучник’).
- Факультативные признаки. В них отражены те смыслы, которые проявляются в языковых фактах, называющих обрядовые действия, действия, связанные с народной медициной, играми и т. д. [Рыбникова 2015: 13–14].

В портрете инородца, предложенном Д. П. Гуликом, учитывается как мера субъективности, так и тематическая отнесенность мотивов. Выделяются «отобъектные характеристики», внутри которых черты портрета распределяются уже по тематическому принципу (речевые характеристики, место обитания, биологические характеристики, менталитет, социальные характеристики и т. д.), и «отсубъектные характеристики» («неправильный», «непонятный», «неподобающий», «ложный» и т. д.) [Гулик 1999: 90].

Классификация портретных черт по степени субъективности важна, так как позволяет увидеть отношение носителя языка к портретируемой реалии и оценку ее свойств. Однако реализация этого принципа структурирования таит в себе ряд сложностей: в частности, субъективные признаки нередко базируются на объективных, и не всегда понятна грань между этими двумя группами. Например, такая черта, как заинтересованность в чьей-либо смерти, является субъективным признаком, приписываемым священнику носителем языка, но возникновение этого при-

знака связано с объективной характеристикой священнослужителя – «проводит погребальный обряд». Мотив лицемерия можно считать субъективным, когда речь идет об образах монаха, попа и ксендза, но будучи проявленным в образе иезуита, он имеет реальную основу: устав иезуитов позволял им отступать от некоторых духовных требований, а для ведения миссионерской деятельности иезуитам позволялось жить в миру и носить мирскую одежду.

По **жанровой принадлежности и культурным кодам**, в которых проявляются те или иные черты образа, портрет систематизируется в некоторых исследованиях представителей Московской этнолингвистической школы, в частности, в ряде статей словаря «Славянские древности» [СД], а также в портретах деревьев, созданных Т. А. Агапкиной [Агапкина 1996; 1998; 2011; 2013], etc. Такой тип структурирования, несомненно, важен для понимания константных черт, проявленных во всех культурных кодах и жанрах и, следовательно, наиболее значимых для народного представления о реалии. Но в случае, когда целью исследования является воссоздание цельного образа реалии, нецелесообразно выбирать его в качестве основного, так как ряд черт «лежит вне жанра» или относится сразу к множеству жанров и кодов. Это приводит к нарушениям жанровой структуры построенных по описанному принципу портретов.

1.5. Принципы сопоставления этнолингвистических портретов по данным разных языковых традиций и субстанциональных кодов культуры

В современном языкознании достаточно полно разработана методика контрастивного изучения лексической семантики. Она представлена в работах В. Г. Гака [Гак 1977], А. И. Гудавичюса [Гудавичюс 1985], В. М. Мокиенко [Мокиенко 1987], И. А. Стернина [Стернин 2007], А. Е. Супруна [Супрун 1988], А. И. Фефилова [Фефилов 1985] и др. Такие исследования учитывают в том числе коннотативную специфику лексики, но они не ставят перед собой задачу разностороннего сопоставления существующих в разных языках и культурах образа какой-либо реалии.

Подходящим для названных целей оказывается метод этнолингвистического портретирования. Единая структура, по которой строятся все портреты, делает их сопоставимыми, позволяет выявить универсальные признаки, свойственные всем

исследуемым группам портретов, и определить лакуны: черты, проявленные только в одной или нескольких группах и отсутствующие в других.

Опыты сопоставительного исследования лингвистических портретов создавались в рамках широкой этнолингвистики [Виноградова, Толстая 1989; Гура 1989] и ономаσιологического портретирования [Березович, Кабакова 2015; Спиридонов, Феоктистова 2015]. Все приведенные работы посвящены исключительно межъязыковому сопоставлению. Однако мы можем проследить контрасты между портретами на 5 уровнях.

1. **Между разными диалектами одного языка.** Возможно сравнить портреты, созданные на материале нескольких говоров или групп диалектов. Трудности такого сопоставления состоят, во-первых, в том, что в одном говоре может не быть зафиксировано такого количества фактов, которое достаточно для создания полноценного портрета (как это происходит, например, с портретами служителей культа). Во-вторых, не все словари последовательно фиксируют географию и бывает сложно определить, где именно записан тот или иной факт. Очевидно, такой подход наиболее уместен для исследования регионально специфических объектов, например, для сопоставления портретов жителей определенных территорий.

2. **Между разными языками.** Для сравнения берутся портреты, созданные на основе двух и более языков. В зависимости от объекта портретирования сопоставляться могут близкородственные языки (русский, украинский, белорусский), языки дальней степени родства (русский и французский, русский и немецкий), неродственные языки (русский и китайский).

3. **Между разными субстанциональными кодами одной лингвокультурной традиции.** Сравняются портретные черты, проявленные в различных культурных кодах (лексическом, паремиологическом, текстовом, обрядовом и т. д.). Такой подход позволяет выявить те признаки исследуемого объекта, которые представлены во всех или в большинстве из сравниваемых кодов, и те, которые проявлены лишь в одном коде.

4. **Между разными хронологическими пластами, относящимися к одной и той же лингвокультурной традиции.** Сопоставляются портреты, строящиеся на материале языка и культуры нескольких эпох. Такой подход наиболее уместен при работе с материалами, извлеченными из памятников письменности.

Что касается фактов устной народной традиции, то по отношению к ним речь может идти скорее об относительной хронологии.

5. Между разными лингвокультурными традициями. Так как этнолингвистический портрет позволяет реконструировать тот образ реалии, который закреплён в народной культуре, он также даёт возможность сопоставить эти образы в культурах разного типа. В частности, в нашей работе проводится сопоставление портретов служителей культа в нескольких конфессиональных культурах: православной русской, католической польской и «смешанных» традициях Украины и Белоруссии, на территории которых сосуществовали православная, римско-католическая и греко-католическая церкви.

В данном исследовании портреты сопоставляются по трём основаниям: межъязыковому, межкодовому и междофессиональному.

Выводы

Нами были рассмотрены различные понимания термина *портрет*, существующие в современной лингвистической традиции: фонетический и социально-речевой портреты личности, языковой портрет города, лексикографический портрет. Проанализированы варианты портретов, предложенные в рамках лингвокультурологических и этнолингвистических исследований: когнитивная дефиниция (в том варианте, который практикуется в рамках Люблинской этнолингвистической школы), тезаурусное описание языка фольклора, схема описания персонажей Московской этнолингвистической школы, ономазиологический и собственно этнолингвистический портрет, которому посвящена настоящая диссертация.

Объект этнолингвистического портретирования – наивное представление о каком-либо предмете или явлении действительности (стереотип), закреплённое в языке и культуре (в рамках широкой этнолингвистики); сигнификат отдельной лексической единицы (в рамках узкой этнолингвистики). Целесообразно выбирать для портретирования реалию конкретного (а не абстрактного) мира.

Информация, составляющая портрет, должна быть систематизирована, что даст возможность понять, в каких аспектах рассматривается реальность; увидеть, какие мотивы и черты реалии наиболее значимы для наивного сознания, а какие имеют меньшую значимость; сопоставить портреты разных реалий между собой. Наиболее приемлем тематический принцип систематизации информации.

Целесообразна также группировка черт этнолингвистических портретов по степени их объективности / субъективности, а также по субстанциональным кодам культуры, в которых проявляются те или иные черты образа, что позволяет понять степень устойчивости тех или иных черт (наиболее устойчивы те черты, которые отражены во всех субстанциональных кодах, а в первую очередь, – в системе языка; менее устойчивы черты, отраженные в текстах – например, в поговорках).

Поскольку контрастивное изучение народных традиций является важнейшей задачей этнолингвистических исследований, портреты должны быть сопоставимы на разных уровнях. По нашему мнению, портреты следует сравнивать на следующих основаниях: между разными диалектами одного языка, между разными языками, между разными субстанциональными кодами одной лингвокультурной традиции, между разными хронологическими пластами, относящимися к одной и той же лингвокультурной традиции, между разными лингвокультурными традициями.

В следующей главе предложены основные принципы этнолингвистического портретирования и представлен опыт портретирования служителей культа в русской, польской, украинской и белорусской лингвокультурах.

ГЛАВА 2.

ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА (НА ОСНОВЕ ПОРТРЕТОВ СЛУЖИТЕЛЕЙ КУЛЬТА В РУССКОМ, ПОЛЬСКОМ, УКРАИНСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ)

В данной главе нами предложены принципы этнолингвистического портретирования в контрастивном исследовании и в качестве примеров представлены варианты портретов служителей культа в русском, польском, украинском и белорусском языках.

2.1. Моделирование портретов в этнолингвистическом исследовании

2.1.1. Деривационно-фразеологическое гнездо как источник информации для портрета

Представленные в нашей работе этнолингвистические портреты строятся на основе деривационно-фразеологического гнезда (т. е. лексического комплекса, «в который входят лексемы, возникшие в результате семантической и семантико-словообразовательной деривации на основе вершинного слова и фразеологизмы с его участием» [Березович 2014: 14]).

В нашем случае вершинным словом гнезда становится церковный термин (обозначающий служителя христианского культа) в его первичном (для народной традиции) значении. В отличие от деривационного гнезда, включающего в себя все словообразовательные производные вершинного слова, в деривационно-фразеологическое гнездо входят только факты, в которых опорная лексема претерпевает определенные семантические изменения. Как указывает Е. Л. Березович, «по сути, деривационная семантика в этом понимании может быть названа ассоциативно-деривационной. Ср. положение Д. Н. Шмелева о том, что в результате семантической деривации значения слов, обладающих полисемией, нередко объединяются на базе ассоциативных признаков, которые могут не проявляться эксплицитно в первичном значении слова. Такие лексические единицы связаны ассоциативно-деривационными отношениями со своими основами» [Там же]. Включение в состав поля фразеологизмов обусловлено тем, что их семантика предполагает

смысловой сдвиг (или особый смысловой акцент) – даже при употреблении ядерного слова в первичном значении.

В состав деривационно-фразеологического гнезда мы включаем также паремии (пословицы, поговорки и загадки), так как пословицы и поговорки, во-первых, обладают теми же свойствами, что и «чистые» фразеологизмы: идеоматичностью и устойчивостью – и нередко включаются в состав фразеологии [Баранов, Добровольский 2008: 66; 68–70]. Во-вторых, и фразеология, и паремиология подвергаются одному типу анализа – контекстному – и позволяют выявить смысловые связи опорных лексем и семантические сдвиги, которые происходят в контексте. Кроме того, паремиология может либо показать устойчивость мотива (например, мотив поповой собаки в русском языке, помимо лексических (системно-языковых) фактов (диал. *попóва собáчка* ‘гусеница бабочки’) проявляется также в ряде паремий, ср. «Стара попова собака, да не батькой звать»), либо помочь интерпретировать языковой материал (так, мотивация рус. арх. *попадья* ‘о третьей жене’ обнаруживается с учетом русской загадки о попе – «Трижды венчан, а жена одна»).

Таким образом, в деривационно-фразеологическое гнездо *поп* войдут семантические дериваты (например, новг. *поп* ‘вид бабочки’, арх., костр., твер., сиб. *поп* ‘прямостоящий предмет’), семантико-словообразовательные производные (орл. *попóк* ‘лягушонок’, вят. *попóвник* ‘растение *Pastinaca saliva* L., сем. зонтичных; пастернак посевной’), устойчивые сочетания (пск. *поп на сiвой кобы́ле ё́здит* ‘шутл. о темной ночи’, «Поповского брюха не набьешь»), но не войдут собственно словообразовательные дериваты *попов*, *поповский* ‘принадлежащий попу’ и под., поскольку подобные факты не несут этнокультурной информации и не имеют особой значимости для составления этнолингвистического портрета реалии.

При выборе вершинных слов и определении наполнения деривационно-фразеологических гнезд мы столкнулись с рядом трудностей. В первую очередь, они связаны с явлением полисемии.

Например, в русском языке обозначениями служителей культа являются слова *дьякон* ‘священнослужитель низшей (первой) степени церковной иерархии, помощник священника при богослужении и совершении таинств’, *дьячок* ‘церковнослужитель в православной церкви; псаломщик’ и *дьяк* в значении ‘священнослужитель первой степени церковной иерархии’, тогда как однокоренные *дьяк* ‘пи-

сец, делопроизводитель' и *подьячий* 'писец, делопроизводитель, помощник дьяка' к интересующей нас сфере не относятся, украинские и белорусские лексемы *дяк* и *дзяк* имеют как церковные, так и «светские» значения. Учитывая этимологическую связь слов *дьякон* и *дьячок*, а также схожие функции, закрепленные за этими персонажами в народном сознании, мы объединяем их в одно деривационно-фразеологическое гнездо, однако не включаем туда не относящиеся к церковной сфере лексемы *дьяк* и *подьячий*. Определяя состав гнезда, в этом случае мы ориентируемся на семантику дериватов.

Во-вторых, трудности могут представлять некоторые случаи омонимии. Например, костр. *попадэйка* 'выступ над топкой русской печи' [СРНГ 29: 295] изначально образовано от корня *пад-* (ср. рус. новосиб. *западёнка* 'помост около печи' [СРНГ 10: 296]), а в дальнейшем, вероятно, произошла контаминация со словами с корнем *поп-* (*попадья*). Результатом такой контаминации могло стать, очевидно, слово *попóвенка* 'выступ в верхней части печи' (костр.) [ЛКТЭ]. Другой спорный случай – некоторые фитонимы, в числе которых олон. *поповы коренья*, *пуповник* 'лапчатка *Potentilla*' и др. Здесь, по-видимому, произошла аттракция лексем, образованных от *поп* и *пуп* (ср. бесспорно образованные от *пуп* названия лапчатки *пупная трава* и пск. *пуповное коренье*, которое калькирует нем. *Nabelwurz*). Такие факты, очевидно, не входят в деривационно-фразеологическое гнездо с вершинным словом *поп*, однако привлекаются нами к рассмотрению, так как образуют периферию изучаемого гнезда.

Несмотря на то, что все представленные в работе лексемы формируют обобщенный портрет служителя культа, на основе каждого деривационно-фразеологического гнезда по возможности мы создаем отдельный портрет, поскольку, во-первых, исследуемые лексемы не являются синонимами: в их обозначениях закреплено различие функций священнослужителей, находящихся на одной ступени церковной иерархии (ср. польск. *kapelan*, *kapłan* и *pleban*); кроме того, существуют обобщенные названия служителей культа, которые возможно отнести ко всем носителям духовного сана (например, рус. *поп* и польск. *ksiądz*). Во-вторых, на признаки, выделяемые внутри портрета, нередко влияет облик вершинного слова. Например, некоторые обозначения монашествующих имеют прозрачную внутреннюю форму, которая может в известной степени определять черты, воссоздава-

емые в портрете. Рассмотрим слова *монах*, *инок* и *чернец*. Первое из них не имеет прозрачной мотивации – и в соответствующем портрете наблюдается разнообразие мотивационных признаков. Слова *чернец* и *инок* мотивационно прозрачны. Соответственно, в образе *чернеца* доминирует такая деталь, как черный цвет одежды, а в образе *инока* отражены представления о его обособленном образе жизни. Заметное влияние облик слова оказал на деривационную семантику лексемы *поп*. Необычная фонетическая форма слова (сочетание губных согласных и лабиализованного гласного, ассоциирующееся с кругом) повлияла на возникновение мотива круглого предмета. Показательно, что этот мотив отсутствует в других портретах славянских священнослужителей, в том числе католического ксендза, образ которого по многим признакам близок православному попу.

2.1.2. Структура этнолингвистического портрета

Основными элементами портрета выступают выявленные на основе онома-сиологического анализа мотивационные признаки (признаки, на основе которых происходит семантическая деривация и образование фразеологизмов) и мотивы, в которых нашли свое воплощение устойчивые представления носителей языка об исследуемой реалии. Верификацию выявленных мотивационных признаков следует осуществлять в первую очередь с учетом семантико-мотивационных параллелей (лексических рядов, которые демонстрируют сходные модели смыслового развития [Березович 2014: 13]).

В основной массив изучаемого материала не входят факты «левой» мотивации (об этом термине см. в [Толстая 2002: 112–127]), т. е. слова, воплощающие разнообразные лексические способы выражения отдельных значений (например, слова со значением ‘дьякон’ или ‘монах’). Тем не менее, в работе выборочно использованы некоторые факты подобного рода, позволяющие показать устойчивость и распространенность мотива (ср. рус. диал. *плехан* ‘священник’, польск. *purpurat* ‘кардинал’).

Стоит отметить, что не всегда удастся выявить единственно возможный мотивационный признак. При анализе материала нам встретились факты, допускающие различные варианты мотивации. Так, например, рус. олон. *попóва кúрица* ‘ворона’ может быть мотивировано, во-первых, бесполезностью вороны в домашнем хозяйстве (связанным с представлением о бесхозяйственности попа); во-вторых,

ассоциацией вороны с кладбищем, с которым часто связывалось и место жительства священника; в-третьих, черным цветом этой птицы (а черный цвет доминирует в «поповской» цветовой гамме). Все эти варианты учитываются при построении этнолингвистического портрета.

В большинстве случаев представленные в работе портреты служителей культа являются довольно скудными, поэтому при их составлении мы не проводим внутренней структуризации портрета. Но при анализе таких лексем, как рус. *дьякон*, *поп*, *монах*, укр. *pīn*, белорус. *поп*, *ксёндз*, польск. *ksiądz*, *mnich*, выделяются довольно разнообразные и разнородные признаки, поэтому нами производится их структуризация внутри деривационно-фразеологического гнезда. Строя портрет, мы отталкиваемся от материала, но, вместе с тем, стремимся к однотипности выделения и подачи аспектов портрета и придерживаемся, в первую очередь, тематического принципа структурирования. Этот принцип мы посчитали наиболее подходящим, так как он позволяет представить все входящие в портрет мотивы и его структура, думается, лучше всего соответствует структуре народного представления о реалии. Самая полная структура портрета (соответствующая структуре деривационно-фразеологического гнезда) включает в себя десять аспектов:

▪ внешний вид, ▪ возраст, ▪ интеллект, ▪ характеристики поведения, ▪ личностные качества, ▪ хозяйство, ▪ семья, ▪ обрядовые действия, ▪ общая связь со сферой сверхъестественного; ▪ социальный статус.

Однако учитываются и другие способы систематизации мотивов. Во-первых, по своему логическому статусу составляющие портрет служителя культа мотивы подразделяются на 5 групп:

- качественные мотивы (опирающиеся на собственные характеристики, признаки и особенности служителя культа: наличие тонзуры, длинные волосы, черный цвет одежды, жадность и т. п.);
- акциональные мотивы (мотивы, отражающие действия, которые либо совершает представитель духовенства: обедня/месса, заутреня, исповедь, обряды крещения, венчания, либо совершает кто-то по отношению к священнику: обман, воровство и т. д.);

- ситуационные мотивы (мотивы, отражающие жизненные обстоятельства и ситуации, связанные со служителем культа: затворничество, безбрачие, нищенствование и др.);
- мотивы-атрибуты (мотивы, отражающие представления о предметах и персонажах, связанных со священником и зависящих от него: попадьё, работник священника, собака, лошадь, свинья, курица, кадило, кропило и т. д.);
- мотивы-партнеры (мотив черта).

Во-вторых, используется описанная выше классификация по степени субъективности. Выделяются:

- объективные мотивы (свойства, действия, ситуации, реально присущие служителю культа: тонзура, черный цвет, проведение обрядов крещения и исповеди, особый режим питания и др.);
- субъективно-оценочные (свойства, действия, ситуации, которые священнослужителю субъективно приписываются: жадность, греховность / безгрешность, распутство, лицемерие и проч.).

2.1.3. Анализ «реципиентных» семантических сфер и проблемы семантической реконструкции

Портретная информация подается двусторонне: с одной стороны, важна информация о донорской семантике (в нашем случае – представлениях о служителях культа), с другой – о реципиентной (тематических сферах, в которые происходит метафорический перенос на основе наименований священнослужителей). Анализ принимающей семантики важен не столько при работе с одним портретом, сколько с галереей, при сопоставлении портретов внутри одного языка и между языками.

Такой подход помогает выявить пересечения лексико-семантического поля «Служители культа» с другими лексическими полями. В частности, большая часть семантических дериватов, созданных на основе обозначений служителя культа, укладывается в три тематические макрогруппы: «Природа», «Материальная и духовная культура» и «Человек» (подробную классификацию и характеристику каждой макрогруппы см. в главе 3).

Кроме того, системный подход к принимающей семантике исследуемой лексики дает возможность определить семантико-мотивационные параллели и модели

семантической деривации, которые могут быть характерны для всех исследуемых языков (например, модели ‘голова священника’ → ‘цветок’, ‘попасть в хозяйство священнику’ → ‘умереть’) или для отдельных языковых традиций (так, переход ‘капюшон монаха’ → ‘аконит’ характерен только для западнославянских языков, а ‘священник’ → ‘чурка для игры’ только для русского).

Использование метода семантико-мотивационных параллелей позволяет прояснить мотивацию некоторых «темных» фактов. Так, выявлению номинативных признаков, положенных в основу бел. могил. *ксьндз* ‘одуванчик лекарственный *Taraxacum leontodon*’, способствует ряд других номинаций этого растения: рус. диал *поп*, *попóвник*, *попова скуфья*, *попова плешь* и под., а мотивацию укр. буковин. *nín* ‘треножник, столб, деталь мотушки’ можно определить, поставив этот факт в ряд обозначений прямостоящих предметов, и мн. др.

2.2. Этнолингвистические портреты служителей культа в русском языке

В данном разделе произведен анализ 17 деривационно-фразеологических гнезд слов, называющих церковно- и священнослужителей. В результате анализа выявлена система мотивационных признаков, лежащих в основе их дериватов, и составлены этнолингвистические портреты каждого служителя культа. Расположение материала определяется внеязыковым фактором: характеристикой тех явлений, которые стоят за исследуемыми словами. Таким образом, оно зависит от положения определенного служителя в церковной иерархии, сообразно которому выделяются группы священнослужителей и церковнослужителей.

Группа **священнослужителей** подразделяется на:

- **немонастырское духовенство:**
 - дьякон, дьячок;
 - пресвитер;
 - пробст;
 - поп;
 - архиерей;
 - митрополит;
 - патриарх;
- **монастырское (черное) духовенство:**

- монах;
- инок;
- калогер;
- чернец;
- архидьякон;
- игумен;
- архимандрит.

Группа **церковнослужителей** включает в себя следующие позиции:

- пономарь;
- звонарь;
- богомаз.

2.2.1. Священнослужители

2.2.1.1. Немонастырское духовенство

2.2.1.1.1. ДЬЯКОН ‘священнослужитель низшей (первой) степени церковной иерархии, помощник священника при богослужении и совершении таинств’ [Скляревская: 79]; **ДЬЯЧОК** ‘церковнослужитель в православной церкви; псаломщик’ [БАС 3: 1213] (от греч. *διάκος*, *διαχωνος* ‘слуга, служитель’ [Черных 1: 279]).

Слова *дьякон* и *дьячок* обозначают разных служителей культа в церковной иерархии, однако в народном сознании функции данных служителей практически не различаются; учитывая также этимологическую связь этих слов, представляется возможным объединить их в одно деривационно-фразеологическое гнездо и строить общий портрет.

• Обрядовые действия

В народном сознании существует тесная связь между дьяконом и **обрядовыми действиями**, им производимыми, отсюда возникают основанные на метонимическом переносе дериваты, обозначающие либо **помещение**, в котором может находиться дьякон (простонар. *дьяконник* ‘ризница, особое место, отдел в церкви, где хранятся облачение, одежда и утварь’ [Даль 1: 451]), либо **обряд**, который он совершает (ленингр. *подьячить* ‘совершить церковный обряд, освятить’ [СРГК 5: 17], новг. *надьячить* ‘начать читать проповедь’ [СРГК 3: 317], простонар.

дьяконник ‘ектенья, произносимая дьяконом во время церковной службы’ [Даль 1: 451]).

Основной обрядовой функцией дьячка и дьякона считается церковное пение, что послужило основой для развития дериватами **речевой** семантики: новг. *дьячить* ‘говорить, вести беседу’ [НОС 2: 114].

Одной из главных характеристик речи дьякона является ее **песенность**: «Поп не покончил (не дочел), а дьякон затянул (запел)» [Даль ПРН 2: 153]. Выделяются как лексемы, обозначающие непосредственно церковное пение: курск., калуж. *дьячить* ‘петь духовные песни, петь на клиросе’ [Даль 1: 451; СРНГ 8: 300], твер. *дьячить* ‘петь церковные песни’ [Даль 1: 451], так и слова, обозначающие любое пение: калуж. *дьячить* ‘петь что-либо по нотам (хотя и светское)’ [СРНГ 8: 300].

Отмечается также **монотонность** речи дьякона: новг. *дьячить* ‘монотонно петь’ [НОС 2: 113]. Особый характер речи послужил причиной для развития иронического представления о том, что дьякон «вякает» («Дьякон, дьякон, не все бы ты вякал!» [Даль ПРН 2: 141]) или «блеет» («Что в церкви блеет? <Дьячок>» [Садовников: 128 № 1035]).

Другой чертой речи дьякона является ее **громкость**: «Дьякон во весь народ завякал» [Даль ПРН 2: 258], «Глашенник, да каженник, да крыкальник. <Колокол, поп, дьячок>» [Садовников: 128 № 1026].

Существует представление и о **многословии** дьякона: дон. *как дьякон на амоне* ‘о болтливом, многоречивом человеке’ [СДГВО 2: 112].

Вероятно, на основе восприятия речи дьякона как монотонной и многословной возникли два мотива: мотив **просьбы**, ср. новг. *дьячить* ‘твердить одно и то же, выпрашивая что-либо’: «Что ты с утра дьячишь? Сказано, что не дам денег на вино» [НОС 2: 113], пск. *дьячить* ‘просить милостыню’, ‘неотвязно, надоедливо выпрашивать, вымаливать что-нибудь’ [ПОС 10: 93], и мотив **поучения**, ср. простонар. *дьячить* ‘толмачить, толковать, объяснять’ [Даль 1: 451], пск. *дьячить* ‘навязчиво поучать кого-нибудь’ [ПОС 10: 93].

Дьякон также воспринимается как лицо, выполняющее **погребальный обряд**: «Умереть бы тебе без попа, без дьякона, без свечей, без ладана, без гроба, без савана!» (бран.) [Даль ПРН 2: 318].

• Связь со сферой сверхъестественного

Так как дьякон связан с церковной обрядностью, сама его фигура наделяется определенной степенью **сакральности**, ср. понимание сакральности, при котором она связана с такими содержательными характеристиками, как ‘священный’, ‘обрядовый’, ‘ритуальный’, ‘таинственный’, ‘магический’, ‘сверхъестественный’ [Коновалова 2007: 8]. При этом «христианская» составляющая сакральности может быть утрачена, ср. обозначение обряда земледельческой магии: калуж. *катать дьякона (дьячка)* ‘хватать дьякона, дьячка после молебна в вознесение в ржаном поле и, повалив их на землю, катать, чтобы снопы были высокие, тяжелые’ [СРНГ 13: 124].

Представления о связи дьякона со сферой сакрального, вероятно, стали причиной притяжения фитонима костр., смол. *декон* ‘сабельник болотный *Comarum palustre* L.’ [СРНГ 7: 338] (ср. также пск. *дякон* ‘отвар из лекарственных растений’ [СРНГ 8: 300]) и слова *дьякон* на основе признака целебности этого растения: новг. *дьякон* ‘целебная трава’: «И дьякон пьет, как чай пьет, дьякон – таки синеньки цветочки» [СРГК 2: 18], костр. *дякон* ‘лечебная трава от опухоли’: «Дьякон горькая трава, нажавливаешь и приложишь» [ЛКТЭ].

Сакральность фигуры дьякона послужила причиной для развития энантиосемии и приобретения словом бранной семантики: волог. *дьякон* ‘бранное слово’ [СГРС 3: 297], костр. *дьякон тамбовский* ‘ругательство’ [ЛКТЭ]. Дополнительным фактором, повлиявшим на возникновение данных значений, мог стать низкий социальный статус дьякона.

• Социальное положение

Важной для характеристики дьякона оказывается его **принадлежность к социальной группе духовенства** и включение в иерархию, существующую в этой группе. Дьякон часто **сопоставляется с попом**: р. Урал *дьякон* ‘в детской считалке четвертый по счету (при игре в мяч)’: «Кон, играть в мяч об стенку (первый по счету), закон (второй по счету), поп (третий), дьякон (четвертый). Давайте кониться, становитесь: кон, закон, поп, дьякон» [СРНГ 29: 292]¹². В этом случае отмечается более **низкое положение** дьякона в социальной иерархии: «Из попов да в дьяконы»

¹² В [СРНГ] нет отдельной словарной статьи для данной лексемы, но контекст, приведенный к слову *поп* ‘в детской считалке третий по счету (при игре в мяч)’, позволяет ее выделить.

[Даль ПРН 2: 258], «Как так? Муж дьяк, а жена – попадья» [Даль ПРН 1: 471], «Вот худо, как муж дьякон, а жена попадья <т. е. владеет им>» [Там же], «Дьяконство – боярство, поповство – холопство» [Даль ПРН 2: 258]¹³.

Низкое социальное положение дьячка, видимо, послужило стимулом для появления иронических паремий «Толчок не разговор; а дьячку да пономарю по толчку – они и смекают» [Даль ПРН 2: 145], «Дьячья спесь: на голове чирий, а ногой храмлет» [Там же: 288].

Подобно служителю первой степени священства дьякон **существовал за счет приношений прихожан**. С этим фактом связано возникновение простонар. *дьяконовка* ‘ранняя, небольшая, сладкая порода яблок, идущая только на лакомство в свежем виде’ [Даль 1: 523]. Причиной для развития такой семантики послужил обычай отдавать священнослужителям и церкви часть первого урожая – новину [СД 2: 17] (ср. дон. *попóвка* ‘сорт мелких ранних груш’ [БТДГ: 403]).

2.2.1.1.2. ПРЕСВИТЕР ‘священнослужитель средней (второй) степени христианской церковной иерархии’ [Скляревская: 102] (от греч. *πρεσβύτερος* ‘старейшина, священник’ [Там же]).

Деривационно-фразеологическое гнездо *пресвитер* содержит одну лексему: перм. *презвітер* ‘знахарь’ [Власова: 423]. В данном случае сохраняется представление о **сакральности** священнослужителя, но при этом слово перестает ассоциироваться с церковью, переходя в область народной магии.

2.2.1.1.3. ПРОБ диал. ‘ксендз, католический священник’ [СРНГ 32: 77], **ПРОБСТ** ‘старший пастор в лютеранской церкви’ [БАС 11: 940] (от лат. *propositus* ‘начальник’).

В данном деривационно-фразеологическом гнезде фиксируется фразеологизм брян. *хоть прóбу кричі́* ‘так плохо, что хоть зови на помощь проба – ксендза’ [СРНГ 32: 77], который отражает представление о нужде в священнике, нередко возникающей тогда, когда случаются несчастья (ср. «Торговать – не горевать, торговать – не попа звать» [Даль ПРН 2: 4]).

¹³ В последнем выражении низкий статус дьякона и более высокий – попа оказываются иронически переосмыслены, кроме того, важным элементом данной пословицы является рифма.

2.2.1.1.4. ПОП разг. ‘священник’.

Отметим две точки зрения на происхождение слова *поп*. М. Фасмер возводит слово к др.-в.-нем. *pfaffo* ‘поп, священник’, произошедшему из позднелат. *rāpā* ‘священник’ и *rāpās* ‘наставник’ (позже в католической церкви слово *rāpā* получило значение ‘папа римский’). Это мнение подтверждается тем, что слово *поп* с давнего времени известно в западославянских языках (ср. чеш., словац., польск., в.-луж. *por*, полаб. *riör* ‘священник, учитель’) [Фасмер 3: 326]. Согласно другой версии, слово *поп* происходит из позднегреч. *παπς* ‘священник’, в пользу чего свидетельствует происхождение слова *попадья* из позднедревнегреч. *παπαδιά* [Черных 2: 56].

В древнерусском языке слово *поп* употреблялось как синоним слов *иерей* и *священник* без уничижительного оттенка значения, появление которого, вероятно, связано с **фонетическим обликом слова**. Особое, выразительное звучание повлияло и на активность слова в народных говорах. Оно выделяется из ряда синонимов, обозначающих священнослужителей второй степени церковной иерархии (*иерей*, *пресвитер*, *поп*, *священник*), развивает множество вторичных значений, активно включается в состав фразеологизмов и поговорок. Необычный звуковой облик слова обусловил его **функционирование в скороговорках**: «Распоп не поп, а поповичи распоповичи» [Даль ПРН 2: 257], «При попе, по попе, а без попа, на попа» [Там же: 194], «Шли три попа, три Прокопья попа, три Прокопьевича, говорили про попа, про Прокопья попа, про Прокопьевича» [Там же: 634], «Стоит поп на копне, колпак на попе, копна под попом, поп под колпаком» [Там же].

На фонетических основаниях происходит сближение *попа* с *клопом* и *котом*, проявляющееся в паремиологии. Связь рус. *поп* – *клоп* обусловлена в первую очередь рифмой и созвучием: «Где попы, там и клопы (а у мужика тараканы)» [Даль ПРН 2: 257], «И у соборных попов не без клопов» [Даль ПРН 1: 161], «И у соборных попов много клопов» [Снегирев: 128].

Однако наличие таких польских единиц, как великопольск. *kśoż* ‘водный клоп’, *kśoc* ‘садовый клоп’ [KSGP], указывает на то, что существуют и нефонетические причины возникновения данного сближения. В. Ю. Макарова, рассуждая о связи двух понятий, выделяет два мотива. Во-первых, отмечается, что и поп, и клоп осознаются в народной среде как паразиты, «сосущие чужую кровь» и «живущие за

чужой счет». Во-вторых, подчеркивается восприятие и тех, и других как принадлежащих потустороннему миру (клопы соотносятся с хтоническими гадами, а связь священника с подземным миром обуславливается его участием в похоронных обрядах, а также территориальной смежностью церкви и дома священника с кладбищем), см. [Макарова 2008: 370]. Имеющийся у нас материал разрабатывает мотивы высасывания крови и связи священника с миром мертвых, но не подтверждает наличие представлений о связи клопа с потусторонним миром. Напротив, в отличие от священника клоп осознается как принадлежащий миру живых: «Попы паствятся над мертвыми, а клопы над живыми» [Снегирев: 359] (ср. «Попы поют над мертвыми, комары над живыми» [Даль ПРН 2: 468], содержащее подобное противопоставление: поп, связанный с миром мертвых, и насекомое (комар), связанное с миром живых). Более вероятной в связи с этим кажется версия А. В. Гуры о сходстве (прежде всего по форме) клопа с ризой священнослужителя [Гура 1997: 429].

На основе фонетического подобия возникает и пара *поп – кот*: «И у тебя, и у меня, и у попа, и у кота, и у щуки в море, и у дуба в лесу. <Имя>» [Садовников: 255 № 2061], «Мыши обрали попа за кота» [Снегирев: 168], «Что поп, что кот – не вороча, не съест» [Даль ПРН 2: 256], «Позвал поп кота среди поста: поди, кот, возьми пирога в рот: а кот привел с собой и кошку, да и сел с нею в печурку» [Там же: 636], «Не все коту масленица, попу Фомин понедельник» [Даль ПРН 1: 95]. Помимо звукового подобия слов, последние факты обусловлены и внеязыковым фактором: поп и кот в народных представлениях связаны с пищей, преимущественно скоромной; вероятно, существование этой пары связано также с представлением о сытой, богатой жизни священника.

• Внешний вид

Языковыми средствами ярко выражена идея необычности **внешнего вида** попа, значительно отличающегося от внешнего вида остального населения. Это, возможно, послужило основой для развития значения *поп* ‘ряженный’: волог. *поп* ‘главный ряженный’: «А поп – это кулик самый главный, сидит и наказание каждому говорит» [СВГ 7: 160]. Контекст свидетельствует также о влиянии на появление данной лексемы фактов совершения священником исповеди и наложения епитимии.

Одной из главных особенностей облика священнослужителя, отраженных в языке, стала необычная **одежда**, характерная только для священнослужителя – риза: пск. *ясный как попова риза* ‘о блестящей, отливающей золотом одежде’ [СПП: 113], «Когда не поп, так и не мыкайся в ризы!» [Даль ПРН 2: 138], «Если не поп, не суйся в ризы» [Снегирев: 104]). Народное воображение иногда «переодевает» попу в несвойственную ему одежду, противопоставленную ризе – рогожу: морд. *знать по́па и в рого́жке* ‘правильно, по достоинству оценивать кого-либо’ [СРГМ 2: 1084], «Попа и в рогоже знать» [Даль ПРН 2: 255], «Попа знают и в рогоже» [Снегирев: 216]. Последние факты свидетельствуют в пользу важности других, кроме одежды, отличительных признаков священника, относящихся как к его внешнему виду, так и к чертам характера, особенностям поведения.

Возможно выделить несколько характеристик одежды священнослужителя, существенных для формирования его языкового портрета. Во-первых, важным является ее **размер**. Облачение попу представлялось **длинным**: новг. *как попова́ риза* ‘о длинной одежде’ [НОС 8: 118], арх. *вышива́ть по́пиками* ‘вышивать узор из фигур, похожих на людей в длинной одежде’ [СРНГ 29: 314]. С размером связана ее **ширина**: волог., новг. *как попов рука́в* ‘о чем-либо широком’ [КСГРС; НОС 8: 118], новг. *как попов рука́в* ‘о чем-либо безмерном, что не наполнишь’ [НОС 8: 118]. Вероятно, представление о длинной и широкой одежде легло в основу номинаций насекомых, крылья которых напоминают полы рясы: дон. *поп* ‘стрекоза’ [СРНГ 29: 292], новг. *поп* ‘вид бабочки’ [Там же]. Детали одеяния попу **нелепы и неудобны**: дон. *как поп в чётках* ‘о нелепом, неудобном наряде’ [СДГВО 6: 57].

Во-вторых, важным для священнической одежды оказывается **черный цвет**, ср. такие номинации по признаку цвета, как смол. *поп* ‘название обгорелой лучины’¹⁴ [Добровольский: 671], свердл. *поп* ‘навозный жук’ [СРНГ 29: 292], арх. *поп* ‘жук-короед’ [КСГРС], олон. *попова́ ку́рица* ‘ворона’ [Даль 3: 318; СРНГ 29: 324], арх. *поп* ‘мелкая речная непромысловая рыба семейства бычков’: «Попы – наподобие форма налима, серовато-черного цвета»¹⁵ [КСГРС], пск. *поп на сівой кобы́ле*

¹⁴ В мотивации этого слова также возможно выделить признак прямостоящего предмета и образ дыма, возникающий в связи с процессом каждения.

¹⁵ В данном случае мотивом номинации могла послужить и большая голова рыбы, напоминающая голову попу в клубке.

éздит ‘шутл. о темной ночи’ [СПП: 62] (ср. пск. *по углам чернецы забежали (заиграли)* ‘о наступлении темноты (вечером)’ [Там же: 75]).

В то же время попова одежда может быть **яркой и блестящей**, но нами был зафиксирован лишь один факт, демонстрирующий данный прёизнак: пск. *ясный как попова рíза* ‘о блестящей, отливающей золотом одежде’ [СПП: 113]. Яркое, отливающее золотом облачение было предназначено для праздничных, торжественных богослужений, тогда как черная одежда надевалась гораздо чаще, в основном в бытовых ситуациях, и, следовательно, ее ношение шире отмечается языком. Кроме того, черный цвет воспринимается как маркер духовенства вообще, он также стал одной из черт, выделяемых в языковых портретах русского монаха и пономаря.

Еще одна отличительная черта облика священнослужителя – необычный **головной убор**. Можно выделить два вида головных уборов священника, представления о которых отражены в языковых фактах: *скуфья* ‘повседневный головной убор священнослужителей и монахов в виде мягкой складывающейся шапочки черного, реже фиолетового цвета’ [Скляревская: 233] и *клобук* ‘головной убор цилиндрической формы черного цвета, покрытый спадающей на плечи тонкой черной тканью’ [Там же: 120]. В обоих случаях на основе подобия формы происходит их сопоставление с определенными растениями, ср. диал. *попова скуфья* ‘одуванчик, дикий (желтый) цикорий *Taraxacum*’ [Анненков: 349; Даль 3: 318] – мотивирующим признаком является плоская форма, характерная как для церковного головного убора, так и для этого цветка; твер. *клобу́к поповский* ‘рогоз узколистный *Tirphaangustifolia* L.’ [СРНГ 29: 325] – здесь, очевидно, происходит перенос значения на основе признака вытянутой цилиндрической формы клобука, сопоставляемой с цветком рогоза (ср. волог. *патри́рх* ‘рогоз’ [СВГ 7: 16]).

К характеристикам головного убора священнослужителя стоит отнести выражение арх. *по поповой ша́пке* ‘о крупном снеге’: «Снег валит какими хохолками, по поповой шапке» [КСГРС].

Вероятно, на основе представления о высоком головном уборе развивается признак **большеголовости** попа: арх. *поп* ‘мелкая речная непромысловая рыба семейства бычков’: «Леньков и попов не ели, попы – толстые головы да усатенькие»

[КСГРС], волог., моск., орл. *попóк* ‘рыба подкаменщик’ [СРНГ 29: 238], костр. *поп* ‘головастик’ [ЛКТЭ], орл. *попóк* ‘лягушонок’ [СОГ 10: 162].

Среди особенностей внешнего вида священника, значимых для его языкового портрета, выделяется необычная **прическа**. Прической священнослужителя традиционно считались **длинные волосы**: пск. *длинноволосый что поп*, (*длинноволосый*) как *попик* ‘о мужчине с длинными волосами’ [СПП: 111]. Длинные волосы и длинная, куполообразная одежда священнослужителя вызывали **ассоциацию с женщиной**. Отсюда возникло проявившееся в загадках представление о «неопределенности» пола попа («Идет не мужик и не баба, не домой и не в гости, несет ни пирог, ни сгибень. <Священник с Евангелием>» [Даль ПРН 1: 24]), присутствии в его внешности как «мужских», так и «женских» черт (ряз. «Спереди мужик, а сзади баба. <Поп>» [Садовников: 128 № 1028]) или даже «женскости» (самар. «Вышла не баба не старуха, не мордовка, не в платье, не в сарафане, не в кафтане, держит в руках не блины, не лепешки. <Поп с Евангелием> [Там же: № 1031a]). Ассоциация священника с женщиной, вероятно, проявляется и в примете «Если у попа распояшется пояс, то женщина в селении скоро родит» [Даль ПРН 2: 582], см. [Макарова 2007: 426–429].

Кроме длинных волос нашел отражение в языке и более ранний тип прически – **тонзура**: священникам полагалось выстригать волосы сверху на темени, а снизу их стричь «в кружок». Выстриженная часть головы называлась *гуменцо* ‘кружок на темени, выстриженный у священнослужителей при посвящении, тонзура’ [СлРЯ XVIII 6: 13]. В результате развития значения *поповым гуменцом* стали номинироваться растения, сходные с ним по форме: диал. *попово гуминце* ‘хасимова трава, одуванчик, дикий (желтый) цикорий *Taraxacum*’ [Анненков: 349; Даль 3: 318], дон. *гуменцó попово* ‘одуванчик *Leontodon taraxacum*’ [БТДГ: 402; СРДГ 3: 42; СРНГ 29: 324], ср.-урал. *гуменцó попово* ‘кульбаба осенняя *Leontodon autumnalis*’ [Коновалова: 67].

Для наименования тонзуры могло использоваться также слово *плешь*. Образ поповой **плеши** довольно активно функционирует в языке и выступает как одна из черт языкового портрета попа (ср. костр. *плехán* ‘священник’ [ЛКТЭ]). Этот образ может проявляться в паремиологии («Не грози попу плешью, у него плешь с лопату» [Снегирев: 184], «Дивная вещь – девятинского попа по плеши ударить» [Даль

ПРН 2: 63]), в топонимии (г. *Попова Плешь*, о-в *Попова Плешь*, г. *Поповая Плешь* [Березович 2000: 313]¹⁶), а также в апеллятивной лексике при номинации растений (вят., твер. *попова плешь* ‘одуванчик *Taraxacum Dens Leonis*’ [Анненков: 349]). Подобное значение может развиваться на основе сходства формы цветка с прической священника, а также может быть связано с состоянием отцветшего одуванчика, при котором семена облетают и остается голая, «лысая» головка (ср. сиб. *попадья* ‘растение одуванчик, «если с него не сдувается цветок, похожий на пух»’ [СРНГ 29: 296]¹⁷).

Возможно, на основе представления о специфическом головном уборе священника и его прическе сформировались другие наименования растений, включаемые нами в деривационно-фразеологическое гнездо с вершинным словом *поп*.

Важной частью портрета попа является его **поза**. Наиболее распространенным «пространственным» образом стал образ **вертикального, прямостоящего предмета**: простонар. *на попá* ‘говорится о бочке, или тюке; стойком, торцом, торчмя’ [Даль 3: 317], разг. *на попá (постáвить, стáть)* ‘вертикально, на меньшую плоскость (поставить, стать и т. п.)’ [БАС 10: 1270], арх., костр., твер., сиб. *поп* ‘прямостоящий предмет’ [СРНГ 29: 291], моск. *стáвить вопрóс на попá* ‘ставить вопрос ребром, заявлять прямо и решительно’ [СРНГ 29: 291], томск., урал. *упáсть, встать попóм* ‘принять вертикальное положение, занять положение стоя’ [СРНГ 29: 292], арх., мурман. *поп* ‘камень у берега моря, возвышающийся над водой’ [Там же: 291], волог. *поп* ‘вставшее вертикально бревно, застрявшее при сплаве леса по реке’ [КСГРС], арх. *поп* ‘подпирающая готовое к спуску судно подставка, которую выбивают при спуске’ [Подвысоцкий: 132], дон. *поп* ‘передняя и задняя стены длинного дома, сарая’ [СРНГ 29: 292], вят. *попóвник* ‘растение *Pastinaca saliva* L., сем. зонтичных; пастернак посевной’ [Там же: 325], арх. *поп*, *попкí*, *пóпки* ‘резное украшение в верхней части прялки’ [Там же: 238, 291, 314], арх. *попы́* ‘вершина прялки, на которую навязывают кудель’ [Подвысоцкий: 132]. Мотив

¹⁶ Эти названия отмечены, соответственно, в Плесецком р-не Архангельской обл., Сокольском р-не Вологодской обл. и Вельском р-не Архангельской обл.

¹⁷ Возможно, подобные наименования одуванчика являются калькированными. Образ головы священника отражен в польск. *попья гловка*, чешск. *попино гувно* (графика источника), англ. *priest's crown* («макушка священника») ‘одуванчик *Taraxacum Dens Leonis*’ [Анненков: 349]. Акцентируется и образ плеши: чешск. *pleška* ‘одуванчик *Taraxacum Dens Leonis*’ [Там же]. Кроме того, связь со священником проявляется в нем. *Pffafenröhrlein* <поповский лен> ‘одуванчик *Taraxacum Dens Leonis*’ [Там же].

пряmostояния разрабатывается и в ряде загадок: «Стоит поп, разинувши рот. <Овин>» [Даль ПРН 2: 614], сарат. «На широком дворе, на гладком поле четыре попа под одной шляпой (стоят). <Стол>» [Садовников: 27 № 229], влад. «Бились попы, перебились попы, перекокались, пошли попы, перевешались. <Молотят>» [Там же: 153 № 1245], «Стоит поп голенаст, он и кланяться горазд. <Очеп>» [Там же: 87 № 719], калуж. «Стоит поп низок, на нем сто ризок, ризки снимешь – сам заплачешь. <Луковица и лук>» [Там же: 90 № 737п]¹⁸. В последнем факте пряmostояние сочетается с круглой формой объекта, связанной с представлениями о толщине попа.

Фиксируются также лексемы, в которых, помимо признака пряmostоящего предмета, выделяется признак черного цвета и связь с обрядом каждения: смол. *поп* ‘светоч, шест аршина полтора вышины, с тяжестью на нижнем конце, который ставят на пол или мост; на верхнем конце прибывают крюк в виде щипцов, железный или деревянный, куда вправляют лучину’ [Добровольский: 671], смол. *поп* ‘название обгорелой лучины’ [Там же].

Мотив пряmostоящего предмета лег в основу названий **грибов**: красн., орл., тул. *поп* ‘белый гриб’ [СОГ 10: 54; СРНГ 29: 292; СРГЦК 3: 303], орл. *поп*, *попók* ‘гриб подберезовик’ [СОГ 10: 54, 162], орл. *поп*, амур. *поп красный* ‘гриб подосиновик’ [СОГ 10: 54; СРНГ 29: 292; ФСРГС: 146], томск. *попы* ‘грибы маслята’ [СРНГ 30: 23]. Здесь, как и в номинациях растений, проявляется мотив пряmostоящего предмета и необычного головного убора. На развитие значения могла повлиять установленная в народном сознании связь высокой ценности и большого размера гриба с довольно высоким положением попа в социальной иерархии.

Отдельно стоит выделить случаи, когда лексемой *поп* обозначаются предметы **конусообразной формы**, в этом случае проявляется и мотив пряmostояния, и образ длинной рясы попа: калуж., сарат. *поп* ‘пирамидка, конус нетронутой земли при ее выемке, по которым определяют приблизительную глубину ямы’ [СРНГ 29:

¹⁸ Ср. варианты загадок: «Стоит поп на грядках, весь в заплатках, кто не взглянет – всяк заплачет. <Луковица и лук>» [Садовников: 90 № 737р], «Маленький попок на семи ризах поет. <Луковица и лук>» [Там же: № 742], «Стоит поп низок, на нем сто ризок. <Кочан капусты>» [Даль ПРН 2: 609; Садовников: 91 № 745], «Стоит поп сам низок, сто на нем ризок. <Кочан капусты>» [Садовников: 91 № 745в], тул. «Стоит поп ни мал, ни велик, об семидесяти семи риз. <Кочан капусты>» [Там же: № 745д], перм. «Маленький попок сорок ризок оболоч. <Кочан капусты>» [Там же: № 745е], «На горочке, на пригорочке стоит попок, на нем семьдесят семь риз. <Кочан капусты>» [Там же: № 745i].

291], влад. *поп* ‘малая укладка снопов в поле, представляющая собой несколько поставленных колосьями вверх снопов, накрытых сверху снопом колосьями вниз’ [Там же], моск., смол., яросл. *поп* ‘верхний сноп, покрывающий колосья укладки снопов, поставленных вертикально’ [СРНГ 29: 291; ССГ 8: 171], вят. *поп* ‘сноп, поставленный в середине суслона’ [СРНГ 29: 291], перм. *пóпик* ‘небольшой стог, копка сена’ [Там же: 314], карел. *поп* ‘копна’ [СРГК 5: 74], печор. *поп* ‘малая укладка снопов ржи’ [СРГНП 2: 105], арх. *поп*, волог. *пóпик* ‘суслон, укладка из нескольких снопов (обычно из 10, реже из 15–20)’ [КСГРС], яросл., горьк., ульян. *попóк* ‘малая укладка снопов в поле, поставленных вертикально’ [СРНГ 29: 328], волог. *попóк* ‘крышка от горшка, кринки’ [Там же].

Признак вертикально стоящего предмета является мотивирующим для обширной группы слов, обозначающих **приспособления** (рюхи или биты) **для игр** (в городки или в лапту): простонар. *поп*, арх. волог. *пóпик*, брян. *попóк*, волог. *попы́*, сев.-двин. *пóпики* ‘в игре городки, рюхи, чурки’ [Даль 3: 317; КСГРС; СРНГ 29: 238, 292, 314], арх., ростов., свердл., яросл. *поп*, брян. *попóк* ‘чурка для игры типа городков’: «Сделают такой вот поп, поставят и палками сбивают, поп заострен, верхний конец на ровно поставят» [КСГРС; СРНГ 29: 292], пск., волог., вят., перм. *поп* ‘в игре в городки – рюха, которая, будучи сбитой с места, перекается, приняла стоячее положение, оставаясь в черте городка’ [СРНГ 29: 292], олон. *поп* ‘пара рюх, поставленных одна на другую’ [Там же], новг. *поп* ‘палочка для игры в рюхи’ [СРГК 5: 74], волог. *поп* ‘при игре в городки, когда городок, будучи сбит с места, упадет на черту, его ставят’ [Дилакторский: 391], волог. *поп* ‘при игре в бабки, когда битка, перекается, сама встанет’ [Там же], арх. *поп* ‘бита, используемая для игры в кости’ [КСГРС], волог. *поп* ‘палка, которую помещают в центре фигуры при игре в городки’ [Там же], сиб. *попóк* ‘бита для игры (в бабки)’ [СРНГ 29: 238].

Далее название приспособления переносится на **название** самой **игры**: арх. *поп* ‘уличная игра, состоящая в сбивании палкою расставляемых на земле чурок’ [Подвысоцкий: 132], арх. *из-за попа́ (играть)* ‘об игре в городки, в рюхи’: «Когда сбитая рюха падет на черту, то это называется: поп, чиж, отчего и сама игра называется: из-за попа, из-за чижа» [СРНГ 12: 134], новг. *в попа́* ‘вид игры’: «В попа – игра, кто первый загонит шарик в ямку в земле, тот и выиграл» [НОС 8: 114], арх. *попóм играть* ‘играть в игру типа городков’ [КСГРС], арх. *попóв гоня́ть* ‘играть в

лапту' [Там же], арх., новг. *попá гоня́ть*, костр. *попá загоня́ть*, свердл. *попá гоня́лы* 'то же' [ЛКТЭ; СРГК 5: 74; СРНГ 29: 292], новг. в *попá-загоня́лу* 'игра в чижики, в рухи': «В попа-загонялу могут играть два человека и более. С одного условленного места играющие через голову бросают бойку (оструганную палку). У каждого своя обозначенная бойка, чтоб не перепутать. Чья бойка окажется ближе всех, тот и водит: свою бойку отбрасывает в сторону и ставит *поп*, т.е. отрезок жерди диаметром 8–10 сантиметров, длиною 20–22 сантиметра. Тот, у кого бойка заброшена дальше всех, первый сбивает попа. По попу бьют все по очереди. Те, кто пробил, бегут на прежнее место, откуда ударяли по попу (то есть с условленного места). Когда ударит последний, все бегут за своими бойками, а потом бегут к выручке, то есть к месту, откуда били по попу. Попа могут загнать на 5–6 километров» [НОС 8: 114].

Представление о внешности священника отражается в названиях некоторых **растений**, причем в этом случае номинация, по-видимому, основывается на совокупности признаков, характеризующих облик священника. С одной стороны, мотивирующим является признак прямостоящего предмета, с другой – не менее важными становятся представления об особенной прическе или головном уборе священнослужителя.

Названия растений с плоской круглой формой цветка могут быть связаны с образом такого головного убора, как *скуфья*, или же с характерной для священника прической – *поповым гуменцом* или *поповой плешью*. Одной из наиболее распространенных является номинация одуванчика: калуж., сиб, урал. *поп*, диал. *попóвник*; диал. *попкí* 'одуванчик *Taraxacum Dens Leonis*' [Анненков: 349; СРНГ 29: 292], волог., дон. *пóпик*, дон. *поповский дичок* 'одуванчик' [БТДГ: 402; СВГ 7: 159; СРДГ 3: 42; СРНГ 29: 325]. Данные наименования могли возникнуть в результате компрессии из диал. *попова скуфья*, вят., твер. *попова плешь*, диал. *попово гуминце* 'одуванчик' [Анненков: 349; Даль 3: 318].

Эта же мотивационная модель могла отразиться и в номинациях разнообразных растений с цветами в форме шара: купальницы – рус. волог. *пóпик* 'купальница *Trollius*' [СВГ 7: 159]¹⁹; пушицы – рус. волог., моск., орл. *попкí* 'пушица узколист-

¹⁹ Эту мотивацию подтверждают другие названия данного растения: твер. *желтые головки*, нижегор. *болотные шапки* 'купальница европейская *Trollius europaeus*' [Анненков: 364].

ная *Eriophorum angustifolium*’ [Анненков: 135; Даль 3: 318]; клевера – рус. диал. *попки* ‘клевер луговой *Trifolium pratense*’ [Анненков: 360]; бодяка – нижегор. *попóвник* ‘бодяк разнолистный *Cirsium heterophyllum* All.’ [Анненков: 100; СРНГ 29: 325]; скабиозы – смол. *поп*, калуж., смол. *попы́* ‘скабиоза *Scabiosa*’ [Анненков: 317; СРНГ 29: 293; СРНГ 30: 23].

Названия скабиозы, возможно, изначально не были связаны с образом священнослужителя, а были образованы от слова *пуп* (ср. другие названия данного растения: *пупник*, *пуповник*, *пуповная трава* [Анненков: 317]²⁰), и только в результате народной этимологии этот фитоним сблизился с лексемой *поп*. Однако фиксируются и подтверждающие «священническую» мотивацию лексические факты, для которых номинативным признаком является сходство цветка с человеческой головой (ср. твер. *головки*, *головняк* ‘короставник полевой *Scabiosa arvensis*’ [Анненков: 317]).

Комплекс мотивационных признаков, относящихся к чертам облика священнослужителя (его головному убору, причёске, позе), проявился также в номинациях ромашки и других похожих на нее растений (нивяника, пижмы, поповника): волог., моск. *поп*, волог. *по́пик*, приоб., волог., калуж. *попы́*, орл. *попки́*, волог., калуж. *по́повка*, диал. *попóвник* ‘нивяник обыкновенный *Leucanthemum vulgare* Lam.’ [Арьянова 2: 44; Даль 3: 318; Дилакторский: 391; СВГ 7: 157, 159, 160; СРНГ 29: 292, 325; СРНГ 30: 23], яросл. *попы́* ‘цветы поповника’ [СРНГ 30: 23], яросл., твер. *поп* ‘полевая ромашка’ [СРНГ 29: 293], смол. *попóвик* ‘белая крупная ромашка’ [Там же: 324], смол. *поп*, *попóвка* ‘ромашка с мелкими цветами’ [ССГ 8: 171, 173], новг. *попóвка* ‘ромашка аптечная *Matricaria chamomilla*’ [НОС 8: 119], краснояр. *попóвник* ‘ромашка *Matricaria*’ [СРГС 3: 391], смол. *попы*, диал. *пуповник* ‘ромашка непахучая *Matricaria inodora* L.’ [Анненков: 209], тул. *поп* ‘головка ромашки, которой отмечается выигрыш в игре в попы (поп равен 10 обыкновенным ромашкам)’ [СРНГ 29: 293], костр. *поп* ‘пижма *Tanacetum* L.’ [Там же], влад., перм. *жёлтые попы́*, ветл. *красные по́пики*, калуж. *пуповник* ‘пупавка красильная *Anthemis tinctoria* L.’ [Анненков: 38; СРНГ 9: 117, 314], тул. *попóвник*, *попóвник непахучий* ‘пиретрум щитконосный *Pyrethrum corymbosum* Wild.’ [Анненков: 280; СРНГ 29:

²⁰ Известно, что скабиоза употреблялась в народной медицине «от сорвания пупа» [Анненков: 317].

325]²¹. Эти названия отражают сопоставление сердцевины цветка с головным убором – скуфьей либо с выстриженной тонзурой, а его лепестков – с длинными волосами священника.

С меньшей долей вероятности можно предположить эту мотивацию для названий других растений с соцветием типа «корзинка»: олон., мурман. *попóвка* ‘белозор болотный *Parnassia palustris* L.’ [Анненков: 242; СРНГ 29: 325].

Основанием для наименования растений с вытянутыми, цилиндрическими цветками послужила схожая форма священнического клобука. К фитонимам с этим типом мотивации относятся названия рогоза (твер. *клобúк попóвский* ‘рогоз узколистный *Typha angustifolia* L.’ [СРНГ 29: 325]) и, возможно, вахты (муром. *попóвка* ‘вахта трехлистная *Menyanthes trifoliata* L.’ [Там же]).

С представлениями о головном уборе священника (митре, клобуке или камилавке), по-видимому, связаны и названия черноголовки – курск. *красный попóк* ‘черноголовка обыкновенная *Prunella vulgaris* L.’ [Анненков: 274; СРНГ 29: 328], а также буквицы – перм. *попов цвет* ‘буквица лекарственная *Betonica vulgaris*’ [Анненков: 317]. Последнее, вероятно, является калькой с немецкого *Pfaffenblümchen* ‘то же’ (букв. «попов цветочек») [Анненков: 317]. Однако более точную мотивацию установить пока невозможно.

Еще одной чертой внешнего вида попа является его **толщина**, в связи с чем возникает образ попова **брюха**, основным свойством которого является ненаполняемость. Этот образ встречается только в паремиологии: «Попово брюхо из семи овчин сшито» [Даль ПРН 2: 256], «Поповского брюха не набьешь» [Там же: 279], «Попово брюхо не наполнится» [Снегирев: 216], «Судейский карман – что поповское брюхо» [Даль ПРН 1: 190; Иллюстров: 84] (ср. функционирование этого же образа в топонимии Архангельской области: г. *Попова Брюшина*: «Попова Брюшина – такой бугорок, он торчит, как живот, покато таким» [Березович 2000: 313]).

С представлением о толщине попа, возможно, связан и образ **круглого предмета**: арх. *попóк* ‘шарик как украшение на спинке деревянной кровати’ [СРНГ

²¹ Возможно, изначально номинации данных растений были производными от лексемы *пуп* (ср. *пулавка*, *пулавник* ‘пулавка красильная *Anthemis tinctoria* L.’ [Анненков: 38]), а в дальнейшем произошло их сближение с лексемой *поп* на основе сходства внешнего вида растения с обликом человека. Явным примером контаминации слов *поп* и *пуп* является олон. фитоним *поповы коренья* ‘лапчатка *Potentilla*’ [СРНГ 29: 324], имеющий также названия *пупная трава*, *пуповник*, пск. *пуповное коренье*, что является калькой с нем. *Nabelwurz* [Анненков: 38].

29: 238], перм. *пóпик* ‘стог сена круглой формы, сметанный вокруг одного стожара’ [СПГ 3: 171], арх. *поп* ‘сметанная шаньга из рыхлой муки’: «На ржаной сочень наливали сметану и в печку ставили, вот и попы получались» [КСГРС], «Стоит поп низок, на нем сто ризок. <Вилок, кочан>» [Даль ПРН 2: 609]²², калуж. «Стоит поп низок, на нем сто ризок, ризки снимешь – сам заплачешь. <Луковица и лук>» [Садовников: 90 № 737п]²³. Кроме того, на формирование семантики круглого предмета мог оказать влияние и звуковой облик слова: губные согласные и лабиализованный гласный ассоциируются с формой круга.

• Возраст

Зафиксировано несколько загадок, указывающих на представление о **старости** попа: «Вышел дед семидесяти лет, вынес внука старша себя. <Священник с Евангелием>» [Даль ПРН 1: 24; Садовников: 128 № 1032а], «Вышел старец семидесяти лет, вынес дитя старше себя. <Поп с Евангелием>» [Садовников: 128 № 1032а], самар. «Вышел дед семидесяти лет, вынес ребенка постарше себя. <Поп с крестом>» [Там же: № 1033].

• Интеллект

Одним из отличительных признаков попа является **грамотность**: тул. *онучи попа не учат* ‘говорится в ответ на непрошенный или нежелательный совет несведущего человека’ [СРНГ 29: 291], «Попы за книжки, а миряне за пышки» [Даль ПРН 1: 11], «Не уча (Неуча) в попы не ставят» [Там же: 542], «Не учась грамоте, в попы не ставят» [Снегирев: 196], тамб. «Рассыплю я грамоту по черному бархату; никому не собрать: ни попам, ни дякам, ни серебряникам. <Небо и звезды>» [Садовников: 229 № 1852ш], тамб. «Написана грамотка по синему бархату; не прочесть той грамотки: ни попам, ни дякам, ни умным мужикам. <Небо и звезды>» [Там же: № 1852щ]. Но в некоторых случаях грамотность оценивается **негативно**, как нечто надоевшее и ненужное своему носителю: «Уела попа грамотка» [Даль ПРН 2: 255], «Надоест попу грамота» [Снегирев: 170], «Умен, как поп Семен: кни-

²² Были зафиксированы и другие варианты данной загадки: «Стоит поп сам низок, сто на нем ризок. <Кочан капусты>» [Садовников: 91 № 745в], тул. «Стоит поп ни мал, ни велик, об семидесяти семи риз. <Кочан капусты>» [Там же: № 745д], перм. «Маленький попок сорок ризок обол. <Кочан капусты>» [Там же: № 745е], «На горочке, на пригорочке стоит попок, на нем семьдесят семь риз. <Кочан капусты>» [Там же: 291 № 745i].

²³ Ср. другие варианты загадки: «Стоит поп на грядках, весь в заплатках, кто не взглянет – всяк заплачет. <Луковица и лук>» [Там же: 90 № 737р], «Маленький попок на семи ризах поет. <Луковица и лук>» [Там же: № 742].

ги продал, да карты купил» [Даль ПРН 1: 304], «Умен, как поп Семен; книги продал, да карты купил; забился в овин, да играет один» [Снегирев: 261].

С идеей грамотности связано представление об **уме** священника: «Умный поп хоть губами шевели, а мы грешные догадываемся» [Даль ПРН 1: 628], «Умному попу лишь кукиш покажи, а уж он и знает, какой грех» [Там же: 553].

С другой стороны, также подчеркивается **глупость** попа: «Смелого ищи в тюрьме, глупого в попах!» [Даль ПРН 1: 320], сиб. «Два дурака: поп да петух, кто помрёт – он поёт» шутол. ‘о недалеком, глуповатом человеке’ [ФСРГС: 145], «Были встарь сосуды деревянны, попы золотые; ныне сосуды золотые, попы деревянны» [Даль ПРН 2: 257].

С представлениями об интеллекте попа, по-видимому, связано **сопоставление** его с **дураком**, проявляющееся в паремиях: «Поп попа, дурак дурака и знают» [Даль ПРН 2: 353], «В переднем углу либо поп, либо дурак» [Снегирев: 73], «Попа да дурака – в передний угол сажают» [Даль ПРН 1: 567], «Ему говоришь про попа, а он про Емелю дурака» [Там же: 591], «Поп и обедни не отпел, а дурак и шапку надел» [Снегирев: 216].

Возможно, глупость попа становится причиной того, что его **обманывают**: «Поп Ваньку не обманет, а Ванька попу правды не скажет» [Даль ПРН 1: 617], «Коли поп Сеньку не обманет, так и Сенька попу правды не скажет» [Даль ПРН 2: 196], «Поп Федьку не обманет, а Федька попу правды не скажет» [Там же]. С другой стороны, обманывать может и сам поп. В связи с этим возникает образ **поповой души**: «Безмен не попова душа, не обманет» [Там же: 39].

• Характеристики поведения, черты характера

Среди характеристик попа выделяется представление о его **продажности**: «Деньга попа купит и бога обманет (т. е. поп грехи скроет)» [Даль ПРН 1: 67]. Но вместе с тем существуют факты, отражающие его **неподкупность**: «Попова душа не берет барыша» [Даль ПРН 2: 255].

Моральные качества священника отражены в паремиологии и фразеологии, где подчеркивается **греховность** священнослужителя: «Согрешили попы за наши грехи (т. е. по нашим грехам и они грешат)» [Даль ПРН 1: 12], «Не тому богу попы наши молятся (т. е. чтут мамона)» [Даль ПРН 2: 256], «Стоит ад попами, дьяками да неправедными судьями» [Там же: 258], вят. *попам и в аду житье* ‘слишком хо-

рошо кому-либо' [СРНГ 29: 291]. Отдельным случаем, указывающим на греховность попа, является поговорка, помещающая его в ад: «Будешь на том свете попа в решете возить (за грехи)» [Даль ПРН 1: 253].

Другие факты, указывая на то, что поп как представитель церкви должен быть безгрешен, подчеркивают **отклонения от идеала безгрешности**: «На лес и поп вор (т. е. всякий дрова ворует)» [Даль ПРН 1: 183], «Кстати и поп пляшет» [Даль ПРН 2: 225], «Любовь слепа, доведет до беды и попа» [Иллюстров: 136], «Деньга и попа в яму заведет» [Даль ПРН 1: 90], «И попова корова смотрит быков» [Даль ПРН 2: 258].

Подчеркивается **жадность и завистливость попа**: новг. *выпросить у попа кобылу* 'быть смелым, нахальным' [НОС 8: 114], «Завистливый поп два века живет» [Даль ПРН 2: 15], «Любит поп блин, да и ел бы один» [Там же: 256], «У попа сдачи, у портного отдачи не спрашивай» [Там же], «Не бери у попа денег взаймы: у завистливого рука тяжела» [Там же]²⁴, «У каменного попа и железной просвиры не выпросишь» [Даль ПРН 1: 103]²⁵, «Деньга манá попа в яму завела» [Снегирев: 90].

Эти представления реализуются также с помощью образа **поповых глаз**: сиб. *попóвы (попóвские) глаза (вóчи)* 'завидующие глаза (о жадном, завистливом человеке)' [СРНГ 29: 324], «У него поповские глаза», «На поповские глаза не наямишься добра» [Даль ПРН 2: 14], «Завистлив, что поповские глаза» [Там же: 256], «Волчья пасть да поповские глаза – ненасытная яма» [Там же].

• Хозяйство

Важное место в характеристике попа занимает указание на источник его доходов. Поп **существовал за счет приношений прихожан**, что отражено в ряде поговорок: «Деревенский попок любит горячий пирог (пирожок)» [Иллюстров: 93; Снегирев: 91], «Хорошо попам да поповичам: зовут и пироги дают» [Даль ПРН 2: 257; Иллюстров: 93]²⁶, «Сидеть попу на погосте, когда не зовут его в гости» [Даль ПРН 2: 433], «Попу да вору – все впору» [Там же: 256], «От вора отобьюсь, от приказного откуплюсь, от попа не отмолюсь» [Там же: 257].

²⁴ Ср. «Не бери у попа денег взаймы, рука тяжела» [Снегирев: 178].

²⁵ Ср. другие варианты: «У каменного попа, да железные просвиры» [Даль ПРН 1: 129], «Захотели от каменного попа железной просвиры» [Там же: 103].

²⁶ Ср. другие варианты: «Хорошо попам: зовут и пироги дают» [Иллюстров: 93], «Хорошо попам да поповичам: их зовут да им же пироги дают» [Там же].

В ряде паремий подчеркивается, что основной свой доход священник получает, исполняя церковные обряды: «Поп сыт от алтаря, а дьячок от пономаря» [Снегирев: 217], «Не грози попу церковью: он от нее сыт живет» [Даль ПРН 1: 261], «Не грози попу кадилом: им же кормится» [Даль ПРН 1: 261; Иллюстров: 94], «Не грози попу кадилом! Он кадит, да тем сыт бывает» [Снегирев: 184], «Требник – поповский хлебник» [Иллюстров: 93], «Богу – слава, а попу – каравай сала» [Там же: 94], «Слава Богу, а попу каравай сала» [Снегирев: 50], «Родись, крестись, женись, умирай – за все попу деньгу подавай» [Даль ПРН 2: 256], «Родись, крестись, женись, умирай – все попу деньгу давай (деньги отдавай)» [Иллюстров: 93], «Один хлеб попу, одна радость – что свадьба, что похороны» [Даль ПРН 2: 256; Иллюстров: 93]. А так как одной из главных функций попа считается исполнение погребального и поминального обряда, в некоторых паремиях возникает представление о том, что поп наживается на чужом горе: «Накажет дед, как помрет: без рубля поп не похоронит» [Даль ПРН 2: 256], «Кто с живого и с мертвого дерет? <Поп>» [Там же], «Кому тошно, а попу в мошно» [Иллюстров: 93], «Мужик плачет, а поп пляшет» [СПП: 135].

С другой стороны, отмечается и то, что прихожане отдавали попу ненужное: «Что нам не мило, то попу в кадило» [Даль ПРН 2: 75], «Что попу не мило, то дьячку в кадило» [Там же: 124].

В языке нашла отражение традиция отдавать церкви и священнослужителям часть первого урожая – *новину́* ‘первый плод, первое зерно в году или первый сбор нового урожая’ [Даль 1: 566; СД 2: 17]: «Не отсыпав попу новины́, хлеба не продавай!» [Даль ПРН 1: 10; Иллюстров: 93], «И поп новину любит (ездит по дворам собирать хлеб)» [Даль ПРН 1: 364; Иллюстров: 93], «Есть новина, так попу посылай» [Иллюстров: 93], «Первую (лучшую) мерлушку попу на опушку» [Даль ПРН 1: 10; Даль ПРН 2: 257; Иллюстров: 93].

Со сбором новины также связана мотивация ростов., яросл. *попóвый зик* ‘время, когда коровы, лошади беспокойно себя ведут из-за оводов, слепней и т. п.’: «Летом, когда появляются овода около “Акулина – задери хвосты” (13-го июня), то они кусают и беспокоят скот, который от оводов бесится, бегае задеря хвосты, “зикуе”, как у нас говорят. Это время называется “коровым зиком”. Позднее, в июле, появляются другие овода, которые беспокоят лошадей. Это время называется

“конским зиком”. Конец июля и начало августа крестьяне называют “поповым зиком”, потому что в это время попы ходят по деревням за “новью”, рожь на посев выбирают» [СРНГ 16: 62].

С тем фактом, что первые плоды предназначались священнику, вероятно, связано и дон. *попóвка* ‘сорт мелких ранних груш’ [БТДГ: 403] (ср. простонар. *дьяконовка* ‘ранняя, небольшая, сладкая порода яблок, идущая только на лакомство, в свежем виде’ [Даль 1: 523]).

В языковом портрете попа отражено представление о материальном положении священника. Многие поговорки и фразеологизмы разносторонне рисуют **богатство** попа: влад., ряз. *попóвский карман* ‘о наличии у кого-л. больших денег’ [СРНГ 29: 325], «В поповский карман с головкой спрячешься» [Даль ПРН 2: 256], «Поп бездённый мешок» [Снегирев: 216], вят. *попам и в аду житье* ‘слишком хорошо кому-либо’ [СРНГ 29: 291], новг. *хоть попам корми* ‘о хорошем сене’: «Сено хоть попам корми, да попадья есть не будет» [НОС 8: 114], «Такое сено, что хоть попа корми» [Даль ПРН 2: 403], «Шо котове, шо попове – хорошее житье» [Иллюстров: 92], «Теперь жите попам да котам» [Там же], «В попах сидеть – кашу есть, а в сотских – оплеухи» [Даль ПРН 1: 295].

Гораздо реже говорится о возможной **бедности** священнослужителя: «Коли нет у попа сапогов, так и в лаптях обедню поет» [Снегирев: 137], «Нет у попа сапог, служит и в лаптях» [Даль ПРН 2: 481], «Пошел глодать кости на попов двор» [Там же: 588].

С представлением о хозяйстве попа связан образ **попова работника**, который характеризуется в двух аспектах. Во-первых, здесь выделяется мотив **бесплатной работы** на попу: арх. *рабо́тать на по́па* ‘работать задаром, не получать за работу денег’ [СРГК 5: 386], урал. *на по́па рабо́тать* ‘бесплатно работать’ [СРНГ 29: 291]. Он, по-видимому, связан с обязательными работами крестьянства в церкви и на церковном участке. (Более явно этот мотив проявлен в белорусском языке, см. раздел 2.5.1.3.)

Во-вторых, стоит отметить такую характеристику поповского работника, как **лень**: иркут. *попóвский рабо́тник* ‘лентяй’ [СРГС 3: 391; СРНГ 29: 325]. Такое развитие значения, с одной стороны, может быть связано с тем, что работа священника представлялась менее тяжелой, чем крестьянский труд. С другой – если речь

идет об упоминавшейся выше работе на пользу церкви, тем, что крестьяне не прилагали больших усилий для выполнения ненужной, с их точки зрения, и неоплачиваемой работы.

Кроме этого, выделяется группа **животных**, которыми, по народным представлениям, владел поп. Всего два факта упоминают попову **курицу**: «Умница – как попова курица» [Даль ПРН 1: 560], олон. *popóва курица* ‘ворона’ [Даль 3: 318; СРНГ 29: 324]. Семантика последнего сочетания обусловлена представлением об отсутствии у попа домашнего хозяйства: ворона – птица бесполезная в хозяйственном плане. В образе поповой курицы могла быть запечатлена также следующая бытийная ситуация: священник, как правило, жил обособленно – на погосте, где кроме дома священнослужителя находились церковь и кладбище, а ворона в народном сознании представляется неперенным атрибутом кладбищенского то-поса. Возможно, существенным оказывается и черный цвет птицы, который, как уже говорилось, является еще и маркером духовенства.

Другим животным, с которым в языке связывается поп, становится **лошадь**: «Жила лошадь у семи попов по семи годов – стало ей семь годов» [Даль ПРН 2: 588], пск. *pop на сивой кобыле ездит* ‘шутл. о темной ночи’ [СПП: 62], «От попа кляча не ко двору, от вдовы дочь не по нутру» [Даль ПРН 1: 453], «Не купи у попа лошади, не бери и у вдовы дочери» [Там же: 439], *старее поповой кобылы* [Там же: 445]. Как можно заметить, при характеристике поповой лошади выделяется ее **старость** и **негодность**.

Но наиболее тесно с образом попа в русской языковой и фольклорной традиции связан образ **собаки**. Нами зафиксирован случай, когда *попом* и *собачкой* называют смежные объекты: волог. *sobáчки* ‘в детской игре лепестки ромашки’ и *póпик* ‘желтая середина ромашки’: «Собачек оторвем, один попик останется. Попик-то – у ей желтая середка. Гадали так: белых собачек отрывали» [КСГРС]. Подобный цветок также обозначается моск. *pop-pop*, *выгони собачку*, *pop-pop выведи собачку* ‘растение нивяник’: «На покосе, в полях растет поп-поп, выгони собачку, скотина его не ест, цветок белый, в середке как пуговица желтая, совсем как ромашка, только листочки есть и корень другой» [СРНГ 29: 292].

Поповой собакой может называться вид гусеницы. Вероятно, мотивирующим признаком для таких номинаций стала ее прожорливость: ворон., ряз., сарат.

попова соба́ка (соба́чка) ‘род гусеницы–плодожорки’ [СРНГ 29: 324], яросл. *попова соба́чка* ‘гусеница бабочки’ [СРНГ 39: 140], диал. *попова собачка* ‘мотылек из сумеречников, Bombyx саја, или *B. processionea*, вернее мохнатая гусеничка его’ [Даль 3: 318].

Кроме этого, попова собака представляется очень **старой**: горьк., кемер., омск., томск. *старше (старее, старе, старей) поповой собаки* ‘о пожилом человеке или о чем-л. обветшалом’ [СРНГ 29: 324], перм. *старше поповой собаки* ‘очень старый’ [СПГ 3: 397], морд. *старше поповой собаки* ‘не очень молодой’ [СРГМ 9: 137], «Стара попова собака, да не батькой звать» [Даль ПРН 2: 285], *старше поповой собаки* [Даль ПРН 1: 445], прикам. *пережить поповскую собаку* ‘прожить очень долго’ [БСРП: 628].

Выделяется и представление о **плохой жизни** собаки священника («Житье – хуже поповой собаки» [Даль 3: 318; Даль ПРН 1: 155]), ее **злости** («Поповой собаки, да отставного солдата, да старой девки злее нет» [Иллюстров: 203]). Эта собака **знакома каждому**: «Его все знают, как попову собаку» [Даль ПРН 1: 634].

На основе **негативной оценки** поповой собаки, а также представления о ее старости и немощи, вероятно, возникло калуж. *ки́ла-кила́чка, попова собачка* ‘о человеке, отставшем от других’: «Под Петров день ночь не спят, а к заре все выгоняют свой скот к воротцам; кто из хозяев останется последним, тому кричат вслед: кила-килачка, попова собачка» [СРНГ 13: 206].

Образ поповой собаки отражен также в известном детском «бесконечном» приговоре: «У попа была собака. // Он ее любил. // Она съела кусок мяса – // Он ее убил...».

Причины особой выделенности поповых собаки и лошади в русской языковой традиции до конца не ясны. Возможно, они связаны тем, что священник обычно не занимался хозяйством и единственными животными, которых он держал, были лошадь и собака.

• Семья

Для этнолингвистического портрета попа значимым является также **представление о его семье**. Во-первых, здесь важен образ **попадьи**. Некоторые характеристики попадьи совпадают с характеристиками попа, например, признак **длин-**

ной одежды: арх. *попадья новгородская* ‘о человеке в длинной не по росту одежде’ [КСГРС].

Среди черт попадьи выделяется ее **толщина**, что также объединяет ее с *попом*: ворон. *попадья* ‘бранно о толстой женщине’ [СРНГ 29: 295], «Наша попадьа, что широкая ладья» [Даль ПРН 1: 378].

Общность признаков попадьи и попа подтверждается также парами лексем, в которых один и тот же объект номинируется как семантическими дериватами лексемы *поп*, так и дериватами лексемы *попадья*: калуж., сиб., урал. *поп* ‘одуванчик *Taraxacum Dens Leonis*’ [Анненков: 349; СРНГ 29: 292] – сиб. *попадья* ‘растение одуванчик «если с него не сдувается цветок, похожий на пух»’ [СРНГ 29: 296].

Среди собственных признаков попадьи выделяется ее **лень** и **неряшливость**: пск. *попадья немойская* ‘бран. о ленивой, неряшливой женщине’ [СПП: 62], «Что сельская попадьа, меж людей задом места ищет» [Даль ПРН 2: 221].

Попадья некрасива, что подчеркивается в контексте, данном к арх. *попадья* ‘бычок-подкаменщик’: «Попадья похожа на налима, несъедобна, даже кошка не ест, некрасивая, оттово попадьею зовут» [КСГРС].

Активно развивается мотив **единственности жены у попа**: «Попу раз оженившись, да на́ век закаяться» [Даль ПРН 2: 455], «Последняя у попа жена (прибавка: да и та попадьа)» [Даль ПРН 1: 96], «Попадья умрет – поп в игумны; поп умрет – попадьа по гумнам» [Даль ПРН 2: 258], «Одна у попа попадьа, да и та последняя (останная)» [Там же]. С этим же связано представление о трех **венчаниях попа**: арх. *попадья* ‘о третьей жене’ [СРНГ 29: 295], «Трижды венчан, а жена одна. <Поп>» [Даль ПРН: 24], «У попа, мол, настоящая жена последняя, у мирянина – третья» [Иллюстров: 137]. Данный мотив объясняется тем, что допустимый церковью максимум брачных связей составлял три венчания, священник же помимо вступления в брак венчался еще два раза: при рукоположении в дьякона и при рукоположении в пресвитера. Таким образом, будучи «трижды венчанным», священник исчерпывал возможности повторного вступления в брак [Макарова 2007: 422].

С этим связано представление о том, что поп бережет свою жену и она живет **легкой, хорошей жизнью**: «Житье, как попадьа за попом (т. е. привольное: поп бережет жену, другой не будет)» [Даль ПРН 1: 89], «Как поп попадьо бережет (одним одна)» [Там же: 108], «Бережет, что поп попадьо» [Даль ПРН 2: 258].

С другой стороны, подчеркивается и **зависимость попадьи от попа**: «Попадья умрет – поп в игумны; поп умрет – попадья по гумнам» [Даль ПРН 2: 258], «Не оставайся от жару головня (угоришь), от попа попадья (надоест)» [Даль ПРН 1: 476].

В некоторых паремиях указывается на **главенство** попадьи над попом, в какой-то мере оно проявляется даже в том, что касается церковных обрядов и жизни прихода: «Что долго нет обедни? – Попадья не устрепалась (пирог в печь не посадила)» [Даль ПРН 2: 258], «Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит» [Даль ПРН 1: 591], «Попу кайся, а попадье не провирайся» [Даль ПРН 2: 165], «Поп как бы поп, да лиха попадья» [Снегирев: 216].

Второе, что выделяется при характеристике поповой семьи – образ поповых **детей**: «Поповы детки, что голубые кони: редко удаются» [Даль ПРН 2: 257].

Для семьи священника было характерно большое количество детей, отсюда возникла такая черта образа попа, как **плодовитость**: «Дворовы да поповы плодливый» [Даль ПРН 2: 258]. В. Ю. Макарова подчеркивает, что определенную роль в формировании этой черты портрета играет и то, что священника называют *отцом*. Таким образом, можно выделить как его родных детей, так и **духовных** [Макарова 2007: 424]: «Кто попу не сын, тот не законный сын» [Даль ПРН 1: 9], «Кто попу не сын, тот сукин сын» [Даль ПРН 2: 257], «Кто попу не сын, тот б...ин сын» [Снегирев: 145; СПП: 137].

Представления о репродуктивных способностях попа проявляются в моск. *поповы яйца* ‘ятрышник мужской *Orchis mascula* L.’ [СРНГ 29: 324].

Из родных детей попа язык обращает внимание на **дочь**, вероятно, это связано с тем, что сыновей священнослужителей довольно рано отправляли учиться, а дочери продолжали жить в родительском доме: «Иной любит попа, другой попадью, а третий попову дочку» [Даль ПРН 2: 475], «Кто любит попа, кто попадью, а кто поповну» [Там же], «Я говорю про попа, ты про попадью, а он про попову дочку» [Даль ПРН 1: 591].

В восприятии поповой дочери часто присутствует **негативная оценка**: «Поповы дочери, что голубые лошади: редкая удастся» [Даль ПРН 2: 587], «Ты дочь попова, да я и сам игумнов сын» [Там же: 257], «Это попова дочка: где кормят, туда и ходит» [Там же: 258]. Интересно представление о том, что попову дочь стара-

ются не брать замуж: «У цыгана не купи лошади, у попа не бери дочери» [Там же: 328], «Не купи у цыгана лошади, не женись на поповой дочери!» [Снегирев: 187].

• Обрядовые действия

Поп часто связывается с **церковными обрядами и таинствами**, которые он совершает, воспринимается как их «часть».

Поп служит **обедню** («Про глухого попа две обедни не служат» [Даль ПРН 2: 161], «Всякий поп свою (по-своему) обедню служит» [Там же: 143], «Поп и обедни не отпел, а дурак и шапку надел» [Снегирев: 216]) и **заутреню**. С обрядом заутрени связано и представление о том, что поп **рано встает**: «Рано (утром) поп поет, а поздно (ночью) вдова плачет» [Даль ПРН 2: 561], «Поп не устал, что рано к заутрени встал» [Даль ПРН 1: 667; Снегирев: 216], «Поп рано встает, долго есть не дает» [СПП: 137], «Поп проспал, а свет настал» [Даль ПРН 1: 205].

Особое внимание уделяется богослужбной речи священнослужителя. В первых, фиксируется мотив **пения** попа: «Купец торгом, поп горлом, мужик горбом (берет)» [Даль ПРН 2: 11], «Трижды поп поет, а в четвертый аминь отдает» [Даль ПРН 2: 235; Снегирев: 255], «Поп не отпел, а ты уж и шапку (и колпак) надел» [Даль ПРН 2: 153].

Мотив пения также поддерживается фонетическим сближением лексем *поп* и *петь*, что можно заметить в следующих паремиях: «Поп поет, кузнец кует, а солдат свою службу служит» [Даль ПРН 2: 146], «Кузнец закует, а поп запоеет» [Там же], «Поп поет, а кузнец кует» [СПП: 137].

Так как одним из занятий попа является церковное пение, осуществляемое в том числе и ранним утром, в паремиях сближаются образы **попа** и **петуха**: «Поп да петух и не евши поют»²⁷ [Даль ПРН 2: 256], сиб. «Два дурака: поп да петух, кто помрёт – он поёт» шутил. ‘о недалеком, глуповатом человеке’ [ФСРГС: 145].

Кроме того, речь священника характеризуется как **длинная, многословная** (без. указ. места *попóвский язы́к* ‘о многословном, болтливом человеке’ [СРНГ 29: 325]) либо, наоборот, как чрезмерно **лаконичная** (пск. *попóвский язы́к* ‘о немногословном, молчаливом человеке’ [Там же]).

Помимо этого, в языке и паремиологии отражается сопровождающий богослужение **обряд каждения**: «Кадя попу икону, покадить и Офоню» [Снегирев:

²⁷ В данном случае значимым оказывается требование служить утрени натошак.

129], «Нечего годить, когда поп кадит» [Даль ПРН 2: 58], «Глашенник, да каженник, да крыкальник. <Колокол, поп, дьячок>» [Садовников: 128 № 1026]. С обрядом каждения связан и **образ дыма**: пск. *кадитъ как кадилом поп* шутил. или неодобр. ‘о дымящем папирасой или сигаретой, часто курящем человеке’ [СПП: 97].

Вероятно, обряд каждения, во время которого распространяется дым, повлиял на развитие значения смол. *поп* ‘светоч, шест аршина полтора вышины, с тяжестью на нижнем конце, который ставят на пол или мост; на верхнем конце прибивают крюк в виде щипцов, железный или деревянный, куда вправляют лучину’ [Добровольский: 671], смол. *поп* ‘название обгорелой лучины’ [Там же].

Интересно также уподобление **кадила** хвосту оленя: арх. «В ельничке густом, в березничке частом олень машет хвостом. <Поп кадит>» [Садовников: 128 № 1030].

В костр. *попóвы чáши* ‘колокольчики’ [СРНГ 29: 324], возможно, оказался запечатлен образ другого богослужебного атрибута – **потира** (чаши для святых даров, из которой причащаются [Скляревская: 207]).

Еще одним атрибутом попа является **колокол**: «Поп в колокол, а мы за ковш» [Даль ПРН 1: 11], «Про глухого попа не разбить колокола» [Там же: 628], «Звони, поп, в колокола, чтобы попадья не спала!» [Даль ПРН 2: 160], «Дан попу колокол, хоть совсем (хоть разбей) его об угол» [Там же: 445], «Дан попу колокол, хоть звони, хоть об угол колоти» [Там же].

Помимо ежедневных богослужений, отмечается участие попа в других обрядах и таинствах, в частности, в таинстве **крещения**. Выделяются две составляющие этого обряда: имянаречение («Разумником поп окрестил, да не тем слывет» [Даль ПРН 2: 253], «Крестил поп Иваном, да прозвали люди болваном» [Там же: 253]) и окунание в воду («Умный тебя поп крестил, да напрасно не утопил» [Даль ПРН 1: 562]).

Поп также проводит **обряд венчания**: «Плохой (глупый) поп свенчает, и хорошему (умному) не развенчать» [Даль ПРН 2: 327], сев.-двин. *поп* ‘прозвище того, кто регистрирует законный брак (в сельсовете)’ [СРНГ 29: 291]. В последнем случае при развитии значения сохраняется представление о функции священника, но происходит ее перенос из церковной сферы в сферу светскую.

Следующая функция священника, отраженная в языке, – принимать **исповедь**. Эта ситуация представляется с нескольких сторон. Во-первых, здесь важен мотив **откровенности**, которую должен проявлять исповедуемый по отношению к священнослужителю: дон. *как попу́ на духу́ (сказать)* ‘открыто, честно, ничего не утаивая’ [СДГВО: 6], «Перед попом утаишь, а перед Богом не утаишь» [Даль ПРН 1: 5] (ср. литер. *исповедь* ‘откровенное признание в чем-либо, откровенное, чисто-сердечное изложение чего-либо’ [МАС 1: 682]).

Во-вторых, ситуация исповеди связана с **отпущением** попом **грехов**: *поп всё покрое́т* ‘время все спишет’ [СРНГ 29: 291], «Деньга попа купит и бога обманет (т. е. поп грехи скроет)» [Даль ПРН 1: 67], «Поп попа кает, только глазом мигает» [Снегирев: 216].

С исповедью связан и мотив **наказания за грехи**, епитимьи, налагаемой священником: волог. *поп* ‘главный ряженный’: «А поп – это кулик самый главный, сидит и наказание каждому говорит» [СВГ 7: 160], дон. *играть в попа́* ‘играть в игру, сходную с игрой в фанты’: «Ф папа играли на вичиринках, накрывали одному лицо платком и спрашивали: “Чиво этой девушки вделать?”» [БТДГ: 195], арх. *поп ухо отрежет* ‘говорят человеку, не соблюдающему пост’ [КСГРС], перм. *держатъ попа в подоле* ‘помнить о своей девичьей чести’ [СПГ 1: 212], пск. *носить попа в жопе* ‘шутл. бояться чего-либо’ [СПП: 62].

Довольно большое количество паремий указывают на связь попа с **погребальным обрядом**: «Пошел в попы, служи и панихиды!» [Даль ПРН 1: 295], «Умереть бы тебе без попа, без дьякона, без свечей, без ладана, без гроба, без савана! (бран.)» [Даль ПРН 2: 318], сиб. «Два дурака: поп да петух, кто помрёт – он поёт» шутл. ‘о недалеком, глуповатом человеке’ [ФСРГС: 145], пск. *носиться как поп с поминаньем* ‘о чьих-л. излишне интенсивных, суетливых действиях, хлопотах вокруг чего-либо’ [СПП: 111], «Попы поют над мертвыми, а комары над живыми» [Даль ПРН 2: 468; Снегирев: 217], «Через восемьдесят могил хватил один блин. <Поп на поминках>» [Даль ПРН 1: 39].

Связь священника с погребальным обрядом определило и представление о необходимости звать попа в то время, когда случаются несчастья: «Торговать – не горевать, торговать – не попа звать» [Даль ПРН 2: 4].

Похороны воспринимаются как один из главных источников доходов священника. Время похорон и поминальных дней расценивается как наиболее благодатное для попа время: «Не всё (всегда) поповым ребятам Дмитриева суббота (т. е. поминки)» [Даль ПРН 1: 57; Иллюстров: 93], «Не всегда попу Дмитриева суббота» [СПП: 137], «Не все коту масленица, попу Фомин понедельник» [Даль ПРН 1: 95]. Поэтому священнику приписывается **заинтересованность в чьей-либо смерти**, ожидание ее: «Поп хочет большого прихода, а сам ждет не дождется, когда кто померет» [Даль ПРН 2: 258], «Поп ждет покойника богатого, а судья тягуна тороватого» [Даль ПРН 1: 184], «Поп дожидается покойника, а судья разбойника» [Иллюстров: 84], «Ждучи поп усопших, да и сам уснул» [Даль ПРН 2: 58], «Утешь батьку (попа), помри», «От попа не уйдешь: похоронит» [Даль ПРН 1: 343].

Ассоциация священника со **смертью** проявляется в следующих единицах: дон. *попóво гумно́ (гумни́ще)* ‘кладбище’ [СДГКО 1: 360], дон. *глядéть на попóво гумно́* ‘быть близким к смерти’ [СРДГ 3: 42]. В данных лексемах отражается представление о своеобразных «сельскохозяйственных работах» священника – сборе урожая смерти (ср. *божья нива* ‘кладбище’ [Даль 2: 115]) [Березович 2000: 207]. Нужно учитывать и пространственную смежность кладбища и церкви; как правило, рядом находился и дом священнослужителя.

• Связь со сферой сверхъестественного

Поскольку священник призван исполнять церковные таинства, сама его фигура наделяется определенной **сакральностью**, которая может претерпевать сдвиг от смысловой сферы церковного в сторону области магического. Это проявляется в языковых фактах, отражающих участие попа в обрядах народной магии: ряз. *катать попа* ‘хватать попа после молебна и повалив его на землю, покатать, чтобы лен уродился лучше (пасхальный обычай)’ [СРНГ 13: 124], «Уроди бог повальный хлеб (приговаривают, когда валяют, для урожая, попа по ниве)» [Даль ПРН 1: 545]. Ср. также костр. *попу́ на боро́дку завязать* ‘об оставленном в поле пучке колосьев’: «Последнюю оставят в поле горсточку, завяжут заломленный особым образом пучок колосьев, часовочку такую маленькую в поле оставят, вот, говорили, попу на бородку завяжем» [ЛКТЭ].

Принадлежность фигуры попа к сфере сверхъестественного отражена в примете о том, что встреча со священником приносит несчастье: «Встретил попа –

нехорош выход» [Даль ПРН 1: 61], «Поп, человек соборованный, вдовец, холостяк, вдова, девка – недобрая встреча» [Там же], «Поп, да девка, да порожние ведра – дурная встреча» [Даль ПРН 2: 584], «Поп – недобрая встреча. Поп сквозь каменну стену сглазит» [Там же: 257]. С этой же приметой, по-видимому, связано пск. *поп* ‘запретное слово на зимнем лове рыбы (того, кто произнесет слово *поп*, наказывают)’ [СРНГ 29: 291].

Представление о связи образа священника со сферой сверхъестественного проявляется и в том, что в народных верованиях поп иногда оказывается соотносим с нечистой силой. Довольно частым текстуальным партнером попа является **черт**. С одной стороны, *поп* и *черт* состоят в отношениях **оппозиции**: дон. *ни попу, ни чёрту* ‘никому не нужно, нигде не пригодится’ [СДГВО], «Поп свое, а черт свое» [Даль ПРН 1: 14], «Поп с кадилом, а черт с рогатиной» [Там же], «Едет поп дорогою, а черт целиком (т. е. встречу, поперек)» [Даль ПРН 1: 196; Снегирев: 217], «Идет поп дорогою, а черт поперек» [Даль ПРН 1: 196], «Поп в гости, черти на погосте» [Даль ПРН 2: 77], «Черт попу не товарищ (поп его обманет)» [Там же: 349]. Интересно, что в подобных паремиях оппозитом *попа* вместо *черта* может выступать *скоморох*: «Скоморох попу не товарищ» [Даль ПРН 2: 156], «Бог дал попа, черт – скомороха» [Там же: 422].

В случае отношений оппозиции священник сохраняет связь с церковью, и возникает представление о том, что черт боится попа: пск. *смотреть как черт на попа* ‘о глядящем на кого-л. со страхом и злобой человеке’ [СПП: 121], «Глядит на меня, как черт на попа» [Даль ПРН 2: 306], «Что остробучился, ровно черт на попа?» [Даль ПРН 1: 134], «Боится, как черт попа» [Там же: 252], «Шел бы черт на свадьбу, да попа боится» [Даль ПРН 2: 440].

С другой стороны, *черт* и *поп* могут выступать в качестве **симиляров**: «На черта помолвка, а попы чадят» [Даль ПРН 2: 256], «Где поп, тут не надобен и черт» [Снегирев: 79]. Здесь интересной представляется ситуация, когда черт либо учит, либо судит священнослужителя: «Не наше дело попа учить, пусть его черт учит» [Даль ПРН 2: 135], пск. «Попов судить – на то беси есть» [СПП: 137].

• Социальное положение

Принадлежность попа к довольно замкнутой **социальной группе** духовенства нашла выражение в паремиологии: «Волк волком не травится, поп попом не

судится» [Даль ПРН 2: 350], «Поп попа хвалит, только (глазом) мигает» [Там же: 257, 296], «Поп попа, дурак дурака и знают» [Там же: 353], «Не наше дело, попово; не нашего попа, чужого» [Там же: 135], «Не наше дело попа каять: на то есть другой поп» [Там же].

Эта социальная группа **противопоставляется** другим, главным образом, **крестьянству**: «Не бывать попу в холопах, что холопу – в попах» [Даль ПРН 2: 456], «Лучше жить в попех, нежели в холопех» [Там же: 256], «Не дай бог попу быть в холопех, а холопу в попех!» [Там же], «Дерет коза лозу, а волк козу, а мужик волка, а поп мужика, а попа приказный, а приказного черт» [Там же: 259], «Знает и крестьянин, что поп не боярин» [Даль ПРН 2: 450; Снегирев: 120], «Каша наша, а щи поповы (лапша дьяконова)» [Даль ПРН 2: 135]. Кроме того, поп может противопоставляться **солдату**: брян., курск. *ни попу́, ни нáймиту* ‘говорится в шутку в разных случаях, где представляется недостаток в чем-либо’ [СРНГ 19: 299].

При этом поп **ставится в один ряд с** представителями тех слоев общества (**дьяками, серебряниками, чиновниками, князьями, царем**), которые также по своему социальному и материальному положению противопоставляются крестьянству: сиб. «Рассыпался корабль по мхам, по морям, по всем городам; не собрать этого корабля: ни князьям, ни попам, ни думным дьякам, ни серебряникам. <Небо и звезды>» [Садовников: 229 № 1852у], «Никому не собрать: ни дьякам, ни попам, ни чиновникам, один Бог соберет. <Небо и звезды>» [Садовников: 229 № 1852а], «Раскладу я клетку – и царю не склать; ни попам, ни дьякам, ни богатым мужикам. <Щепать лучину>» [Даль ПРН 2: 112]²⁸.

²⁸ Ср. варианты этих загадок: «Рассыпался стакан по всем городам, никому не собрать – ни попам, ни дьякам, ни нашим дуракам, ни серебряникам. <Звезды>» [Даль ПРН 2: 598], «Рассыпался ковер по всем сторонам: никому не собрать – ни попам, ни дьякам, ни серебряникам. <Звезды>» [Там же: 599], «Рассыпался черкас, никому его не склать: ни попам, ни дьякам, ни серебряникам. <Горшок>» [Там же: 107], «Раскладу я клетку, не склать эту клетку ни попам, ни дьякам, ни серебряникам. <Лучина>» [Там же: 112], «На окошке пятак, никому его не взять: ни попам, ни дьякам, ни гороховикам. <Сучок>» [Садовников: 4 № 33], «Раскладу я клетку, не склать эту клетку ни попам, ни дьякам, ни серебряникам. <Щепанье лучины>» [Там же: 20 № 179а], «Раскладу я клетку, не склать эту клетку ни попам, ни дьякам, ни богатым мужикам. <Щепанье лучины>» [Там же: № 179б], «Раскладу я клетку, не склать эту клетку ни попам, ни дьякам, ни нам дуракам. <Щепанье лучины>» [Там же: № 179в], «Расчеркаю я черкас, никому его не склать: ни попам, ни дьякам, ни серебряникам. <Щепанье лучины>» [Там же: № 179г], «Рассыпался костер, никому не собрать: ни попам, ни дьякам, ни серебряникам. <Щепанье лучины>» [Там же: № 180], «Жил Нероня, умер Нероня, никто его не хороня ни попы, ни дьяки, ни мы дураки. <Горшок>» [Там же: 40 № 328], «Рассыпался черкас, никому его не склать: ни попам, ни дьякам, ни серебряникам. <Горшок>» [Там же: 41 № 332], «Раскатился черкас, никому его не склать: ни попу, ни дьяку, ни серебрянику. <Горшок>» [Там же: № 332а], «Рассеян горох, никому не собрать: ни дьякам, ни по-

Кроме того, поп соотносится с **другими представителями духовенства**, чаще всего с **дьяконом**: самар. «Два орла одно яичко снесли. <Поп, дьякон, Евангелие>» [Садовников: 128 № 1034], урал. *поп* ‘в детской считалке – третий по счету (при игре в мяч)’: «Кон, играть в мяч об стенку (первый по счету), закон (второй по счету), поп (третий), дьякон (четвертый). Давайте кониться, становитесь: кон, закон, поп, дьякон» [СРНГ 29: 292]. При сопоставлении попа с дьяконом, как правило, подчеркивается **более низкое положение последнего**: *из попов да в дьяконы* [Даль ПРН 2: 258]. Однако, вероятно, с точки зрения священника обязанности дьякона кажутся более простыми: «Поповство – холопство; дьяконство – барство (говорят попы)» [Там же: 256].

Упоминается также иерархическое соотношение «поп – церковный **звонарь**»; последний, подобно дьякону, занимает более низкое положение по отношению к священнику: *не в попы, так в звонари* [Даль ПРН 1: 47].

В паремиологии ставится вопрос и об отношениях попа с **приходом**: «Без попа не приход» [Даль ПРН 2: 255], «Каков поп, таков и приход» [Даль ПРН 1: 196], «Каков приход, таков у него и поп» [Там же], «Абы люде, а поп буде» [Иллюстр.: 92].

Довольно **высокое социальное положение** священника привело к возникновению признака высокой ценности объектов, называемых дериватами лексемы *поп*: красн., орл., тул. *поп* ‘белый гриб’ [СОГ 10: 54; СРНГ 29: 292; СРГЦК 3: 303], тул. *поп* ‘головка ромашки, которой отмечается выигрыш в игре в попы (поп равен 10 обыкновенным ромашкам)’ [СРНГ 29: 293].

Высокий статус попа, по-видимому, повлиял на то, что дериватами лексемы *поп* нередко называются крупные объекты: р. Урал *попóвская сеть*: «Ячеи переднего полотна в ней больше, чем в ярыге, почти такой же величины, как у аханов»

пам, ни серебряникам, один, Бог соберет, в коробеечку складет. <Небо и звезды>» [Там же: 229 № 1852б], «Рассыпался горох на двенадцать (на семьдесят) дорог, никому не собрать: ни дьякам, ни попам, ни серебряникам. <Небо и звезды>» [Там же: 229 № 1852в], тамб. «Постелю ковер, рассыплю горох, никому не собрать: ни дьякам, ни попам, ни серебряникам. <Небо и звезды>» [Там же: № 1852к], новг. «Рассыпался собор на двенадцать сторон; никому не собрать: ни попам, ни дьякам, ни серебряникам, ни грамотным людям, ни нам дуракам. <Небо и звезды>» [Там же: № 1852ф], новг. «Над бабиным двором рассыпался терем; никому не собрать: ни попам, ни дьякам, ни гороховикам. <Небо и звезды>» [Там же: № 1852ф], тамб. «Рассыплю я грамоту по черному бархату; никому не собрать: ни попам, ни дьякам, ни серебряникам. <Небо и звезды>» [Там же: № 1852ш], олон. «Сидит сова на корыти, не можно ее накормить ни попами, ни дьяками, ни пиром, ни миром, ни добрыми людьми, ни старостами. <Смерть>» [Там же: 252 № 2032].

[Малеча 3: 322], р. Урал *попóвка*, *пóпская сеть* ‘вид плавучей сети’: «Поповская сеть или поповка – та же плавная сеть и тех же размеров, но ячеи переднего полотна у ней крупнее, и заднее полотно шире» [СРНГ 29: 325] (для мотивации данной лексемы также важно, что подобная сеть использовалась для лова на крупную, ценную рыбу), арх. *по попóвой шапке* ‘о крупном снеге’: «Снег валит какими хохолками, по поповой шапке» [КСГРС], новг. *с попóву ону́чу* ‘большого размера, крупными хлопьями (о снеге)’ [НОС 7: 3].

Подведем некоторые итоги. В языковом портрете русского попа наиболее полно представлены следующие мотивы: объективно-качественные мотивы и мотивы-атрибуты, в большинстве случаев связанные с внешностью служителя культа: формой и цветом одежды, специфическим головным убором, прической; оценочно-качественные мотивы, в основном указывающие на приписываемые попу черты характера: продажность/неподкупность, греховность, жадность и др.; акциональные мотивы, возникшие на основе представлений о богослужебных действиях, которые совершает священник: обедне, заутрене, исповеди, обрядах крещения, венчания, похоронном обряде.

Стоит отметить, что этнолингвистический портрет попа содержит черты и мотивы, которые выделяются только на основе лексического материала (представление о головном уборе и прическе священнослужителя, образ попова работника); те, в разработке которых лексический материал явно преобладает (представление об одежде, мотив прямостоящего предмета); те, в воплощении которых лексический и паремиологический материал представлен примерно одинаково (представление о толщине попа, образ поповой собаки, образ попадьи, восприятие попа в связи с обрядами исповеди, каждения, богослужения, венчания и погребального обряда); наконец, те, которые выражены преимущественно паремиологическим материалом (представления о социальном статусе священника, о его жадности и завистливости, о способах дохода и богатстве, о поповских детях, образ поповой лошади и курицы), а также аспекты, выделенные только на основе паремий (характеристики возраста, интеллекта, продажности/неподкупности, связь с категорией греха, представления о бедности попа).

Для мотивов, выраженных только паремиологией, вполне объяснима внутренняя противоречивость (ср. мотивы ума/глупости, продажности/неподкупности):

паремии обращены к различным жизненным ситуациям, порой противоречивым. При этом в лексических фактах преобладает нейтральная оценка образа, а в паремиологических – негативная.

2.2.1.1.5. АРХИЕРЕЙ ‘общее название священнослужителей высшей (третьей) степени христианской церковной иерархии’ [Скляревская: 102] (от греч. *арх* ‘начальный, главный’ и *iereus* ‘священник’ [Там же]).

Для языкового портрета архиерея важной становится такая черта его **внешнего вида**, как необычный **головной убор**: дон. *архиерейская шапка*, *архиреева головá* ‘вид кактуса’: «Архиерейская шапка цвiток iмeйть бeлaй, кaк лилия. Рaсцвiтeть и скoрa увядaйть, зaпax у нивo приятний», «Архирейвa гaлaвa – eтa цвiтoк тaкoй, рaстeть, кaк кaбaчoк, и дeлицa лaмтями, кaк дынькa» [БТДК: 27; СРДГ 1: 7].

По-видимому, причиной для подобной номинации послужило сходство формы цветка растения с формой священнического клобука (ср. твер. *клобук попóвский* ‘рогоз узколистный *Tirphaangustifolia* L.’ [СРНГ 29: 325]).

В ср.-урал. фитониме *архиерейская метла* ‘вейник незамеченный, *Calamagrostis neglecta*’ [Коновалова: 21], с одной стороны, мог найти отражение образ бороды архиерея, о чем свидетельствует контекст: «Архерейска метла, наведено, что груба дак, да ишшо на бороду похожа» [Колосова 2009: 78]. С другой стороны, на возникновение этого названия могло повлиять сходство растения со священническим кропилом.

Еще одной составляющей образа архиерея является представление о его **калошах**: карел. *с архиерейскими калошами рядом* ‘о часах, которые неточно ходят’ [СРГК 2: 318]. Мотивация данного факта неясна.

Выделяется также представление о **богатстве** архиерея: «Я не архиерейский зять, с меня нечего взять» [Даль ПРН 2: 428]. Так как архиерей относится к черному духовенству, образ архиерейского зятя связывается с отклонением от обета безбрачия, проявленным в портретах представителей монашества.

2.1.1.6. МИТРОПОЛИТ ‘один из высших титулов черного духовенства, второй (после патриарха) духовный сан; глава епархии’ [Скляревская: 142] (от греч. *μιτροπολίτης* ‘столичный’ [Там же]).

В составлении языкового портрета участвует одна лексема, по-видимому, отражающая представление о **богатстве** митрополита: волог. *митропóлки* ‘сани с обшитыми железом полозьями, изготовленные не кустарным способом’ [СВГ 4: 86].

2.2.1.1.7. ПАТРИАРХ ‘высший титул главы самостоятельной (автокефальной) православной церкви’ [Скляревская: 178] (от греч. *πατριάρχης* ‘родоначальник’ [Там же]).

Для дальнейшего развития семантики данной лексемы важным стало представление о **головном уборе** патриарха – клобуке, и на основе сходства формы возникло волог. *патриáрх* ‘рогоз’ [СВГ 7: 16] (ср. твер. *клобу́к попóвский* ‘рогоз узколистный *Tirphaangustifolia* L.’ [СРНГ 29: 325]).

Помимо этого, паремиология демонстрирует представление о **безгрешности** идеального патриарха, проявленное через отклонение от этого идеала («Голодный и патриарх хлеба украдет» [Даль ПРН 2: 396]), а также о его **большой власти** («Полюбовного договора и патриарх не отнимет» [Там же: 173]).

2.2.1.2. Монастырское духовенство

2.1.2.1. МОНАХ, МОНАХИНЯ ‘член религиозной общины, принявший пострижение и давший обет вести аскетическую жизнь в соответствии с монастырским уставом’ [БАС 6: 1221] (от греч. *μοναχός* ‘одинокый’ [Черных 1: 541]).

При развитии значений лексем данного гнезда иногда наблюдается действие метонимического переноса, по которому наименование монаха переносится на обозначения людей, связанных с христианским культом, но не принимавших схи-му: тамб. *мона́шка* ‘женщина, помогающая священнику и дьякону во время службы’ [Дубровина: 78], влад. *монашáта* ‘мальчики-прислужники в монастыре’ [СРНГ 18: 252].

• Внешний вид

В языковом портрете монаха большое внимание уделено его внешнему виду. Одна из главных отличительных черт облика монаха – его необычная **одежда**: калуж. *мона́шество* ‘монашеская одежда’ [СРНГ 18: 252]. В паремии «Не всяк монах, на ком клобук» [Даль ПРН 1: 20] выделяется также характерный для монаха головной убор – **клобук**, который воспринимается как один из маркеров духовенства, в частности монашества. Кроме того, в языке отражается представление и о **головном уборе монахини**: волог. *платок мона́шкой* ‘платок, завязанный концами назад’ [КСГРС].

С идеей необычной одежды монашества, вероятно, связаны следующие дериваты: калуж. *мона́х* ‘бумажный змей особой формы’: «Без дранок, с неаккуратным мочальным хвостом» [СРНГ 18: 252], красн. *мона́шка* ‘узор в виде квадратов, треугольников, вышитый на складках юбки’ [СРГЦК 2: 347]. Треугольная форма номинируемых объектов, вероятно, соотносится с формой монашеской рясы.

В языке выделяется и такой признак монашеской одежды, как ее **скромность, будничность**: литер. *одеваться монахиней* ‘одеваться скромно, неброско’ [БАС 6: 1222], арх. *мона́хом* ‘в знач. нареч. одевшись просто, не по-праздничному’ [СРГК 3: 255].

Но ярче всего выражено представление о **черном цвете** одежды монаха (ср. другое наименование монаха – *чернец*): «Чернее монаха не будешь» [Даль ПРН 2: 455]. Признак цвета стал мотивирующим при номинации черных или темных объектов: калуж. *мона́х* ‘голубь очень темной окраски’ [СРНГ 18: 252], смол. *мона́шенка* ‘о черной галке’ [Добровольский, 417; СРНГ 18: 252], диал. *мона́шка* ‘серый гусь *Anser L.*’ [СРНГ 18: 252], литер. *мона́шенка*, *мона́шка* ‘ночная бабочка из сем. волнянок с черными полосами и пятнами на крыльях и брюшке’ [БАС 6: 1223], диал. *мона́х* ‘шелкопряд, сумеречник, которого гусеница поедает лес’ [Даль 2: 351], нижегор. *мона́х*, казан. *мона́х-рыба* ‘волжский подуст *Chondrostoma nasus variable* Jacowlew’ [СРНГ 18: 252], морд. *мона́х*, *мона́шка* ‘пластинчатый черный гриб из семейства груздей, чернушка’ [СРГМ 1: 541], орл. *мона́хи*, *мона́шки* ‘почерневшие, гнилые яблоки’ [СОГ 2: 143], калуж. *мона́шенки* ‘блохи’ [СРНГ 18:

252]²⁹, литер. *мона́шек*, *мона́шенка*, *мона́шка* ‘курительная свечка в виде черной пирамидки из угольного порошка с душистыми смолами, распространяющими при сжигании ароматный дым’ [БАС 6: 1222; Даль 2: 351], простонар. *мона́х* ‘в подкопном деле кусок трута, для поджога’ [Даль 2: 351], пск. *мона́шка* ‘чугунок черного цвета с отверстием, в которое вставляется трубка самогонного аппарата’: «Монашка и монаха завуть вроде цугуна з дуркой, туда аппарат фставляют и тестам замазывают» [ПОС 18: 352].

Черный цвет является одним из главных отличительных признаков духовенства; помимо монаха, он также характеризует попа и пономаря.

Среди дериватов слова *монах* обнаруживаются факты, в которых реализуется мотив **вертикального прямостоящего предмета**, что тоже объединяет *монаха* с *попом*: волог. *мона́х* ‘укладка зерновых или технических культур на поле, состоящая из 18 снопов’ [СРГК 3: 255–256] (ср. влад. *поп* ‘малая укладка снопов в поле, представляющая собой несколько поставленных колосьями вверх снопов, накрытых сверху снопом колосьями вниз’ [СРНГ 29: 291]). К данной группе примыкают и номинации типа карел. *мона́х* ‘длинная бутылка с красным вином’ [СРНГ 18: 252], тул. *мона́х с рясой* ‘четвертная бутыл с вином’ [СРНГ 18: 252], карел. *мона́х* ‘бутыл для водки емкостью в четыре литра’ [СРГК 3: 255]. Но здесь значимы и другие мотивирующие моменты. «Винная» тема в образе монаха появилась еще и потому, что в монастырях была распространена традиция виноделия, при них часто находились винные погреба. Кроме того, если предположить, что первоначальное значение слов этой группы – ‘бутылка с красным вином’, возможно отметить ироническое переосмысление обряда причастия, которое сопровождалось вкушением хлеба и вина: в народном сознании частотным мотивом, возникающим в связи с этим обрядом, стал мотив употребления алкогольных напитков (ср. прост. *причастаться* ‘выпивать’).

Вероятно, на основе признака вертикального предмета и сходства цветка с прической служителя культа возникло волог. *мона́шка* ‘травянистое растение с цветками, белыми по краям и желтыми в середине; ромашка’ [СРГК 3: 256]. Связь образов ромашки и представителей церкви наблюдается в лексемах вроде новг.

²⁹ В данном случае также значима идея множественности, связанная с представлением о монастырской братии.

попóвка ‘ромашка аптечная’ [НОС 8: 119], яросл. *поп* ‘полевая ромашка’ [СРНГ 29: 293] и др. (см. раздел 2.2.1.1.4), кроме того, возможно, на развитие значения также повлияло фонетическое сходство слов *монашка* и *ромашка*.

• Особенности поведения, образ жизни

Сходство с фигурой человека в сочетании с признаком неподвижности проявлено в карел. *что мона́х палеостро́вский (стоять)* ‘неподвижно, замерев на месте (стоять)’³⁰ [СРГК 3: 255]. Вероятно, здесь проявились также представления о степенности и строгости поведения монаха (ср. бел. *сядзэ́ць як манáх* ‘о подчеркнуто

БЭ строгом человеке’ [СБНП: 344]).

В других фактах реализуется мотив **движения**, вероятно, связанный с представлением о поклонах монаха во время богослужения: пск. *мона́хи* ‘спусковое устройство в водоеме: опускающиеся и поднимающиеся вертикальные щиты’ [ПОС 18: 351] «Лежит монах в крутых горах; выйдет наружу, кормит верных и неверных. <Жернова>» [Даль ПРН 2: 26], сарат. «Лежит монах в крутых горах, выйдет наружу – кормит верных и неверных. <Жерновой камень>» [Садовников: 136 № 1105].

Другой аспект поведения, которому уделяется внимание, – монашеская **речь**: новг. *мона́шиться* ‘вести разговор в толпе’ [НОС 5: 95].

Образ жизни монаха предполагает четкое следование уставу, диктующему **нормы поведения**. В языке отражаются представления как о самих нормах, так и об отступлениях от них: литер. *монашеский* ‘аскетически-воздержанный, целомудренный’, твер. *размона́шиться* ‘нарушить заповеди, правила поведения монаха’ [СРНГ 34: 26].

Соблюдение этих норм признавалось народным сознанием невыполнимой задачей, отсюда представление о **лицемерии**, неискренности поведения монаха: ворон. *мона́шиться* ‘прикидываться монашкой; лицемерить’ [СРНГ 18: 252].

С лицемерием соотносится представление о том, что праведную жизнь монахи начинают вести лишь перед смертью: «Хватился монах, когда смерть в головах» [Даль ПРН 1: 622; Даль ПРН 2: 163], «Хватился каяться монах, как уж смерть

³⁰ Имеется в виду находящийся на острове Палей Онежского озера Палеостровский Рождественский монастырь.

в головах» [Снегирев: 265]. Отчасти возникновение данных паремий связано с традицией уходить в монастырь в конце жизни, ср. «И черт под старость в монахи пошел» [Даль ПРН 1: 20].

В портрете монаха, как и в портрете русского попа, отмечается **связь** представителя духовенства с **чертом**. В частности, с образом черта связано представление о **хитрости** монаха: «Черт монаху не попутчик (его монах проведет)» [Даль ПРН 2: 257].

Среди отраженных в языке характеристик монаха выделяется его **рассеянность**: карел. *монáх* ‘в обращении неловкий, рассеянный человек, разиня’ [СРГК 3: 255]. С этим же, видимо, связано отраженное в паремиологии представление о **пустоголовости** монаха: «Хватился монах, как пусто в головах» [Даль ПРН 2: 163], ряз. «Покатился монах по Сионским горам, сухари – в головах. <Гром>» [Садовников: 242 № 1950].

Одним из наиболее значимых для языкового портрета монаха является представление об **обете безбрачия**, который он дает, послужившее причиной для развития семантики ‘холостой, неженатый’: карел., костр., пск. *монáх* ‘неженившийся мужчина, холостяк’ [ЛКТЭ; СРГК 3: 255; ПОС 18: 351], пск. *остаться монáхом* ‘остаться холостым’ [ПОС 18: 351], сиб. *монáшить* ‘жить холостяком’ [СРГС 2: 290], ворон. *монáшка* ‘девушка, не вышедшая замуж и смирившаяся с этим’ [СРНГ 18: 252], пск. *монáшка* ‘незамужняя женщина’ [ПОС 18: 352].

С обетом безбрачия, по-видимому, связана и примета «Монах (монахиня) на свадьбе зловещ для молодых» [Даль ПРН 2: 340] (ср. «Чернец и черница всякую свадьбу портят» [Там же]).

С другой стороны, в языке отражено и неисполнение этого обета: «За компанию (для дружбы) и монах женился» [Даль ПРН 2: 353], новг. *монáшина* ‘жена монаха’ [НОС 5: 95]. Ироническое осмысление несоблюдения обета безбрачия отражено и в лексемах: новг. *монáшить* ‘гулять с девушками’ [НОС 5: 95], пск. *монáх* ‘название игры на молодежном гулянии’: «А то монаха играли: выходили на калидор, кто понравится, тово вызывали, если там я парня вызову, я уйду, а он другую девушку берёт, ф перемешку» [ПОС 18: 351], пск. *монаха вызывать* ‘играть в игру с поцелуями’ [СПП: 53].

Другой важной характеристикой образа монаха является его **затворничество**, отдаленность от людей: литер. *монах* ‘о мужчине, живущем уединенно, ведущем аскетический образ жизни’ [БАС 6: 1221], литер. *монахиня* ‘о женщине, живущей уединенно, ведущей аскетический образ жизни’ [Там же: 1222], калуж. *замонаши́ться* ‘начать удаляться от общества, начать вести монашеский образ жизни’ [СРНГ 10: 254], калуж., моск. *размона́шиться* ‘начать вести монашеский образ жизни, удалиться от общества’ [СРНГ 34: 26], калуж. *размона́шиться* ‘отказаться от уединенного образа жизни’ [Там же].

С затворничеством, по-видимому, связано представление о **далеком расстоянии**, на котором находится монах от наблюдателя-номинатора: карел. *к мона́ху* ‘прочь, подальше’ [СРГК 3: 255], пск. *к мона́ху* ‘прочь, вон’ [ПОС 18: 351; СПП: 53], пск. *ну тебя (его, их) к мона́ху* ‘как выражение раздражения, недовольства кем-нибудь’ [ПОС 18: 351], пск. *к мона́ху* ‘эмоц. восклиц. (безразличие, уступка)’ [СПП: 53]. Высокая степень экспрессивности данных паремий обусловлена амбивалентностью восприятия духовенства. Сохраняя общую принадлежность к сакральной сфере, такая лексика может потерять связь со сферой церковной, «чистой» (ср. разг. *к черту*).

Уединенный образ жизни монахов и отдаленность монастырей послужили причиной для развития мотивов **прятанья** и **воровства**: иркут. *замонаши́ть* ‘запрятать, засунуть куда-либо или присвоить что-либо чужое’ [СРНГ 10: 254].

Отдельно стоит выделить представление о способности монахинь оказывать медицинскую помощь: брян. *мона́шка* ‘знахарка’; ‘медицинская сестра’ [СРНГ 18: 252].

Таким образом, наиболее активны в портрете монаха ситуационные мотивы, характеризующие его образ жизни: мотив безбрачия и затворничества, а также ряд качественных мотивов, характеризующих внешний вид.

2.1.2.2. ИНОК ‘монах’ [БАС 5: 365] (калька с греч. *μοναχός*, *μοναχή*, образованная от *инь* ‘один’ [Черных 1: 349]).

В этнолингвистическом портрете выделяется представление об **уединенном, затворническом образе жизни** инока: карел. *и́нок* ‘о том, кто живет в лесу, скрываясь от властей’ [СРГК 2: 293].

Отмечается **связь** инока с **нечистой силой** – **бесом**: «Радостен бес, что отпущен инок в лес» [Даль ПРН 1: 14], «Беси плачут, как иноки алчут» [Снегирев: 58].

2.1.2.3. КАЛОГЕР, КАЛУГЕР, КАЛАГИРЬ диал. ‘монах, почтенный старец’ [СлРЯ XI–XIV 4: 195] (от греч. καλόγερος [Там же]).

В современном русском литературном языке данное слово не фиксируется, память о *калогере* сохранилась лишь в говорах. Первоначально лексема обозначала монаха, но позже стала номинировать и **других представителей духовенства**: олон., сев-двин. *калагирь* ‘священник’ [СРНГ 12: 333].

Кроме того, данная лексема используется для наименования **старообрядцев**: костр., нижегор., сарат. *калугур*, *кулугур* ‘старообрядец, старовер’: «Кулугуры не пошли в никонианскую веру, староверы они» [ЛКТЭ; СРНГ 12: 367]. Возможно, такая номинация старообрядцев связана с тем, что слово перестает функционировать в языке официальной церкви и начинает восприниматься как архаизм.

Образ старообрядца, возможно, повлиял на формирование **негативной оценки** калогера и представления о нем как о недружелюбном, капризном человеке: волог. *калагирь* ‘капризный, заносчивый, недружелюбный человек’ [Дилакторский: 186; СРНГ 12: 333].

Влияние значения ‘старообрядец’ могло проявиться и в представлении о **богатстве** калогера: волог. *кулугур* ‘состоятельный, богатый человек’: «Долбленные лодки только у кулугуров были, бедняки лодки шили, где им долбленную достать» [КСГРС]. С другой стороны, мотив богатства характерен и для образов никонианского духовенства, так, например, он выделяется в портрете русского попа (ср. *поповский карман* ‘о наличии у кого-то больших денег’ [СРНГ 29: 325]). Кроме того, подобное значение могло возникнуть и в результате притяжения к общенар. *куркуль* ‘богатый крестьянин-собственник’ [МАС 2: 153].

В портрете калогера, как и в портрете монаха, возникает мотив **затворничества**: ставроп., самарск. *калагурка* ‘женщина, уединенно живущая в отдельной избушке, занятая молитвами и постом’ [СРНГ 12: 333].

Помимо этого, в семантике дериватов слова *калогер* отмечается мотив **многословия**: перм. *калагирь* ‘шутник-старичок; рассказчик старичок’ [СРНГ 12: 333].

2.2.1.2.4. ЧЕРНЕЦ ‘монах’ [БАС 17: 890].

Внутренняя форма слова чернец указывает на особенность его внешнего вида – черную одежду. **Мотив черного цвета** возникает и в фразеологизме пск. *по углам чернецы забежали (заиграли)* ‘о наступлении темноты (вечером)’ [СПП: 75] (ср. представления о черной одежде монаха: «Чернее монаха не будешь» [Даль ПРН 2: 455], ср также пск. *поп на сивой кобыле ездит* ‘шутл. о темной ночи’ [СПП: 62]).

В портрете чернеца реализуются представления о его **затворническом, одиноком образе жизни**: пск. *жить как чернец* ‘шутл.-ирон. о чьей-либо одинокой, скромной, без всяких развлечений и излишеств жизни’ [СПП: 120].

Другой характерной чертой чернеца, как и любого представителя черного духовенства, является данный им **обет безбрачия**, который, вероятно, переосмыслен в примете «Чернец и черница всякую свадьбу портят» [Даль ПРН 2: 340] (ср. «Монах (монахиня) на свадьбе зловещ для молодых» [Там же]).

В портрете чернеца выделяется и представление о принятии монашеского пострига в тяжелой жизненной ситуации: «От горя – в солдаты, от беды – в чернецы» [Иллюстров: 95], «Грядет чернец в монастырь, взложь кошель на костыль» [Снегирев: 86]. С этим, а также, по-видимому, со строгостью монастырского устава может быть связано и представление о нежелании чернеца вести монашеский образ жизни: «Нашел чернец клобук – не взрадовался, а потерял – не тужит» [СПП: 143], «Нашел чернец клобук, не взрадовался, а потерял, не тужил» [Снегирев: 177], «Пришли чернеца схимить, а он и старое платье хочет скинуть» [СПП: 143].

2.2.1.2.5. АРХИДЬЯКОН ‘почетный титул главного диакона в лавре, крупном монастыре, диакон, служащий при патриархе’ [Скляревская: 22] (от греч. *арх* ‘начальный, главный’ и *диаконос* ‘служитель’ [Там же]).

В данное деривационно-фразеологическое гнездо, возможно, входит всего одна лексема – сиб. *архидáчить* ‘употреблять спиртные напитки’ [СГБС 1: 468], в которой проявляется мотив **употребления алкогольных напитков**. Возможно, возникновение этого мотива связано с народным переосмыслением обряда евхаристии (ср. карел. *монáх* ‘длинная бутылка с красным вином’ [СРНГ 18: 252], прост. *причащаться* ‘выпивать’).

2.2.1.2.6. ИГУМЕН ‘звание иеромонаха, обычно настоятель мужского монастыря’ [Скляревская: 101] (от греч. *ἡγουμενος* ‘ведущий, руководитель’ [Там же]).

Из черт облика игумена выделяется представление о **черном цвете** его одежды, повлиявшее на возникновение значений: сиб. *игуmén* ‘небольшая птица из рода куликов, короваек’ [Даль 2: 4], томск. *игуmén* ‘маленький кулик’ [СРНГ 12: 75].

Вторая особенность внешности игумена – характерный головной убор, **клобук**, но отмечается, что клобук не является единственной отличительной чертой: «Не всякой игумен, на ком клобук» [Снегирев: 182].

Отмечается также черта внешнего вида игуменьи – неряшливость, некрасивость: арх. *егуменьша, как егуменьша* ‘некрасивая, неопрятная, неповоротливая женщина’ [АОС 13: 31-32].

Важным для этнолингвистического портрета игумена стало представление о его **высоком положении** в монастыре: «Убог монастырь, что игумен сам воду возносит» [СПП: 135]. Из этого, вероятно, развилось представление о **почтенности** и **старости** игумена: калуж. *йгумен* ‘шутливое название старого солидного человека’ [СРНГ 12: 75].

Ряд паремий демонстрируют **отношения игумена с монахами**, находящимися в его подчинении, и **главенствующее положение** игумена: «Игумену дело, а братии – зась» [Даль ПРН 2: 137], «За что игумен, за то и братья» [Иллюстров: 95], «Каков игумен, таковы и братья» [Даль ПРН 1: 197; Иллюстров: 95], «Игумен за чарку, братья за ковши» [Там же], «Игуменьи за чарки, сестры за ковши» [Даль ПРН 1: 197], «Игумен хорош, так и братья не худы» [Иллюстров: 95], «Игумен шевелит, а братьям не велит» [Снегирев: 301].

В связи с этим выделяется и представление о **строгости** игумена: «Звонок бубен, да страшен игумен» [Даль ПРН 2: 440; СПП: 126], «Знает про то игумен, который звонок бубен» [Даль ПРН 1: 616]. В данных паремиях, кроме того, происходит фонетическое сближение слов *игумен* и *бубен*. На основе подобия звучания возникает также связь *игумен* – *гумно*: «Это игумен вокруг гумен», «Такой игумен, что ходит по гумнам» [Даль ПРН 1: 20], «Игумна в гумна беда занесла» [Снегирев: 123]. Возможно, результатом формальной контаминации этих двух слов стала лексема арх. *игуménник* ‘гусь гуменник’ [КСГРС].

Строгость и суровость характерна и для женского образа игуменьи: арх. *как егúменьша* ‘с выражением недовольства, обиды’: «Дуть губы, как егúменьша», «У, сидит, как егúменьша!» [АОС 13: 31-32].

Интересна также паремия «Ты дочь попова, да я и сам игумнов сын» [Даль ПРН 2: 257]. Здесь важную роль играет представление об обете безбрачия, характерном для черного духовенства, поэтому существование игумнова сына воспринимается изначально невозможным.

2.2.1.2.7. АРХИМАНДРИТ ‘высшее звание священника-монаха, почетный титул настоятелей мужских монастырей’ [Скляревская: 23] (от греч. *αρχ* ‘начальный, главный’ и *μανδρα* ‘место, обнесенное оградой’ [Там же]).

При развитии значения лексемы *архимандрит* сохраняется **связь представлений о священнослужителе с сакральной сферой**, но при этом происходит **смещение полюсов**: лексема, ранее принадлежавшая к церковной, «чистой» сфере, номинирует объект из сферы «нечистой», развивая «чертово» значение: тул. *архима́ндра* ‘дьявол, нечистая сила’ [СРНГ 1: 280]. Вероятно, в данном случае мотивирующим стал и признак **главенства** архимандрита над другими священнослужителями, подобно главенству дьявола над иной нечистой силой. Определенную роль могла сыграть и «сложность», «заковыристость» слова *архимандрит*. Идея главенства отражается и в сопоставлении архимандрита с **медведем**: «В лесу и медведь архимандрит» [Даль ПРН 1: 93; СПП: 133], диал. *лесной архимандрит* ‘медведь’ [Дубровина 2005: 200]. С. Ю. Дубровина отмечает, что такое сближение основано на представлениях о важности и сановитости медведя и архимандрита [Там же].

Представление о **безгрешности**, которая должна быть присуща архимандриту, так же, как и в портрете попа, проявляется через **указание на отклонение от идеала**: «Голодный, и архимандрит украдет» [Даль ПРН 1: 88].

2.2.2. Церковнослужители

2.2.2.1. ПОНОМАРЬ ‘церковнослужитель, прислуживающий в алтаре’ [Скляревская: 188] (от ср.-греч. *παράμοναρι(ο)ς* ‘церковный служитель’ [Там же]).

Значимым для образа пономаря становится его место в церковной иерархии. С одной стороны, отмечается его **низкое социальное положение**: «Наше барство

хуже пономарства» [Снегирев: 177], «Худое дворянство хуже пономарства» [Там же: 276].

С другой стороны, подчеркивается, что место пономаря в церковной иерархии выше, чем место звонаря в ней: «Не пойдешь в звонари, не попадешь и в пономари» [Даль ПРН 1: 295], «Не быть звонарем, не быть и пономарем» [Там же].

Пономарь в основном воспринимается в связи с его участием в **церковных обрядах**: вят. *подомáрить* ‘прислуживать при богослужении священнику’ [СРНГ 28: 118], вят. *подомáрь* ‘мальчик, прислуживающий при богослужении священнику’ [Там же].

Наиболее ярко выражено представление **речи** пономаря. При характеристике такой речи отмечается то, что все церковные тексты произносились **нараспев**, отсюда возникло сопоставление пономаря с петухом: «Дважды родился, ни разу не крестился, в пономари посвятился. <Петух>» [Даль ПРН 2: 620]. Особый способ чтения богослужебных текстов послужил причиной для представления о **монотонности** речи пономаря: *читает, как пономарь* [Даль ПРН 1: 535].

Признак монотонности речи стал мотивирующим при образовании дериватов, обозначающих насекомых: новг. *пономáрь* ‘темно-серая кровососущая муха (обычно во время сенокоса)’ [СРНГ 29: 267], новг. *подомáрь* ‘двукрылое насекомое, самка которого питается кровью животных и человека, слепень’ [НОС 8: 45]. В этом случае на развитие значения также, очевидно, повлиял и признак **черного цвета**, маркирующего различных представителей духовенства. Наконец, определенную роль мог сыграть и признак «**паразитизма**» пономарей, живущих, как и другие служители церкви, за счет подношений. Вероятно, на основе признака цвета, а также сходства с фигурой стоящего человека возникла номинация новг. *пономарí* ‘вид грибов для засолки’ [НОС 8: 109].

Другой функцией пономаря, отраженной в языке и малых фольклорных жанрах, стала его обязанность **звонить в колокола**: «Поп со двора, пономари в колокола» [Даль ПРН 2: 77], «Не все пономари, а редко кто не званивал» [Даль ПРН 1: 545], «Не всякой в пономарях бывал, а редкий, чтоб не званивал» [Снегирев: 182], «Дьячок не служит, все по девушке тужит; пономарь не звонит, на нее ж глядит» [Даль ПРН 2: 315].

Образ колокольного звона в дальнейшем развивает значение **большого количества бессмысленной речи**: пск. *звонить как пономарь* ‘шутл.-ирон. о постоянно болтающем пустое человеке, пустозвоне’ [СПП: 111] (ср. прост. *рас-трэзвóниться* ‘увлечься болтовней, разговориться’ [БАС 12: 924]).

Поскольку пономарь связан с **сакральной сферой**, он сам наделяется определенной степенью сакральности, которая может потерять связь с церковной сферой и получить магическое содержание: ряз. *катать попа, пономаря* ‘хватать попа, пономаря после молебна и повалив их на землю, покатавать, чтобы лен уродился лучше (пасхальный обычай)’ [СРНГ 13: 124].

2.2.2.2. ЗВОНАРЬ ‘служитель в церкви, звонящий в колокола’ [БАС 4: 1154].

Основным элементом портрета звонаря является мотив **колокольного звона**. Фиксируется перенос наименования на насекомых и птиц, издающих звуки, напоминающие колокольный звон: пск. *звонарі́* ‘мошкара’ [ПОС 12: 292], яросл., смол. *звона́рик* ‘желтоголовый королек *Redulus cristatus* Koch.’ [СРНГ 11: 221]. В последнем случае возникновение значения может быть связано с представлением о тонзуре священнослужителя (см. мотивацию укр. львов. *ксьо́ндзик* ‘королек желтоголовый *Regulus regulus*’).

Характеристики колокольного звона часто переносятся на человеческую речь. В данном случае одним из важнейших свойств обозначаемой речи становится **громкость**: новосиб. *звона́рь* ‘крикливый человек, крикун’ [СРГС 1: 239], перм. *звона́рь* ‘человек быстро и громко говорящий’ [СПГ 1: 322].

Громкостью колокола обусловлено представление о **глухоте** звонаря: калуж. *звона́рь* ‘глухой человек’ [СРНГ 11: 221].

Другой характеристикой колокольного звона является его **интенсивность**, которая в дальнейшем начинает характеризовать речь: простонар. *звона́рь* ‘болтун, сплетник’, *звона́рка* ‘болтуня, сплетница’ [Даль 1: 695], пск. *звона́рь* ‘кто любит поговорить’ [ПОС 12: 292]. Развитие мотива сплетен во многом связано с оповестительной функцией колокольного звона, целью которого было быть услышанным на как можно большем расстоянии как можно большим количеством людей (ср.

разг. *раззванивать* ‘разглашать всем, распространять повсюду’ [БАС 12: 331], ворон. *новый колокол льют* ‘о ложном слухе’ [СРНГ 14: 164]).

С представлением о церковном звоне связан **мотив воровства**. Он «питается», вероятно, идеей скопления людей (основанной на том, что колокольный звон, как правило, собирает большое количество людей) и идеей отвлечения внимания, ср. перм. *благове́стити* ‘красть, воровать’ [СРНГ 2: 305]): дон. *звона́рь по чужой деньге́* ‘вор, грабитель, мошенник’ [СДГВО 2: 283].

Кроме того, при характеристике звонаря отмечается более **низкое положение в церковной иерархии** по сравнению с положением пономаря: «Не пойдешь в звонари, не попадешь и в пономари» [Даль ПРН 1: 295], «Не быть звонарем, не быть и пономарем» [Там же].

2.2.2.3. БОГОМАЗ пск. ‘иконописец, продавец икон’ [ПОС 2: 68].

При развитии семантики данной лексики наблюдается расширение значения «тот, кто рисует иконы» → «тот, кто рисует вообще»: пск. *богомáз* ‘человек, занимающийся разрисовкой тканей при помощи трафарета’ [ПОС 2: 68], смол. *богомáз* ‘о художнике, занимающемся живописью’ [ССГ 1: 203], приирт. *богомáз* ‘маляр’ [СРСГСП 1: 53].

Выводы:

Итак, проанализировано 17 деривационно-фразеологических гнезд с вершинными словами, обозначающими служителей христианского культа. Обращает на себя внимание разная наполненность гнезд: полнее всего представлен портрет попа (в деривационно-фразеологическое гнездо включено 476 лексических и паремиологических фактов), который включает в себя большую часть признаков, характерных и для портретов других священно- и церковнослужителей. Портреты других священников первой степени иерархии: пресвитера и пробста содержат единичные факты. На втором месте по наполненности находится портрет монаха (64 факта). Кроме него на основе русского языка можно построить портреты других монашествующих: инока (3 факта), калогера (6 фактов), чернеца (8 фактов), игумена (20), архидьякона (1 факт). Эти портреты содержат меньшее количество черт, выбор которых нередко обусловлен внутренней формой слова (ср. мотив за-

творничества в портрете инокa и черного цвета в портрете чернеца). Низшие церковные чины представлены портретами дьякона (34 факта), пономаря (17 фактов), звонаря (11 фактов) и богомаза (3 факта). Наименьшей степенью наполненности обладают портреты высших служителей культа: портреты архиерея и архимандрита содержат по 4 факта, патриарха – 3, митрополита – 1.

Нами были выявлены основные мотивы, реализуемые в языковых портретах русского духовенства. Основной список с данными по портретам и по количеству фактов см. в приложении 1.

Для низших чинов (дьякона, дьячка, звонаря, пономаря) главными становятся акциональные мотивы, отражающие представление об обрядовых действиях, ими совершаемых, что отличает их от представителей высших степеней священства, в портретах которых доминируют объективно-качественные мотивы и мотивы-атрибуты, связанные с их необычным внешним видом либо с высоким социальным статусом.

Можно отметить две основные, согласно народным представлениям, обрядовые функции низшего духовенства. Во-первых, функцией, которой наделяются дьякон, дьячок, поп и пономарь, является чтение богослужебных текстов, в связи с чем возникает представление об особенностях речи служителей культа. Одной из главных характеристик такой речи стала ее «песенность» (ср. *дьячить* ‘петь что-либо по нотам (хотя и светское)’; «Поп поет, кузнец кует, а солдат свою службу служит»). Речь духовенства воспринимается как монотонная (ср. *дьячить* ‘монотонно петь’; «Читает, как пономарь») и длинная, многословная (ср. *как дьякон на амоне* ‘о болтливом, многоречивом человеке’, *поповский язык* ‘о многословном, болтливом человеке’). Во-вторых, функция звонить в колокола приписывается звонарю и пономарю (ср. *звонари* ‘мошкara’, «Поп со двора, пономари в колокола»).

В портретах черного духовенства (*монах, инок, калогер, чернец*) главными становятся ситуационные мотивы, связанные с представлениями об особом образе жизни монахов: их затворничестве (ср. *замонашиться* ‘начать удаляться от общества, начать вести монашеский образ жизни’, *инок* ‘о том, кто живет в лесу, скрываясь от властей’), обете безбрачия (ср. *монах* ‘неженвшийся мужчина, холостяк’), что во многих фактах оказывается иронически переосмыслено (ср. *монашить* ‘гу-

лять с девушками», «Ты дочь попова, да я и сам игуменов сын», «Я не архиерейский зять, с меня нечего взять»).

Необычный внешний вид представителей духовенства обусловил активность в их языковых портретах мотивов-атрибутов, указывающих на особую одежду служителей культа (ср. «Когда не поп, так и не мыкайся в ризы», костр. *монашество* ‘монашеская одежда’), их головной убор (ср. *клобук поповский* ‘рогоз узколиственный’, *архиерейская шапка* ‘вид кактуса’), прическу (ср. пск. *длинноволосый что поп* ‘о мужчине с длинными волосами’, вят., твер. *попова плешь* ‘одуванчик’). Наиболее ярким элементом языкового портрета служителя культа является черный цвет его одежды (ср. *монах*, *монашка* ‘пластинчатый черный гриб из семейства груздей, чернушка’, *поп* ‘навозный жук’, «Чернее монаха не будешь»). Эти мотивы представлены и в лексическом, и в паремиологическом материале: разнообразие объектов и активность вторичной номинации свидетельствуют о закреплённости данного «цветового» представления в языковой картине мира.

В портретах практически всех представителей духовенства содержится указание на социальный статус, проявленное, однако, в основном в паремиологии. Поскольку церковная система предполагала очень жесткую иерархию, эта иерархия отразилась и в народном сознании. С одной стороны, противопоставление по социальному положению происходит внутри системы служителей культа: поп сопоставляется с дьяконом («Из попов да в дьяконы»), игумен – с монахами («Игумен шевелит, а братьям не велит»), пономарь – со звонарем («Не быть звонарем, не быть и пономарем»). С другой стороны, священнослужители довольно высоких ступеней иерархии (начиная с попа) противопоставляются простому народу, крестьянству. Основой для такого противопоставления служит более высокий социальный статус духовенства и его материальное положение (*кулугур* ‘состоятельный, богатый человек’, *митрополки* ‘сани с обшитыми железом полозьями, изготовленные не кустарным способом’).

Существенным признаком, включенным в языковые образы служителей культа, является то, что, исполняя церковные, сакральные обряды, они сами наделяются сакральностью. Однако образованные от названий духовных лиц языковые факты, сохраняя общую семантику сверхъестественного могут претерпевать сдвиг значения, переходя из смысловой сферы, связанной с церковью, в область магиче-

ского (ср. *катать попа, пономаря* ‘хватать попу, пономаря после молебна и повалив их на землю, покатать, чтобы лен уродился лучше’), либо вместо обозначения «чистых» явлений номинировать «нечистые» (*архимандра* ‘дьявол, нечистая сила’, к *монаху* ‘прочь, подальше’).

Методика семантико-мотивационных параллелей помогла реконструировать номинативные признаки, положенные в основу целого ряда фактов: волог. *поп* ‘вставшее вертикально бревно, застрявшее при сплаве леса по реке’, диал. *попóвник* ‘одуванчик *Taraxacum Dens Leonis*’, волог. *патри́арх* ‘рогоз’, карел. *мона́х* ‘длинная бутылка с красным вином’, новг. *пономáрь* ‘темно-серая кровососущая муха (обычно во время сенокоса)’ и мн. др.

2.3. Этнолингвистические портреты служителей культа в польском языке

В данном разделе представлено 27 этнолингвистических портретов служителей культа, реконструированных на основе данных польской языковой традиции. Выявлена система мотивационных признаков, лежащих в основе польских обозначений духовенства в их вторичных значениях, а также в основе их употреблений в составе фразеологизмов и паремий.

В основе настоящего раздела лежит следующая структура:

➤ Немонастырское духовенство (*Duchowieństwo świeckie*):

- duchowny;
- kapelan;
- kapłan;
- ksiądz;
- pleban;
- pop;
- proboszcz;
- wikary;
- kanonik;
- prałat;
- biskup;
- kardynał;
- eminencja;

- papież.
- **Монастырское духовенство (Duchowieństwo zakonne):**
 - **Общие обозначения монашествующих:**
 - mnich;
 - zakonnik;
 - pustelnik;
 - opat.
 - **Монашеские ордена (Zakony):**
 - benedyktyn;
 - bernardyn;
 - dominikan;
 - jezuita;
 - kapucyn;
 - karmelita.
- **Церковные служки (Posługi):**
 - kantor;
 - kościelny;
 - organista.

2.3.1. Немонастырское духовенство (Duchowieństwo świeckie)

2.3.1.1. DUCHOWNY ‘священнослужитель’ [SW 1: 578].

Слово *duchowny* имеет наиболее общую семантику, указывая на любого представителя немонастырского духовенства. Единственный факт, входящий в данное деривационно-фразеологическое гнездо, указывает на **наличие связи между представителями духовенства**: «Poznał swój swego, duchowny duchownego» <Узнал свой своего, священник священника> [NKPP 1: 498].

2.3.1.2. KAPELAN ‘ксендз, заведующий часовней при костеле, лагере, учреждениях, частных домах’ [SW 2: 234].

Изначально латинским словом *sappellanus* (польск. *kapelan*) назывался лишь священнослужитель, справлявший службы в часовне, в которой хранился плащ св. Мартина (*sappa*) [Руссо 2009]. Однако каппа (польск. *kapa*), полукруглый плащ

без рукавов, является одним из элементов литургического облачения католического священника, из-за чего в народе *капелланом* может называться всякий священник, носящий каппу.

Образ подобного плаща-каппы, составляющего часть облачения священнослужителя, лег в основу номинаций растений с широкими листьями (великопольск. *kapelan* ‘кувшинка, водное растение’, великопольск. *kapelana* ‘лопух, особенно его большие листья’ [KSGP]), а также гриба с широкой шляпкой (великопольск. *kapelander* ‘гриб-зонтик’ [Там же]).

2.3.1.3. KAPŁAN ‘священнослужитель’ [SW 2: 246].

Данное слово родственно предыдущему, но имеет иное значение, поэтому его деривационно-фразеологическое гнездо рассматривается отдельно.

В языковом портрете каплана отобразилось представление о его специфической **одежде** («Gdy ci ta godność nie dana, nie wdziwaj sukni kapłana» <Когда тебе эта должность не дана, не надевай платья каплана> [NKPP 2: 229]), а также о его высоком **социальном положении** (*kapłan* ‘одна из фигур в шахматах: слон’³¹ [SW 4: 638]).

В лексемах *kapłan* ‘сторонник и приверженец определенных истин, правил, обязанностей’, *kapłanstwo* ‘обязанность, миссия по собственной воле и по необходимости, распространение и осуществление определенной идеи’ [SW 2: 246], вероятно, отражено восприятие священнослужителя как **миссионера** и **проповедника**.

2.3.1.4. KSIĄDZ ‘католический священник, имеющий право проводить богослужение’ [SW 2: 606].

Современное польское *ksiądz* восходит к заимствованному из древнегерманского языка праслав. **kъnędzь* ‘господин, властитель, князь’. Свой нынешний облик слово приобрело в XIII в., когда в результате расподобления носового согласного *ń* и носового гласного *a* произошел переход сочетаний *kń > kś* и изначальная форма *kniądz* изменилась на *ksiądz*. Основным обозначением священнослужителя слово *ksiądz* становится лишь в новопольский период, до этого основной являлась лексема *duchowny*. Однако уже в источниках XVI в. фиксируются два значения

³¹ На образование данной номинации, по-видимому, также повлиял внешний вид шахматной фигуры, верхушка которой напоинает папскую тиару.

слова *ksiądz* – ‘господин, князь’ и образованное от него значение ‘священник’ (ср. подобную модель развития семантики в рус. *владыка* ‘обращение к высшим лицам православного духовенства’, а также выражение *князь церкви*) [Bruckner: 277].

• Внешний вид

Важная составляющая языкового портрета ксендза – отражение особенностей его внешнего вида. Одной из наиболее ярких деталей образа ксендза является его особая **одежда**: **сутана** (*sutanna*) ‘длинная одежда католических священников, чаще черного цвета с низким стоячим воротником’ («Kiedyś nie ksiądz, nie wkładaj sutanny» <Если не ксендз, не надевай сутаны> [NKPP 2: 229]) и **хабит** (*habit*) ‘длинное монашеское одеяние’ («Habit nie czyni księdza» <Хабит не делает ксендза> [Там же: 233]). Внимание уделяется таким частям одежды ксендза, как **воротник** (*kolner*) (кашуб. *ksąži kolnér* <ксендзов воротник> ‘пижма обыкновенная Tanactum vulgare’ [Sychta 2: 283]) и **штаны** (*galoty, portki*) (*księżę galoty* <ксендзовы штаны> ‘водосбор обыкновенный *Aquilegia vulgaris*’ [Karłowicz 2: 50; SGP 8(24): 107], «Czasym się mu wypśnie jak ksiyndzu z portek» <Вылетит, как у ксендза из штанов> [NKPP 2: 229], «Tak sie wyrwało jak księdzu z portek» <Так вырвалось, как у ксендза из штанов> [Там же]³²). Особо следует прокомментировать название водосбора *księżę galoty*. Состоящий из нескольких элементов, цветок напоминает многослойное литургическое облачение католического священника: лепестки – альбу (длинное белое одеяние из льняной, хлопковой или шерстяной ткани), а чашелистики – орнат (элемент литургического облачения, надеваемый поверх альбы и представляющий собой расшитую ризу без рукавов) или далматику (верхнюю расшитую ризу с рукавами). Со штанами же может ассоциироваться сердцевина цветка. С другой стороны, в этом факте может быть иронически подчеркнуто отсутствие у ксендза штанов и замена их альбой.

Выделяется несколько признаков одежды ксендза. Во-первых, это ее **размер** и **форма**. Сутана представляется длинной и широкой: «Nie czyni księdza długa suknia ani żołnierza złota szabla» <Не делает ксендза длинное платье, а солдата золотая сабля> [NKPP 2: 233]. Форма сутаны могла явиться мотивирующим признаком для номинации насекомых: великопольск. *kśęż* ‘водный клоп’ [KSGP], велико-

³² Предположения относительно мотивации данных фактов подробнее будут изложены ниже, в разделе «Характеристики поведения, личностные качества».

польск. *kśoc* ‘садовый клоп’ [Гура 1997: 429; KSGP]. Возможно, в этих лексемах реализуется и мотив паразитизма, связанного с доходами, которые получает священник от прихожан, а также представления о принадлежности священнослужителей и насекомых потустороннему миру (см. подробнее раздел 2.2.1.1.4). Широта сутаны, по-видимому, послужила основанием и для сопоставления ксендза с бабочкой (ср. *motylek* ‘ксендз’ [Kleśta: 35]).

Еще одной характеристикой одежды ксендза является ее **черный цвет**. Этот признак лег в основу номинаций черной, подгорелой пищи: *jeść z księdzem* <есть с ксендзом> ‘есть что-либо подгорелое’ [SW 2: 606], кашуб. *ksiż jaχał* <ксендз ехал>, *ksiż jaχał i to posvícił* <ксендз ехал и это освятил>, *ksiż přejaχał i brodŏ zameśał u stráve* <ксендз приехал и бороду / подбородок замешал в блюдо> ‘о подгоревшем блюде’ [Sychta 2: 282].

В качестве другой причины развития подобного значения можно отметить связанный с образом ксендза образ дыма, без которого не обходится обряд каждения (ср. *ksiądz do barszczu wlaż* <ксендз в борщ влез> ‘о задымившемся блюде’ [NKPP 2: 231]). Кроме того, в одной из дефиниций этот языковой факт получает народно-этимологическое переосмысление: кашуб. *ksiż jaχoł*, *ksiż jaχoł bez éves* <ксендз ехал через деревню> – «блюдо подгорело, так как все домашние выбежали из дома, чтобы посмотреть на проезжающего ксендза» [Sychta 2: 282].

Сочетание черной сутаны с белым воротником, а также ее форма, очевидно, мотивировали разг. *pingwin* ‘ксендз’ [Kleśta: 35].

Отмечается еще одна важная деталь одежды ксендза – **капюшон** («*Ksiądz przy kapturze, szlachcic przy mundurze*» <Ксендз при капюшоне, шляхтич при мундире> [NKPP 2: 231]).

На основе сходства по форме с головным убором католического священника – биреттой³³ или пелеолусом³⁴ – сформировался образ, отраженный в великопольск. *księża czapka* ‘бересклет’ [SGP 3 (12): 630].

Язык обращает внимание на **прическу** ксендза. В ряде фактов отразилась католическая традиция выстригать на темени тонзуру (кашуб. *plesz* ‘тонзура’ [KSGP;

³³ Традиционный головной убор священнослужителя, квадратная в плане шапка с помпоном посередине [<http://www.catholic.ru>].

³⁴ Традиционный головной убор католического клира, состоящий из восьми сегментов, сшитых вместе с маленьким хвостиком сверху [<http://www.catholic.ru>].

Sychta 4: 72]): «Nie ten ksiądz, co ma plesz przegolony» <Не тот ксендз, кто имеет выбритую плешь> [NKPP 2: 234], ср. также номинации священнослужителя кашуб. *plešak, plexãc* ‘ксендз’ [Sychta 4: 72].

Обращение к образу тонзуры можно усмотреть и в названии дыры в одежде, причем локоть или колено, очевидно, напоминают выбритый участок, а ткань вокруг – волосы: *ksądz* ‘дыра в одежде (на колене или локте)’ [Karłowicz 2: 501; SW 2: 605].

Представление о прическе или о головном уборе католического священника, возможно, отражено в лексеме кашуб *ksiądz* ‘семена одуванчика’: «Jak kfitńe to mleć, a te białe puchy, co śe dmucha, to: pop, kśonc, dmuchawec» <Когда цветет, то это «млеч»³⁵, а тот белый пух, что сдувается, это поп, ксендз, «дмухавец»³⁶> [KSGP] (ср. рус. калуж., сиб, урал. *пон* ‘одуванчик’). С другой стороны, это значение может быть обусловлено сходством цветка с **прямостоящей фигурой** человека.

Гордая поза ксендза, вероятно, отразилась в названии *ksiądz wojciech* ‘белый аист *Ciconia ciconia* L.’, используемом в профессиональном диалекте польских сплавщиков леса. Как отмечает (вслед за Я. Струтынским) А. П. Непокупный, возникновение этой номинации связано с серьезным видом аиста, «который производит впечатление, что эта птица степенно и не спеша прогуливается по лугам с “руками”, заложенными за спину» [Непокупный 2009: 110]. Дополнительным мотивирующим фактором могла стать черно-белая окраска оперения аиста, соотносящаяся с цветами одежды католического священника.

Следует отметить, что большинство номинаций, представленных в этом разделе, носят иронический характер. Ирония создается сочетанием таких «высоких материй», как ксендз, с такими «низкими», как дыра, подгорелое блюдо и т.п.

• **Характеристики поведения, личностные качества**

Для оценки поведения ксендза привлекаются категории греха и безгрешности.

С одной стороны, язык фиксирует идеал, согласно которому ксендз должен быть **носителем моральных норм**: «Ksiądz bez dobrego przykładu, mieszek bez pieniędzy, senator bez rozsądku – jednej wagi» <Ксендз без хорошего примера, мешок

³⁵ Ср. польск. *mlecz* ‘одуванчик *Taraxacum*’ [Karłowicz 3: 170].

³⁶ Ср. польск. литер. *dmuchawiec* ‘одуванчик *Taraxacum*’ [SW 1: 465].

без денег, сенатор без ума – одного веса», «Ksiądz bez dobrych przykładyw, a mieszek bez złota, senator bez rozsądku – jednaka w nich cnota» <Ксендз без хороших примеров, мешок без золота, сенатор без ума – у них одинаковое достоинство> [NKPP 2: 230].

С другой стороны, отмечается **несоответствие идеалу**, проявляющееся самым разным образом.

Иронически подчеркивается «**телесность**» ксендза: «I księdzowi się przytrafi przy ołtarzu pierdnąć» <И ксендзу случается у алтаря перднуть> [Там же: 229], «Wypsnęło się jak księdzu spod sutanny» <Вырвалось, как у ксендза из-под сутаны> [Там же], силезск. «Czasem się mu wypsuie, jak ksiyndzu z portek» <Иногда вырвется, как у ксендза из штанов> [KSGP].

В портрете католического служителя присутствует и собственно мотив **гrehовности**: «Ksiądz grzeszy i rozgrzeszy» <Ксендз грешит и грехи отпускает>, «Ksiądz ludzi piekłem, a siebie niebem straszy» <Ксендз людей адом, а себя раем пугает>, «Ksiądz piekłem straszy, a sam nieba boi się» <Ксендз адом пугает, а сам рая боится> [NKPP 2: 230], «Wziął diabeł księdza, niech weźmie rektora» <Взял дьявол ксендза, пусть возьмет ректора> [Там же: 235].

Подчеркнуто правильное поведение ксендза перестает осмысляться как добродетель. Мотив **ханжества** и **лицемерия** ксендза отражается в ряде паремий: «Księżę prałacie, czemu tak nie żyjecie, jako nauczacie?» <Ксендзы-прелаты³⁷, почему так не живете, как учите?> [Там же: 232], «Księżę prałacie, inszych nauczacie, sami nie działacie» <Ксендзы-прелаты, других учите, сами не делаете>, «Księżę prałacie: nie to robicie, co gadacie» <Ксендзы-прелаты, не то делаете, что говорите>, «Ksiądz prałat tłumaczy, a żyje inaczej» <Ксендз-прелат объясняет, а живет иначе>, «Księżę prepozycie³⁸, innych dobrze uczycie, sami źle robicie» <Ксендзы-препозиты, других хорошо учите, сами плохо делаете>, «Każe nasz ksiądz z ambony ładnie, ale czyż, kiedy nie żyje przykładnie» <Говорит наш ксендз с амвона хорошо, но что с того, если не живет примерно> [Там же].

Одним из частных случаев несовпадения слов ксендза с его действиями является **несоблюдение целибата** и **распутство**, подчеркнутое в силезск. «Gdo co

³⁷ Высшая церковная должность в католической церкви.

³⁸ Глава коллегии высшего католического духовенства.

woli? – Kościelny ogórki, a ksióndz jego córki» <Кто что предпочитает? – Костельный – огурцы, а ксендз – его дочь> [KSGP].

Несоблюдение целибата, возможно, влечет за собой упоминание в паремиях **жены (любовницы) ксендза** (*księdzowa*): великопольск. *księdzowa* ‘шутл. о женщине, чрезмерно заботящейся о ксендзе’ [KSGP], кашуб. «Póczy ksądz gdôcze, ksądzewô skôcze» <Пока ксендз говорит, ксендзова скачет> [KSGP]. Следует учитывать, что в данных поговорках речь может идти и о православном или протестантском священнике (ср. великопольск. *ksiądz* ‘русский поп’ [KSGP]). И. Клешта связывает с распутством и нарушением целибата и пословицу «Dogodził jak ksiądz Magdzie» <Угодил, как ксендз Магде> [Kleśta 1998: 51; NKPP 2: 228]. Однако в некоторых вариантах эта поговорка имеет продолжение: «W zimie jej kazał chodzić boso, a na lato, kupił trzewki» <Зимой говорил ходить босиком, а летом купил башмаки>, которое, на наш взгляд, не связано с идеей распутства, но еще раз подчеркивает лицемерие ксендза.

Необходимость соблюдения целибата ксендзом отражается и в кашубской загадке «Cjè tje za jeden, cjè drëgim daje ògęce цун som ni mo» <Что это за человек, что другим дает, чего он сам не имеет> (ksenдз, который совершает брак) [Sychta 2: 282].

С **несоблюдением поста**, по-видимому, связаны выражения *zjadł księdzu skwarę* <съел ксендза шкварку> ‘о человеке, который имеет сыпь на губе’ [NKPP 2: 235], *ksądzu okrasą (sliwki) wejad* <ksenдза жир (сливки) выел> ‘о человеке, который имеет сыпь на губе’ [Там же], кашуб. *ksązu okrasą* <ksenдза жир> ‘о человеке с герпесом на губе’ [Sychta 2: 282], мазов. шутл. *księdzu skwarę ukraść* <ksenдза шкварки украсть> ‘иметь заед на губе’: «Ty ksynzu skfark’е ukrał?!», кашуб. *wyjeść księdzu śliwy* <выесть ксендза сливки> ‘иметь заед на губе’ [Sychta 5: 77] (ср. участие в подобных фразеологизмах также образа еврея: кашуб. *ukraść żydowi skwarki* <украсть еврейские шкварки>, кашуб. *wyjeść żydowi skwarki z fotelni* <съесть еврейские шкварки со сковороды> [Там же: 68]).

Другой особенностью поведения, «замеченной» польской паремиологией, стало **усердие** начинающего ксендза и **лень**, нежелание работать старого ксендза: «Nowy ksiądz gotyw na ołtarzu zasypiać, a potem to i trudno go napędzić do kościoła» <Новый ксендз готов на алтаре засыпать, а потом трудно его пригнать в костел>,

«Nowy ksiądz w kościele by spał, a potem trudno go sprowadzić do kościoła» <Новый ксендз в костеле бы спал, а потом трудно его привести в костел>, «Młody ksiądz w ornacie sypia» <Молодой ксендз в орнате спит>, «Ksiądz świeżo wyświęcony rad by spać w ornacie» <Свежепосвященный ксендз рад бы спать в орнате> [NKPP 2: 234], «Młody ksiądz miewa najlepsze kazania» <Молодой ксендз говорит лучшие проповеди> [Там же: 233].

Кроме того, фиксируется довольно большое количество паремий, указывающих на **жадность и ненасытность** ксендза: «Nie ma skąpca nad księdza» <Нет большего скупца, чем ксендз> [NKPP 2: 234], «Księżę oczy, wilcze gardło, co zobaczy to by żarło» <Ксендзов глаз, волчье горло, что увидит, то бы жрало> [Skorupka 1: 364], силезск. «Ksiyndza oko – wilcze grdło, co uwidzi – to by żarło» <Ксендза око – волчье горло, что увидит – то бы жрало> [KSGP], «Księżę oczy, popi wóz, co zobaczy, to by wiózł» <Ксендзовы глаза, попов воз, что увидел, то бы вез>, «Ksiądz, doktor, praktyk, pani duszka – rzecz nienasycona» <Ксендз, врач, практик, пани душа – вещь ненасытная>, «Ksiądz nienasycony jak wór bez dna» <Ксендз ненасытный как мешок без дна> [NKPP 2: 230].

В паремии «Ksiądz do klechy: a toż tak – tobie piskorz, a mnie węgorz; albo tak – mnie węgorz, a tobie piskorz; a klecha na to: a mnie przecie piskorz» <Ксендз клеху³⁹: ведь так – тебе выюн, а мне угорь, или так – мне угорь, а тебе выюн; а клех на это: мне все-таки выюн> [NKPP 2: 230] помимо жадности ксендза отражен и мотив **хитрости**, который проявляется также в пословице «Z księżą trzeba ostrożnie, z szlachtą według czasu» <С ксендзом нужно осторожно, со шляхтой – в зависимости от времени> [Там же: 235].

• Хозяйство

Значимым для языкового образа ксендза становится указание на **источник** его **доходов** и то, что основные доходы ксендз получает, исполняя религиозные обряды: «Ksiądz żyje z ołtarza, pisarz z kałamarza» <Ксендз живет с алтаря, писарь – с чернильницы> [NKPP 2: 231]⁴⁰.

³⁹ Пренебрежительное название служителя культа, церковный служака.

⁴⁰ Ср. другие варианты пословицы: «Ksiądz z ołtarza, pisarz z kałamarza żyć powinien» <Ксендз с алтаря, писарь с чернильницы жить должен>, «Ksiądz z ołtarza, pisarz z kałamarza, a doktor żyje z tego, co mu się nadarza» <Ксендз с алтаря, писарь с чернильницы, а доктор живет с того, что ему подвернется>, «Ksiądz żyje z ołtarza, a żołnierz z pałasza» <Ксендз живет с алтаря, а солдат с палаша> [NKPP 2: 231].

Отмечается, что доход ксендз получает от прихожан, что способствует разработке в польской паремиологии мотива **поборов**: кашуб. *zis są našemu ksązi krowka ocelęła* <сегодня нашему ксендзу коровка отелилась> ‘алюзия к плате, которую берет ксендз за службы и похороны’ [Sychta 2: 282], «Choćby był ksiądz w lesie, to mu każdy niesie» <Хоть бы был ксендз в лесу, ему каждый бы принес> [NKPP 2: 227]⁴¹, «Czego nie chcesz dać księdzowi, dasz niezbożnemu żołnierzowi» <Чего не хочешь дать ксендзу, дашь безбожному солдату> [Там же: 228], «Ksiądz, adwokat i zima nie podarujm» <Ксендз, адвокат и зима не подарят> [Там же: 229], «Ksiądz bierze krowę, że wiesz prześpiewał z agendy» <Ксендз берет корову за то, что стих поет из блокнота> [Там же: 230], «Po księdzu i juryście diabeł bierze oczywiście» <После ксендза и юриста, конечно, черт берет> [Там же: 233]. Бытуют и представления о том, что ксендз присваивает себе предназначенное церкви и Богу: «Pierwszego roku mówi księza gospodyni: to dobrodzieja; drugiego: to nasze; trzeciego: to moje» <Первый год говорит ксендз экономке: это Бога; второй – это наше; третий – это мое> [Там же: 234].

Отмечается **привередливость** ксендза при получении приношений: «Nie przyjął ksiądz ofiary, pójdź, cielę, do domu» <Не принял ксендз жертвы, иди, теленок, домой>, «Niemiła księdzu ofiara» <Немила ксендзу жертва>, «Niemiła księdzu ofiara: he, bysiu, do domu» <Немила ксендзу жертва: гей, быся, домой>, «Niemiła księdzu ofiara: wróć (chodź), cielę, do domu obory» <Немила ксендзу жертва: возвращайся (иди), теленок, домой (в коровник)> [NKPP 2: 234].

Внимание уделяется тому, **куда уходят собранные** ксендзом **средства**. Утверждается **напрасность** приношений, отсутствие пользы от них: «Księża zbiory idą na wiórgy» <Ксендзовы сборы на щепки идут>, «Księża pieniądze na dobre nie wyjdą» <Ксендзовы деньги на добро не пойдут> [NKPP 2: 234]. Негативное отно-

⁴¹ Ср. другие варианты пословицы: «By ksiądz usiadł w lesie, każdy mu przyniesie» <Сидел бы ксендз в лесу, каждый ему принесет> [NKPP 2: 227], «Choć ksiądz mieszka w lesie, to mu każdy przyniesie» <Хоть ксендз живет в лесу, ему каждый принесет>, «Choćby był ksiądz organistą w lesie, to im każdy niesie» <Хоть был бы ксендз органист в лесу, ему каждый бы принес>, «Choćby ksiądz siadł w lesie, to mu baba albo diabeł przyniesie» <Хоть бы ксендз сидел в лесу, ему баба или дьявол принесет>, «Choćby ksiądz siedział w lesie, każdy mu coś przyniesie» <Хоть бы ксендз сидел в лесу, каждый ему принесет>, «Ksiądz i doktor choćby siedział w lesie, każdy jemu niesie» <Ксендз и доктор хоть бы сидели в лесу, каждый им бы принес>, «Ksiądz jest w mieście, niemu nie przynieście» <Ксендз в городе, ему не принесешь>, «Ksiądz w lesie, a chłop mu powalkę niesie» <Ксендз в лесу, а крестьянин ему бревно несет>, «Księdzu i w lesie każdy niesie» <Ксендзу в лесу каждый несет> [Там же: 228].

шение к поборам обуславливает приписывание ксендзу отношений с **нечистой силой**: «Księżę zbiory do biesa idą» <Ксендзовы сборы бесу идут> [Там же: 233], «Со ksiądz i kawaler zbiera, to czort zabiera» <Что ксендз и рыцарь собирают, то черт забирает> [Там же: 228], «Księdzu diabeł worek szyje» <Ксендзу черт мешок шьет> [Там же: 233], «Na księży zbiór szyje diabeł wór» <Для ксендзова сбора шьет черт мешок> [Там же].

Со сбором пожертвований может быть связано и мазов. *księdzówka* ‘ранний картофель’ [KSGP], вероятно, обозначающее первый картофель, который приносили в качестве пожертвования в костел (ср. рус. дон. *попówka* ‘сорт мелких ранних груш’, *дьяконовка* ‘ранняя, небольшая, сладкая порода яблок’).

Получение пожертвований при достаточно легкой, с точки зрения носителя народного сознания, работе породило представление о **благополучной жизни** ксендза: «Kto ma księdza w rodzie, temu bieda nie dobodzie» <У кого ксендз в роду, к тому беда не подберется> [NKPP 2: 233]⁴², «Kto się chce mieć dobrze na dzień, niech sobie gęś zarżnie; kto na tydzień, niech wieprza zakole; kto na miesiąc, niech wołu zabije; kto na cały rok, niech pojmie żonę; a kto do śmierci, niech księdzem zostanie» <Кто хочет иметь благополучие на день, пусть зарежет гуся; кто на неделю, пусть заколет кабана; кто на месяц, пусть забьет вола; кто на целый год, пусть возьмет жену; а кто до смерти, пусть станет ксендзом> [Там же]⁴³, «Księżę i żydowskie nigdy nie zginie» <Ксендзовское и еврейское никогда не пропадет> [Там же: 232], «Jak się ksiądz dobrze naje, to mu łatwo kazanie o poście gadać» <Как ксендз хорошо наестся, то ему легко проповедь о посте говорить> [Там же: 229].

Представление о богатстве священнослужителей приводит к появлению мотива **грабежа ксендза**, проявленного в ряде паремий: «Księdza okraść nie szkoda,

⁴² Ср. другие варианты пословицы: «Kto ma, prawią, w rodzie księdza, temu nie dokuczy nędza» <Кто имеет в роду ксендза, тому нищета не досаждаёт>, «Chto ma ksędza w rodzę, teho bieda nie wubydze» <Кто имеет ксендза в роду, того беда не ударит>, «Kto ma księdza w rodzie, ten nie myśli o głodzie» <Кто имеет ксендза в роду, тот не думает о голоде>, «Gdzie ksiądz w rodzie, tam nie wiedzą o głodzie» <Где ксендз в роду, там не знают голода> [NKPP 2: 233], силезск. «Gdo mo ksiyndza w rodzie, tymu biyda nie dobodzie» <Кто имеет ксендза в семье, того беда не достигает> и т.п.

⁴³ Ср. другие варианты: «Wieprza zabić, dwa miesiące dobrze, ożenić się, dwa lata dobrze, a księdzem być, zawsze dobrze» <Кабана заколоть – два месяца хорошо, жениться – два года хорошо, а ксендзом быть – всегда хорошо>, «Ożenić się, tydzień dobrze, wieprza zabić, miesiąc dobrze, księdzem zostać, zawsze dobrze» <Жениться – неделю хорошо, кабана заколоть – месяц хорошо, ксендзом стать – всегда хорошо>, «Ożenić się, trzy dni gody, wieprza zabić, tydzień gody, księdzem zostać, zawsze gody» <Жениться – три дня праздник, кабана заколоть – неделю праздник, ксендзом стать – всегда праздник> [NKPP 2: 233].

pana nie grzech, a Żyda zasługa» <Ксенза обокрасть не жалко, пана не грех, а еврея – заслуга>, «Księżę, popie i żydowskie bierz w imię boskie» <Ксендзово, попово, еврейское бери во имя боже> [NKPP 2: 231]. Распространенным является мотив **разграбления имущества** служителя культа **после его смерти**: «Jak po księdzu brali» <Как после ксендза брали>, «Jak po księdzu: co kto porwał, to jego» <Как после ксендза: кто что урвал, то его> [NKPP 2: 229], «Krasc jak po umarłim ksądzu» <Красть, как после умершего ксендза> [NKPP 2: 229; Sychta 2: 282], «Po księdzu majątek marnieje» <После ксендза имущество исчезает> [NKPP 2: 234] (ср. «Po plebanowej śmierci każdy w jego stodole rad młóci» <После смерти плебана каждый в его овине рад молотить> [Там же: 950]). Важным фактором, повлиявшим на возникновение этих паремий, стал целибат католических священников, а следовательно, отсутствие у них наследников.

В паремии «Pan ma za dużo, a ksiądz nie potrzebuje» <Пан много имеет, а ксендзу не нужно> [NKPP 2: 231], напротив, проявляется представление о том, что ксендз должен вести **аскетичный образ жизни**.

Кроме этого, в польском языке представлен образ **слуги** (*księży sługa*) или **экономки** (*księża gospodyni*) ксендза (ср. великопольск. *być na księżej oborze* <быть на ксендзовом скотном дворе> ‘быть на службе у ксендза’ [KSGP]). Слуги ксендза нередко упоминаются в связи с костелом и его атрибутами: «Kto księdzu służy, woskiem pachnie» <Кто ксендзу служит, воском пахнет>, «Kto u księdza trzy lata służy, to sześć lat woskiem pachnie» <Кто у ксендза три года служит, тот шесть лет воском пахнет> [NKPP 2: 232]. В паремии «Kto pracy księży skusi, ten skąpać musi» <Кто работой у ксендза соблазнился, тот должен окунуться> [Там же: 233], с одной стороны, мог проявиться образ сильного запаха воска и благовоний, от которого нужно избавляться, с другой – образ крещения, частью которого являлось окунание в воду.

Занятия ксендзовых слуг могут противопоставляться труду всех остальных людей: «Księży sługa poci się przy misie, a marznie przy pracy» <Ксендзов слуга потеет на мессе, а мерзнет на работе> [NKPP 2: 232]. Их работа воспринимается как **легкая** («Księża gospodyni robiąc uziębła, jedząc spociła się» <Ксендзова экономка, работая, озябла, а во время еды вспотела>, «Poci się jak księży sługa» <Потеет как ксендзов слуга>, «Księży sługa wnet wyjdzie na pana» <Ксендзов слуга скоро выйдет

паном» [Там же]), а им самим приписывается **лень** и нежелание трудиться («Księżu sługa boi się pługą» <Ксендзов слуга боится плуга> [Там же]). Этим, видимо, определяется общая негативная оценка работника ксендза: «Księżu sługa nic niewart» <Ксендзов слуга ничего не стоит> [NKPP 2: 232].

Кроме того, в паремии «Księża gospodyni z garści (ze swej garści) skapo ludziom maści» <Ксендзова экономка с горсти скупко людей мажет> [NKPP 2: 232] проявляется мотив **скупости**, приписываемой экономке ксендза.

Стоит отметить и образ ксендзовой **кухарки**, возникающий в паремии вместе с упоминанием нечистой силой: «Diabli księże kucharki po powietrzu nosili» <Черти ксендзовых кухарок по воздуху носят> [NKPP 2: 228].

Образ слуги ксендза фигурирует и в кашубской загадке «Ksąži parobok po niebe ґozi i ksąże kurę pase» <Ксендзов парень по небу ходит и ксендзовых кур пасет> (месяц и звезды) [Sychta 2: 283]. Здесь, по-видимому, проявляется представление о сакральности фигуры ксендза, его связи с небом. Кроме того, данный факт может быть результатом аттракции к польск. *księżyc* ‘месяц’.

• Обрядовые действия

Ксендз часто рассматривается как исполнитель различных обрядов. Центральным из обрядов, в которых участвует ксендз, представляется **погребальный обряд**: «Ksiądz ludzi grzebie, a doktor żabia» <Ксендз людей погребает, а врач убивает> [NKPP 2: 230]⁴⁴. Отсюда в образе ксендза появляется отсылка к мотиву **смерти**, которая воспринимается как поступление в хозяйство ксендза (подробнее об этом мотиве см. в портрете рус. *nona*): великопольск. *księża obora* <ksenдзов двор> ‘шутл. кладбище’: «Ja xiba ńedługo puda na kśanża ^uobora» <Я, наверно, скоро пойду на ксендзов двор> [KSGP], великопольск. *na ksiązq oborę patrzeć* <на ксендзов двор смотреть> ‘умирать’: «Siedł do tego chorego, żeby go obeżreć, czy będzie z niego co, czy też już patrzy na księżą oborę» <Сел к тому больному, чтоб осмотреть его, будет ли из него что – или уже смотрит на ксендзов двор> [KSGP], *na księżą oborę pójść* <на ксендзов двор пойти>, *zadrzesz giry na księżą oborę* <задрать ноги на ксен-

⁴⁴ Ср. другие варианты данной паремии: «Každy to robi, co jemu sprzyja, ksiądz ludzi grzebie, a doktor zabija» <Каждый то делает, что ему выгодно, ксендз людей хоронит, а доктор убивает>, «Ksiądz i doktor wzajem wspiera siebie: co jeden umorzy, to drugi pogrzebie» <Ксендз и доктор поддерживают друг друга: кого один уморит, другой похоронит>, «Ksiądz i doktor wspierają siew potrzebie: jeden ludzi zabija, a drugi ich grzebie» <Ксендз и доктор помогают сею: один людей убивает, другой хоронит>, «Ksiądz najlepszy doktor» <Ксендз – лучший доктор> [NKPP 2: 230].

дзовом дворе>, *na księżą oborę wygląda* <на ксендзов двор смотреть> ‘быть близким к смерти’ [NKPP 2: 234], *patrzeć, oglądać się na księża oborę* <смотреть на ксендзов двор> ‘то же’ [NKPP 2: 234; Skorupka 1: 364]. Причиной для образования подобных фразеологизмов могла послужить и территориальная близость кладбища к костелу и дому ксендза.

С этим же мотивом соотносится и великопольск. *ksiądz* ‘красный червь, живущий на кладбище’ [KSGP].

С другой стороны, особое внимание уделяется и смерти самого ксендза: «Chowa ksiądz ludzi, chowają i księdza» <Хоронит ксендз людей, хоронят и ксендза>, «Ksiądz ludzi chowa, pochowają i jego» <Ксендз людей хоронит, хоронят и ксендза> [NKPP 2: 228]. Со смертью ксендза связывается мотив холода: «Každy ksiądz od zimna z tego schodzi świata» <Каждый ксендз от холода уходит с этого света> [NKPP 2: 229]. Однако пока характер этой связи неясен.

В языковом портрете польского ксендза отражается и его участие в обрядах **крещения** (силезск. «Ciebie też głupi ksiondz krzcіł» <Тебя тоже глупый ксендз крестил> [KSGP]) и **венчания** («Co ksiądz ziączy, złe rozłączy» <Что ксендз соединил, то плохо разъединять> [NKPP 2: 228], кашуб. «Cjè tje za jeden, cje drëgim daje cëgucë цун сом пі мо» <Что это за человек, что другим дает, чего он сам не имеет> (ksenдз, который совершает брак) [Sychta 2: 282]). При этом подчеркивается, что ксендз не должен принимать участие в процессе сватовства, что, с одной стороны, может соотноситься с представлениями о celibате и скромной аскетичной жизни, соответствующей идеальному образу ксендза, с другой – с разделением «светской» сферы, к которой относится сватовство, и церковной, связанной с венчанием: «Gdzie ksiądz swata (swatem), tam diabeł ślub daje» <Где ксендз сватает (сватом), там черт женит>, «Gdzie ksiądz swata, tam diabeł figle płata» <Где ксендз сватает, там черт шалит>, «Komu ksiądz raje, temu diabeł ślub daje» <Кого ксендз сватает, того черт женит>, «Gdzie ksiądz swata, tam diabeł mieszka» <Где ксендз сватает, там черт живет> [NKPP 2: 228].

Еще одним таинством, к которому причастен ксендз, является таинство **исповеди**: «Ksiądz o spowiedzi, baba o pieniądzach» <Ксендз об исповеди, баба о деньгах> [NKPP 2: 230], «Nieskoro po ksiyндza jak już duszy ni ma» <Не спешат за ксендзом, если души нет> [Там же: 234].

С исповедью связан мотив **отпущения грехов**: «Książd grzeszy i rozgrzeszy» <Ксендз грешит и грехи отпускает> [NKPP 2: 230]. Кроме того, отмечается особая **прозорливость** ксендза: кашуб. «KsQз хос не vzerà všětko vízi» <Ксендз, хоть не всматривается, все видит> [Sychta 2: 282]. С другой стороны, подверженность ксендза общечеловеческим слабостям эту прозорливость ограничивает: «Książd nie taki święty, żeby przejrzął przez skórę» <Ксендз не такой святой, чтобы смотрел сквозь кожу> [NKPP 2: 230].

Откровенность исповедуемого и представление о любопытстве спрашивающего про грехи ксендза, вероятно, стала причиной для формирования выражения *skromny jak księży uszy* <скромный, как уши ксендза> ‘нескромный’ [Kleśta: 20].

В портрете ксендза представлены и мотивы, указывающие на некоторые элементы совершаемого им обряда. Важной характеристикой обрядовой деятельности ксендза становится его **речь**. Среди черт, которыми наделяется речь католического священнослужителя, можно выделить ее «**интенсивность**» (мазов. *głosić jak ksiądz na ambonie* <голосить как ксендз на амвоне> ‘ораторствовать’: «Głosi jak ksiądz na ambonie» [KSGP], «Księżę gadanie a złodziejskie przysięganie to jest ta para» <Болтовня ксендза и солдатская клятва – пара> [NKPP 2: 232], «Jak ksiądz na ambonie prawí (mywi)» <Как ксендз на амвоне (говорит)> [Там же: 229], «Jak z ambony prawisz» <Как с амвона говоришь> [Там же]) и **напевность** (кашуб. «Śpěvã, prãví jak ksiż» <Поет, говорит, как ксендз> [Sychta 2: 282], «Ksądz śpiewó, organista zewó» <Ксендз поет, органист зевает> [NKPP 2: 231]).

Среди богослужебных действий ксендза выделяется ритуал **каждения**, который, по-видимому, становится причиной для развития мотива **дыма** во фразеологизмах типа *ksiądz wlażł w mleko (w śmietankę)* <ксендз влез в молоко (в сливки)> ‘о задымившемся блюде’, *ksiądz do barszczu wlaż* <ксендз в борщ влез> ‘то же’, *ksądz jechał bez wies* <ксендз ехал через деревню> ‘то же’ [NKPP 2: 231], кашуб. *ksQзу jeze* <ксендз едет> ‘кипит’ [Sychta 2: 282].

Интересно также то, что фразеология и паремиология обращают внимание на **переодевание** ксендза после службы: кашуб. *jic ksQza zeblakac* <идти ксендза раздевать> ‘опоздать в костел’ [NKPP 2: 229; Sychta 2: 282], «Idzie do kościoła

księdza rozbierać» <Идет в костел ксендза раздевать> [NKPP 2: 229], «Idzie ksiynda zeblyc» <Идет ксендза раздевать> [Там же].

Подчеркивается **неразборчивость** ксендза **в работе**, которую он выполняет: «Ksiądz, choć barłogi poświęcać» <Ксендз хоть берлогу освятит> [NKPP 2: 230], силеск. «Ksióndz i dochtor się niczym nie brzidzōm» <Ксендз и врач ничем не брезгуют> [KSGP].

- **Связь со сферой сверхъестественного**

Поскольку священник связан с обрядовой деятельностью, то и сама его фигура наделяется определенной сакральностью, что проявляется в участии ксендза в **обрядов народной магии**, ср. обычай обсыпать ксендза овсом в день св. Степана (26 декабря): «W dniu św. Szczepana święcą owies, którym zaraz w kościele księdza obrzucają i po wyjściu z kościoła, biją się nim wzajemnie, a resztę dają w części krowom i koniom, w części zaś mieszają z ziarnem przeznaczonem do siewu» <В день св. Степана освящают овес, которым сразу в костеле ксендза закидывают и после выхода из костела, дерутся им, а из остатков часть дают коровам и лошадям, а часть смешивают с зерном, предназначенным для посева> [AE UMCS].

«Сакральность» ксендза обуславливает и представление о том, что он **способен приносить неудачу**: «Gdzie się księża wkręca, to tam biedę wnęca» <Куда ксендз влазит, там беда помещается> [NKPP 2: 228], «Jeśli myśliwy spotka księdza, niech się wróci do domu, bo będzie miał nieszczęście» <Если охотник встречает ксендза, пусть возвращается домой, потому что будет у него неудача> [AE UMCS]. Вероятно, этот же мотив обнаруживается в сопоставлении ксендза с женщиной: «Ksiądz i niewiasta z jednego (jednakiego) ciasta» <Ксендз и девушка из одного теста> [NKPP 2: 230; Skorupka 1: 363]; обе фигуры расцениваются народным сознанием как приносящие несчастье [AE UMCS], о чем говорят и поговорки, указывающие на связь ксендза и женщины с нечистой силой: «Gdzie się księża i kobiety wdadzą, tam i diabeł się wmiesza» <Куда ксендз и женщина вмешиваются, там черт появляется>, «Gdzie się wdadzą księża i baby, tam i diabeł się wmiesza» <Куда ксендз и баба вмешиваются, там черт появляется> [NKPP 2: 228]. Дополнительным фактором, влияющим на возникновение связи между образами ксендза и бабы, служит его длинная одежда, напоминающая женское платье (ср. проявление этого мотива в русской загадке «Спереди мужик, а сзади баба» (ряз.) <поп>).

Отдельную достаточно объемную группу составляют паремии, демонстрирующие близость в народном восприятии ксендза и персонажей нечистой силы. Частым контекстуальным партнером польского *ksiądz* становится *diabeł* ‘черт, дьявол’ (иногда *czort*, *bies*).

Лексемы *ksiądz* и *diabeł* могут вступать в отношения **оппозиции**, ср. кашуб. «Książ swoje, a djabeł swoje» <Ксендз свое, а черт свое> [Sychta 2: 282], «Książ w dzwon, a diabeł w klepadło» <Ксендз в звон, а черт в трепало>, «Książ w dzwon, a diabeł w słomiankę» <Ксендз в звон, а черт в соломенный коврик> [NKPP 2: 231]. Но чаще слова, обозначающие ксендза и черта, находятся в отношениях **симилярности**: паремии нередко «застают» ксендза и черта за одним занятием, эти персонажи заменяют друг друга, ср. «Co książ i kawaler zbiera, to czort zabiera» <Что ксендз и рыцарь собирают, то черт забирает> [NKPP 2: 228], «Po księdzu i juryście diabeł bierze oczywiście» <После ксендза и юриста черт, конечно, берет> [Там же: 233], «Gdzie książ swata (swatem), tam diabeł ślub daje» <Где ксендз сватает (сва- том), там черт женит>, «Komu książ raje, temu diabeł ślub daje» <Кого ксендз сватает, того черт женит> [Там же: 228].

Представления о том, что средства, собранные ксендзом, идут на пользу нечистой силе, «вычитываются» из паремий «Księżę zbiory do biesa idą» <Ксендзовы сборы бесу идут>, «Na księżu zbiór szyje diabeł wór» <Для ксендзовых сборов шьет черт мешок>, «Księdzu diabeł worek szyje» <Ксендзу черт мешок шьет> [NKPP 2: 233]. Можно выделить мотив службы черта ксендзу: «Choćby książ siadi w lesie, to mu baba albo diabeł przyniesie» <Хоть бы ксендз сидел в лесу, то ему баба или черт принесет> [Там же: 228].

По народным представлениям, с нечистой силой «знается» не только сам ксендз, но и его прислуга – кухарка или экономка: «Diabli księżę kucharki po powietrzu nosili» <Черти ксендзову кухарку по воздуху носят>, «Księżą gospodynię diabli niosą do piekła» <Ксендзову экономку черти носят в ад>, «Księżę kucharki diabli biorą» <Ксендзову кухарку черти берут> [NKPP 2: 228].

• **Социальное положение**

Высокий социальный статус ксендза и его значимость, по-видимому, нашли отражение в названии шахматной фигуры *ksiądz* ‘одна из фигур в шахматах: слон’ [SW 2: 606]⁴⁵, а также в паремии *księża łaska piechotą nie chodzi* <ксендзовой милостью пешком не ходит> ‘нельзя ей пренебрегать, не пустяк’ [NKPP 2: 232]. Весомость фигуры ксендза в социуме подтверждается и тем, что его приход становится своеобразной точкой отсчета времени: малопольск. *na księdza* ‘на прибытие ксендза в дом’ [KSGP].

Особое положение священнослужителя «отзывается» закрепленным в паремиях **запретом злословить о ксендзе**: «Grzech gadac nawet o sukni ksiendzowuy i o trzewiku ksiendzowym, a nie dopiro o ksiendzu» <Грех болтать даже о ксендзовом платье и о ксендзовом башмаке, а не только о ксендзе> [Karłowicz 2: 501; NKPP 2: 228], «Księdza przed ludźmi źle wspominać wara» <Ксендза перед людьми плохо вспоминать не смейте> [NKPP 2: 228], «Z księdzem i mnichem nie żartuj» <С ксендзом и монахом не шути> [Там же: 235]. Запрет на неуважительное упоминание ксендза связан и с важностью для мирян обрядов, которые он выполняет – в частности, обряда елеосвящения: «Chto na ksądzu wiele szczeka, ten go są prze śmierce nie doczeka» <Кто на ксендза много лаёт, тот его перед смертью не дожидается> [NKPP 2: 235], кашуб. «Xto na ksąza véle ščekå, ten go są přě smércě né dočekå» <Кто на ксендза много лаёт, тот его перед смертью не дожидается> [Sychta 2: 282].

Значимость социальной роли ксендза проявляется и в представлении о **сложности и длительности его обучения** («Księdza nie zrobili, a parobka zepsuli» <Ксендза не сделали, а парня испортили> ‘о недоученном человеке’ [NKPP 2: 232], «Nikt od razu księdzem nie zostanie» <Никто сразу ксендзом не станет> [Там же: 234]) и о том, что не каждый человек может стать ксендзом («Będzie z niego ksiądz jak z djabła kościelny» <Будет из него ксендз, как из черта костельный> [NKPP 2: 227], силезск. «Z ciebie będzie ksiądz jak z djabła kościelny, a z capa ogrodnik» <Из тебя будет ксендз, как из черта костельный, а из козла садовник> [KSGP; NKPP 2: 227]).

⁴⁵ На образование данной номинации, по-видимому, также повлиял внешний вид шахматной фигуры, верхушка которой напоинает папскую тиару.

Высокий социальный статус и выделение ксендза среди других категорий населения, вероятно, могли повлиять на образование значения *ksiądz* ‘балка, идущая вдоль избы под балками потолка’ [KSGP] (ср. рус. *князёк*).

Положение ксендза в обществе и специфика его деятельности (отсутствие надобности заниматься тяжелой физической работой) иронически осмысляются в выражении, отражающем представление об абсурдности идеи ксендзова труда: малопольск. *ksiądz robi za kogo* ‘намекает, чтоб кто-то что-то сделал’: «А *żuż* to xto pozamyka, arganisty cy sks’onc» <А двери кто закрывает, органист или ксендз> [KSGP]; кроме того, вероятно, на функционирование слова *ksiądz* в данной паремии повлиял особый статус священника, отличие его облика и образа жизни от облика и образа жизни других слоев населения.

Тем не менее, язык отмечает, что ксендз, несмотря на свой особый статус, во многом **подобен прихожанам**: «W kościele ksiądz, a za kościołem człowiek» <В костеле ксендз, а вне костела человек>, «W kościele – ojciec duchowny, a za kościołem to taki chłop jak i drugi» <В костеле – отец духовный, а вне костела такой же крестьянин, как и другие> [NKPP 2: 235].

Ряд польских паремий акцентирует внимание на принадлежности ксендза к своей социальной группе (группе **католического духовенства**): «Ksiądz od księdza nic nie bierze» <Ксендз от ксендза ничего не берет> [NKPP 2: 230]. Указание на место ксендза в церковной иерархии происходит через сопоставление его с другими представителями католического духовенства. Ксендз сопоставляется как с чинами высшего духовенства: **ректором** («Wziął diabeł księdza, niech weźmie rektora» <Взял дьявол ксендза, пусть возьмет ректора> [NKPP 2: 235]), **епископом** («Z księdza bywa biskup» <Из ксендза бывает епископ> [NKPP 2: 235; Sychta 1: 111]) и **канонником** («Co ksiądz, to kanonik, co żołnierz, to oficer» <Что ксендз, то канонник, что солдат, то офицер> [NKPP 2: 228], «Pies gada: ksądz, ksądz, a jak kiję dostanie: kanonik, kanonik» <Пес болтает: ксендз, ксендз, а как палкой получит: канонник, канонник> [Там же: 903]), так и с более низким чином: **органистом** («Pies s suką, organista z ksiądzem zawsze się zgodzą» <Пес с сукой, органист с ксендзом всегда согласятся> [Там же: 906], «Lepszy być ksiyndzym niż organistom» <Лучше быть ксендзом, чем органистом> [KSGP; NKPP 2: 233]).

Кроме того, можно отметить противопоставление ксендза духовному лицу другой религии – **мулле**: кашуб. *być przyjacilem jak mucał z ksiądzem* <быть друзьями, как мулла с ксендзом> ‘не дружить’ [Sychta 3: 133].

Сопоставляется ксендз и с представителями других социальных слоев и профессиональных сообществ. Это **шляхта** («*Z księżą trzeba ostrożnie, z szlachtą według czasu*» <С ксендзом нужно осторожно, со шляхтой в зависимости от времени> [NKPP 2: 235]); **военные чины** («*Co ksiądz, to kanonik, co żołnierz, to oficer*» <Что ксендз, что канонник, что солдат, что офицер>, «*Co ksiądz i kawaler zbiera, to czort zabiera*» <Что ксендз и рыцарь собирает, то черт забирает>, «*Czego nie chcesz dać księdzowi, dasz niebożnemu żołnierzowi*» <Чего не хочешь дать ксендзу, дашь безбожному солдату> [NKPP 2: 228], «*Kawaler, panna i ksiądz trzeci to rodzone dzieci*» <Рыцарь, девушка и ксендз третий – это родные дети>, «*Kawaler, panna i ksiądz trzeci – jednej matki dzieci*» <Рыцарь, девушка и ксендз третий – одной матери дети> [Там же: 231]); **юристы** – адвокат и судья (силезск. «*Ksiyndz, adwokat i zima nie podarujym*» <Ксендз, адвокат и зима не подарят> [KSGP; NKPP 2: 229], «*Ksiądz w kościele, sędzia w radzie, doktor w lekach mają być wielkiego poszanowania*» <Ксендз в костеле, судья в совете, врач в лекарствах должен хорошо разбираться> [NKPP 2: 231], «*Nie chcę księdza, proroka, jurysty, lekarza*» <Не хочу ксендза, пророка, юриста, врача> [Там же: 233]).

Наиболее распространено сопоставление ксендза с **врачом**: «*Ksiądz w kościele, sędzia w radzie, doktor w lekach mają być wielkiego poszanowania*» <Ксендз в костеле, судья в совете, врач в лекарствах должен хорошо разбираться> [NKPP 2: 231], «*Nie chcę księdza, proroka, jurysty, lekarza*» <Не хочу ксендза, пророка, юриста, врача> [Там же: 233] и др. Здесь значимо **сходство их функций** (лечение тела в случае с врачом и души в случае с ксендзом) при разделении сфер, за которые они «отвечают»: «*Ksiądz dla dusze, doktor dla zdrowi*» <Ксендз для души, врач для здоровья>, «*Ksiądz od duszy, doktor od ciała*» <Ксендз для души, врач для тела> [NKPP 2: 230], кашуб. «*Tu nie trzeba doktora, le ksąza*» <Здесь не нужно врач, только ксендза> [Sychta 2: 282]. Подобие функций подчеркивается и в паремиях, указывающих на действия священника и врача по отношению к умирающему: «*Ksiądz i doktor wspierają siew potrzebie: jeden ludzi zabija, a drugi ich grzebie*» <Ксендз и врач помогают потребности сева: один людей убивает, другой хоронит>, «*Ksiądz ludzi*

grzebie, a doktor żabia» <Ксендз людей хоронит, а врач убивает>, «KaŹdy to robi, co jemu sprzyja, ksiądz ludzi grzebie, a doktor zabija» <Каждый то делает, что ему выгодно, ксендз людей хоронит, а врач убивает>, «Ksiądz i doktor wzajem wspiera siebie: co jeden umorzy, to drugi pogrzebie» <Ксендз и врач друг друга поддерживают: кого один уморит, то другой похоронит> [NKPP 2: 230].

Врача и ксендза объединяет и их **«непривередливость» в работе**: «Ksiądz a doktor niczym się nie brzydzi» <Ксендз и врач ничем не брезгуют>, «Ksiądz ci się to a doktor nie ma brzydzić nikim» <Ксендз и врач не должны брезговать никем> [NKPP 2: 229], силезск. «Ksióndz i dochtor się niczym nie brzidzōm» <Ксендз и врач ничем не брезгуют> [KSGP].

Противопоставляется ксендз представителям бедных слоев общества: **крестьянину** («Ksiądz przez chłopów udrękę idzie dziedzicowi na rękę» <Ксендз из-за крестьян страдает, идет барину на руку> [NKPP 2: 231]) и **шахтеру** (силезск. «Lepszy być ksiyndzym niż hawiyrzym» <Лучше быть ксендзом, чем шахтером> [KSGP; NKPP 2: 233]).

Среди **мотивов**, выделяемых в этнолингвистическом портрете ксендза, преобладают объективно-качественные мотивы и мотивы-атрибуты, связанные с внешним видом священнослужителя (мотив черного цвета, тонзуры и т. д.) или указывающие на социальный статус священника, а также оценочно-качественные мотивы, в которых отражены представления о чертах его характера (мотив жадности, хитрости, греховности). Довольно активны и акциональные мотивы, связанные с обрядами, которые выполняет ксендз (крещения, венчания, исповеди).

Различаются мотивы и по характеру материала, в котором они реализуются. В состав языкового портрета ксендза входят мотивы, разрабатываемые исключительно или преимущественно лексическими средствами. В основном это объективно-качественные мотивы и мотивы-атрибуты: мотив черного цвета и тонзуры, одежды ксендза; сюда также относится акциональный мотив дыма. Как в лексике, так и в паремиологии функционируют в основном акциональные мотивы, связанные с действиями или образом жизни священника: они отражают представления о целибате, поборах, речи священника; к ним также относится мотив смерти.

Только на основе паремиологии выявляются, во-первых, оценочно-качественные мотивы, с помощью которых описываются черты характера и моральные качества, приписываемые ксендзу: греховности, лицемерия, жадности, лени, хитрости, богатства, во-вторых – объективно-качественные, вписывающие ксендза в особую социальную группу, в третьих – некоторые акциональные мотивы, связанные с обрядовой деятельностью священнослужителя: исповедью, венчанием, крещением.

2.3.1.5. PLEBAN ‘деревенский приходской священник’ [SW 4: 226] (от лат. *plebs* ‘простонародье’ [Bruckner: 417]).

Важной для языкового портрета плебана становится его социальная функция. Так, выделяются паремии, указывающие на **отношения** плебана **с приходом** («Dłużej parafii, niż plebana» <Дольше приход, чем плебан> [NKPP 2: 820]⁴⁶, «Jaki pleban taka jego prebenda» <Какой плебан, такой его приход> [Там же: 950]), а также с другим представителем костела – **викарием** («Nie rządzi wikary, kiedy pleban doma» <Не правит викарий, когда плебан дома> [Там же: 1080]).

Представление о материальных благах, которыми обладает плебан, и отсутствие у него семьи «отзываются» описанием ситуации **разграбления** его **имущества после смерти**: «Po plebanowej śmierci każdy w jego stodole rad młóci» <После смерти плебана каждый в его овине рад молотить>, «W spuściźnie po plebanie więcej kucharka niż krewny dostanie» <В наследство от плебана больше получит кухарка, чем родственник> [NKPP 2: 950]. При этом указывается на бедность и незначительное наследство, оставляемое плебаном: «Spuścizna plebana da podszewkę do żurana» <В наследство плебан дал подкладку от жупана> [Там же].

В кашуб. *plebón* ‘петух’ [Sychta 4: 70], вероятно, проявляется мотив **пения**, который позволяет сопоставлять священнослужителя с петухом.

Кроме того, в портрете плебана находит отражение и специфический тип его прически – тонзура, из-за которой священнослужитель нередко представляется лысым или плешивым: «Nie każdy łysy pleban» <Не каждый лысый – плебан> [NKPP 2: 357].

⁴⁶ Это значит, что приходские священники меняются, приход остается.

2.3.1.6. POP

В современном польском языке слово *pop* употребляется только в значении ‘православный священник’ и считается русизмом, однако еще в XV–XVI вв. оно использовалось для обозначения любого (и католического) священнослужителя. Слово было заимствовано из греческого *παπς* ‘священник’ через посредство латинского, немецкого и, возможно, чешского [Bruckner: 430].

Отраженной в польском языке особенностью **внешнего вида** попа становится его необычная **одежда** и некоторые ее элементы. Так, отличительными составляющими облачения попа являются **риза** («Nie chcę, nie pop, w popowe ubierać się guzu» <Не хочу, не будучи попом, в поповы одеваться ризы>, «Kiedyś nie pop, nie kładźże na siebie guzu» <Когда не поп, не надевай ризы> [NKPP 2: 229]) и **капюшон** («On swoje, ja swoje: pop przy kapturze, ja przy mundurze» <Он свое, я свое: поп при капюшоне, я при мундире> [Там же: 231]).

В качестве другого «маркера» попа выступает **черный цвет** его одежды: *pop* ‘тетерев во время смены оперения’ [SW 4: 638], кашуб. *pop pŕejaχał i to posvácił* <поп приехал и это освятил>, *pop pŕejeżzał* <поп проезжал> ‘о подгоревшем блюде’ [Sychta 4: 136]. В двух последних фактах возможно выделить также мотив дыма, связанный с обрядом каждения (ср. *pop wlażł* <поп влез> ‘о задымившемся блюде’).

А. П. Непокупный упоминает ряд птиц, имеющих народное название *porok*: это снегирь *Pyrrhula pyrrhula* L., овсянка тростниковая *Emberiza schoeniclus*, гаичка болотная *Parus palustris* L., горихвостка обыкновенная *Phoenicurus phoenicurus* L., черноголовая славка *Sylvia atricapilla* [Непокупный 2009: 110–111]. Эти орнитонимы, по-видимому, мотивированы представлениями о внешнем виде священника: черная голова большинства названных птиц напоминает головной убор священника, скорее всего, клобук. Номинация горихвостки, думается, обусловлена сходством белого пятна на голове птицы с выстриженной тонзурой (ср. другое польское название этой птицы *pleszka* и кашуб. *plesz* ‘тонзура’).

Народное сознание рисует попа, как правило, в **прямостоящей позе**, в которой он находится во время богослужения, что отражается в лексемах, обозначающих прямостоящие предметы: *pop* ‘гриб мухомор’ [SW 4: 638], *pop* ‘в игре – чурбан, отрезанный от палки и немного очищенный’: «Dla każdego uczestnika powinno być 9 biczek, 1 sak, 1 pop. Birki dzielą się na kury i pora» <Для каждого участника

должно быть 9 кнутиков, 1 сачок, 1 поп. Бирюльки делятся на кур и попа» [Там же], *por* ‘трубка с маленькими отверстиями, прочно установленная в выпускное отверстие на дне и служащая для спуска грязной воды и задерживания внутри кад-ки вымачиваемого ячменя’ [Там же]. Вероятно, эти лексемы являются русскими заимствованиями, поскольку относятся к тематическим группам («грибы», «приспособления для игр»), в которых в русском языке широко представлены дериваты лексемы *pop* (ср. рус. диал. *pop* ‘белый гриб’, *pop* ‘чурка для игры типа городков’ и др.), и не имеют устойчивых системных связей в польском.

С мотивом прямостояния может быть связано и мазов. *por* ‘семена одуванчика’: «Jak kfine, to mleć, a te bące puxy, co dmucha to pop / ksonc / dmuchawiec» <Когда цветет, то это млеч⁴⁷, а тот белый пух, что сдувается, это поп, ксендз, дмухавец⁴⁸> [KSGP]. С другой стороны, в основу данной номинации могло лечь представление о специфической прическе священника.

В наименовании *popie sadło* ‘мазь очитковая’ [SW 4: 645], вероятно, проявилось представление о **толщине** попа.

Основной **чертой характера**, которой наделяется польский поп, является его **жадность и ненасытность**: мазов. *mieć popie oczy* <иметь поповы глаза> ‘быть жадным и завистливым’: «Maryśce nie pokazui tego, una ma popie oscy» <Марысе это не показывай, потому что у нее поповы глаза> [KSGP], «Księżę oscy, popi wóz, co zobaczy, to by wiózł» <Ксендзовы глаза, попов воз, что увидит, то бы вез> [NKPP 2: 232], «Księżę oscy, popie gardło, co zobaczy, to by zarło» <Ксендзовы глаза, попово горло, что увидит, то бы жрало> [KSGP]. Следствием представления о богатстве попа становится **мотив грабежа**: «Nie grzech popa złupić» <Не грех попа ограбить> [NKPP 2: 231].

Среди обрядовых действий, которые совершает поп, выделяются **погребальный обряд** («Chowa pop ludzi, pochowają i рора» <Хоронит поп людей, похоронят и попу> [NKPP 2: 228]), а также **каждение** (*pop wlaź* ‘о задымившемся блюде’ [Там же: 231]) (о подгоревших блюдах см. выше).

В языке закрепляются представления о семье попа. Так, польский материал отразил образ **попадья** (*poradja* ‘рыба горчак обыкновенный’ [SW 4: 639],

⁴⁷ Ср. польск. *mlecz* ‘одуванчик Taraxacum’ [Karlłowicz 3: 170].

⁴⁸ Ср. польск. литер. *dmuchawiec* ‘одуванчик Taraxacum’ [SW 1: 465].

«Jednemu pop, drugiemu miła popadia» <Одному поп, другому мила попадьа> [NKPP 2: 1018]). Кроме того, в языковых номинациях находит воплощение представление о «плодовитости» и репродуктивных способностях попа, толчком для которых становится тот факт, что семьях священнослужителей обычно много детей: без терр. *popowe nudy* ‘бересклет’ (ср. укр. *попови муди* ‘то же’) [Karłowicz 4: 263], силезск. *popie jajko* ‘кухонная приправа (*radix orchidis salep*)’ [SW 2: 125].

Представление о **высоком статусе** попа и вписанности его в социальную иерархию, по-видимому, проявляется в обозначении приспособлений для игр, в которых фигуры имеют разную ценность: *pop* ‘одна из фигур в шахматах: слон’⁴⁹ [SW 2: 606; SW 4: 638], малопольск. *pop* ‘фигура в игре в бирюльки’: «Pop ma wartość 4 punktów. Figury zrobione są z drzewa i odróżniałe kształtem i nacinaniami» <Поп имеет ценность 4 пункта. Фигуры сделаны из дерева и отличаются формой и насечками>, «Obok króla i popów spotykamy sołtysty, diaki, pradziaki, wojty i dziesiętniki» <Рядом с королем и попом встречаем старост, дьяков, войтов, десятников> [KSGP].

Некоторые польские пословицы **соотносят** попа с прихожанами (**крестьянством**). Они могут указывать на их сходства («Jaki pop, taki chłop» <Какой поп, такой холоп> [NKPP 2: 1080]) или различия, связанные с более высоким качеством жизни попа (силезск. «Lepszy być dobrym chłopem niż złym popem» <Лучше быть хорошим крестьянином, чем плохим попом>).

Имеется указание на соотношение попа с другим представителем церкви – **дьяконом**: «Gdzie pop – zrób, posprzątaj, a gdzie diak – to niech będzie tak» <Где поп – сделай, убери, а где дьякон – пусть будет так> [NKPP 2: 1018].

Текстовым партнером польского *popa* может быть и **черт**: «Pop swoje – czart swoje» <Поп свое – черт свое> [NKPP 2: 1018].

В данном этнолингвистическом портрете, как и в портрете ксендза, представлены объективно-качественные (представление о внешнем виде попа, мотив черного цвета, прямостояния), оценочно-качественные (мотивы толщины и жадности) и акциональные мотивы (исполнение погребального обряда, мотив каждения). Как и в случае с портретом ксендза, на основе лексики выделя-

⁴⁹ На образование данной номинации, по-видимому, также повлиял внешний вид шахматной фигуры, верхушка которой напоинает папскую тиару.

ются объективно-качественные мотивы (мотив черного цвета, прямостояния, толщины) и акциональный мотив дыма / каждения, а на основе паремиологии – в большей степени оценочно-качественные и акциональные мотивы (жадность, совершение погребального обряда).

2.3.1.7. PROBOSZCZ ‘сановник кафедрального капитула’, а также ‘священник, возглавляющий приход’ [SW 4: 1004] (из лат. *praepositus* ‘наместник, настоятель’ через нем. *Propst* [Bruckner: 437]).

Основной аспект, в котором разрабатывается языковой портрет пробста, – **социальный**. Ряд польских паремий указывает на вписанность пробста в костельную иерархию, **сопоставляя** его с высшими чинами – **епископом** (кашуб. «*Kej biskup ma pjechać, tej probosć nogi męje*» <Когда должен епископ приехать, то и пробст ноги моет> [Sychta 1: 111]) и с низшими – **викарием** («*Pod bytność proboszcza wikary nie rządzi*» <В присутствии пробста викарий не правит> [NKPP 2: 1080], «*Gdy dla proboszcza deszcz pada, to i wikaremu kropi się dostaną*» <Когда для пробста дождь идет, то и верующему капли достанутся>, «*Jaki proboszcz, tacy parafianie*» <Какой пробст, такой приход> [NKPP 2: 1080]).

Участие пробста в **погребальном обряде** способствует разработке в его портрете мотива **смерти**: кашуб. *probošćowa obora* <пробстов коровник> ‘кладбище’ [Там же], кашуб. «*Cęcho jak na probošćowé oboře*» <Тихо, как в пробстовом коровнике> [Там же], кашуб. «*Nosił wlk, pońoslë wílka, chował probošćułk, pochowałë probošćułka*» <Носил волк, понесли волка, хоронил пробст, похоронили пробста> [Sychta 4: 169].

В основе диал. номинации *proboszcz* ‘название вола’ [KSGP], по-видимому, лежит представление о **целибате**, которой должен соблюдать католический священник (ср. мазов. *mnich* ‘кастрированное животное’ [SGOWM 4: 130]).

2.3.1.8. WIKARY ‘наместник, заместитель, помощник какого-либо духовного чина’ [SW 7: 605] (от лат. *vicarius* ‘наместник, заместитель’ [Bruckner: 621]).

Языковые данные свидетельствуют о том, что существенной характеристикой викария является его роль **заместителя** другого священнослужителя, представления о которой отражены в паремиях «*Pod bytność proboszcza wikary nie rządzi*» <В присутствии пробста викарий не правит> [NKPP 2: 1080], «*Nie rządzi*

wikary, kiedy pleban doma» <Не правит викарий, когда плебан дома> [NKPP 2: 1080], а также в кашуб. лексеме *víkari* ‘любовник замужней женщины, являющийся в некоторой степени заместителем ее мужа’ [Sychta 6: 152]. В последнем факте, помимо прочего, проявляется и мотив **распутства**, характерный для портретов священнослужителей.

Кроме этого, в портрете викария присутствует мотив **черного цвета**, связанный с черной одеждой служителя культа: кашуб. *víkari jaḡał (přejaḡał)* <викарий ехал (приехал)> ‘о подгоревшем блюде’ [Sychta 6: 152].

2.3.1.9. KANONIK ‘высшая ступень светского католического духовенства’ [SW 2: 234] (от польск. *kanon* ‘правило, устав’ [Bruckner: 216]).

В языковом портрете каноника выделяется один мотив – **распутной неправедной жизни**: *żyje jak kanonik* ‘распутно’ [Kleśta: 20].

2.3.1.10. PRAŁAT ‘высшая церковная должность в католической церкви’ [SW 4: 971] (от лат. *praelātus* ‘предпочтенный, лучший’ [Bruckner: 434]).

В портрете прелата выделяется мотив **лицемерия**, связанный с несоответствием действий и слов священнослужителя: «Czemu to, prałacie, nie tak sami żywiecie, jako nauczacie?» <Почему, прелаты, не так сами живете, как учите>, «Prałacie, żyj tak, jak uczysz, niech lud przykład bierze» <Прелат, живи так, как учишь, пусть народ пример берет>, «Uczycie, panie prałacie, a sami źle działacie» <Учите, паны прелаты, а сами плохо делаете> [NKPP 2: 232].

2.3.1.11. BISKUP ‘сановник, заведующий епархиями, епископ’ [SW 1: 158] (от греч. *ἐπίσκοπος* ‘смотритель’ через нем. *bischof* [Bruckner: 434]).

Основной чертой внешнего вида епископа, отраженной в языке, становится **фиолетовый цвет** его одежды: *biskupi* ‘фиолетовый’, *biskupski* ‘темно-фиолетовый’, *biskupowy* ‘фиолетовый’ [SGP 2 (5): 226], кашуб. *biskupe nogawice* ‘фиолетовые носки’ [Sychta 1: 111].

Существенной для характеристики епископа является **значимость** его фигуры в жизни костела (*chociaż jako ciasno, biskup do kościoła jeszcze wlezie* <хоть и тесно, епископ в костел еще влезет> ‘десерт, лакомство поместится в желудке и на обильном обеде’ [NKPP 2: 30]) и **интенсивность речи** («Biskup, który jest milczący,

jest jako wrotny siedzący» <Епископ молчаливый как привратник сидящий> [NKPP 2: 30]). Кроме этого, внимание уделяется **трону** епископа (предназначенному для него креслу в костеле): помор. *biskupiec* ‘трон епископа’ [SGP 2 (5): 225]. Образ трона иронически переосмысливается в малопольск. *biskupiec* ‘шутл. переносной клозет, возимый раньше за ксендзом’ [Там же].

Высокий социальный статус и влияние епископа отмечается во фразеологизмах *nie chodzę na biskupich nogach* <не хожу на ногах епископа> ‘не являюсь влиятельным’ [Skorupka 1: 103], *na biskupich nogach chodzą* <на епископских ногах ходят> ‘имеют поддержку влиятельных людей’ [NKPP 2: 30]. В выражении *podobny jak zając do biskupa* <похож как заяц на епископа> ‘совершенно не похож’ [Skorupka 1: 103] также, по-видимому, отражается представление о высоком положении епископа.

Место епископа в католической иерархии фиксирует ряд паремий путем **сопоставления** его с другими представителями духовенства, находящимися как на низших ступенях иерархии – **ксендзом** (кашуб. «Z ksaża biva biskup» <Из ксендза бывает епископ> [Sychta 1: 111]), **пробстом** (кашуб. «Kej biskup ma pŕējaħas, tej probosć nogi mĕje» <Когда епископ должен приехать, то пробст ноги моет> [Там же]), так и на высших – **кардиналом** («Kardynał nie biskup, kasztelan nie wojewoda» <Кардинал не епископ, кастелян не воевода> [NKPP 2: 30]), **Папой Римским** («Łatwo być temu biskupom, kto ma wuja papieżem» <Легко быть епископом тому, у кого дядя Папа Римский> [Там же: 817]).

2.3.1.12. KARDYNAŁ ‘священнослужитель, занимающий высшую после Папы Римского должность в костеле’ [SW 2: 266] (от лат. *cardinālis* ‘главный, основной’ [Там же]).

В языковом портрете кардинала большое внимание уделяется его **внешнему виду**. Важным элементом облика кардинала становится его **одежда**: *kardynałka* ‘часть женского костюма’: «Zrzuciła z siebie co pŕedzej kraciastą suknię i atlasową, kardynałkę» <Скидывала с себя как можно быстрее клетчатое платье и атласную кардиналку> [SW 2: 267]. Главная черта одежды кардинала – **красный цвет** – находит отражение в номинации *kardynał* ‘птица из рода воробыиных *Cardinalis virginianus*’ [Там же], а также в ряде фитонимов: *kardynał* ‘губастик красный

Mimulus cardinalis’ [Там же], *kwiat kardynalski* <цветок кардинальский>, *stroiczka kardynalska* <лобелия кардинальская> ‘лобелия темнокрасная *Lobelia cardinalis*’ [Там же: 266]. Сюда же можно отнести и фитоним *kardynał płomienisty* <кардинал пламенный> ‘вид яблони’ [Там же: 267], вероятно, обозначающий дерево с цветами или плодами красного цвета. Показательно, что другое название данной церковной должности – *purpurat* ‘кардинал’ [SW 5: 438] – также свидетельствует о внимании языка к красному облачению кардинала.

Другой важной чертой внешнего вида кардинала является особый **головной убор**, образ которого возникает в выражении *otrzymać kapelusz kardynalski* <получить кардинальскую шляпу> ‘стать кардиналом’ [SW 2: 266].

Важным для языкового портрета кардинала становится и его **социальное положение**. Ряд польских паремий вписывают его в костельную иерархию, сопоставляя при этом с низшими чинами: **епископом** («*Kardynał nie biskup, kasztelan nie wojewoda*» <Кардинал не епископ, кастелян не воевода> [NKPP 2: 30]) – и высшими: **Папой Римским** («*Gdy papież umrze, kardynałowie nie płaczą*» <Когда Папа умрет, кардиналы не плачут>, «*Łatwo zostać kardynałem, kto ma stryja (wuj) papieżem*» <Легко стать кардиналом, у кого дядя Папа> [Там же: 817]). Социальный статус, вероятно, отразился и в названии игры с фигурами, имеющими разную ценность: *kardynał* ‘игра в поленья одинаковой длины, по-разному изготовленными и имеющими разную ценность’ [SW 2: 267].

Высокое положение кардинала, по-видимому, мотивировало обозначения продуктов **высокого качества** (*kardynałka* ‘сорт больших сладких груш’, *kardynałka* ‘сорт больших сладких слив’ [SW 2: 267]), а также названия некоторых блюд, признаваемых вкусными и изысканными (*jabłka kardynalskie* ‘запеченные в тесте яблоки’ [Там же: 266], *kardynał* ‘напиток из вина с апельсинами, ананасами, сахаром, пряностями, крюшон’ [Там же: 267]).

Ироничное осмысление необходимости соблюдения **целибата** и **отсутствия** у кардинала **семьи** обнаруживается в *kardynalczyk* ‘шутл. сын кардинала’: «*Ożenił się równy z równą: kardynalczyk z opatuwną*» <Поженились равный с равной: сын кардинала с дочерью аббата> [SW 2: 266].

2.3.1.13. EMINENCJA ‘титул кардиналов’[SW 1: 692] (от лат. *eminentia* ‘превосходство’ [Там же]).

Данный деривационно-фразеологическое гнездо включает один мотив – мотив управления, связанный с высоким статусом кардинала и большой властью, которой он наделен. Этот мотив проявляется в калькированном из французского выражении *szara eminencja* ‘человек, в тайне кем-либо руководящий’ [Skorupka 1: 214] (ср. рус. *серый кардинал*).

2.3.1.14. PAPIEŻ ‘глава римско-католической церкви, Папа Римский’ [SW 4: 47] (от лат. *pāpā* ‘священник’ [Там же]).

Папа Римский воспринимается как **эталон исповедующего католическую веру**, что проявляется в выражении «*Bardziej katolicki niż sam papież*» <Более католический, чем сам Папа Римский> [NKPP 2: 817].

Особая значимость и важность Папы Римского отмечается и в выражении *być w Rzymie i papieża nie widzieć* <быть в Риме и Папу не видеть> ‘не осмотреть, не знать самой важной вещи в какой-либо местности или городе’ [Skorupka 1: 648].

Одной из основных черт, которыми наделяется Папа, становится его **высокий статус**: *gadał z papieżem* <болтал с Папой Римским> ‘гордый, выжный’ [NKPP 2: 817].

Представление о социальном положении Папы Римского проявляется и соотношении его с высшими сановниками: **кардиналом** («*Gdy papież umrze, kardynałowie nie płaczą*» <Когда Папа умрет, кардиналы не плачут>, «*Łatwo zostać kardynałem, kto ma stryja (wuję) papieżem*» <Легко стать кардиналом, у кого дядя Папа> [NKPP 2: 817]) и **епископом** («*Łatwo być temu biskupom, kto ma wuję papieżem*» <Легко быть тому епископом, у кого дядя Папа> [Там же]).

2.3.2. Монастырское духовенство (*Duchowieństwo zakonne*)

2.3.2.1. Общие обозначения монашествующих

2.3.2.1.1. MNICH ‘представитель духовенства, живущий по монастырскому уставу, монах’ [SW 2: 1015] (от греч. *monachos* ‘монах, отшельник’ через лат. *monicus* и нем. *münich* [Bruckner: 417]).

• Внешний вид

Важный элемент языкового портрета польского монаха – его специфическая **одежда – хабит** (*habit*). Она становится одним из главных отличительных признаков монашествующих: *habita* ‘состояние монаха’ [SW 2: 2], *oblec, przywdziać, przyjąć, wziąć habit* <надеть хабит> ‘принять монашество’ [Skorupka 1: 274], *zrzucić habit* <сбросить хабит> ‘расстричься из монашества’ [Там же], «*Habit nie czyni mnicha*» <Хабит не делает монаха> [NKPP 2: 511; Skorupka 1: 452].

Другой отличительный элемент одежды монаха – **капюшон** (*kaptur*): «*Poznać mnicha po kapturze*» <Узнать монаха по капюшону>, «*Kaptur nie czyni mnicha*» <Капюшон не делает монаха>, «*Nie kaptur mnicha czyni mnichem, lecz reguła*» <Не капюшон монаха делает монахом, а правило>, «*Kaptur nie uczyni mnichem ani suknia (łachman) lichem*» <Ни капюшон не делает монахом, ни платье (тряпье) лихом> [NKPP 2: 511]. На основе сходства формы цветка с капюшоном монаха образовался фитоним *zły mniszek* ‘аконит *Aconitum*’ [SW 2: 1017] (ср. другое польское название данного растения *niebieskie kapturki* <голубые капюшоны> [SW 2: 1017], а также чеш. *mníšska kápe* [Rystonová 2007: 336], нем. *Mönchskappe*, англ. *monks-hood* <монашеский капюшон> [Анненков: 6]).

Привлекающим к себе внимание признаком одежды монаха оказывается **черный цвет**, поэтому дериваты обозначений монашествующих называют представителей фауны, имеющих темную окраску: диал. *mniszek* ‘голубь’ [SW 1: 868; 2: 1017], *mnich* ‘тетерев во время смены оперенья’ [Karlłowicz 3: 176], *mniszka* ‘бабочка, опустошившая леса Баварии’ [SW 8: 130] (ср. *zakonnica* ‘бабочка, опустошившая леса Баварии’ [SW 8: 130]). В последнем факте мог реализоваться также мотив **ширины** одежды ввиду сходства распахнутого одеяния монаха с раскрытыми крыльями насекомого. Этот же мотив обнаруживается и в другом названии насекомого *mniszka* ‘шелкопряд’ [SW 2: 1017].

Форма одежды монаха нашла отражение в названиях **конусообразных** объектов: мазов. *mich*, *mnich* ‘снопики соломы, положенные в нижний пласт крыши’ [SGOWM 4: 130], *mnich* ‘сноп в первом слою крыши’ [KSGP], малопольск., мазов. *mnichówki*, *mnichalki*, *mnichy* ‘снопики соломы в нижнем слою крыши’ [Там же]. Кроме того, в этих фактах могло отразиться и представление о прямостоящей позе монаха.

Причиной для образования фитонимов *mnich*, *mniszek*, *mniszeczek*, *mniszysko* ‘одуванчик лекарственный *Taraxacum leontodon*’ [SW 2: 1015], *mnichówka* ‘растение из семейства мальпигиевых’ [Там же] могло стать сходство цветков растений с **головным убором** монаха – пилеолусом, или с его **прической**, а также общее сходство цветка с фигурой человека.

- **Особенности поведения, черты характера**

Среди особенностей поведения монаха выделяется его речь, характеризующаяся **многословием**: «Mnich niemowny, kot niełowny, gach wstydlivy, gracz sprawiedliwy – nigdy nie wskórają» <Монаха молчаливого, кота неловящего, любовника стыдливого, игрока справедливого никогда не бывает> [NKPP 2: 511]. В паремии «Milczy jak mnich» <Молчит как монах> [Там же: 474], с одной стороны, может проявляться иронически переосмысленный мотив многословия, с другой стороны, она может быть связана с обетом молчания, который дают некоторые монахи, и запретом разговаривать в определенных монастырских помещениях (ср. «Milczy jak karusyn» <Молчит как капуцин>).

Отмечается и представление о специфических **движениях (поклонах)** монаха, которое проявляется в номинациях приспособлений для спуска воды: *mnich* ‘полое бревно, деревянная труба для спуска воды из пруда; водоспуск, состоящий из вертикальной части или собственно монаха, горизонтального корыта, соединенного с монахом’ [SW 2: 1015], малопольск., силезск. *mnich* ‘водоспуск со столбом при пруду’ [Karlłowicz 3: 176], *mnich* ‘затвор, через который выходит вода в пруду’ [Karlłowicz 4: 85], *mnich* ‘деревянное устройство для регулирования уровня воды в пруду’ [KSGP], силезск. *mnich* ‘деревянное корыто, установленное для спуска воды в пруду’ [Там же]. Возникновение этого мотива, вероятно, связано с поклонами монаха во время молитвы.

Народное сознание активно осмысляет **обет безбрачия**, который дает монах (ср. «Broni się jak mnich do kobiety» <Защищается как монах от женщины> [NKPP 1: 200]). Этот мотив разрабатывается группой лексем, обозначающих кастрированных животных (великопольск. *mniszka* ‘кастрированная свинья’ [Karlłowicz 3: 176], мазов. *mich, mnich, miszek, mniszek* ‘кастрированное животное’ [SGOWM 4: 130]), сам процесс кастрации (мазов., великопольск. *mniszyc* ‘кастрировать’ [KSGP], малопольск., великопольск. *miszenie* ‘кастрировать’ [Там же], великопольск. *wymniszyc* ‘кастрировать’ [Там же]), а также образованных в результате метонимического переноса наименований лиц, выполняющих данное действие (кашуб., мазовец., великопольск. *mnich, mich, mniszek, mniszkarz, miszarz, miszarek, miszkarz, mnišork* ‘человек, кастрирующий домашних животных’ [KSGP; SGOWM 4: 130; Sychta 3: 91]).

С обетом безбрачия связан и мотив **бесплодия**, проявляющийся в малопольск. *mnichu* ‘конопля, не имеющая семян’ [KSGP]. Ироническое переосмысление обета безбрачия, по-видимому, можно видеть и в кашуб. *mniх* ‘гермафродит’ [Sychta 3: 91]. С другой стороны, на развитие подобного значения могла повлиять и одежда монаха, напоминающая внешним видом женское платье (ср. рус. загадку «Спереди мужик, а сзади баба» (поп) [Садовников: 128 № 1028]).

Другой важной чертой образа жизни монаха является **затворничество и уединенность**: «Życ jak mnich» <Жить как монах> [Skorupka 1: 452], «Samotni jak mnich» <Одинокий как монах> [NKPP 3: 977], кашуб. *mniх* ‘нелюдимый человек’ [Sychta 3: 91].

С образом жизни польского монаха связан также и мотив **паразитизма**, возникший, вероятно, ввиду того, что монахи собирали пожертвования: «Mnichu, psu, gacki, gdzie się znęca, trudno się ich pozbyć» <Монахи, собаки, летучие мыши, когда приманишь, трудно от них избавиться> [NKPP 2: 512], «Mnichowi dawszy jeść, trzeba mu i w biesagi włożyć» <Если дать есть монаху, нужно ему и в сумку положить> [Там же: 511]. Возможно, мотивы паразитизма и ненасытности легли в основу диал. лексемы *mniszka* ‘бабочка, опустошившая леса Баварии’ [SW 8: 130].

Осуществляемые монастырями поборы могли отразиться и в мазов. *mnich* ‘сорт яблок’ [Karlłowicz 3: 176; SW 2: 1015], однако с большей долей вероятности это слово связано с днем св. Михаила, к которому созревали яблоки (ср. кашуб.

mīcha ‘разновидность больших яблок, созревающих ко дню св. Михаила’ [Sychta 3: 166]).

«След» монаха «обнаруживается» в названиях определенных видов **пищи**, ср. *mnich* ‘вид пирога’ [SW 2: 1015], *mnichy* ‘блюдо из баранок, залитых кипяченой водой и приправленных маслом’ [Karlłowicz 3: 176; SW 2: 1015]. Вероятно, в их основе лежат представления о принятом в монастыре особом режиме питания, а также о посте, который держат монахи.

Не совсем ясна мотивация лексемы *mnich* ‘сосуд для отделения золота и серебра в печи’ [SW 2: 1015]. Возможно, развитие такого значения связано с представлением об **алхимических опытах**, которые ставились в монастырях. Данная лексема также вписывается в группу обозначений сосудов, образованных от русских наименований монаха и, по-видимому, связанных с представлением о позе данных служителей культа (ср. рус. карел. *monáx* ‘длинная бутылка с красным вином’).

• **Связь со сферой сверхъестественного**

Причастность монаха сфере церковного (сакрального), а также, по-видимому, необычная длинная одежда с капюшоном стали основанием для развития у слова мифологической семантики: *mnich* ‘мифическое существо в виде монаха’: «Mnich posuwa lotem kozy po przepaściach przez wąwozy; na sam szczyt drzewa śmignie wiewiórką; krzaki najgęstsze przemknie jaszczurką; z głazu mchem wyśliźnie, z wód łososiem bryźnie» <Монах передвигается прыжками козы через пропасти ущелий, на самую вершину дерева взметнется белкой, самые густые кусты проскочит ящерицей, из камня мхом выскользнет, из воды лососем выбрызнет> [SW 2: 1015].

Связь монаха со сферой сверхъестественного проявляется в ряде паремий, где его текстовым партнером выступает **черт** (*diabeł, czart*): «Nie waży się czarny czart tego czynić, co mnich albo baba, gadaj że, kto wždy lepszym jest z nich» <Не отважится черный черт то сделать, что монах или баба, гадай же, кто из них лучший>, «Mnich diabła w kapturze nosi» <Монах черта в капюшоне носит>, «Albo mnichem, albo lichem» <Или монахом, или лихом (чертом)> [NKPP 2: 511]. При этом монах нередко представляется орудием черта: «Mnich a baba – narzędzie diabła» <Монах и баба – орудия дьявола>, «Bo mnich a baba to diabeł ma instrumenta swoje» <Потому что монах и баба – это дьявол имеет свои инструменты> [Там же].

• **Социальное положение**

Польский монах наделяется довольно **высоким статусом и значимостью**: *mnich* ‘одна из фигур в шахматах: слон’⁵⁰ [SW 4: 638], «Z księdzem i mnichem nie żartuj» <С ксендзом и монахом не шути> [NKPP 2: 235].

Отмечается вписанность монаха в церковную общность («Mnisi, gdy się zejdą, mówią o kapicach, kowale o kleszczach, krawcy o nożycach» <Монахи, как сойдутся, говорят о часовнях, кузнецы о клещях, портные о ножницах>, «Mnich ci gada o kapicy, o trepkach, o pleszu» <Монахи говорят о часовнях, о сандалях, о тонзуре> [NKPP 2: 512]) и его связь с другими представителями духовенства, в первую очередь, с жителями монастыря: **другими монахами** («Mnich mnichowi kaptura nie oberwie» <Монах монаху капюшона не оборвет> [NKPP 2: 511]) и **аббатом** («Jako mniszy przy opacie» <Как монахи при аббате> [Там же]). При этом подчеркивается зависимость монаха от аббата и обусловленность монашеских действий действиями аббата («Mnich tak odpowiada, jak mu opat śpiewa» <Монах так отвечает, как ему аббат поет> [NKPP 2: 511], «Jaki opat, taki mnich» <Какой аббат, такой монах>, «Kiedy by opat kostek przy sobie nie nosił, tedy by mnisi w nie nie grali» <Если бы аббат костей с собой не носил, то и монахи в них не играли>, «U opata gody, a u mnicha głody» <У аббата праздник, у монаха голод> [Там же: 733]).

Еще одним текстуальным партнером слова *mnich* становится обозначение **кардинала**, при этом отмечается более высокий статус последнего: «Niż być złym gwardianem, lepiej prostym mnichem» <Чем быть плохим кардиналом, лучше простым монахом> [NKPP 2: 512].

Таким образом, в этнолингвистическом портрете монаха доминируют объективно-качественные мотивы (мотив черного цвета, ширины, конусообразной формы), а также представлены объективно-ситуационные (мотив безбрачия, уединенности), оценочно-ситуационные (паразитизма) и оценочно-акциональные мотивы (многословия, поклонов).

При помощи лексических средств выражены в основном объективно-качественные мотивы (черного цвета, ширины, конусообразной формы), а также

⁵⁰ На образование данной номинации, по-видимому, также повлиял внешний вид шахматной фигуры, верхушка которой напоинает папскую тиару.

отдельные мотивы, относящиеся к ситуационным (безбрачия) и акциональным (подвижности). На основе и лексики, и паремиологии выделяется ситуационный мотив уединенности, а на основе исключительно паремиологии – акциональный мотив многословия и оценочно-ситуационный мотив паразитизма.

2.3.2.1.2. ZAKONNIK ‘член монашеского ордена, монах’ [SW 8: 130] (от *zakon* ‘правило, монастырский устав’ [Bruckner: 644]).

В языковом портрете законника отображается его внешний облик – ношение **хабита** («Nie habit, ale doskonałość cnót i ślubów zakonnikiem czyni» <Не хабит, но совершенство добродетелей и обетов монахом делает> [NKPP 2: 511]) и **черный цвет** одеяния (*zakonnik* ‘глухарь’ [SW 8: 130]). С формой одежды монаха может быть связана номинация *zakonnica* ‘бабочка, опустошившая леса Баварии’ [SW 8: 130], кроме того, здесь возможно выделить мотив ненасытности (ср. *mniszka* ‘бабочка, опустошившая леса Баварии’).

В паремиях «Byłbym ci ja zakonnikiem, żeby nie z tym bestyjnikiem» <Был бы я монахом, если бы не с тем бесстыдником>, «Byłabym ja zakónniczkóm, gdyby nie ta pod spódniczkom» <Была бы я монахиней, если бы не та под юбкой> [NKPP 3: 822]⁵¹ отражается представление о **целибате**, который соблюдает законник.

Отмечается также **громкая речь** законников («U zakonników nigdy bez krzyków» <У монахов никогда не бывает без криков> [NKPP 3: 822]) и их **прикрепленность к монастырю** («Zakonnik w celi, żołnierz we zbroi, człek przy prawie bezpieczni są» <Монах в келье, солдат в доспехах, человек при законе в безопасности> [NKPP 3: 822]). Уединенная монашеская жизнь, а также связь со сферой сверхъестественного, вероятно, послужили основой для малопольск. *czarn zakonnik* ‘чернокнижник’ [KSGP].

Кроме того, среди дериватов данной лексемы фиксируется астроним *zakonnica* ‘звезда, название созвездия’ [SW 8: 130], мотивация которого остается неясной.

⁵¹ Очевидно, *ten bestyjnik* и *ta pod spódniczkom* являются эвфемистическими обозначениями половых органов.

2.3.2.1.3. PUSTELNIK ‘набожный человек, живущий в лесу, отшельник, проводящий жизнь в покаянии и молитве, пустынник’ [SW 5: 438].

Единственным мотивом, выделяющимся в этнолингвистическом портрете польского пустынника, становится мотив **затворничества**: *żyć jak pustelnik* <жить как пустынник> ‘жить аскетично, обособленно’ [Skorupka 1: 648], *pustelnik* ‘маленький ракообразный, живущий в пустых раковинах моллюсков’ [SW 5: 438]. Кроме того, зафиксирован неясный с точки зрения мотивации факт *pustelnik* ‘название игры’ [SW 5: 438].

2.3.2.1.4. OPAT ‘высший чин в монастыре, использующий митру и посох’ [SW 4: 791] (из греч. *αββα* ‘отец’ через нем. *abbat* [Bruckner: 380]).

Среди отличительных характеристик польского аббата выделяется необходимость соблюдения им обета **безбрачия**, иронически переосмысленная в поговорке «Ożenił się równy z równą: kardynalczyk z opatuwną» <Поженились равный с равной: сын кардинала с дочерью аббата> [SW 2: 266].

Отмечается главенство аббата над другими монахами: «Jako mniszy przy opacie» <Как монахи при аббате>, «Mnich tak odpowiada, jak mu opat śpiewa» <Монах так отвечает, как ему аббат поет> [NKPP 2: 511], «Jaki opat, taki mnich» <Какой аббат, такой монах>, «Kiedy by opat kostek przy sobie nie nosił, tedy by mnisi w nie nie grali» <Когда аббат костей с собой не носил, тогда бы и монахи в них не играли>, «U opata gody, a u mnicha głody» <У аббата праздник, у монаха голод> [Там же: 733].

Причиной для образования фитонима *opatek* ‘молочай миртолистный *Euphórbia myrsinites*’ [SW 3: 791], вероятно, стали целебные свойства растения, а также то, что выделяемое им масло можно было использовать в церковной службе.

2.3.2.2. Монашеские ордена (Zakony)

2.3.2.2.1. BENEDYKTYN ‘монах ордена св. Бенедикта’ [SW 1: 114].

От слова *benedyktyn* образован ряд фитонимов. Малопольск. слово *benedykt* ‘гравилат *Geum*’ [SGP 2 (4): 55] может быть мотивировано сходством цветков растения с капюшоном монаха, но более вероятно, что в этом названии отразилось занятие монахов-бенедиктинцев **травничеством** и **изготовлением** различных травяных смесей и **микстур** (ср. контекст: «U ludu benedyk otwar piją na bóle żołądkowe»

<У народа бенедикт-отвар пьется от болей в желудке>⁵². С этой же традицией связана и лексема *benedyktyń* ‘вид ликера’ [Młotek: 47]. Изготовление в монастырях табака отразилось в названии его сорта *benedyktyńka* ‘вид табака’ [Там же: 48]. С продуктами, производимыми в монастыре, вероятно, соотносится и великопольск. *benedykty* ‘вид картофеля’ [SGP 2 (4): 55]. В последнем факте может быть проявлен и мотив черной одежды бенедиктинцев.

Паремия «Głosny jak benedektyński dzwonek» <Громкий как бенедиктинский колокольчик> [NKPP 1: 635] связана, по-видимому, с образом колокольчика, в который звонил собирающий милостыню монах.

Кроме того, подчеркивается **трудолюбие** бенедиктинцев, тщательность их работы (*benedektyńska praca* <бенедиктинская работа> ‘работа, характеризующаяся особой тщательностью, вниманием к мелочам, терпением’ [Młotek: 45]).

2.3.2.2.2. BERNARDYN ‘монах самого строгого ответвления ордена св. Франциска’ [SW 1: 116].

Слово *bernardynu* (как и рус. *бернардинцы*) может употребляться в двух значениях. В польском языке оно используется в основном для обозначения представителей одного из ответвлений ордена францисканцев, францисканцев-обсервантов, распространенного в Восточной Европе. Название было дано по костелу св. Бернарда в Кракове, где зародилось это направление. В Западной Европе словом *бернардинцы* (по имени одного из представителей, Бернарда Клервосского) называли членов ордена цистерцианцев. С подобной омонимией связан ряд трудностей в интерпретации материала. Поскольку в польском языке слово употребляется главным образом в первом значении, возможно предположить, что большая часть собранного материала связана с обозначением ветви ордена францисканцев.

В этнолингвистическом портрете бернардинца значимое место занимают мотивы, в которых отражены представления об образе жизни этих монахов. Так, важным моментом, повлиявшим на восприятие бернардинцев, является принадлежность их к **нищенствующим** монашеским орденам. Нищенский образ жизни бернардинца отмечен в паремии «Bernardyńskiej on natury, pieniędzy cierpieć nie może»

⁵² Ср. названия этого растения в других языках: чеш. *benedikt vodní* ‘гравилат речной *Geum rivale*’, *benedikta*, *benediktová bylina*, *benediktové koření*, *benediktový kořen* ‘гравилат городской *Geum urbanum*’ [Rystonová 2007: 49], нем. *Benediktenkraut* <бенедиктова трава>, *Benediktenwurz* <бенедиктов корень> [Анненков: 157].

<Бернардинской он натуры, деньги терпеть не может> [NKPP 1: 76]. С другой стороны, подчеркивается и отклонение от этих правил, готовность бернардинца ради заработка нарушить устав: «*Za pieniądze i bernardyn kozaka tańcuje*» <За деньги и бернардинец казака танцует> [NKPP 2: 877]. Соответственно, одним из основных занятий бернардинца представляется **сбор пожертвований**: «*Wlecze się jak bernardyn z kwestą*» <Ходит, как бернардинец с ящиком для пожертвований> [NKPP 3: 719]. В паремии «*Serce mu bije jak bernardyńskie dzwony*» <Сердце у него бьется, как бернардинские колокола> [Там же: 164], по-видимому, возникает **образ колокольчика**, звон которого монахи, собирающие пожертвования, использовали для привлечения внимания (ср. «*Głosny jak benedektyński dzwonek*» <Громкий, как бенедиктинский колокольчик> [NKPP 1: 635]).

С нищенствованием бернардинцев соотносится и традиция некоторых ответвлений ордена францисканцев ходить босиком, что отразилось в ироничной паремии «*Delikatny jak bernardyńska pięta*» <Нежный, как бернардинская пятка> [NKPP 1: 418].

Еще одним представлением, связанным с бернардинцами, становится представление о их **нечистоплотности**: «*Chodzi jak swąd za bernardynem*» <Ходит, как зловоние за бернардинцем> [NKPP 1: 308], *czystość bernardyńska* <бернардинская чистота> [NKPP 1: 76]. Это мотив может быть обусловлен четкой регламентацией времени проведения всех гигиенических процедур, установленной в монастырях.

Отмечается также особый **режим питания** бернардинца. С одной стороны, его питание представляется **обильным**: *stół bernardyński* <бернардинский стол> ‘сыто накрытый’ [Młotek: 57], *bernardyńskim kieliszkiem pije* <бернардинским кубком пьет> ‘большим кубком’ [Там же]. Причиной для возникновения подобного мотива могла послужить принятая в монастырях традиция двухразового питания в скоромные дни и разового в пост, величина порций при этом увеличивалась.

С обильным питанием соотносится и представление о **толщине** бернардинца: *spasty jak bernardyn* <откормленный, как бернардинец>, *kark bernardyński* <бернардинская шея> ‘толстая, откормленная (шея)’, *bernardyński* ‘толстый, откормленный’ [Młotek: 57]. Далее, вероятно, из значения ‘откормленный, хорошо питающийся’ развилось значение ‘большой, сильный’: *bernardyński* ‘большой, сильный’ [Там же].

Запрет на употребление мяса, принятый во многих монашеских орденах, и замена мясной пищи рыбой, а также то, что некоторые монастыри сами занимались разведением рыбы, отражается в мазов. *bernardin* ‘вид осетра, считающийся лучшим’ [SGP 2 (4): 63].

Другим видом деятельности, которым часто занимались монахи, является **выращивание лекарственных трав** и изготовление разнообразных микстур и травяных смесей. С этим занятием, по-видимому, соотносятся обозначения некоторых используемых в медицине растений: кашуб., силезск. *bernardy*, *bernardynek* ‘кникус *Cnicus*’ [Karłowicz 1: 66; SGP 2 (4): 63], малопольск. *bernardynek* ‘бодяк огородный *Cirsium oleraceum*’ [SGP 2 (4): 63]. Фитоним же *bernardyn*, *bernardynek* ‘аконит *Aconitum*’ [Młotek: 56], очевидно, имеет другую мотивацию. Здесь наиболее вероятен перенос значения на основе сходства формы цветка растения с **капюшоном** монаха (ср. *zły mniszek* <плохой монах>, *niebieskie kapturki* <голубые капюшоны> ‘то же’ [SW 2: 1017]).

Травничество монахов проявилось и в названии сорта табака, который, по-видимому, тоже изготовлялся в бернардинском монастыре: *bernardynka* ‘вид табака’ [Młotek: 56].

Необходимость придерживаться строгих моральных норм стала причиной для возникновения мотивов, связанных с отклонениями от предписываемого монаху поведения. Так, в языковом портрете бернардина выделяется мотив **лицемерия**: *bernardyńska postawa*, *ale wilcze serce* <бернардинская фигура, но волчье сердце> ‘о лицемерном человеке’ [Młotek: 55]. Анна Млотек считает, что идея лицемерия отражена и в лексеме *bernardyńska sosna* ‘двойная сосна, выросшая из одного пня’ [Karłowicz 1: 66]: два ствола сосны ассоциируются с двумя «личинами» монаха [Młotek: 57]⁵³.

Таким образом, в этнолингвистическом портрете бернардинца преобладают объективно-ситуационные мотивы, связанные с образом жизни и основ-

⁵³ Кроме этого, наблюдаются и явно заимствованные лексические единицы, не связанные с названием польского ордена францисканцев-обсервантов: великопольск. *bernard*, *bernardin* ‘порода собаки’ [SGP 2 (4): 63], *bernardyn* ‘большая сильная собака с длинной коричнево-белой шерстью, пятнистая, используемая в горах для нахождения засыпанных лавиной людей’ [Młotek: 57]. Обозначение собаки связано со швейцарским монастырем св. Бернарда, монахами которого была выведена эта порода (ср. рус. *сенбернар*), и, соответственно, нами не учитывается.

ными занятиями представителей данного монашеского ордена. Фиксируется также оценочно-качественный мотив лицемерия.

2.3.2.2.3. DOMINIKAN ‘монах ордена св. Доминика’ [SW 1: 501].

В паремии «Wdzięczy się jak suczka dominikańska (do psa)» <Заигрывать, как сучка доминиканская (с псом)> [NKPP 1: 605] возникает образ доминиканской собаки, который связан с обыгрыванием названия ордена самими монахами-доминиканами и попытками возвести его к лат. *Domini Canes* ‘Псы Господни’, а также с тем, что **эмблемой** ордена доминиканцев была собака, несущая горящий факел. Образ факела отражается в другой паремии: «Zgasł jak stoczek dominikański (po rochodni)» <Погас как фитиль доминиканский (после факела)> [NKPP 1: 605].

Кроме этого, в портрете доминиканцев проявляется мотив **взяточничества**: *dać komu dominikana* ‘дать в подарок кусок сыра, о взяточничестве’ [Там же].

2.3.2.2.4. JEZUITA ‘член монашеского ордена, основанного Игнатием Лойлой’ [SW 2: 174] (от лат. Societas Jesu ‘Общество Иисуса’).

Одним из основных мотивов языкового портрета иезуита является мотив **двуличности**: *jezuít* ‘хитрый, двуличный человек, интриган’, *jezuítka* ‘хитрая двуличная женщина, интриганка’ [Doroszewski 3: 412], *drzewo jezuickie* ‘дерево, у которого два ствола вырастают из одного корня’ [Młotek: 70], «Jezuici kręsa wici» <Иезуиты крутятся, вьются> [NKPP 1: 860]. Помимо общего представления об лицемерии и двуличности священнослужителя, на активность данного мотива влияет и то, что главной своей целью иезуиты ставили миссионерскую деятельность, при этом для достижения миссионерских целей членам ордена было позволено вести светский образ жизни, скрывая принадлежность к монашескому ордену, а также отступать от некоторых правил монастырского устава.

С **обетом безбрачия**, который дают иезуиты, связана диал. лексема *marsz jezuicki* ‘мастурбация’ [Karłowicz 2: 310].

Кроме этого, выделяется представление о **жадности** иезуитов: «Łap, co możesz – przysłowie jezuitów» <Хватай, что можешь, – поговорка иезуитов> [NKPP 2: 333].

Название блюда *łazanki jezuickie* ‘блюдо из теста’ [Młotek: 72], видимо, связано с постной пищей, которой должны были питаться монахи.

2.3.2.2.5. KAPUCYN ‘монах ордена св. Франциска, носящий хабит с остроконечным капюшоном’ [SW 2: 252] (от польск. *karisa*, *kariza*, лат. *caputium* ‘головной убор в форме капюшона’ [Bruckner: 218]).

Важной деталью, отразившейся в этнолингвистическом портрете капуцина, становится его специфическая одежда. Во-первых, коричневое одеяние, принятое у капуцинов, стало причиной возникновения **мотива коричневого цвета**: *kolor karusyński* <капуцинский цвет> ‘коричневый’ [Skorupka 1: 317]. Во-вторых, особо выделяется такой элемент одежды, как **капюшон**: *karisun* ‘вид голубя’ [Karlłowicz 2: 310], *karisun* ‘вид голубя с перьями вокруг шеи в форме капюшона’ [Młotek: 62]. Остроконечный капюшон напоминают своей формой и цветки настурции: диал. *karisun* ‘настурция большая *Tropaeolum majus* L.’ [Сабадош: 111].

С представлением о капюшоне, вероятно, связано и название блюда *kapary karusyński* <капуцинские каперсы> ‘каперсы в масле’ [Młotek: 64], изготовленное из растения, нераспустившиеся бутоны которого по форме напоминают монашеские капюшоны (ср. название другой разновидности каперсов *capottes* ‘капюшоны’). Сама структура фразеологизма *kapary karusyński* заставляет думать, что имеются в виду не собственно каперсы, а незрелые плоды настурции, используемые в качестве более доступной альтернативы каперсам (ср. польск. диал. *karisun*, укр. *капуцін*, *капуціни* ‘настурция’).

Среди черт, приписываемых капуцину, выделяется его **праведность**: «Spot tyle ma, jak karisun» <Добродетелей имеет столько, как капуцин> [Młotek: 63], однако отмечается, что праведность и безгрешность может быть наигранной и неискренней: «Diabeł na starość został karisunem» <Черт в старости стал капуцином> [NKPP 1: 430] (ср. рус. «И черт под старость в монахи пошел» [Даль ПРН 1: 20]).

Поскольку капуцины относятся к нищенствующим монашеским орденам, значимым элементом языкового портрета становится их **бедность**, проявленная в выражениях *goły jak karisun* <голый, как капуцин> ‘бедный’ [Skorupka 1: 317], *po karusyński* ‘бедно’: «Ubrany po karusyński» <Одетый по-капуцински> [Młotek: 63].

Другой особенностью уклада ордена капуцинов, отраженной в языке, оказывается специфический **режим питания**. В капуцинских монастырях было принято, питаясь один раз в день, есть обильными порциями. С этим связаны выражения *karusyńska porcja* <капуцинская порция> ‘большая порция’ [NKPP 2: 23] и мало-

польск. *kapucyńskie śniadanie* <капуцинский завтрак> ‘нюхательный табак’ [KSGP; NKPP 2: 23] (т. е. отсутствие завтрака).

Молчание, обязательное в монастырях капуцинов в определенные часы, отразилось в паремии «*Milczy jak kapucyn*» <Молчит, как капуцин> [Młotek: 63] (ср. «*Milczy jak mnich*» <Молчит, как монах>).

Важной чертой образа капуцинов, как и образов прочих монахов, является **обет безбрачия**, который они соблюдают. Представление о celibате проявляется в следующих лексических единицах: без терр. *rznać, trzepać kapucyna* <резать, трепать капуцина> ‘онанизировать’ [KSGP; Skorupka 1: 317], *rnąć, ciąć kapucyna* <резать капуцина> ‘мастурбировать’ [Karlłowicz 2: 310], *marsz kapucyński* ‘мастурбация’ [Там же], малопольск. *kapucyn* ‘penis’ [KSGP].

Названия получают некоторые **продукты, производимые капуцинами** в монастырях: *miod kapucyński* <мед капуцинский> ‘сорт меда’ [Skorupka 1: 317].

Довольно высокий **социальный статус** капуцина отражается в паремиях, сопоставляющих его с представителями других слоев общества: старостой, паном, воеводой: «*Albo kapucyn, albo starosta (wojewoda, pan)*» <Или капуцин, или староста (воевода, пан)> [NKPP 2: 23], «*Dziś starosta, jutro kapucyn*» <Сегодня староста, завтра капуцин> [Там же].

Таким образом, этнолингвистический портрет капуцина содержит выраженные лексическим материалом объективно-качественные мотивы и мотивы-атрибуты (наличие капюшона и коричневый цвет одежды) и ситуационные мотивы (бедности, режима питания, безбрачия), а также выявляемые на основе паремиологии ситуационный мотив молчания и объективно-качественный мотив, указывающий на социальный статус этого монаха.

2.3.2.2.6. KARMELITA ‘монах ордена, созданного Иннокентием IV’ [SW 2: 272] (от горы *Кармель (Karmel)* [Bruckner: 272]).

В языковом портрете кармелита находит отражение **черно-белая** одежда, свойственная представителям этого ордена. Вероятно, на основе сходства цвета птицы с цветом монашеского одеяния возникла номинация *karmelitek* ‘птица из семейства голубиных’ [Młotek: 66].

Выражения же *jak bania karmelicka* ‘о круглых предметах’ [Młotek: 66] и «*Głowa jak karmelicka bania*» [NKPP 2: 33], по-видимому, хранят память о круглом куполе костела кармелитов в Кракове [Młotek: 66].

2.3.3. Церковные служки (Posługi)

2.3.3.1. KANTOR ‘костельный певчий, который запекает, руководит пением, руководитель хора’ [SW 2: 234] (от лат. *cantor* ‘певец’).

В языковом портрете кантора нашла отражение его основная функция – **исполнение церковных песнопений**. Причиной для образования лексем *kantor* ‘название коровы’ [KSGP], кашуб. *kantor* ‘жаба’ [Там же], вероятно, стало сопоставление громкости и низкого тембра голоса кантора со звуками, которые издают эти животные.

2.3.3.2. KOŚCIELNY

‘служащий в костеле, ризничий’ [SW 2: 498].

Одной из функций, которой наделяется костельный, становится его **участие в погребении**: мазов. *kościelny* ‘ответ на вопрос, кто закапывает гроб’ [KSGP], мазов. *koścelny* ‘гробовщик’ [Там же].

В паремии «*Nowy kościelny przed każdym ołtarzem klęka, a staremu i przed wielkim się nie chce*» <Новый костельный перед каждым алтарем кланяется, а старому и перед большим не хочется> [NKPP 2: 154] подчеркивается усердие молодого костельного и лень старого.

Представления об особых качествах, которыми, по-видимому, должен обладать костельный, в том числе о его безгрешности, а также противопоставленности черту: малопольск. *jak z diabła kościelny* ‘неумелый, нерасторопный’: «*Taki ś niego robotnik jak z diabła kościelny*» <Такой из него работник, как из черта костельный> [KSGP].

2.3.3.3. ORGANISTA ‘священнослужитель, играющий на органе’ [SW 3: 827].

В языковом портрете органиста выделяются мотивы, связанные с его **внешним видом**: мотив особой **одежды**, в которую переодевается органист во время мессы («*Nie organista, bo nie przebiera*» <Не органист, потому что не переодевается>

[NKPP 2: 738]) и мотив **черного цвета** (кашуб. *organista přejaxål* ‘о подгоревшем блюде’ [Sychta 3: 336]).

Кроме этого, отмечаются **функции**, которые выполняет органист в костеле: **игра на органе** («Organista widzi organy na księżucu» <Органист видит орган на месяце> [NKPP 2: 738]), **пение** («Organista tak musi śpiewać, jak mu proboszcz każe» <Органист так должен петь, как ему пробст говорит> [NKPP 2: 738], «Organisty rzecz śpiewać w kościele, zydowska śachrować, ślachecka wyalagantować się chłopska pracować, a babska rozgadywać się i wyciogać ludzi do kiliszka» <Дело органиста петь в костеле, еврейское – мошенничать, шляхетское – заставить крестьянина работать, а бабье – разбалтывать и разбирать людей по косточкам> [NKPP 2: 738]), а также **работа в приходской школе** (познан. *organistówka* ‘народная школа’ [Karlówicz 1: 324]).

Есть указания и на такие отклонения от церковных норм в поведении органиста, как **несоблюдение поста** («Organista z bakałarzem zjedli kluski za ołtarzem» <Органист с бакалавром съели клецки за алтарем> [NKPP 2: 738], «Organista z bakałarzem zjedli cielę za ołtarzem, nie mieli jeszcze dości, zjedli i kości» <Органист с бакалавром съели теленка за алтарем, не хватило, съели еще и кости> [NKPP 2: 738]) и **жадность** («Organista i ksiądz patrzą, żeby co wziąć, kościelny poświeci, bo też rad rochwuci» <Органист и ксендз смотрят, чтобы что-то взять, костельный посветит, потому что тоже рад схватить> [NKPP 2: 738]).

Принадлежность органиста к группе церковнослужителей проявляется в **сопоставлении** его с другими служителями костела: **каликантом** ‘служащим, приводящим в движение мехи органа’ («Co organista, to nie kalikancista» <Что органист, то не каликант> [NKPP 2: 738]), **ксендзом** («Pies s suką, organista z ksiądzem zawsze się zgodzą» <Пес с сукой, органист с ксендзом всегда согласятся> [NKPP 2: 906]). При сопоставлении с **пробстом** подчеркивается более низкое, подчиненное положение органиста: «Organista tak musi śpiewać, jak mu proboszcz każe» <Органист так должен петь, как ему пробст говорит> [NKPP 2: 738].

В мазов. выражении *organista robi co za kogo* <органист сделает за кого-то> ‘никто не делает’ [KSGP], с одной стороны, отражено представление о низком социальном статусе органиста, с другой – **примечательность** фигуры органиста, его отличие от прихожан костела.

Выводы:

Итак, нами было проанализировано 27 этнолингвистических портретов служителей культа, составленных на материале польского языка. Максимально полно среди всех портретов представлен портрет ксендза, он включает 244 лексико-фразеологических факта и содержит наиболее полный набор признаков, характерных для католического священника. Портреты остальных священнослужителей средней степени иерархии представлены единичными фактами: деривационно-фразеологическое гнездо *duchowny* включает 1 факт, *kapelan* – 3, *kapłan* – 4, *pleban* и *proboszcz* – по 8. Исключение составляет портрет православного попа, содержащий 28 лексико-паремиологических единиц. Достаточно подробны портреты монаха (72 факта) и представителей некоторых монашеских орденов: бернардинца и капуцина (по 23 факта в каждом). Портреты других монашествующих представлены слабее: деривационно-фразеологическое гнездо *zakonnik* содержит 9 лексико-паремиологических единиц, *pustelnik* – 3, *opat* – 8, *benedyktyn* – 7, *dominikan* – 3, *jezuita* – 7, *karmelita* – 2. Среди высшего католического духовенства наиболее полные портреты получили епископ (деривационно-фразеологическое гнездо включает 14 фактов), кардинал (16 фактов) и Папа Римский (6 фактов). Деривационно-фразеологические гнезда *kanonik*, *pralat* и *eminencja* включают в себя единичные факты. Портреты церковных служек представлены скудно. Из них самым распространенным стал портрет органиста (13 фактов), гнезда *kantor* и *kościelny* содержат 2 и 4 лексико-фразеологических единицы соответственно.

Выявлены основные черты, формирующие этнолингвистические портреты польских служителей культа, составленные на основе дериватов слов, обозначающих представителей духовенства, а также фразеологии и паремиологии с их участием.

Основные мотивы и их количество в каждом деривационно-фразеологическом гнезде см. в приложении 2.

Наиболее распространенными в портретах **немонастырского духовенства** стали объективные мотивы-атрибуты, связанные по преимуществу с внешним видом служителей культа: их особой одеждой («Gdy ci ta godność nie dana, nie wdziejawaj sukni kapłana» <Когда тебе эта должность не дана, не надевай платья каплана>, «Habit nie czyni księdza» <Хабит не делает ксендза>, *kardynałka* ‘часть жен-

ского костюма'), головным убором (*księża czapka* 'бересклет', «On swoje, ja swoje: pop przy kapturze, ja przy mundurze» <Он свое, я свое: поп при капюшоне, я при мундире>, *otrzymać kapelusz kardynalski* <получить кардинальскую шляпу> 'стать кардиналом'), прической («Nie ten ksiądz, co ma plesz przegolony» <Не тот ксендз, что имеет выбритую плешь>), а также субъективно-качественные мотивы, отражающие представления о чертах характера и образе жизни священнослужителей: жадности («Nie ma skarpsa nad księdza» <Нет большего скупца, чем ксендз>, *mieć popie oczy* <иметь поповы глаза> 'быть жадным и завистливым'), распутстве («Gdo co woli? – Kościelny ogórki, a ksióndz jego córki» <Кто что предпочитает? – Костельный – огурцы, а ксендз – его дочь>, *kardynalczyk* 'шутл. сын кардинала'), лицемерии («Czemu to, prałacie, nie tak sami żywiecie, jako nauczacie?» <Почему, прелаты, не так сами живете, как учите>, «Każe nasz ksiądz z ambony, przyznać mi, że ładnie, ale czyż po tym, kiedy nie żyje przykładnie» <Говорит наш ксендз с амвона, признаться, хорошо, но что с того, если не живет соответствующе>).

Названные мотивы характерны как для портретов духовенства средней степени священства, так и для высшего духовенства. Отличительной особенностью портретов священнослужителей уровня **пресвитера**, а также **церковных служек** становятся акциональные мотивы, указывающие на обряды, которые совершает священник: крещение («Ciebie też głupi ksiondz krzciał» <Тебя тоже глупый ксендз крестил>), венчание («Co ksiądz ziączy, złe rozłączy» <Что ксендз соединил, то плохо разъединять>), похоронный обряд («Ksiądz ludzi grzebie, a doktor żabia» <Ксендз людей погребает, а врач убивает>, «Chowa pop ludzi, pochowają i popa» <Хоронит поп людей, похоронят и попа>, «Nosił wół, pońosł wółka, chował proboščułk, pochował proboščułka» <Носил волк, понесли волка, хоронил пробст, похоронили пробста>, *kościelny* 'гробовщик'), исповедь («Ksiądz grzeszy i rozgrzeszy» <Ксендз грешит и грехи отпускает>) – и на некоторые их элементы: каждение (*ksiądz (pop) wlaż* <ksenдз (поп) влез> 'о задымившемся блюде'), пение (кашуб. «Śpěw, prawi jak ksiż» <Поет, говорит как ксендз>, *kantor* 'название коровы'), игру на органе («Organista widzi organy na księżucu» <Органист видит орган на месяце>).

В портретах **монастырского духовенства** также выделяются мотивы-атрибуты, характеризующие особую одежду данных служителей культа («Habit nie czyni mnicha» <Хабит не делает монаха>, *zakonnica* 'бабочка, опустошившая ле-

са Баварии') и их головной убор («Kaptur nie czyni mnicha» <Капюшон не делает монаха>, *bernardynek* 'аконит *Aconitum*'). Однако наиболее ярко представлены ситуационные мотивы, связанные с образом жизни монаха: безбрачием (*mniszek* 'кастрированные животные', «Byłbym ci ja zakonnikiem, żeby nie z tym bestyjnikiem» <Был бы я монахом, чтобы не этим бесстыдником>), уединенностью (*mniuch* 'нелюдимый человек', *żyć jak pustelnik* <жить как пустынник> 'жить аскетично, обособленно'), особым режимом питания (*stół bernardyński* <бернардинский стол> 'сыто накрытый', *kapucyńska porcja* <капуцинская порция> 'большая порция', *mnichy* 'блюдо из баранок, залитых кипяченой водой и приправленных маслом'), нищенствованием (*goły jak kapucyn* <голый как капуцин> 'бедный', «Wlecze się jak bernardyn z kvestą» <Ходит как бернардин с ящиком для пожертвований>, «Głosny jak benedektyński dzwonek» <Громкий как бенедиктинский колокольчик>).

Одной из важных характеристик представителей всех групп служителей культа становится цвет их одежды. Портреты большинства представителей духовенства «окрашены» в черный цвет (*pop*, *mnich* 'тетерев во смены перьев', *jeść z księdzem* 'есть что-либо подгорелое', *vikari jaxał* <викарий ехал (приехал)> 'о подгоревшем блюде'), но выделяются и другие характеризующие священнослужителей цвета: фиолетовый для епископа (*biskupi* 'фиолетовый'), красный для кардинала (*kardynał* 'губастик красный *Mimulus cardinalis*') и коричневый для монаха-капуцина (*kolor kapucyński* <капуцинский цвет> 'коричневый').

Практически для всех портретов представителей духовенства существенной составляющей становится указание на социальный статус священнослужителей. Во многих портретах получают отражение их значимость и высокое социальное положение (*na biskupich nogach chodzą* <на епископских ногах ходят> 'имеют поддержку влиятельных людей', *księża łaska piechotą nie chodzi* <ксендзовой милостью пешком не ходит> 'нельзя ей пренебрегать, не пустяк'). Священнослужитель нередко противопоставляется своим прихожанам — крестьянству («Lepszy być dobrym chłopem niż złym porem» <Лучше быть хорошим крестьянином, чем плохим попом>), а также сопоставляется с представителями других достаточно высоких слоев общества («Ksiądz w kościele, sędzia w radzie, doktor w lekach mają być wielkiego poszanowania» <Ксендз в костеле, судья в совете, врач в лекарствах должен иметь большие познания>).

С другой стороны, отмечается принадлежность священнослужителя к группе духовенства и его статус внутри данной группы в соответствии с принятой в католицизме иерархией. Так, ксендз сопоставляется с епископом («Z księdza bywa biskup» <Из ксендза бывает епископ>) и канонником («Co ksiądz, to kanonik, co żołnierz, to oficer» <Что ксендз, что канонник, что солдат, то офицер>), епископ – с кардиналом («Kardynał nie biskup, kasztelan nie wojewoda» <Кардинал не епископ, кастелян не воевода>) и Папой Римским («Łatwo być temu biskupom, kto ma wuję papieżem» <Легко быть епископом тому, у кого дядя Папа Римский>), органист – с пробстом («Organista tak musi śpiewać, jak mu proboszcz każe» <Органист так должен петь, как ему пробст говорит>) и ксендзом («Jak ksiądz dobrze dopieczy, to i sam organista» <Как ксендз хорошо досадит, то и сам органист>), монах – с аббатом («Mnich tak odpowiada, jak mu opat śpiewa» <Монах так отвечает, как ему аббат поет>).

Кроме этого, необходимо отметить приписываемую представителям духовенства связь со сферой сверхъестественного, проявленную в ряде портретов священнослужителей. Наиболее ярко эта связь представлена в паремиях, где контекстным партнером обозначения служителя культа становится *черт* («Książ swoje, a djabeł swoje» <Ксендз свое, а черт свое>, «Pop swoje – czart swoje» <Поп свое – черт свое>, «Mnich diabła w kapturze nosi» <Монах черта в капюшоне носит>).

Использование в исследовании метода семантико-мотивационных параллелей позволило реконструировать мотивацию ряда лексем с неясной внутренней формой. Среди них кашуб. *książ jażdł* <ксендз ехал>, ‘о подгоревшем блюде’, *proboszcz* ‘название вола’, *mnich*, ‘одуванчик лекарственный Taraxacum leontodon’, *bernardynek* ‘аконит Aconitum’, *kapary kapucyński* <капуцинские каперсы> ‘каперсы в масле’ и др.

2.4. Этнолингвистические портреты служителей культа в украинском языке

В данном разделе представлено 14 этнолингвистических портретов священнослужителей. Для каждого из них выявлена система мотивационных признаков, лежащих в основе лексем в их вторичных значениях, а также в основе их употреблений в составе фразеологизмов и паремий. Так как в украинском языке достаточ-

но полно представлены портреты как православных, так и католических служителей культа, нами принято решение располагать материал в соответствии с более общей католической иерархией, в которой выделяется группа монастырского и немонастырского, т. е. взаимодействующего с паствой, духовенства. Внутри групп служители культа представлены в соответствии с их положением в церковной иерархии. Этнолингвистические портреты служителей, находящихся на одной иерархической ступени, располагаются по алфавиту. В группе монастырского духовенства выделяется подгруппа католических монашеских орденов.

Таким образом, в данный раздел включены следующие портреты служителей культа:

➤ **немонастырское духовенство:**

- алілуйко;
- дяк, дячок;
- батюшка;
- ксьондз;
- піп;
- архіерей
- біскуп;
- папіш.

➤ **монастырское духовенство:**

- общие наименования монашествующих:
 - законник;
 - монах;
 - чернець;
- монашеские ордена:
 - бенедиктинець;
 - єзуїт;
 - капуцин.

2.4.1. Немонастырское духовенство

2.4.1.1. АЛІЛУЙКО ‘насмешливое прозвище духовного лица’ [Гринченко 1: 6], львов. ‘дьякон’ [ЛЛ: 55] (от *алілуя* ‘припев церковных песнопений, повторяемый троекратно’).

Внутренняя форма слова содержит указание на исполнение служителями культа церковных песнопений. Акцент делается на одной из наиболее сильных частей богослужения: троекратном рефрене *алілуя*.

В львов. *прибравсь як алілуйко на утреню* ‘странно нарядился’ [ССНП: 9] отражено представление о необычном с точки зрения крестьян **одежнии** священнослужителей (ср. *нарядився як піп в рясу* ‘необычно, причудливо оделся’ [Івченко: 46]).

2.4.1.2. ДЯК, ДЯЧОК ‘служитель православной церкви, который помогает священнику во время богослужения, дьячок, псаломщик’ [СУМ 2: 450].

В портрете украинского дьячка присутствует идея несоответствия его действий церковным правилам, проявленная в **несоблюдении поста**: «Не їсть пан дяк гусей, а шапка в пір’ї» [Номис: 318], «Казав пан дяк, що гусей не їсть, а повна сте-ля кісточок» [Номис: 318; ПП 3: 300] (ср. «Казав піп, що гусей не їсть, а повна сте-ля кісточок»).

Некоторые украинские паремии указывают на интеллект дьячка: «Був би за дяка, та голова не така» [ПП 3: 300].

Еще одной чертой, которой наделяется дьячок в украинских паремиях, становится **бедность**: «Не кожний дячок має усе повний горщик» [ПП 3: 300], «Копа для попа, дякові буде й по мідякові» [Там же: 303]. Подчеркивается также **паразитизм и жизнь за чужой счет** дьякона: «Піп і дяк звикли на дурняк»⁵⁴ [ПП 3: 300]

Отмечается наличие у дьякона семьи: **жены** («Один любить дяка, а другий дячиху» [ПП 3: 300]) и **дочери** («Знала кобила, нащо віз била – щоб новий був; знала дяківна, чого заміж йшла – що треба робить» [Номис: 325], «Оттак чини, як я чиню, люби дочку аби-чию, хоч попову, хоч дякову, хоч хорошу мужикову» [Номис: 549]).

⁵⁴ на дурняк ‘за чей-нибудь счет’ [СУМ 2: 441].

В языковом портрете украинского *дяка* и *дьячка*, как и в портрете русского *дьякона*, внимание уделяется его обрядовой деятельности: подчеркивается **участие в погребальном обряде** («Як умре багатирь, то йде увесь мир; а як умре харпак – тільки піп та дяк» [Номис: 110]). Выделяются такие черты речи дьякона, как **песенность** (житомир. «Співає як дяк» [Доброльожа 2003: 143]), **многословность** («“Як?” – “Я не дяк – десять раз говорити: я скажу раз, але гаразд”» [Номис: 573]) и **монотонность** («Забубонів, як старий дяк» [Номис: 565], *бубонить як старий дяк* ‘непонятно тихо говорить’ [ССНП: 53], «Пес сліпий, а дяк старий, то все єдно: як забачить бадилину, та й бреше» [Номис: 364]). Исполнение церковных песнопений отразилось и в львовск. названии дьякона *алилу́йко* [ЛЛ: 55].

В житомир. *дячкові скрізь ладаном пахне* ‘жадный человек’ [Доброльожа 2010: 97] подразумевается **получение дьячком дохода от исполнения церковных обрядов**.

Принадлежность к определенному социальному слою проявляется, во-первых, в представлении об «инаковости» дьяка, отличии его от других жителей деревни: «На безлюдді и дяк чоловік» [Номис: 436; ПП 3: 300]. Во-вторых, дьяк упоминается в одном ряду с **попом**: «Між попами піп, між дяками дяк, між вовками вий по-вовчи, між свинями хрюкай по-свинячи» [ПП 3: 303], «Оттак чини, як я чиню, люби дочку аби-чию, хоч попову, хоч дякову, хоч хорошу мужикову» [Номис: 549], «Ти бо вже, коли говориш, то говори одно; а то разом хочеш бути и за попа, и за дяка» [Там же: 568], «Піп і дяк звикли на дурняк» [ПП 3: 305].

Кроме того, акцентируется более низкое социальное положение дьячка по отношению к попу: «Тікайте, попе, нехай дяк сядуть» [ПП 3: 306], «Що вільно попові, то не вільно дякові», «Що можна попові, то зась дякові», «Що попові вільно, то дякові зась» [Там же: 307], «Що попові можна, то дякові зась» [Номис: 86; ПП 3: 307], житомир. *любити як піп дяка* ‘не любить’ [Доброльожа 2003: 23].

2.4.1.3. БАТЮШКА ‘священник’.

Данный этнолингвистический портрет включает в себя один мотив длинной одежды священнослужителя, проявленный в восточнослобожан. *як ба́тюшка* ‘в длинной одежде’ [Ужченко 2008: 72] (ср. житомир. *рі́за* ‘длинная женская юбка’ [Гримашевич: 137]).

2.4.1.4. КСЬОНДЗ ‘католический священник’.

Несмотря на наличие на территории Украины католической и униатской церквей, портрет ксендза в украинском языке является достаточно скудным по сравнению с аналогичными портретами в польском и белорусском. Все входящие в данное деривационно-фразеологическое гнездо выражения имеют пограничный с Польшей – львовский – ареал, и, вероятно, большая их часть является польскими заимствованиями.

Основной функцией, которой наделяется ксендз в наивном сознании носителей украинского языка, является **чтение проповедей**. Отмечается **четкость речи** (лемк. *як ксьондз на казані* ‘очень четко и ясно’ [ФСЛГ: 175]) и **однократность проговаривания текста** (львов. *ксьондз <в церкві> два рази казання не каже* ‘ответ-отказ на просьбу повторить сказанное еще раз’ [ЛЛ: 337]).

Выражения львов. *догоджати як ксьондз Касьці* ‘стараться угодить в наименьших мелочах’ [ЛЛ: 243], *догодів як ксьондз Касьці* ‘хорошо обошелся с человеком’ [Там же: 397], скорее всего, являются заимствованиями из польского языка и связаны с представлением о **распутстве** ксендза (подробнее см. раздел 2.3.1.4).

А. П. Непокупным отмечается орнитоним львов. *ксьондзик* ‘королек желтоголовый *Regulus regulus*’ [Непокупный 2009: 109]. Согласно этимологическому словарю украинского языка, «название птицы обусловлено некоторым сходством черных широких полос, которые окаймляют верх головы, с головой католического священника с волосами вокруг тонзуры» [ЕСУМ 3: 18]. Добавим, что желтая полоска между этими полосами напоминает саму тонзуру.

2.4.1.5. ПП ‘духовное звание в православной церкви, среднее между епископом и дьяконом, поп’ [СУМ 6: 538].

- **Внешний вид**

Главной чертой внешнего вида украинского попа становится его специфическая **одежда**. С точки зрения народного сознания, одеяние священника воспринимается как **странное** и необычное: общенар. *прибрався як піп на службу, убрався як піп на утренью, нарядився як піп в рясу* ‘необычно, причудливо оделся’ [Ивченко: 46].

Во фразеологии и паремиологии отмечаются наименования повседневной одежды служителя культа – **ряса** (восточнослобожан. *як у попа під рясою* ‘правдиво, открыто (сказать)’ [Ужченко 2008: 70], общенар. *нарядився як піп в рясу* ‘оделся в бесформенную слишком длинную одежду’ [ССНП: 116], общенар. *нарядився як піп в рясу* ‘необычно, причудливо оделся’ [Івченко: 46]), а также одежда, надеваемая во время богослужений: **риза** (общенар. *як піп на ризи (дивитися)* ‘гордо, с достоинством’ [ФСУМ 2: 641], «Вибрався (убрався) піп у ризу, а чорт у рядно і говорять одно» [ПП 3: 301], «Убрався піп у ризи, а чорт у рядно та й тягнуть в одно» [Там же], «Піп у ризи, чорт у рядно та й правлять одно» [Там же: 305]) и **шаты**⁵⁵ (общенар. «Коли не піп, так і в шати не одягайся» [Номис: 425; ПП 3: 303]). Одевание попа богато и противопоставляется бедной **рогоже**: общенар. «Видно попа у рогожі» [ПП 3: 301], «Попа і в рогожі впізнаєш» [Там же: 305].

Одежда священника воспринимается как его важный **отличительный признак**: житомир. «Не поп – не одівай риз», «Як не піп, то не вбирайся в ризи» ‘неуместность’ [Доброльожа 2010: 135], общенар. «Коли не піп, не вбирайся (не одягайся, не суйся, не микайся) в ризи» [ПП 3: 303], «Коли не піп, то й не микайся в ризи» [Номис: 425; ПП 3: 303], «Коли не піп, то й не одягай ризи» [ПП 3: 303], «Не піп, не сунься в ризи: не сунь голови, куди не влізе» [Номис: 425; ПП 3: 303], «Не піп – в ризи не одівайся», «Кідь єс не піп, то не бери на себе ризи» [ПП 3: 303]).

Признаком повседневной одежды попа становится **черный цвет**, что мотивирует лексему *nin* ‘птица *Fulica astra*, лысуха черная’ [Гринченко 3: 187].

Внешний вид ризы стал причиной для возникновения мотива **нарядности** священнослужителя и праздничности его одежды: кировоград. *прибрався як піп на службу*, черкас. *убрався як піп на утренью* ‘про торжественно, празднично одетого человека’ [ССНП: 117], общенар. «Прибрався, як піп на службу» [Доброльожа 2003: 91; Номис: 495], «Нарядився, як піп в рясу» [Номис: 495], «Піп ризи золоті носить, а бідний куска хліба просить» [ПП 3: 305]. Яркое, блестящее богослужбное облачение отразилось в названиях орнаментов для расписанных яиц: гуцул. *попівка*, *попові ризи* ‘писанка с типом орнамента’: «Назви гуцульських писанок: [...] попівка, білокрилка, Божі пальчики, Божа ружьки, попові ризи, настунька» [ГСЛ: 487].

⁵⁵ Литургическое облачение католических священнослужителей.

Образ блестящей богослужебной одежды священника используется при создании наименований некоторых насекомых: *nín* ‘золотистая бронзовка *Cetonia aurata*’ [Гринченко 3: 187], гуцул. *пóник* ‘жук-листоед *Chrysomela*’ [Гринченко 3: 327; МГГ: 151]. В этой метафоре могло найти отражение и сходство формы священнического облачения с формой тела насекомых.

Еще одна отличительная черта одеяния попа – его **длина**, из-за которой одежда священника сравнивается с женской: житомир. *рiза* ‘длинная женская юбка’ [Гримашевич: 137].

Другой отличительной чертой внешности попа становится его **прическа**. Украинский материал, так же, как и русский, указывает на два типа священнической прически: **длинные волосы** (житомир. «Заріс як піп», «Патлатий як піп» [Добролюба 2003: 86], запорож. *зарощий як піп* ‘небритый и нестриженный’: «Вернувся з командіровки зарощий як піп» [ГС: 46]) и более ранний тип прически – **тонзуру**.

Противопоставление двух видов прически проявляется в паремии «Один чорт: піп, що стрижений, що кудлатий – усі люблять братиї» [ПП 3: 304]. По-видимому, здесь имеются в виду католический священник, которому положено носить тонзуру, и длинноволосый православный священник. Сравнение и уподобление священнослужителей разных конфессий проявлено и в других украинских паремиях: «Віри різни, та попи однакові», «Всі попи одним миром мазані» [Там же: 301].

Представления о тонзуре или особом головном уборе попа – **скуфье** – могло легли в основу ряда фитонимов. Эта мотивация характерна для названий растений типа одуванчика (общенар. *попове гуменце* ‘одуванчик лекарственный *Taraxacum officinale* Webb. ex. Wigg’ [Сабадош: 485], общенар. *попове гуменце* ‘кульбаба *Leontodum* L.’ [Там же: 481]), цветов, лепестки которых напоминают волосы, а сердцевина – тонзуру или небольшую круглую шапку (катер. *жовтий поповник* ‘пупавка красильная *Anthemis tinctoria* L.’⁵⁶ [Сабадош: 453], подольск. *пóники* ‘космея дваждыперистая *Cosmos bipinnatus*’ [Гороф’янук: 194], общенар. *попик* ‘ка-

⁵⁶ Возможно, изначально номинации данного растения были производными от лексемы *пуп* (ср. рус. *пупавка*, *пупавник* ‘пупавка красильная *Anthemis tinctoria* L.’ [Анненков: 38], укр. *пуповки*, *пуповник* ‘то же’ [Сабадош: 453]), при этом в дальнейшем произошло сближение подобных номинаций с лексемой *поп* на основе сходства внешнего вида растения с обликом человека.

лужница болотная *Caltha palustris* L.’ [Гринченко 3: 327; Сабадош: 244]⁵⁷) и растений с цветками круглой формы (общенар. *попки* ‘клевер луговой *Trifolium pretense* L.’ [Там же: 294])⁵⁸.

Дополнительным мотивирующим признаком для данных фитонимов служит сходство цветка на стебле с **позой**, которую принимает священник во время службы. Данный признак отражен в названиях различных вертикально расположенных предметов (общенар. *на попá* ‘в вертикальное положение’ [СУМ 6: 538; ФСУМ 2: 673], бойк. *зробіти попá* ‘про колоду, которая при погрузке или спуске с горы стала вертикально’: «Гарувáли так, що зробіли попá на лісосіці» [Матіїв: 350], буковин. *nín* ‘треножник, столб, деталь мотушки’ [СБГ: 423], полес. *попи* ‘боковые большие рамы ткацкого станка’ [Аркушин 2: 72], буковин. *nín* ‘кладка из 5-7 снопов ржи или пшеницы’ [СБГ: 423], закарпат. *nín* ‘верх крыши навеса в виде заостренной палки, которая связывает «паріжниці⁵⁹»’: «Дêс’ быў у нас пып из старого оборога» [КСУГЗ]).

Как и в портрете русского попа, одной из черт внешнего облика украинского священника становится **толщина**: чернигов. *попівське рило як барило* ‘бочонок’ [Добролюба 2003: 102].

• Характеристики поведения, личностные качества

Активнее всего в украинской паремиологии проявляется представление о **завистливости** (киев., полт. *взяли завидки як попа за живіт* ‘очень завидует’ [ССНП: 56]), **жадности** и **ненасытности** попа (житомир. «Жере як десять попів» [Добролюба 2003: 122], «Попа одним обідом не нагодуєш» [Номис: 47; ПП 3: 305], «Піп з дяком – обидва вовчі горла» [ПП 3: 301], «Голодного нагодуєш, а попа – ні» [Там же], «Одною стравою попа не нагодуєш» [Там же: 304], «Піп ніколи не тратиться – все йому дурниця» [Там же: 305], «У попа вовчі ноги, а медвеже черево», «У попа все (завжди) долоня свербить» [Там же: 307], «У попа здачі, як у кравця (шевця) остачі (оддачі)» [Добролюба 2003: 61; ПП 3: 307], луцк. *в попа здачі немає* ‘гово-

⁵⁷ В последнем случае, возможно, мотивирующим признаком для переноса значения стал сильный неприятный запах растения, вызвавший ассоциацию с каждением, которое поп совершает во время богослужения (ср. рус. енис. *водяной ладан* ‘калужница болотная *Caltha palustris* L.’ [СРНГ 16: 228]).

⁵⁸ Подробную мотивацию данных фитонимов см. в разделе 2.1.1.4.

⁵⁹ Нарубленные ветви, нарезанные жерди, которые используются в основном для сшивания оборогов (навесов для хранения зерна) [Онишкевич 2: 41].

рят, когда кто-то кому-то не дает сдачи деньгами' [СГ: 135], запорож. *узяв (взяв), як у попа здачі* 'ничего не получил, не добыл' [ГС: 129], хмельницк. *як в попа здачі* 'нет' [Коваленко: 75], житомир. *nin i шофер здачі не дають* 'жадный человек' [Добролюбова 2010: 135], «Хоч би (якби) лише два попи на всім світі були, то й ще б їм тісно було» [ПП 3: 307]).

Данные мотивы особенно ярко проявляются в образе **поповых глаз**: ивано-франк. *засдрісний як попівське око* 'про очень жадного, завистливого человека' [ССНП: 104], житомир. «Засдрісний як попово око» [Добролюбова 2003: 59], «Зависливі очі, як у попа» [Добролюбова 2003: 59; Номис: 212; ПП 3: 302], общенар. «Попівські очі завидющі, а руки загребущі», «У попа очі завидющі, а руки загребущі», «Попівське око бачить далеко», «Попівське око, ксьондзівське горло, що бачило, то і жерло», «Попівські очі має», «Попівські очі має: що не забачить, то взяв би» [ПП 3: 301], «Попівські очі, а панська кешеня» [Номис: 362; ПП 3: 301].

Отдельно стоит отметить функционирование образа поповых глаз в подольск. фитониме *попіві очі* 'бересклет европейский *Euonymus europaeus*' [Гороф'янюк: 113]. Первоначально эта номинация, очевидно, относилась к бересклету бородавчатому, плод, которого по форме напоминает глаз, а затем была перенесена на бересклет европейский (ср. рус. *глазун* 'бересклет бородавчатый *Euonymus verrucosus* L.' [Анненков 1876: 126], укр. подольск. *жабийач'і очі* 'бересклет европейский *Euonymus europaeus*' [Гороф'янюк : 113]). Дополнительными мотивирующими факторами в данном случае могли стать устойчивость сочетания *попіві очі* в паремиологии и наличие других «священнических» названий бересклета (ср. укр. *м'уда попівіа*, польск. *księża czapka*, чешск. *jezuitské čepičky* <иезуитские колпачки> 'бересклет европейский *Euonymus europaeus*' [Rystonová 2007: 212]).

В паремиях распространено **сопряжение** попа и волка, поповых глаз с **волчьим горлом** на основе признака ненасытности: «Вовче горло, а попівське око» [Номис: 362; ПП 3: 301], «Вовче око та попівські очі – то яма бездонна», «Попівське око, що вовче горло», «Попівські очі та вовчий рот – бездонна яма», «Попове око, а вовче горло», «Що вовче горло – то попівське око» [ПП 3: 301]).

Другими образами, связанными с мотивом жадности, стали образы **поповского кармана** («Не мала то мирянам журба <печаль>: попова кишеня <карман> порвалась» [ПП 3: 304]) и **мешка** («Не годен попа наситити, як дірявого міха», «Не

годен попа наситити, як дірявого міха наповнити» [ПП 3: 304], «Піп – як дірявий міх», «Попів міх, жебраків <нищенский> кінь ніколи не ситі», «Попів міх ніколи не наповниться» [Там же: 305], «Попів міх, як циганський міх, ніколи не наповниться», «Попівська тайстра <гуцульская сумка> без денця» [Там же: 306]). С жадністю пов'язано і представлення о **нечестности** попа (житомир. *чесний як піп* 'нечестный' [Добролюба 2003: 68]).

Восприятие работы священника как легкой послужило причиной для возникновения в его портрете мотива **лени** и **безделья**: житомир. *лінь як у попа, а апетит як у вовка* [Добролюба 2003: 27], житомир. *ходить як піп до церкви* 'медленно' [Там же: 59], хмельницк. *хотіти як піп до церкви* 'не хотеть' [Коваленко: 75], «На те піп посвятився, щоб по церкві крутився» [Номис: 47], «До роботи поп, а до їди хлоп» [ПП 3: 302], «Хто не хоче робити, той іде в попи або в монахи» [Там же: 307].

Подчеркивается также **глупость** украинского попа («Дурніший од попа» [Номис: 294], ивано-франк. *дурний як ямицький піп* 'про глупого человека' [ССНП: 116]).

В ряде паремий речь идет о **зле**, которое совершает поп: «Піп людей карає, а сам лихо робить», «Піп людей карає, а сам казна-що виробляє» [ПП 3: 305], «Бійся попа, як той ладану» [Номис: 581], «Втулив бог душу в попа та й кається» [ПП 3: 301]. Поп двуличен, его **слова расходятся с делами**: «Піп каже: слухай моїх слів, а не пильнуй <соблюдай> моїх діл» [ПП 3: 305], «Роби теє, що піп каже, а не роби теє, що піп робить» [Там же: 306], «Роби теє, що піп каже, а не роби того, що він робить» [Номис: 249]). Частным случаем несоблюдения попом тех заповедей, которые он сам провозглашает, становится **несоблюдение поста**; данный мотив довольно распространен в украинской паремиологии: «Двома кінцями божий піст: попові сало, мирянам риб'ячий хвіст» [ПП 3: 315], «Знехотя піп поросся з'їв», «Казав піп, що гусей не їсть, а повна стеля кісточок» [Там же: 303], «Піп Євангеліє читає та на тарілку поглядає» [Там же: 304], «Піп каже: постити, а сам ся любить гостити», «Піп про піст говоре, а сам свиню коле» [Там же: 305], «У попа (на устах) піст, а в зубах (в руках) курячий хвіст» [Там же: 307].

Безгрешность же священника, предписываемая ему саном, косвенно отмечается в житомир. «Любов сліпа – доведе до біди і попа» ‘безрассудный поступок’ [Доброльожа 2010: 103].

В запорож. *напився, як піп у страсну п’ятницю* ‘очень много выпил водки или вина’ [ГС: 75] проявляется представление о пьянстве священнослужителя.

• Хозяйство

Важным штрихом к портрету попа является указание на **источник** его **доходов**. Паремии указывают на получение попом дохода в результате исполнения церковных обрядов: «Піп живе з вівтаря (олтаря), а писар з каламаря <чернильниці>» [Номис: 47; ПП 3: 304], «Писар живе з пера, а піп з вівтаря» [ПП 3: 304], «Піп бере горлом, купець – торгом, а мужик – горбом», «Вовка ноги годують, а попа – язик», «Богу слава, а попу шмат сала» [Там же: 301], «Попові спершу гроші покажи, а тоді про своє горе кажи», «Родись, хрестись, помирай – та (і за) все грошики (гроші) давай» [Там же: 306], житомир. *Родись – хрестись – женись – помирай, а попові за все гороші дай* ‘жадный человек’ [Доброльожа 2010: 52], «Піст – то попівські жнива» [ПП 3: 316]⁶⁰, «У кого є гроші, тому піп і проскуру дає» [Там же: 304].

Отмечается **дороговизна** услуг священника на фоне представления о сравнительной легкости его работы: «Піп лиш писне, а тисне, а дяк реве, а мало бере», «Піп тільки свисне, та тисне, а дяк реве, та мало бере» [ПП 3: 305], «Поховав би й чужий піп коли б мала десять кіп», «Там добре попові попити, де є що вхопити» [Там же: 306]. Кроме того, фиксируется выражение терн. *набрав грошей як піп за парастас*⁶¹ ‘получил незначительную сумму’ [ССНП: 43], которое, с одной стороны, указывает на небольшой доход священника, с другой – могло возникнуть в результате иронического переосмысления представлений о дороговизне услуг священника.

С дороговизной связан и мотив **поборов**: «Дере коза лозу, а вовк козу, а мужик вовка, а піп мужика», «Дере (бере) і з живого і з мертвого (вмерлого)», «З живого і вмерлого бере», «Іде на попа і з живого і з мертвого», «Піп – дерун, дере і з живого, і з мертвого», «Попові йде і печене, і варене, і з живого, і з умерлого»,

⁶⁰ Возникновение данной паремии, вероятно, связано с тем, что во время поста большее внимание уделяется религиозным обрядам и возрастает число церковных служб, а также людей, их посещающих.

⁶¹ Заупокойная служба.

«Коли б не піп та не пан, то не би й мужик голоштан» [ПП 3: 303], «Один чорт: піп, що стрижений, що кудлатий – усі люблять брати» [Там же: 304]. Кроме того, на негативную оценку, проявленную в данных паремиях, повлияло то, что священник значительную часть прибыли получает от проведения погребальных и поминальных обрядов.

В некоторых паремиях (житомир. «Шастає як піп по селу», «Шастає як піп по снігу» [Добролюба 2003: 57], «“Хто йде?” – “Чорт!” – “Добре, що хоч не піп”» [ПП 3: 307]), по-видимому, отражается обход попом прихожан и **сбор пожертвований** или новины. Как и в русском языке, здесь отмечается, что прихожане часто отдавали в церковь ненужное им самим: «Що нам не мило, то попу в кадило» [ПП 3: 307]. Сюда же относится представление о том, что поп любит жить за чужой счет: «Піп і дяк звикли на дурняк» [ПП 3: 305].

На основе подобного восприятия сформировалось и представление о **богатстве** священника⁶²: житомир. «Пишні форми як попівські пироги» [Там же: 102], «Коли маєш сто кіп, то будеш піп» [Номис: 46; ПП 3: 303], «Як сто коп, так і поп» [Там же]). Мотив богатства поддерживается наличием у священнослужителя пышного литургического облачения: «Піп ризи золоті носить, а бідний куска хліба просить» [ПП 3: 305]. Отсюда, вероятно, образ золота, отраженный в паремии «Піп – золотий сніп» [Номис: 47].

С богатством связано представление о хорошей, беззаботной **благополучной жизни** священника: восточнослобожан. *як у попа за пазухой* ‘беззаботно жить’ [Ужченко 2008: 68]⁶³, «Піп у приході – то вареник у маслі» [ПП 3: 305], «Хто попа має в родині, той має що їсти в судині» [Там же: 307], «Миша у стозі, а піп у селі ніколи не загинуть» [Номис: 362; ПП 3: 303]. Часто образ попа как представителя одного из самых благополучных слоев общества упоминается в связи с ситуациями несчастья, неурожая, которым поп подвержен меньше, чем другие люди: «(Тепер) такий світ настав, що й піп засвистав» [Номис: 356; ПП 3: 306], «Як на щастя йде,

⁶² Житомир. «Багатий як попівська миша» [Добролюба 2003: 118] можно рассматривать как переосмысление выражений типа рус. общенар. *беден, как церковная мышь*, укр. полес. *бідний як церковна миша* [Добролюба 1997: 26]. Если в церкви мышам нечем поживиться, то в хозяйстве у попа даже они живут богато.

⁶³ В данном случае поп может выступать как «заместитель» Бога: ср. рус. общенар. «Как у Христа за пазухой», укр. «Як у Христа за пазухою».

так и п'яниця справиця, а як на нещастя, то й піп скрутиця» [Номис: 626], «Часом і попові приходить на старість муку сіяти» [ПП 3: 307].

Восприятие жизни священнослужителя как сытой и богатой послужило основанием для **сопоставления** его с **котом**: «Добре в світі жити попові, лікареві та котові» [Номис: 362; ПП 3: 302], «Коли б то можна бути через зіму котом, через літо пастухом, а на Великдень попом» [Номис: 362; ПП 3: 303], «Найліпше (на світі) попові і котові», «Нема нікому так добре на світі, як попові та котові: обидва лежать та хліб дурно їдять»⁶⁴, «Тепер життя попам та котам», «Що кіт, що й піп: кіт годується з мишей, а піп з людей», «Що котові, те й попові», «Що піп, що кіт – одно: той годується з людей, а той з мишей», «Що піп, що кіт: не поворчавши, не з'їсть» [ПП 3: 304]. Возникновение текстовой пары *поп* – *кот* обусловлено также фонетической близостью этих слов.

Как и в русской, в украинской паремиологии выделяется образ **работника попа** (*попів наймит, попів челядник*): житомир. «Працює, як попів наймит» [Доброльожа 2003: 28], «Одягається, як попів челядник» [Номис: 493].

Среди черт, которыми наделяется попов работник, можно отметить его хорошее, обильное питание, по-видимому, связанное с богатством попа (житомир. «Їсть як попівський наймит» [Доброльожа 2003: 123], «Наймися, наймитку, в мене, а я у попа – для луччої харчі», «Наймися, наймитку, в мене, а я піду до попа, бо в попа лучча харч», «Попівський хліб роспирає челяді бік» [Номис: 460], «Глитає, мов попів мурло» [Там же: 535]), и несложную работу, которую он выполняет («Попів слуга як їсть, то упріє, а як робить, то змерзне», «Попів наймит при роботі мерзне» [ПП 3: 306]).

В отличие от своих русских, белорусских и польских «коллег» украинский поп наделяется большим хозяйством. Среди **животных**, которыми он владеет, выделяются **свинья** (надднепр. *попова свинка* ‘бескрылый, короткотелый, серый кузнечик, что встречается на полях’ [Чабаненко 3: 228], житомир., кировоград. *розумний як попове порося* ‘глупый’ [Доброльожа 2003: 15; Вікторіна: 342], лемк. *як попова свиня* ‘вести себя заносчиво, надменно, високомерно’ [ФСЛГ: 207], *цікавий як по-*

⁶⁴ Ср. другие варианты данной пословицы: «Нема то, як котові і попові», «Попові і котові нема й лучче» [Номис: 362; ПП 3: 304], «Попові та котові нема й лучше: так кіт хоч мишей ловить, а піп по церкві крутиться» [ПП 3: 304], «Добре жити попам та котам» [Там же: 302], житомир. «Котові як попові», житомир. «Нема гірш нікому як коту і попу» [Доброльожа 2003: 111], житомир. «Саме лучче попові і котові» [Доброльожа 2010: 136].

пове порося ‘про слишком интересного человека’ [ССНП: 121], «Я то не я, попова свиня», «Я то не я, попова свиня, дайте корець <ковш> браги», «Нема – як та попова свиня», «Нема понад попову свиню» [Номис: 144], «Не будь так, як попова свиня» [Там же: 159], «Гарний, як попова свиня» [Там же: 380]), **собака** («Бреше, як попова собака» [Доброльожа 2003: 23; Номис: 320], «Невмивака – попова собака» [Номис: 497], «Попові собаку та батьком назвати» [ПП 3: 306], днепр. *старий як попова собака* ‘про очень старого человека’ [ССНП: 143]), **кобыла** («Дере голову як попова кобила» [Доброльожа 2003: 69; ФСУМ 1: 232], житомир., полт. *дере голову як попова кобила* ‘гордо себя ведет’ [ССНП: 47], полес. *бреше як попова кобила* [Доброльожа 1997: 12]), **индюк** (житомир. *грамотний як попів індик* ‘глупый’ [Доброльожа 2003: 11; Доброльожа 1997: 31], *грамотни як попів індик* ‘необразованный, неграмотный, но с претензией на образованность’ [ССНП: 62]), **курица** (житомир. *розумний як попова курка* ‘глупый’ [Доброльожа 2003: 15; Івченко: 19]), **кошка** («Смішки з попової кішки, а як своя здохне, то й плакатимеш» [Номис: 555], запорож. *живеться, як поповому коту на печі* ‘очень хорошо живется’ [ГС: 42]), **корова** («Попову корову и вовк пізна та не візьме» [Номис: 581]), **коза** (днепропетровск. *розумний як попова коза* ‘глупый’ [ГС: 106; Івченко: 19]). При этом поповы животные характеризуются как **глупые**: житомир. *розумний як попове порося*, *грамотний як попів індик*, *розумний як попова курка*, *розумний як попова коза* ‘глупый’. Их глупость, по-видимому, «унаследована» от глупости и псевдоучености самого попа. Высокий социальный статус священника, часто, по мнению крестьянства, незаслуженный, привел к возникновению мотиву **заносчивости** принадлежащих ему животных: *як попова свія* ‘вести себя заносчиво, надменно, высокомерно’, *дере голову як попова кобила* ‘гордо себя ведет’. Отличительной особенностью поповой собаки считается старость (*старий як попова собака* ‘про очень старого человека’)⁶⁵, а кота – хорошая благополучная жизнь (*живеться, як поповому коту на печі* ‘очень хорошо живется’). По-видимому, на формирование последнего выражения оказало влияние устойчивое сравнение попа с котом, описанное выше.

Кроме того, необходимо отметить «плохое качество» и негативную оценку принадлежащих священнику животных («Попову корову и вовк пізна та не візьме», «Гарний, як попова свиня»).

⁶⁵ Подробнее об образе поповой собаки см. в разделе 2.1.1.4.

В надднепр. *попова свинка* ‘бескрылый, короткотелый, серый кузнечик, что встречается на полях’ могли отразиться и представления о принадлежности кузнечика к сакральной сфере (ср. номинации кузнечика «божьим» конем: арх. *божий коник* [Гура 1997: 518]).

• Семья

В качестве основных членов семьи попа выделяются **попадья** и **попова дочка** (*попівна*): «Єден любить попа, другий попадаю, а третій попову дочку» [ПП 3: 302], «Кому піп, кому попада, а кому и попова дочка» [Номис: 242]⁶⁶. Среди черт, которыми наделяется **попадья**, отмечается ее особенная **одежда**: полес. *попада* ‘женщина, которая носит длинную одежду’ [Аркушин 2: 71], а также ее общая «инаковость» и непохожесть на других: житомир. «Хазяйка як я попада» [Доброльожа 2003: 86], «Це така правда, як ти попада» [Номис: 318].

В образе украинской попадьи проявляется **мотив последней жены**, связанный с тем, что священникам разрешалось жениться лишь один раз: «Одна в попа жінка, та й то остання», «Остання в попа жінка», «Остання в попа жінка, та й то неправда» [ПП 3: 304], «Послідня в попа жінка», «Послідня в попа жінка, а там хоч на шибеницю» [Номис: 254; ПП 3: 304], житомир. *лишня в попа жінка* ‘нежелание что-либо отдавать’ [Доброльожа 2010: 70], «Попа найлучче хвата за живіт, як жінка вмірає» [Номис: 367], «Свищи, попоньку, бо вже попада помандрувала!» [ПП 3: 306]. С этим же связно представление об **избалованности** попадьи («Се таке сіно, що й попада, посоливши, у середу б їла» [Там же]), **высокомерии** («Величається мов попада на весіллі» [Доброльожа 2003: 69; Номис: 143], полт., черниг. *величається мов попада на весіллі* ‘чванится, задается’ [ССНП: 190]), а также, вероятно, об ее **главенстве** в семье: полес. *попада* ‘игра на вечеринках: девушка сама выбирает парня для танца’ [Аркушин 2: 71], «Коли б нашої попаді та попова борода, давно б благочинним була» [ПП 3: 308].

⁶⁶ Ср. другие варианты пословицы: «Дехто (інший / хто / хто про) любить попа, а дехто (інший / хто / хто про) попадаю» [Номис: 242; ПП 3: 302], «Кому піп, кому попада», «Кому піп, кому попада, а кому і попова дівка», «Кому піп, кому попада, а кому попова наймичка», «Кому піп, кому попада, а мені попова дочка», «Кому попада, а кому попова наймичка», «Один (інший / хто) любить попа, другий (інший / хто) попадаю, а (хто) третій попову дочку (а хто наймичку)» [Номис: 242; ПП 3: 302], «У кожного свій смак: хто любить попа, а хто попадаю», «Хто любить попа, а хто попадаю, а я, дурачок, люблю попових дочок» [ПП 3: 302].

С другой стороны, в ряде паремий отмечается и **зависимость** попадьи от попа, потеря ею высокого статуса в случае смерти мужа: «Доти попада княгиня, поки піп не згине» [ПП 3: 308], «А попові в дзвони дзвонять, а попадаю колом гонять» [Там же: 306], «Попові дзвонять, а попадаю з села гонять», «З попа дух, а попада під лопух», «Не оставайся од жару головня, од попа попада», «Поки попа, поти попада, а як не стане попа, то пропадя» [Там же: 308]. Отмечается также своеобразное разделение «сфер влияния» между попом и попадью: если *nin* тесно связан с церковью и церковными обрядами, то *попадья* – с домом и бытом: «Піп співає, а попада млинці пече» [ПП 3: 305], «Від попа з церкви, від попаді з хати» [Там же: 301].

Мотивация лексемы *попадья* ‘в свадебном обряде бутылка водочной настойки, которую мать невесты затыкает пучком калины и обвязывает красной ленточкой; *попаді* не трогают до тех пор, пока дружки не придут от новобрачного после *коморы*’ [Гринченко 3: 320] до конца не ясна. С одной стороны, слово может быть мотивировано сходством бутылки с внешним обликом попадьи: форма может соотноситься с фигурой человека (ср. рус. карел. *монáх* ‘бутыль для водки емкостью в четыре литра’), а украшения на ней – с нарядностью попадьи. С другой стороны, интерес представляет и запрет священнослужителям повторно вступать в брак (в отличие от допустимых для мирян трех венчаний), в этом случае подобную номинацию можно расценивать как своеобразное благопожелание долгой совместной жизни. Кроме того, такое название свадебного атрибута может быть обусловлено тем, что поп является важным участником «церковной» части свадебного обряда, а образ попадьи по аналогии может ассоциироваться с бытовой его частью (в этом случае влияние может оказывать также и женский род слова *бутылка*).

В фольклорно-языковом образе **поповой дочки** более всего выделяется ее желание как можно быстрее выйти замуж: общенар. «Хвалиться (хапаецця, хватається) як попівна заміж» [Добролюба 2003: 72; Номис: 172; ССНП: 190], «Не будь ласий, як попівна заміж» [Номис: 237], «Не хватайся, як попівна заміж!», «Не хватайся, як попівна заміж, попівна хваталась, та й тепер сидить» [Там же: 265], днепропетровск. *спішить як попівна заміж* ‘проявляет большое нетерпенье, пытается как можно быстрее что-либо сделать’: «Завтра вже не продаватимуть рибу, того Катерина й спішить, як попівна заміж» [ГС: 116], киев., черкас. *квапиться наче попівна заміж* ‘проявляет большую поспешность’, ивано-франк. *квапиться наче*

попівна замуж ‘проявляет большую поспешность’, хмельн. *ласий як попівна замуж* ‘очень желающий’, ворон. *поспілається як попівна на заміжжя* ‘проявляет большую поспешность’ [ССНП: 190].

Возможно, с этим, а также с особым, отличным от крестьянства, статусом членов семьи священника соотносится и манера поведения, о которой идет речь в поговорках «Пишаецца, як попівна в гостях» [Доброльожа 2003: 71; Номис: 627], херс. *пишається як попівна в гостях* ‘чванится, задается’ [ССНП: 190], херс. *пишається як попівна в гостях* ‘гордится своим счастьем’ [ГС: 84]. Отмечается также бедность поповой дочери: «Ніхто такий не багатий, як попові дочки: одна гола, друга боса, третя без сорочки» [ПП 3: 304]. Вероятно, возникновение последней поговорки связано с большим количеством детей в семье священника и невозможностью дать дочерям большое приданое.

Множество детей свидетельствует о **репродуктивных способностях** священника. Соответствующие представления отражены в ряде фитонимов. Среди них в первую очередь выделяются номинации бересклета (укр. *попóва мўдя*, *попова мўдь* ‘бересклет бородавчатый *Evonymus verrucosa* Scop.’, *мўда попóва*, *мўде попове* ‘бересклет европейский *Evonymus europaeus* L.’ [Сабадош: 49], укр. подольск. *попóва нудь*, *пóпова нўда*, *попóві яйці*, *попóві яйця* ‘то же’ [Гороф’янюк 2012: 113]), будры (гуцул. *муді попови* ‘будра плющевидная *Glechoma hederacea*’ [МГГ: 107]), ятрышника (укр. *попóві яйця* ‘ятрышник мужской *Orchis muscula* L.’ [Сабадош: 215]), кирказона (укр. *попóві мўді* ‘кирказон ломоносовидный *Aristolochia clematis* L.’ [Сабадош: 219]), рябины (львовск. *попóва мўдя* ‘рябина *Sorbus*’ [Шило: 213]), голубики (укр. закарпат. *мудь попова* ‘голубика обыкновенная *Vaccinium uliginos* L.’ [КСУГЗ]). Бересклет или рябина, вероятно, имеется в виду и в укр. бойк. *попові муді* ‘красные ягоды (какие?)’ [Онишкевич 1: 400].

• **Обрядовые действия**

Основная функция попа – совершение церковных обрядов. Фиксируются паремии, указывающие как на общую связь попа с церковью («Велике диво, що в церкві піп» [Номис: 264; ПП 3: 301], «На те піп посвятися, щоб по церкві крутився» [Номис: 47; ПП 3: 303], «Боятися попа, та в вітварь не йти» [Номис: 212]), так и на отдельные обряды, которые он совершает. Так, среди обрядов, совершаемых попом, отмечается обряд **крещения**: «Дурний тебе піп христив». При этом, с

одной стороны, обращается внимание на то, что при крещении ребенка окунают в воду («Дурний тебе піп христив, що в воду не впустив» [Номис: 294; ПП 3: 302], «Дурний тебе піп христив, що не втопив» [Номис: 294]), с другой – ряд выражений указывают на передачу свойств священника тому, кого он крестит (восточнослобожан. *рудий піп христів* ‘некрасивый, рыжий с веснушками’ [Ужченко 2008: 72], житомир. *дурний піп христив* ‘глупый человек’ [Добролюба 2010: 135]). Кроме того, в гуцул. *Дурний тебе піп христив тий дурного / дурну пустив* ‘как глупый был / была, так и есть’ [СГГРиЯ: 481] проявляется представление о том, что крещение должно менять человека, делать его лучше.

Другим обрядом, с которым связывается украинский поп, становится обряд **исповеди** (восточнослобожан. *як у попа під рясою* ‘правдиво, открыто (сказать)’ [Ужченко 2008: 70], «У нужді и піп прощає» [Номис: 607], «Висповідали без попа» [ПП 3: 301]). Не совсем ясна мотивация фактов типа *попа в решеті возити* ‘утаивать грехи на исповеди’ [Гринченко 3: 187], общенар. *возити по́па в решеті* ‘говорить неправду, врать во время исповеди’ [ФСУМ 1: 143], *повозити попа в решеті* ‘утаить что-то на исповеди’ [Номис: 44], *возить по́па в решеті* ‘обманывать кого-то, врать’ [Добролюба 2010: 135; Номис: 44], *будеш по́па в решеті возити* ‘ругают детей, которые не знают «Отче наш»’ [Номис: 44]. Возможно, они связаны с представлениями о расплате за грехи (обман на исповеди) после смерти (ср. рус. «Будешь на том свете по́па в решете возить (за грехи)»).

Но главными обрядами, которые совершает поп, по народному представлению, являются **погребальный** и **поминальный обряд**: житомир. «Спішить як піп на поминки» [Добролюба 2003: 56], «Мужик захворіє – по́па кличуть, піп захворіє – за лікарем посилають» [ПП 3: 303], «Нема дурнішого од по́па: люде плачуть, а він співає» [Номис: 47; ПП 3: 304], «Піп людей хова – сховають и по́па» [Номис: 207], «Попи его поховали, а ми тільки оплакали» [Там же: 604], «Попові завжди панахида сниться», «Попу все панахиди і панахиди сняться» [ПП 3: 306]. При этом поп воспринимается как обязательный компонент «правильного» погребального обряда: «Щоб тебе піп не ховав!» [Номис: 191], «Як умер біднячок, був піп і дячок, а як умер багатир, то зібрався всенький мир» [ПП 3: 308], «Як умре багатирь, то йде увесь мир; а як умре харпак <бедняк> – тільки піп та дяк» [Номис: 110]. Кроме того, именно погребальный обряд представляется основным источни-

ком доходов священника, с чем, вероятно, связано восприятие этих доходов как неправильных, нажитых на чужом горе (ср. приводившиеся выше мотивы жадности и поборов): «Людське горе попа годує» [ПП 3: 303], «Не щодня попинятам (або: поповим дітям) Дмитрова субота!» [Номис: 258], «Як вродиця, без бариша не обходиця; и як вмере, то все піп дре» [Там же: 694], «Дере і з живого і з мертвого» [ПП 3: 302].

Видимо, исполнение попом погребального обряда послужило основанием для восприятия смерти как попадания «в хозяйство» к попу (ср. подобные мотивы в русском, белорусском и польском языках). В украинском языке в связи с мотивом умирания возникают образы попова кармана (лемк. *пін до киш'єні* <карман> *взяв 'умер'* [ФСЛГСС: 103]) и мешка (лемк. *п'іти попове до м'ішка* 'умереть', лемк. *позер'ати попове до м'ішка* 'быть при смерти' [Там же]). Сюда же, по-видимому, можно отнести образ поповых ворот («Чиі ворота минеш, а попових не минеш» [Номис: 47; ПП 3: 307]) и калитки («Уже я поправлюсь, мабуть, попові в калитку» [ПП 3: 307; Номис: 369]).

Неясным остается лемк. *позерати попові до м'ішка* 'кому-то очень хочется спать, отдохнуть' [ФСЛГ: 181]; вероятно, оно образовалось в результате семантического переноса «смерть» – «сон» от зафиксированного на той же территории фразеологизма со значением 'быть при смерти'.

Помимо самих таинств и богослужений в украинской паремиологии отмечаются и их составляющие. Довольно большое внимание уделяется речевым жанрам **проповеди** («Піп два рази казання не говорить» [ПП 3: 304]) и **молитвы** («Дурний піп – (то) дурна (його) й молитва» [Там же: 302], «Який піп, така його й молитва» [Там же: 307], житомир. *у дурного попа дурна молитва* 'что-то неуместное' [Доброльожа 2010: 110]). При этом стоит отметить представление о бесполезности произносимой попом молитвы (житомир. «Поможе як попова молитва» [Доброльожа 2003: 15; ССНП: 95]), а также мотивы **четкой**, особым образом произносимой **речи** (лемк. *як пін на казані* 'очень четко и ясно' [ФСЛГ: 175], львов. *говорить як пін на казанню* 'произносит торжественным тоном' [ССНП: 116]), обладающей объяснительной силой (лемк. *повідати як пуп на казанні* 'понятно объяснять' [ФСЛГСС: 110], львов. *говоріти як пін на казаню* 'постоянно поучать, заниматься морализаторством' [ЛЛ: 191], гуцул. *говоріти, як пін казанє* 'говорит поучительно, понят-

но' [ГСЛ: 183]). С проповіддю, по-видимому, соотносятся представления об **обучении** священником прихожан **религиозному поведенню** («Знаєм, знаєм без попа, що в неділю свято», «Знаємо і без попа, що в неділю свято» [ПП 3: 302], житомир. *знаю без попа, що в неділю празник* 'что-то общеизвестное' [Доброльожа 2010: 135]) и сложности исполнения того, что говорит священник («Попи м'яко стелять, та твердо на їх постелі спати», «Попи м'яко стелять, та (але) твердо спать» [ПП 3: 305]).

Кроме того, внимание уделяется **речи** попа в целом («Прийшли попи – почитали, прийшли дяки – поспівали» [ПП 3: 306]), среди ее характеристик выделяется **скорость** и **интенсивность** (житомир. «Бреше як піп молиться», житомир. «Бреше як піп у церкві» [Доброльожа 2003: 23], «День не петровський, язик не поповський» [ПП 3: 301], «Язик попівський – як день петровський» [Там же: 307]) и **песенная манера** произнесения («То піп дурний – нащєсерце зіпає <горланит>» [Номис: 546], «Кожний піп по-своєму співає» [ПП 3: 303], «Піп співає, а попада млинці пече» [Там же: 305], «Там добре попові попити, де є що вхопити» [Там же: 306]). Песенность и неразборчивость богослужебной речи, по-видимому, стала причиной для ассоциации ее с речью взволнованного, растроганного человека: львов. *як піп з молитовником* 'про сентиментального, растроганного, расчувствовавшегося человека': «Ти часом такий як піп з молитовником, – і чорт тебе не розбере» [ЛЛ: 560].

В восточнослобжан. фразеологизме *мікатися як піп по вівтарю* 'не находит себе места' [Ужченко 2008: 67] запечатлены представления о перемещении священника по церкви во время службы.

Помимо этого, в ряде паремий указаны атрибуты попа во время богослужения: **крест** («Хрест – попівський струмент» [ПП 3: 309]), **кропило** («Де піп з кропилом, там чорт з кадилом» [Там же: 302], «Попові кропило як шевцеві правіло» [Там же: 306]), **кадило** (житомир. *димить як піп кадилом* 'курить' [Доброльожа 2003: 150], запорож. *махає як піп кадилом* 'резко, часто, выразительно чем-либо машет': «Узяв чулку, зав'язав із одного кінця, насипав дусту і ходе по капусті та махає як піп кадилом» [ГС: 66], запорож. *носить, як піп із кадилом* 'иронично или шутливо о человеке, который носит с чем-нибудь, не зная, где его положить, поставит и т. д.' [ГС: 77], запорож. *ходе, як піп з кадилом* 'ходит важно, медленно, нося что-нибудь' [ГС: 135]), а также **колокол** («Піп у дзвін (дзвони), а чорт (дідь-

ко) в калатало (клепало) <колотушку>», «Піп у дзвін, а дяк у клепало», «Піп у дзвін, а чорт в клепало та й каже, що його голосніше», «Піп у дзвін, а чорт у калатало, аби голосніше стало» [ПП 3: 305]). При этом представляется неправильным, если поп сам звонит в колокол: «Біда парафії, де сам піп дзвонить» [Там же: 309], «Погана парафія, де піп зубами дзвонить» [Там же: 305]).

Отмечается и атрибут, использовать который священнику не пристало, – гармонь: полт., харк. *потрібне як попові гармонь* ‘совсем не нужно’ [ССНП: 117].

Другими функциями, которыми наделяется украинский поп, становятся **разрешение** им **споров** («Ти пьєш, мене бьєш, и не знаєш защо; ходімо ми до попа, котре з нас ледащо» [Номис: 550], «Без попа не розбереш», «Вас и сам чорт без попа не розбереш», «Хто ж ёго знав без попа!» [Там же: 323], «Лучче до попа, як до суда» [Там же: 336], «Нехай так, як піп скаже» [Там же: 241], «Без попа не розбереш» [ПП 3: 301]) и **благословение** («Який піп, таке й благословення» [Номис: 326; ПП 3: 307], «Добрий піп, добре й благословення» [Номис: 326], «Який піп, таке його й благословення» [ПП 3: 307]). С благословением, а также с традицией совершать молебен перед началом какого-нибудь дела связано представление о том, что поп нужен, чтобы приступить к какому-либо действию: «Без попа й не почнешь», «Що ж, треба попа, щоб почав» [Номис: 481].

• **Связь со сферой сверхъестественного**

Связь попа со сферой сверхъестественного в первую очередь проявляется в сопоставлении его с **чертом**. При этом *поп* и *черт* могут находиться в отношениях **оппозиции**: «Дивиця, як чорт на попа» [Доброльожа 2003: 149; Номис: 296], житомир. «Втікає як чорт від попа» [Доброльожа 2003: 129], житомир. «Живуть як чорт з попом» [Там же: 113], житомир. «Напали як чорт (чорти) попа» [Доброльожа 2003: 48; Номис: 593; ПП 3: 289], лемк. *перебігати як чорт по́па* ‘прерывать во время разговора’ [ФСЛГСС: 144], лемк. *пхати як чорти по́па* ‘насильно, против воли толкать кого-нибудь’ [ФСЛГСС: 144], «Піп своє, а чорт своє (а вітер своє)» [ПП 3: 305], «Чорт своє, піп своє» [Там же: 291], житомир. *пін про своє, а чорт про своє, пін своє, а чорт своє* ‘упертый человек’ [Доброльожа 2010: 136].

С другой стороны, нередко *поп* и *черт* вступают в отношения **симилярности и изофункциональности**: «Вибрався піп у ризу, а чорт у рядно і говорять одно» [ПП 3: 301], «Говори, чорте, з попом» [ПП 3: 287], «Де піп з кропилом, там

чорт з кадилом» [Там же: 302], «І в старим попу часом чорт палає» [Там же: 287], «Піп з Богом бесідує (говорить), а на чорта позирає (дивиться)», «Піп з хрестом, а чорт з хвостом», «Піп у дзвін, а дідько в калатало», «(Убрався) Піп у ризи, чорт у рядно та й правлять (говорять, тягнуть) одно» [Там же: 305], «Піп у хвіртку, а чорт у дірку» [Номис: 47; ПП 3: 305], «Сніп од снопа, як чорт од попа» [Номис: 452], «Ухопився, як чорт за попа» [Там же: 593], «Хто за кого, а чорт за попа» [Там же: 700]. Во многом на возникновение отношений симилиарности влияет представление о греховности попа, влекущее за собой его помещение в адское пространство: херсонск. *торгується, як чорт за попа* ‘просит дорогую цену’ [ГС: 124] (ср. рус. вят. *попам и в аду житъе* ‘слишком хорошо кому-либо’).

В паремии «Держись за гудзик: піп спереду йде» [ПП 3: 302] и львов. поговории «Як ти сі піп присніт, то ворог тобі рие» [ЛЛ: 560], возможно, отразилось представление о том, что встреча с попом **приносит несчастье** (ср. рус. «Поп, да девка, да порожние ведра – дурная встреча»).

• Социальное положение

Выделяются паремии, указывающие на **высокий социальный статус** попа («Висадили мене аж на попівське місце» [ПП 3: 301]), в том числе иронически его переосмысляя («Тікайте, кури, піп іде» [Там же: 306]). Важность и высокий статус священника проявляется и в мотиве **гордости** своим положением, которую испытывает поп: общенар. *як піп на різи (дивитися)* ‘гордо, с достоинством’ [ФСУМ 2: 641], житомир. «Гордий як піп у вівтарі» [Добролюбова 2003: 69]. Высокий социальный статус обуславливает и страх, который испытывает или должен испытывать к попу мирянин: «Бійся попа, як той ладану» [Номис: 581], «Боятися попа, та в вівтарь не йти» [Номис: 212; ПП 3: 301]. Поп **сопоставляется с** другим представителем высших слоев населения – **паном** («Де піп церкву ставить, там пан корчму» [ПП 3: 302], «І попи, і пани – одного поля бур’яни» [Там же: 303], «Коли б не піп та не пан, то не би й мужик голоштан» [Там же], «Піп і пан – то одно» [Там же: 305], «Буде гарно на світі, як попу підсипать, а пана засипать» [Номис: 90]), при этом **противопоставляется** низшим слоям: **крестьянству** («Лучче бути добрим хлопом, як злим попом» [ПП 3: 303], «Якби не мужик і не хліб, здохли б пан і піп» [Там же: 307], «Не наше діло – попове, не нашого попа – чужого» [Номис: 427; ПП. 3: 304])

и **наемным работникам** («Ні попові, ні наймитові» [Номис: 346], «Ні попу, ні наймиту» [Там же: 602]).

Высокий социальный статус попа, а также его богатая и обеспеченная жизнь, возможно, стали причиной для обозначения продуктов высокого качества и растений больших размеров дериватами лексемы *поп*: подольск. *попóві, попóві кабаку́* ‘тыква большая, *Cucurbita maxima Duchesne*’ [Гороф’янюк: 51] (ср. этот же мотив в образе польского кардинала: *kardynalka* ‘сорт больших сладких груш’).

Ощущение священником важности и **значимости** своей богослужебной деятельности оценивается носителями народного сознания преимущественно негативно: *гордиться як піп у вітарі* ‘надменно себя вести’ [ССНП: 116], восточнослобожан. *розходітися як у піп на Вели́кдень* ‘очень расхвастаться, загордиться’, восточнослобожан. *як піп у цє́ркви* ‘то же’ [Ужченко 2008: 70].

Тем не менее подчеркивается также **связь** попа с **приходом**. В украинской паремиологии отмечается подобие попа и прихожан («Який піп, така (його й) паравхвія» [Номис: 326; ПП 3: 307], «Який піп, такий прихід» [ПП 3: 308], «Який піп, такі й парафіяни» [Там же: 307]) и обязательное наличие попа в селе («Що село, то й піп» [Номис: 357], «Аби люде, а піп буде» [Номис: 259; ПП 3: 301]). С важностью, высоким социальным положением и, вероятно, представлением о должной безгрешности попа соотносится предписание прихожанам не осуждать попа: «Не нам попа судить, нехай ёго Бог судить» [Номис: 427], «Не наше діло попа судить» [Там же: 427].

Вписанность попа в церковную иерархию проявляется в **сопоставлении** его с другими служителями культа: со **звонарем** («Не в попи, так в дзвонарі пішов» [ПП 3: 303]) и **дьяконом** («Між попами піп, між дяками дяк, між вовками вий пововчи, між свинями хрюкай по-свинячи» [Там же], «Оттак чини, як я чиню, люби дочку аби-чию, хоч попову, хоч дякову, хоч хорошу мужикову» [Номис: 549], «Ти бо вже, коли говориш, то говори одно; а то разом хочеш бути и за попа, и за дяка» [Номис: 568], «Піп і дяк звикли на дурняк» [ПП 3: 305], «Замічай, куди піп, а куди дяк, то буде й так» [Там же: 302]).

Отмечается более высокий статус попа по отношению к дьякону: «Тікайте, попе, нехай дяк сядуть» [ПП 3: 306], «Що вільно (можна) попові, то не вільно (зась)

дякові» [Там же: 307], «Що попові вільно (можна), то дякові зась» [Доброльожа 2010: 136; Номис: 86; ПП 3: 307].

В языковом портрете украинского попа преобладают объективно-качественные мотивы и мотивы-атрибуты, в основном связанные с обликом священнослужителя (разными видами одежды, ее цветом, прической попа), и оценочно-качественные мотивы, указывающие на черты характера, приписываемые попу (мотив жадности, завистливости, лени, греховности и др.). Выделяются также акциональные мотивы, в большинстве из которых проявляется представление о богослужебных действиях данного служителя культа: крещении, исповеди, каждении, молитве, проповеди и под.

Входящие в данный портрет мотивы в большинстве своем выражены при помощи паремиологии. Лексическое воплощение получают лишь некоторые объективно-качественные мотивы: черного цвета, блестящей одежды, тонзуры, прямостояния.

2.4.1.6. АРХІЄРЕЙ ‘общее название высших чинов духовенства (епископа, архиепископа и др.) у православных христиан’ [СУМ 1: 64].

В харьк. *архієрейська мітла, архієрейське помело* ‘полынь однолетняя *Artemisia annua* L.’ [Сабадош: 461], с одной стороны, могла отразиться черта внешнего вида архиерея – борода, с другой, его атрибут – кропило (подробнее о мотивации подобных фактов см. в разделе 2.2.1.1.5).

Кроме того, фиксируются иронические фразеологизмы, указывающие на объекты, несвойственные архиерею и несовместимые с ним. В луган. выражении *нужний як свині архирей* ‘совсем ненужный’ [ССНП: 132], отмечается, во-первых, высокий статус архиерея, во-вторых принадлежность его к «культурному» человеческому миру. Днепропетр. фразеологизм *треба як архирейові хвоста* ‘не нужно’ [ГС: 125; ССНП: 10], возможно, содержит отсылку к образу черта – самого известного «носителя хвоста».

2.4.1.7. БІСКУП ‘католический епископ’ [СУМ 1: 190].

Украинский образ католического епископа содержит указание на фиолетовый цвет его одежды: львов. *біскупський* ‘темно-фиолетовый’: «Отже, цьогорічна балева саля буде старомодна... І то все в улюбленій красці наших бабунь, у фіолеті. Бо фіолет модний в усіх відтінках: ніжний циклямен, солодкий – бузковий, соковитий – фіялки і темний – біскупський» [ЛЛ: 94] (ср. проявления этого мотива в польском языке: *biskupowy* ‘фиолетовый’).

2.4.1.8. ПАПШ диал. ‘Папа Римский’.

Папа Римский представляется воплощением и эталоном католической веры, и дериваты соответствующей лексемы выступают синонимами слов *католик* и *католический*: закарпат. *nápisький* ‘католический’: «Папіс’ке Руздво май скоро, гінаше» [СЗГС: 217], закарпат. *nápiш* ‘католик’: «У нас у селі папішу не йе, лиш йе унійаты» [КСУГЗ; СЗГС: 217].

2.4.2. Монастырское духовенство

2.4.2.1. Общие обозначения монашествующих

2.4.2.1.1. ЗАКОННИК ‘монах’ [СУМ 3: 156].

В портрете украинского законника проявляется, во-первых, его набожность: общенар. *законник* ‘набожный человек’ [Дзендзелівський: 171]. Во-вторых, отражение получают создание и хранение в монастырях книг: общенар. *законник* ‘книжник’ [Дзендзелівський: 171].

2.4.2.1.2. МОНАХ ‘член религиозной общины, который принял постриг и дал обет аскетичной жизни согласно монастырскому уставу’ [СУМ 11: 311].

В языковом портрете монаха выделяются представления о его внешности, а также его поведении и образе жизни.

Одной из главных черт, характеризующих **внешний вид** монаха, является **черный цвет** его одежды. Этот признак нашел воплощение в метафорическом общенар. слове *монáшка* ‘ночная бабочка семейства волнянок, у которой передние крылья – белые с черными зубчатыми поперечными полосами, а задние – серые, ее гусеницы – вредители леса’ [СУМ 4: 794].

Другой чертой облика монаха становится характерный **головной убор**. При этом выделяются два вида монашеского головного убора: женский платок (полес.

монашка ‘черный, преимущественно теплый платок’ [Лисенко: 128], ‘большой черный платок с кистями’, ‘большой шерстяной платок с кистями и яркими цветами’ [Гримашевич: 97]) и мужской клобук («Не плаче монах, що загубив коблук, та не обрадуєця, хто его й найде» [Номис: 700]). Последний факт указывает на клобук как один из неотъемлемых атрибутов монаха, а также, вероятно, на тяжесть и сложность монашеского **образа жизни**.

Среди черт, характеризующих монашескую жизнь, выделяется **затворничество** (общенар. *монах* ‘про человека, который живет в одиночестве, избегает общения с людьми’ [СУМ 4: 794]), аскезы и **обет безбрачия**, который монах дает («Монах, а дірка в штанах», «Що козаку видиться, те монаху сниться» [ПП 3: 308]). Общ. нар. *к монахам* ‘употребляется для выражения неудовлетворения кем- или чем-нибудь, осуждения чего-то, усиления высказанного’ [ФСУМ 1: 504], вероятно, соотносится с представлением о том, что монахи обычно живут в отдалении от прочих категорий населения. С другой стороны, возможно, это выражение, изначально принадлежащее семантической сфере сакрального, утрачивает «церковные» коннотации и развивает сугубо эмотивное значение (ср. *к черту*).

Некоторые украинские паремии связаны с занятиями монахов: **переписыванием книг**, собиранием библиотек («Був єдин мних, що мав много книг, нич не знав із них» [ПП 3: 308]) и **торговлей** («Без прибутку й монахи не торгують» [Там же]). Отмечается и то, что монахи нередко существовали за счет **поборов** с мирян: «Не дай монахові – одніме» [Там же]. В подольск. *монастиркі* ‘дыня обыкновенная, *Melo sativus* L.’ [Гороф’янюк: 51], вероятно, отражается занятие монахов огородничеством.

В общенар. *монах* ‘водоспуск у плотины’: «Стави обов’язково роблять спускні, з невеликим трубчастим водоспуском, так званім монахом, з допомогою якого легко регулювати водопостачання» [СУМ 4: 794] воплощается признак подвижности монаха, который, вероятно, связан с **поклонами** во время молитвы (ср. рус. пск. *монахи* ‘спусковое устройство в водоеме: опускающиеся и поднимающиеся вертикальные щиты’, польск. *tnich* ‘водоспуск со столбом при пруде’).

Кроме того, в отдельных паремиях отмечаются **злость** («Монашеська злоба до гроба» [ПП 3: 308]) и **греховность** монаха («І чорт на старість в монахи пішов» [Там же: 288], «Очнувсь монах, аж смерть в головах» [Номис: 300]).

2.4.2.1.3. ЧЕРНЕЦЬ ‘член религиозной общины, который принял постриг и дал обет аскетичной жизни согласно монастырскому уставу’ [СУМ 11: 311].

Внутренняя форма слова указывает на основной признак чернеца – **черный цвет** его одежды. Мотив черного цвета подтверждается и паремиями «Душа чорна, мов у ченця ряса» [Добролюбова 2003: 35; Номис: 589; ПП 3: 308], «Чорна риза не спасе, а біла в гріх не введе» [Номис: 46].

Другим «маркером» чернеца становится его особенный **головной убор** – клобук: «Згубив чернець клобук – не смутився, знайшов – не радувався», «Найшов чернець клобуку – не скаче, загубив – не плаче» [ПП 3: 308], «Знайшов чернець клобук – не возрадувався, а загубив – не спечалився» [Там же: 309].

В языковом образе чернеца проявлен мотив **одинокства**, уединенной монашеской жизни: *чернець* ‘одинокая кегля, стоящая на черте «города» при игре в «скраклі»’ [Гринченко 4: 458]. Другим мотивом, отраженным в этом факте, может быть мотив прямостояния (ср. рус. арх., костр., твер., сиб. *поп* ‘прямостоящий предмет’).

Среди особенностей образа жизни чернеца можно отметить также **обет безбрачия**, представление о котором иронически переосмысливается в пословицах «Чернець святці розгортає, а на молодіць поглядає», «Як рибі без води, так чернцю без жени» [ПП 3: 309]. **Аскеза** и **соблюдение поста**, по-видимому, отразились в связанных с постом хрононимах *місяць-чернець* ‘календарный месяц в 30 дней, первое и последнее число которого приходятся на пост’ [Гринченко 4: 458], *місяць-чернець* ‘луна, первая и последняя четверти которой приходятся на пост’ [Там же], полес. *чернець* ‘старый месяц’ [Аркушин 2: 253]. Мотив поста, вероятно, переосмысливается и в пословице «І ченці помагають людям рибу їсти» [ПП 3: 309].

Необходимо отметить подчеркнутую в паремиологии **принадлежность** чернеца **к монастырю** («Як рибі без води, так чернцю без монастиря» [Номис: 46; ПП 3: 309]), **связь с другими монахами** («Не одної матері діти (ченці)» [Номис: 46]) и **игуменом** («Не всім ченцям в ігуменах бути», «Не кожному ченцю ігуменом бути» [ПП 3: 309]).

Отмечается **злой характер** чернеца («Чернецька злоба до гроба» [ПП 3: 309], «Чернеча злоба до гроба» [Номис: 46; ПП 3: 309]) и **соотнесение** его **с чертом** («Чорт не плаче, коли чернець скаче» [Номис: 243; ПП 3: 291]).

2.4.2.2. Монашеские ордена

2.4.2.2.1. БЕНЕДИКТИНЕЦЬ ‘член католического монашеского ордена, основанного около 530 г. в Италии’.

В украинском образе бенедиктинца отразилось только **производство** в бенедиктинских монастырях **ликеров**: общенар. *бенедиктін* ‘сорт французского ликера, который изготавливается из спирта, разных растений и эфирного масла’ [СУМ 1: 156], лемк. *бенедіктин* ‘ликер марки бенедиктина’ [Пиртей: 26] (ср. польск. *benedyktyn* ‘вид ликера’).

2.4.2.2.2. ЄЗУЇТ ‘член католического монашеского ордена «Товарищество Иисуса»’ [СУМ 2: 497].

В образе иезуита в основном воплотилось представление о его **лицемерии** и коварстве, связанное, по-видимому, с тем, что устав иезуитов позволял им отступать от некоторых духовных требований, а для ведения миссионерской деятельности иезуитам позволялось жить в миру и носить мирскую одежду: литер. *єзуїт* ‘про коварного, подлого, лицемерного человека’ [СУМ 2: 497], львов. *єзуїта* ‘коварный, хитрый, жестокий, подлый человек’ [ЛЛ: 259], *єзуїтський* ‘хитрый, коварный, лукавый, жестокий’ [Там же], лемк. *єзуїтка* ‘фальшивая женщина, лицемерка, интриганка’ [Пиртей: 88].

С другой стороны, наоборот, отмечается приверженность иезуитов **строгим религиозным правилам**: львов. *єзуїта* ‘строгий священник-катехит’ [ЛЛ: 259], что, вероятно, послужило основой для развития мотива **упрямства**: херсонок. *держитсья за своє як єзуїт* ‘пренебрежительно о скупом, упрямом человеке’ [ГС: 33].

2.4.2.2.3. КАПУЦИН ‘монах католического ордена, который носит плащ с острым капюшоном’ [СУМ 4: 98].

Основная черта языкового портрета капуцина, **капюшон**, проявляется в названиях настурции, цветки которой имеют остроконечную форму и напоминают капюшоны: *капуцін*, *капуціни* ‘настурция большая *Tropaeolum majus* L.’ [Анненков: 365; Сабадош: 111] (ср. польск. *karisun* ‘то же’).

Вторым мотивом, проявляющимся в украинском образе капуцина, становится **мотив безбрачия**, переосмысленный в лексемах львов. *капуці́н* ‘онанизм’, *капуці́на рубáти* ‘онанизировать’, львов. *капуці́няж* ‘онанист’ [ЛЛ: 347] (ср. польск. *rznąc, trzepać karisuna* <резать, трепать капуцина> ‘онанизировать’, малопольск. *karisun* ‘penis’). Стоит отметить, что данные выражения фиксируются только на львовской территории, следовательно, скорее всего, являются польскими заимствованиями.

Выводы:

Таким образом, нами проанализировано 14 портретов украинского духовенства, выявлены их основные черты, отраженные в системе дериватов, образованных от номинаций представителей христианского культа, во фразеологии и паремиологии, содержащих данные номинации.

В приложении 3 приведены основные мотивы и их количество в каждом деривационно-фразеологическом гнезде.

Несмотря на то, что на украинской территории распространены три конфессии: православная, римско-католическая и греко-католическая, в представленной галерее преобладают портреты православного духовенства. Портреты представителей католической веры разработаны достаточно слабо, многие из составляющих соответствующие деривационно-фразеологические гнезда фактов фиксируются на галицкой территории, которая долгое время была польской, и, по-видимому, являются польскими заимствованиями.

Ярче и полнее всего представлен портрет православного попа, в деривационно-фразеологическое гнездо с соответствующим вершинным словом содержит 408 лексических и паремиологических единиц, кроме того одна фразема включена в гнездо *батюшка*. Портрет католического ксендза строится на основе анализа всего 5 единиц.

В отличие от других исследуемых языковых традиций в украинских диалектах достаточно активны семантические дериваты лексемы *чернець*. В наше исследование включено 18 таких фактов, что вполне сопоставимо с наполненностью гнезда *монах* (16 фактов). Портреты католического законника (2 факта), и представителей католических монашеских орденов: капуцина (5 фактов), иезуита (6 фак-

тов) и бенедиктинца (2 факта) представлены довольно скудно. Среди низшего духовенства и служек выделилось два портрета представителей православной церкви: дьячка (27 фактов) и алилуйки (1 факт). Портреты высшего духовенства также представлены единичными фактами, среди них – два портрета католических священников: епископа (1 факт) и Папы Римского (2 факта) – и один портрет православного архиерея (4 факта).

Довольно активными в портретах украинского духовенства (в большей степени в портрете попа) становятся мотивы-атрибуты и объективно-качественные мотивы, указывающие на облик священнослужителя.

Одна из основных особенностей внешнего вида украинских служителей культа – специфическая одежда. В качестве маркера духовенства выступает головной убор – клобук у монаха («Згубив чернець клобук – не смутився, знайшов – не радувався», «Не плаче монах, що загубив коблук, та не обрадуєця, хто его й найде»), платок у монахини (полес. *монашка* ‘черный, преимущественно теплый платок’) и капюшон у капуцина (*капуціни* ‘настурция большая’). Подчеркивается также черный цвет одеяния («Душа чорна, мов у ченця ряса», *монáшка* ‘ночная бабочка’, *nín* ‘лысуха черная *Fulica astra*’).

Внимание уделяется прямостоящей позе служителя культа (*на попá* ‘в вертикальное положение’, *чернець* ‘одинокая кегля, стоящая на черте «города» при игре в «скраклі»’) и особенностям его речи: интенсивности («Бреше як піп молитися», «“Як?” – “Я не дяк – десять раз говорити: я скажу раз, але гаразд”») и напевности (*алілуйко* ‘насмешливое прозвище духовного лица’, «Співає як дяк», «Се ж тільки піп та півень такі дурні, що до світа співають»).

Оценочно-качественные мотивы, в большей степени отражающие представления о чертах характера и особенностях поведения служителей культа, получили отражение в этнолингвистических портретах попа, дьякона и иезуита. Так, отмечаются такие свойства священнослужителя, как глупость ивано-франк. *дурний як ямицький піп* ‘про глупого человека’, ненасытность («Піп з дяком – обидва вовчі горла»), завистливость («Заздрісний як попово око»), лень («Лінь як у попа, а апетит як у вовка»), а также лицемерие иезуитов (львов. *езуїта* ‘коварный, хитрый, жестокий, подлый человек’).

Богослужebные действия, получившие языковое воплощение с помощью ряда акциональных мотивов, полнее всего представлены в портрете попа, однако наиболее яркий мотив, связанный с совершением погребального обряда, исполнение которого, по-видимому, квалифицировалась народным сознанием как основная работа священнослужителя, фиксируется как в этнолингвистическом портрете попа, так и в портрете дьякона («Як умре багатирь, то йде увесь мир; а як умре харпак – тільки піп та дяк»).

Для языковых портретов черного духовенства важными оказываются ситуационные мотивы, с помощью которых транслируются представления о монашеском образе жизни: аскезе, обете безбрачия и затворничестве (*мона́х* ‘про человека, который живет в одиночестве, избегает общения с людьми’, *місяць-черне́ць* ‘луна, первая и последняя четверти которой приходятся на пост’).

Кроме того, для всех служителей культа значимо указание на их социальный статус, место в общественной и церковной иерархии («Не всім ченцям в ігуменах бути», «Між попами піп, між дяками дяк, між вовками вий по-вовчи, між свинями хрюкай по-свинячи»).

Стоит также отметить преобладание паремиологического материала среди представленных фактов. Лексическое выражение получил в основном ряд объективно-качественных мотивов, связанных с внешним видом служителя культа: блестящей и длинной одежды черного (или, в случае с епископом, фиолетового) цвета, готовными уборами, прической и позой, оценочно-качественный мотив лицемерия в портрете иезуита, а также ситуационный мотив затворничества и акциональные мотивы поклонов и выращивания растений, связанные с образом жизни и манерой поведения монахов. В первую очередь это, по-видимому, обусловлено состоянием украинской диалектной лексикографии, в которой преобладают однотомные словари. Такие словари фиксируют большей частью базовую лексику диалекта; довольно редко в них попадают факты вторичной номинации и лексика, относящаяся к сфере сакрального. С другой стороны, мотивы, получившие лексическое выражение, по-видимому, являются особо устойчивыми и, соответственно, значимыми для народного представления о служителе культа.

Использование метода семантико-мотивационных параллелей позволило предложить мотивацию для ряда «темных» фактов: подольск. *но́пики* ‘космея два-

ждыперистая *Cosmos bipinnatus*’ подольск. *попóві очі* ‘бересклет европейский *Euonymus europaeus*’, харьк. *архіерейська мітла*, ‘полынь однолетняя *Artemisia annua* L.’, *капуцін*, ‘настурция большая *Tropaeolum majus* L.’ и др.

2.5. Этнолингвистические портреты служителей культа в белорусском языке

Данный раздел содержит 11 этнолингвистических портретов представителей духовенства. Анализируются семантические дериваты, образованные от названий священно- и церковнослужителей в белорусском языке, а также фразеологические и паремиологические единицы, содержащие такие названия. Выявляется система мотивационных признаков, лежащих в их основе.

Группа **священнослужителей** включает в себя:

➤ **немонастырское духовенство:**

- дзяк;
- ксёндз;
- поп.

➤ **монастырское духовенство:**

- езуіт;
- законнік / законніца;
- манах;
- пустэльнік;
- ігумен / ігумення;
- архіерэй.

В группу **церковнослужителей** входят:

- арганіст;
- панамар.

2.5.1. Священнослужители

2.5.1.1. Немонастырское духовенство

2.5.1.1.1. ДЗЯК, ДЗЯКАН ‘церковный служитель низшей ступени в православной церкви, который помогает священникам во время богослужения’ [ЭСРЛБМ: 219], витеб. ‘псаломщик’ [Каспяровіч: 142].

Портрет белорусского дьякона по сравнению с русским и украинским достаточно скуден. В деривационно-фразеологическое гнездо белорусской лексики входит всего 9 фактов.

Основной функцией дьякона считается церковное **пение**. Из-за особого характера православного пения голос дьякона представляется высоким и неприятным: в пословицах встречаются упоминания, что дьякон *вякает* («Дзякан, не вякай вельмі дужа» [ПД: 162]) или *козлячит* («Поп благатае, а дзяк казлячыць» [Там же: 218]).

Особенностями поведения, которые приписываются белорусскому дьякону, являются **пьянство** («Што дзяк, то п’яніца» [ПД: 245]) и **распутство** (минск. «Муж – с хаты, поп (дзяк, кум) – у хату» [Ліцвінка, Царанкоў: 21]).

Сбор церковных пожертвований нашел отражение в витеб. *дзякоўшчына* ‘сбор подаяния духовенству’ [Каспяровіч: 142] и пословице «Дзяк не поп, бярэ і боб» ‘говорится с осуждением про алчного человека, который ничем не брезгает’ [ТСП: 175]. В последнем выражении также наблюдается **противопоставление** дьякона **попу**, причем отмечается более высокое положение последнего.

Противопоставление попу обнаруживается и в «Поп сагрышыв, а дзяка вешаюць» [ПБП: 250], гродн. «Поп сваё, а дзяк сваё» ‘говорят, когда собеседники никак не могут договориться’ [ЗНФ: 106]. Особый социальный статус дьякона и отличие его от большинства других людей (в деревенской культуре – крестьянства) проявляется в паремии «На бязлюдзі і дзяк чалавек» [ММБС: 32].

2.5.1.1.2. КСЁНДЗ ‘название католического или униатского священника’ [ЭСРЛБМ: 376].

- **Внешний вид**

В витеб., могилев. фитонимах *ксёндз, ксёндзоў плеш* ‘одуванчик *Taraxacum*’: «Ксяндзоў плеш цвіцець раньней вясной» [Каспяровіч: 169; РС: 49] отразилось представление об особой причёске католического священника – тонзуре (плеши) или, с меньшей долей вероятности, особом головном уборе священника – пилеолусе.

• Характеристики поведения, личностные качества

Так как ксендз проповедует нравственное поведение, сам он оценивается с точки зрения соблюдения им моральных норм. Ряд паремий свидетельствует о **несоответствии слов и действий** и общей **греховности** ксендза: минск. «Ксёндз кажа: “Ты рабі так, як вучу, а не так, як я раблю”» [Ліцвінка, Царанкоў: 21], гродн. *праўды як у папá з ксяндзóm* ‘про человека, у которого нет правды’ [СБНП: 326], минск. «Ксёндз моліцца перад фігурай, а мае чорта пад скурай» [Ліцвінка, Царанкоў: 21].

Наиболее яркой чертой характера, приписываемой ксендзу, является его **жадность**: минск. «Ксёндз за грошы і бога прадасць» [Ліцвінка, Царанкоў: 21]. Идея жадности транслируется с помощью двух образов: горла («Папоўскае вока, а ксяндзоўскае горла, то ўсё пажорла» [ПД: 238]) и кошелька ксендза (минск. «У ксяндза кішені бяздонныя» [Ліцвінка, Царанкоў: 22]).

Представления о **целибате**, обязательном для католического священника, нашло отражение в минск. *мно́га як у ксяндза́ жбóнак* ‘о полном отсутствии чего-либо’ [Ліцвінка, Царанкоў: 21; СБНП: 255]. Несоблюдение обета безбрачия проявилось в мотиве **распутства**: минск. «Ксёндз аднымі вачамі глядзіць на маладога, а другімі – на маладую» [Ліцвінка, Царанкоў: 21].

Неясно происхождение выражений типа гродн. *памагчы́ як ксёндз Магдалене* ‘об отсутствии помощи’ [СБНП: 225], гродн. *угадзі́ць як ксёндз Магдулі* ‘про ситуацию, когда не только не угодили, но и поиздевались’ [Там же], гродн. *як ксёндз Магдалене (Магдзе, Магдусі)* ‘совсем не (помогая кому-либо)’ [СДФГ: 231], (*дагадзі́ць*) *як ксёндз магдусі* ‘очень хорошо угодить кому-либо’ [СФБМ 1: 617]. Возможно, здесь также проявились представления о распутстве и нарушении целибата ксендзом. В пользу этой версии свидетельствует контекст: «Калі наш здаравенны чырвоны певень пераможна соскачыў з курыцы, сусед, што быў як раз за нашым двары, пануры дзядзька Ёсіп, сказаў майму бацьку пры мне, шастігадовым смарка-

чу, яшчэ ўсё нявопытна гарадкім: “Во дагадзіў, як ксёнд магдусі”» [СФБМ 1: 617]. Однако в другом пояснении информанта: «Зімой у лапцях хадзіла, а на весну валенкі купіў» [СБНП: 225], скорее проявляется мотив лицемерия ксендза (подробнее о подобных выражениях см. в разделе 2.3.1.4.)

• **Обрядовые действия**

Среди обрядовых действий ксендза отмечается **служение мессы**: минск. «Кожны ксёндз па-свайму правіць мшу» [Ліцвінка, Царанкоў: 21]. В портрете белорусского ксендза можно выделить мотив **окропления**: гродн. *накрапіць як ксёндз крапі́лам, палі́ць як ксёндз крапі́длам* ‘про дождь, который еле-еле накрапывает’ [СБНП: 225], гродн. *як ксёндз крапидлам* ‘немного, едва уловимо (накрапывать и под.) о дожде’: «Які там дошч, як ксёндз крапідлам» [СДФГ: 231], а также мотив произнесения **проповеди**: гродн. *пра́віць як ксёндз з каза́льніцы*⁶⁷ ‘про чью-то связную, умную речь’ [СБНП: 225]. При этом речь ксендза получает положительную оценку: воспринимается как содержательная и складная.

Еще одной обрядовой функцией, которая проявляется в белорусском портрете ксендза, но не находит отражения в других языках, становится **освящение** им жилища: *ксёндз-дабрадзе́й, пасьвяня́ці хатку: німа парадку* ‘если в доме непорядок, но неясно, кто виноват, наверное, черт’ [Аксамітоў: 56].

Обращается внимание и на то, что основной **доход** ксендзу приносит исполнение церковных обрядов: витеб. «Вяселле, хрысціны – ксёндзу добрыя гадзіны» [Ліцвінка, Царанкоў: 20]. А так как эти обряды сопровождают самые значимые события человеческой жизни, ксендз никогда не останется без средств к существованию: «Ксёндз і доктор і ў лесе з голада не памруць (не памрэ)» ‘священники и врачи всегда найдут себе занятия, а значит, и средства на жизнь’ [ТСП: 440].

• **Общая связь со сферой сверхъестественного**

Связь со сферой сверхъестественного, а также представление о греховности белорусского ксендза отразились в двух паремиях, соотносящих его с чертом: минск. «Ксёндз мо́ліцца перад фі́гурай, а мае чорта пад скурай» [Ліцвінка, Царанкоў: 21], гродн. «Ксяндза судзяць не людзі, а чэрці» [Там же]. При этом выражения, в которых *ксендз* и *чорт* находятся в отношениях оппозиции, в белорусском языке, кажется, не фиксируются.

⁶⁷ *Казальница* – балкон в костеле, откуда ксендз выступает со своими речами [СБНП: 225].

Таким образом, портрет белорусского ксендза является достаточно скудным по сравнению с аналогичным в польском языке, однако более разработанным, чем в украинском. Основной анализируемый материал составляет паремиология, лексическое выражение получает лишь объективно-качественный мотив тонзуры, а акциональные мотивы окропления и проповеди и ситуационный мотив целибата выражаются при помощи фразеологии.

2.5.1.1.3. ПОП ‘разг. священник’ [ТСБМ 4: 291].

• Внешний вид

Характерной чертой внешнего вида белорусского попа является его **одежда**. В паремиологии получило отражение богослужебное облачение, которое воспринимается как один из маркеров священника, **риза**: «Калі не поп, <дык> не ўбірайся ў рызы» [Аксамітоў: 50; ПД: 129; ТСП: 259], «(Калі) не поп, (дык то) не апранайся (не прыбірайся, не ўбырайся) у рызы (у рызу)» [РБПС: 179], «Калі не поп, так і рызы не налявай (пець не будеш)» [Там же], «Калісь не поп, не адзявайся у рызу» [Там же], «Раз не поп, не адзявай рызу» [Там же], *не поп – не ўбірайся ў рызы* ‘не занимайся не своим делом, не берись за то, что делать не умеешь’ [Колас: 416], *не ўчы папа рызы надзяваць* ‘про мастера, которому не нужны ничьи советы’ [Аксамітоў: 188]. Среди признаков священнической одежды выделяется ее **ширина**, точнее, ширина ее рукавов: *могилев. рукавы́ як у папа́* ‘про расклешенные к низу рукава’ [СБНП: 326]. Как и в русском языке, отмечается и неподобающая попу одежда – **рогожа**: *папа знаюць і ў рагожцы* ‘всем известно, легко распознается’ [Аксамітоў: 188].

Другой особенностью внешности попа, закрепленной в языковой традиции, является его **прическа**. Отражение получает в первую очередь позднейший тип прически православного священнослужителя – длинные волосы: *гродн. ко́сы як у папа́* ‘про человека с длинными волосами’ [СБНП: 326], *брест., витеб., минск. зарасці́ (абрастí) як поп* ‘про долго не стриженного человека’ [Там же], *кудла́ты як поп* ‘то же’ [Там же].

Представления о внешности священнослужителя, по-видимому, легли в основу некоторых фитонимов. Сюда относятся названия нивяника, сердцевина цветка которого напоминает священническую скуфью или выстриженную тонзуру, а ле-

пестки – волосы вокруг них: могилев. *папы́, папкі́*, минск. *папо́вка палявая* ‘нивяник обыкновенный *Leucanthemum vulgare* Lam.’ [РС: 109]. Тонзуру или скуфью своей формой напоминают и цветы одуванчика (гомел., могилев. *папо́к* ‘одуванчик *Taraxacum*’ [РС: 49], гомел. *поп* ‘то же’ [БММ 6: 203]), также эту мотивацию можно предположить для названий растений с цветами в форме шара: короставника (грод. *папкі́, по́нікі* ‘короставник полевой *Knautia arvensis*’ [РС: 161]) и клевера (могилев. *папо́к* ‘красный луговой клевер *Trifolium pratense*’: «Давай будем папкі ссаць – яны сладкія» [Бялькевіч: 315]). Дополнительным мотивирующим фактором для возникновения этих номинаций стало сходство стебля растения с фигурой стоящего человека.

Образ одинокой **прямостоящей** человеческой фигуры обнаруживается и в гомел. лексеме *поп* ‘снежная баба’ [СТ 4: 165]. Подобно другим исследуемым языкам, в белорусском отмечается группа лексем, обозначающих вертикальное положение (*на папа ставіць (паставіць)* ‘стоймя, вертикально’ [СФБМ 2: 177; ТСБМ 4: 291], гомел. *напопа́, на попа́* ‘стоймя, вертикально’ [СТ 3: 151; 4: 165]), и названий предметов, имеющих такое положение (гомел. *поп* ‘перо лука’ [БММ 6: 203], могилев. *папо́к* ‘деревянная ручка на середине косьевища, которая служит для облегчения косьбы’ [СГТС: 66]⁶⁸, могилев. *поп* ‘несколько связанных снопов, которыми прикрывают сжатую копу от дождя’: «Плахей ты зьдэльыў поп, будзіць працікаць, як дождж пойдзіць» [Бялькевіч: 336], могилев. *поп* ‘большой сноп, которым накрывается копна или суслон’ [СНЛМ 2: 264]⁶⁹).

• Характеристики поведения, черты характера

Основной чертой характера, которой наделяется белорусский поп, является его **жадность**: «У папа рэшты не пытайся» [ПД: 218], у *мельніка астача, а ў папа нет здачы* ‘и тот, и другой никогда ничего не возвращают’ [Аксамітоў: 197], минск. «Поп за грошы і бога прадасць» [Ліцвінка, Царанкоў: 21]. Этот мотив выражен через несколько образов: **брюха** (гродн. *судзейскі карма́н што папоўскае бру́ха* ‘про алчность обозначенных служителей’ [СБНП: 59]), **кармана** (могилев. «Паповы кішені ніколі не напоўніш» [Ліцвінка, Царанкоў: 21], минск. «У папа (ксяндза) кішені бяздонныя» [Там же: 22]). Наиболее популярным образом, запе-

⁶⁸ Вероятно, здесь важно положение ручки по отношению к косьевищу.

⁶⁹ В двух последних фактах также важен большой размер и верхнее положение снопов, связанные с представлением о главенстве и высоком социальном статусе попа.

чатлевающим жадность и завистливость попа, является образ поповых **глаз**: слущк. *папоўскае вока* ‘завистливые, жадные’ [ЖСл: 74], *папоўскае во́ка* ‘кто-нибудь очень жадный, завистливый’: «Што ўбачыць, та мусіць заграбыць, бо у яго папово воко» [ЗНФ: 58; СФБМ 1: 204], гродн. *завісны (зайздросны) як папóвы во́чы (папóва во́ка)* ‘про очень завистливого, алчного человека’ [СБНП: 84], «У папа вочы завідушчыя, а рукі заграбушчыя», «Папоўскае вока бачыць далёка», «Папоўскае вока, а ксяндзоўскае горла, то ўсё пажорла», «Папоўскае ока не насыціш», «Папоўскія очы завідучыя, папоўскія рукі заграбушчыя» [ПД: 238], гомел. «У папа вочы завідушчыя, а рукі заграбушчыя» [Ліцвінка, Царанкоў: 22].

Язык не обходит вниманием и интеллектуальные качества попа, причем в одних случаях подчеркивается его **глупость**: *умен як поп Семен* ‘не очень умный’ [Аксамітоў: 141], в других – **разумность**: *быў бы папом, да галава кляпом* ‘говорят с неодобрением про того, кто мог бы добиться какой-либо жизненной цели, если бы разумно себя вел’ [ТСП: 105].

Паремиологический материал указывает на некоторые **нормы поведения**, которые должен соблюдать поп, однако отмечаются они в основном через описание отклонений. Одним из таких отклонений является **несоблюдение поста**: гродн., гомел. *ла́сы як поп на каўбасы* ‘про человека, падкого на что-то’ [СБНП: 326], могилев. «Добра пост: папу рыбкі, а мужыкам – гула смаленая» [Ліцвінка, Царанкоў: 21], минск. «Поп у вялікі пост кажа: “Грэшна толькі тое, што з вуснаў выходзіць, але не тое, што ў вусны ўваходзіць”» [Там же: 22]. Один факт указывает на **распутство** попа: минск. «Муж – с хаты, поп – у хату» [Там же: 21]. С представлением о распутной жизни попа может быть связано и выражение брест. *дагадзіць як поп Магдалене* ‘совсем не угодить, а подшутить над кем-либо’ [СБНП: 326] (подробнее о подобных выражениях см. разделы 2.3.1.4 и 2.5.1.2).

Лицемерие священнослужителей и несоответствие их слов действиям проявилось в выражениях гродн. *праўды як у папá з ксяндзóm* ‘про человека, у которого нет правды’ [СБНП: 326], могилев. «Папы заглушаюць праўду малітвамі» [Ліцвінка, Царанкоў: 21].

Представления о греховности попа, вероятно, повлияли и на изображение его посмертной участи: гомел. «Поп на том свеці за собаку» [СТ 4: 165].

• Семья

В белорусской паремиологии возникают образы поповой жены (*пападзя*) и дочерей: «Хто любіць папа, хто пападдзю, а хто папову дачку» [ПД: 244], «Хто любіць папа, а хто пападзю (а я, дурачок, люблю паповых дачок)» [РБПС: 230], *каму падабаецца поп, каму пападдзя, а каму папова дачка* ‘у каждого человека свой вкус, свой взгляд на вещи’ [Колас: 416].

Тесная связь **попадъи** с попом отмечается в паремиях: «Калі папу ўдаецца, то й пападдзя смяецца» [ПД: 218], «Як (калі) папу ўдаецца, то і пападзя смяеца» ‘жена радуется, довольна, когда у мужа все хорошо, все удается’ [ТСП: 626].

В характере попадъи замечаются такие черты, как **хитрость** (гродн. *хітры як наша пападдзя* ‘про кого-либо очень хитрого’ [СБНП: 305]) и **завистливость** (*зайздрóсны як пападдзя* ‘про кого-либо очень завистливого’ [СБНП: 305]). Отмечается также ее **ухоженность** («Не дзіва, што у папа жонка гладка» [ПД: 170]), связанная, по-видимому, с благополучной и богатой жизнью, которую ведут поп и попадъя. В паремии «Жонка ў папа бы капа» [ПД: 218], вероятно, отразилось представление о **толщине** попадъи, из-за которой она походит на копну сена (ср. рус. ворон. *попадъя* ‘бранно о толстой женщине’); дополнительным языковым фактором, поддерживающим это сравнение, является рифма *папа – капа*. Еще одной характеристикой попадъи, связанной с ее благополучной жизнью, становится **привередливость**: *наелася пападзя круп, дык жарствы* <дресва, дробленый камень> *захацела* ‘говорится с неодобрением про того, кто стал привередливым от сытости или безделья’ [ТСП: 339].

Одним из наиболее ярких мотивов в языковой разработке образа попадъи становится мотив **последней жены**: *апо́шняя* <последняя> у *папа́ жонка* ‘употребляется как реакция собеседника на слово *апошні* <последний>’: «Не, не апошні. – Занясі маю сукенку ў камісійны. Чорт яе бяры, нажывём пасля. – Тады ўжо лепш свій касцюм занясу... – Апошні свой? – У папа жонка ... апошняя. А чым благі на мне?» [СФБМ 1: 423], *апошняя у папа жонка* ‘говорят тому, кто не хочет отдавать последнего, а также в качестве отказа на застольный призыв выпить чарку: «Дай Бог не апошняю!»’ [Аксамітоў: 18]. Возникновение данного мотива связано с запретом православным священникам в случае смерти первой жены жениться вторично (подробнее об этом мотиве см. раздел 2.2.1.1.4).

Отмечается **зависимость** папады **от попа** и потеря ею высокого статуса в случае смерти мужа: «Датуль пападдзя княгіня, пакуль поп не згіне» [ПБП: 65], «Патуль пападдзя княгіня, пакуль поп не згіне» [Аксамітоў: 158].

Образ **поповой дочки** рисуется с помощью двух мотивов. Во-первых, это мотив благополучной, спокойной жизни: гомел. *спаць як папóвы дóчкі* ‘спать спокойно, бесхлопотно’ [Кусянкова: 37]. Во-вторых, подобно пападье поповна представляется ухоженной: «Папоўна гладка як аладка» [ПД: 149].

• **Хозяйство**

Жизнь белорусского попа воспринимается как **богатая и благополучная**. Обыгрывается это представление, во-первых, в образе рая на земле, которым видится жизнь попа (минск. «Папу на зямлі рай і неба – жыве і паміраць не треба», минск. «Папу і на гэтым свеце рай» [Ліцвінка, Царанкоў: 21]), во-вторых, в сопоставлении попа с котом («Цяпер жытка папам ды катам» [ПД: 218], могилев. «Добра ўзімку кату, а ўзімку і улётку – папу» [Ліцвінка, Царанкоў: 21]). В последнем случае кроме общего «высокого качества жизни» важно также фонетическое сходство слов *поп* и *кот*.

Распространенной группой мотивов, проявленных в белорусской паремиологии, стали мотивы, указывающие на способ получения попом **дохода**. Во-первых, указывается, что деньги и продукты поп получал непосредственно **от прихожан** (минск. «Поп кажа людзям: “Кайцеся ад граха”. З аднога бярэ курыцу, а з другога – петуха» [Ліцвінка, Царанкоў: 21], могилев. «Дзве рукі, абедзве аднолькавыя, але грабуць па-рознаму; пан і поп – аднога поля ягады, але кожны абдзірае мужыка па-свойму» [Там же], могилев. «Папу дай, ды яшчэ ў руку пацалуй» [Там же], «Поп з жывога й змарнага <памерлага> дзярэ» [ПД: 218]), а также **исполняя церковные обряды** («Поп жыве з алтара, а пісар – з панамара» [ПД: 218], «Радзіся, хрыстыся, жаніся, памірай – за ўсё грошы аддай папу» [Там же], могилев. «Поп моліцца не дарма, а за грошы» [Ліцвінка, Царанкоў: 21]). Так как церковными обрядами сопровождались основные этапы человеческой жизни, плата попу стала восприниматься как **неизбежная**: «Галасі не галасі, а попова аддай, аддасі» [ПД: 218], *папова ня высахла, ня вымакла* ‘поп одинаковую плату берет за услуги, хоть крестьян нет урожая’ [Аксамітоў: 80], «Ці хто родзіцца, ці ўмірае, поп нікога не мінае» ‘про необходимость платить попу при крещении, погребении и в других случаях’ [ТСП:

572]). **Негативная оценка** оплаты поповских услуг выразилась в ее сопоставлении с воровством: минск. «Поп не крадзе – яму самому нясуць» [Ліцвінка, Царанкоў: 21].

В паремиях «Іван не поп, бярэ і боб» [ПБП: 179], «Я такі поп, то бяру й боб» ‘говорят про человека, который ничем не брезгует, приговаривает так продавец товаров, когда в счет платы берет зерно’ [Аксамітоў: 130], «Дзяк (Іван) не поп, бярэ і боб» ‘говорится с осуждением про алчного человека, который ничем не брезгует’ [ТСП: 175], «Добрае сено, каб пасаліў, то і поп з’еў бы» ‘про хорошее, вкусное сено’ [Там же: 177] отразилась разборчивость попа в приношениях. Представления о привередливости попа, вероятно, легли в основу выражения «Наелся поп круп, дык жарствы захацеў» [Там же: 339] (ср. *наелся пападзя круп, дык жарствы* <дресва, дробленный камень> *захацела* ‘говорится с неодобрением про того, кто стал привередливым от сытости или безделья’).

В языковом портрете попа получила отражение и совместная работа крестьян на попа или, вероятнее, в церкви или на церковном участке – **попова толока** (бел. *талака́* ‘форма крестьянской взаимопомощи или крепостная повинность’). При этом отмечается ложное, показное усердие крестьян на такой работе: гродн., слущк. *завіха́цца як на папоўскай талацы́* <усердствовать как на поповской толоке> ‘про показное усердие во время какой-либо работы’ [СБНП: 422], «Завіхаецца як на папоўскай талацы» [ПД: 295]. С другой стороны, отмечается показное усердие на толоке и самого попа: гродн. *завіха́цца як поп у талацэ́* ‘про человека, который кажется трудолюбивым, но на самом деле бездельничает’ [СБНП: 326].

В белорусской языковой традиции фиксируется также образ попова **работника / работницы**: *ні папу ні паповай наймі́цы* ‘малое, незначительное количество’ [СБНФ: 182]. При этом отмечается их медлительность в работе: «Ато ж, ліха яго вазьмі, які таўлуй: ты яго хочь цэпам малаці, а ён чуць варушыцца, бы папоў парабак» [ПД: 121].

Среди **животных**, которых содержит белорусский поп, упоминаются **свинья** и **кошка** (*папова мурза* [ПД: 64]). Основным свойством поповой свиньи считается глупость: брест. *разу́мны як папо́ва свіння́* ‘про чей-то небольшой ум’ [СБНП: 385], а среди характеристик кошки подчеркиваются ее прожорливость (гродн. *набра́цца як папо́ва Му́рза* ‘про очень пьяного человека’ [СБНП: 270], ср. *набра́цца як Му́рза*

масля́нкі (жо́му, заці́ркі, кі́шак, ко́стак) ‘то же’ [Там же]) и неопрятность (случк. *чо́рна як папо́ва Му́рза* ‘про неприятную, неухоженную женщину’ [Там же]). В последнем факте, по-видимому, важным является указание на черный цвет, который является одним из маркеров духовенства, но не проявлен непосредственно в образе белорусского попа.

• Обрядовые действия

Поп тесно связан с церковной жизнью и церковью и считается одним из ее неизменных «атрибутов»: *быў у царкві, а папа не відзеў* ‘не заметит самое главное’ [Аксамітоў: 187].

Деятельность попа отличается от традиционной работы крестьянства и представляется **легкой** (могилев. «Ад малітваў спіна ў папа не забаліць» [Ліцвінка, Царанкоў: 20]) и **бесполезной** (минск. *кары́сці як з папá* ‘про человека, от которого нет никакой пользы в работе’ [СБНП: 326]).

В паремиологии отражаются представления об обряде **обедни**, который исполняет поп («Поп па дзве абедні не служыць» [ПД: 111], минск. «Кожны поп па сайму правіць абедню» [Ліцвінка, Царанкоў: 21]). В паремии «Поп служыць не дзеля Ісуса, а дзеля хлеба куса» [ПД: 327], по-видимому, подразумевается таинство **причастия**. Уделяется внимание речевым жанрам **молитвы** (минск. *малі́цца як поп на іко́ну* ‘про искренние мольбы, увлечение кем-нибудь’ [СБНП: 327]) и **проповеди** (*як папа ў царкве (слухаць)* ‘внимательно, с интересом (слушать)’): «Дык не дзіва, што аратара нашы людзі слухалі лепш, як папа ў царкве» [Колас: 394]). Отмечается зависимость их содержания от личных качеств попа: «Што ні поп, то свая малітва» [РБПС: 238], «Што новы поп, то новая проповедзь» [РБПС: 205], гомел. «У дурного папа і дурная молітва» [СТ 4: 165], «Новы поп, новае і маленне» [РБПС: 205], «Што (ні) поп, но новыя (і) пацеры <молитва>» [Там же: 238]. С проповедью, очевидно, связано и **приобщение** прихожан к **церковным традициям**, которым занимается поп: «Без папа ведаю, што ў недзельку свята» [ПБП: 131], *без папа ведаю, што ў недзелю свята* ‘не нужно напоминание, поучение’ [Колас: 394], *я ведаю й біз папа, што ў недзелю сьвята* ‘про очевидную истину и того, кто берется выявлять наличие этой истины’ [Аксамітоў: 124]. Отмечается также **чтение** попом **Библии**: витеб. *учыта́тыца як поп у Бі́блію* ‘про человека, который углубился в чтение’ [СБНП: 327].

Основным свойством богослужебной **речи** является ее **напевность**: «Поп запяе, а каваль закуе» [ПД: 132], «Калі не поп, так і рызы не налзявай (пец не будеш)» [РБПС: 179], слущк. *перагуквацца от не раўну́ючы рыхтык поп з дзяко́м у цэ́ркви* <перекликиваться, точно поп с дьяконом в церкви> ‘про чьи-то слаженные распевные переговоры’ [СБНП: 327]. Кроме того, отмечается **красноречие** попа: слоним. *пра́виць як поп у цэ́ркви* ‘про чью-то хорошую умную речь’ [Там же], *ба́яц як поп, а слуха́ц нечава* ‘про людей, которые хорошо говорят, но ненужное’ [Там же: 326]. Красноречие и многословие священника определяют возникновение в его портрете мотива **обмана**: *хлусі́ць як поп* ‘про человека, который хорошо врет’ [СБНП: 327].

Получили языковое отражение и невербальные составляющие церковной службы: **каждение** (брест. *носы́тыся як поп з кады́лом* ‘о поведении одержимого человека’ [СБНП: 327], брест. *як поп з каді́лом носі́ся* ‘про одержимого человека’ [Міхайлаў, Трунава: 146], *каму што, а папу кадзі́ла* ‘говорят иронично про того, у кого всегда на уме одно и то же’ [ТСП: 266]) и **окропление** (гродн. *папы́рскаць як поп крапі́длам* ‘про кратковременный небольшой дождик’ [СБНП: 327]). Сходство форм церковного кропила и растения послужило основой для образования гродн. *папоўні́к* ‘донник белый *Melilotus alba*’ [Анненков: 212; РС: 109], витеб., могилев. *папоўні́к* ‘таволга обыкновенная *Spiraea filipendula*’ [Анненков: 339; Каспяровіч: 229].

Таинство **исповеди**, которую принимает поп, отразилось в выражениях брест., гродн. *расказа́ць як папу́ на спове́дзі* ‘про искреннюю, открытую речь, рассказ’ [СБНП: 326], гродн. *як папу́ на спроведзі́* ‘честно открыто (рассказать и под.)’ [СДФГ: 240]. В этих примерах возникает мотив откровенности, которую должен проявлять исповедуемый.

Еще одним таинством, отмеченным в белорусской языковой традиции, стало таинство **крещения**. Внимание уделяется двум аспектам обряда: во-первых, тому, что он совершается за деньги: *кумоўство ні папоўства: ні прыданства ні панства* ‘хоть кум и поп вместе крестят ребенка, но поп за крещение берет деньги, а кум платит попу и роженице дарит подарок’ [Аксамітоў: 56]. Во-вторых, фиксируется представление о том, что тот, кого крестят, приобретает некоторые черты священника, совершающего обряд: гродн. *дурным папом хрышчаны* ‘очень решительный,

неуравновешенный, непредсказуемый в своих действиях» [СДФГ: 62], *дурны́ поп хрысціў* ‘кто-то глупый или наивный, недогадливый’: «Дурны цябе поп хрысціў... Карысці сваёй не бачыць» [СФБМ 2: 234], *шалёны поп хрысціў* ‘про неуравновешенного, склонного к необдуманным поступкам человека’ [ТСБМ 4: 291].

Среди обрядовых действий священника важное место занимает **погребальный обряд**. Поп воспринимается как обязательный участник погребения: «Умер багатыр – за нім ідзе весь мір, ўмер худачок – ідзе поп да дьячок» [Аксамітоў: 163]. С этим, а также с пространственной близостью дома попа к церкви и кладбищу связано представление об особых отношениях попа со **смертью**. В белорусском языке оно проявляется через образ поповых саней, на которые попадает умерший: *на папóвы сáні збірацца* ‘умирать’: «Дзед ужо чуць кляваіць, на паповы сáні збіраецца» [СФБМ 2: 364], *выхаваў на папові сáні* ‘смерть, конец’ [Федароўскі: 241], *глядзець на паповы сáні* ‘очень плохо чувствовать себя, быть больным, готовиться к смерти’ [Янкоўскі: 107].

• **Связь со сферой сверхъестественного**

Сакральный статус священника определил его участие не только в церковных, но и в некоторых ритуалах земледельческой магии: священники участвовали в обрядах выкликания дождя или катались по полю, чтобы лучше уродилось жито или лен. С последним обрядом связан приговор «Які папок, такі лянок» [БФ: 359].

Ярче всего сакральность попа и его принадлежность к сфере сверхъестественного выражена через **сопоставление** его с **чертом**. При этом образ попа может противопоставляться образу черта (*поп сваё, а чорт сваё: аддай маю малітву* ‘когда два работника друг другу не уступают, так говорят про упертого человека, с которым тяжело договориться’ [Аксамітоў: 83; ТСП: 440], гомел. «Поп за свое, чорт за свое» [СТ 4: 165]). Эти персонажи могут находиться в отношениях вражды (гродн. *паглядаць як чорт на папá* ‘про человек, который пристально, враждебно смотрит’, гродн. *цягнуць як чорт за папóм* ‘про кого-то, кто неотступно преследует другого’ [СБНП: 461]). С другой стороны, отмечается их сходство, участие в одних и тех же ситуациях: гродн. «Папы і чэрці адной шэрсці», минск. «Дзе поп з кадзілам, там і чорт з качаргой» [Ліцвінка, Царанкоў: 21]. С подобием попа и черта, а также общей греховностью первого связано представление о том, что попа судит черт: гродн. «Папа судзяць не людзі, а чэрці» [Ліцвінка, Царанкоў: 21], ср. также

пословицу, описывающую посмертное положение попа: гомел. «Поп на том свеці за собаку» [СТ 4: 165].

- **Социальное положение**

При характеристике социального статуса попа отмечается его неизменность: *карóста ні папоўства: сем год адбўдзіць, тады ні бўдзіць* ‘про временность чего-либо в отличие от духовного сана, который дается навсегда’ [СБНП: 306]. В выражениях гродн. *сноп ад снапа́ як поп ад папа́* ‘про редкие снопы на ниве, плохой урожай’ [СБНП: 327], «Сноп да снапа – як поп да папа́» [ПБП: 44] указывается на то, что один приход обслуживался одним священником, причем приходы (а следовательно, и прикрепленные к ним попы) находились на значительном расстоянии друг от друга.

Место попа в церковной иерархии определяется через сопоставление его с другими чинами. В портрете белорусского попа отражено только его сопоставление с **дьяконом**: «Поп сагрышыв, а дзяка вешаюць» [ПБП: 250], гродн. «Поп сваё, а дзяк сваё – гаворят, когда собеседнікі нікак не могуць договоріцца» [ЗНФ: 106].

Сопоставляется православный поп также и с **католическим священником – ксендзом**: гродн. *праўды як у папа́ з ксяндзо́м* ‘про человека, у которого нет правды’ [СБНП: 326], «Папоўскае вока, а ксяндзоўскае горла, то ўсё пажорла» [ПД: 238].

Особый социальный статус попа подчеркивается его **противопоставлением крестьянству**: *ста́расьць не ра́дасть, а поп не ся́бра* ‘про хлопоты и тяжесть старческих лет’ [СБНП: 345], *як на безлюдзі, то і поп людзі* ‘говорят, когда нет достойного человека, или стоящей внимания вещи’ [Аксамітоў: 139], могилев. «Добра пост: папу рыбка, а мужыкам – гула смаленая» [Ліцвінка, Царанкоў: 21].

Другим персонажем, которому противопоставляется поп, является **скомо-рох**: «Поп скамароху не таварыш» [ПБП: 150], «Скамарох папу не друг» [Там же: 23], *скамарох папу не таварыш* ‘про людей разных по характеру, социальному статусу, способностям и т. д.’ [Аксамітоў: 193; АФБП: 37]. В данном случае важной оказывается разность культур: церковной, представителем которой является поп, и развлекательной, карнавальной, осуждаемой церковью культуры скоморошества. Вероятно, эта же идея легла в основу выражений, подчеркивающих абсурдность картины, представляющей попа с народными музыкальными инструментами: мо-

гилев. *хадзіць як поп з балалайкаю* ‘про человека, который нелепо ведет себя’, гродн. *трэба як папу гармёня (гармонік)* ‘про что-либо ненужное’ [СБНП: 327], гродн. *як папу гармонік* ‘совсем не нужен’ [СДФГ: 240].

Кроме того, поп противопоставляется **цыгану** («Цыган папу не таварыш» [ПД: 244], «Цыган папу не сябар» [АФБП: 37]) и **войту**⁷⁰ («Вайтоўства не папоўства» [ПД: 93]).

При этом поп сопоставляется с другими, «чужими» для крестьянства слоями населения: **паном** (*паньі як паньі, а паняты як шчаняты, яшчэ гóршыя* ‘про людей высших слоев (неприязненно)’ [СБНП: 326], могилев. «Дзве рукі, абедзве аднолькавыя, але грабуць па-рознаму; пан і поп – аднаго поля ягады, але кожны абдзірае мужыка па-свойму» [Ліцвінка, Царанкоў: 21], могилев. «Пан і поп аднім мурам мазаны» [Там же]) и **врачом** («Поп і доктор і ў лесе з голада не памруць (не памрэ)» ‘священники и врачи всегда найдут себе занятия, а значит, и средства на жизнь’ [ТСП: 440]).

* * *

Таким образом, в портрете белорусского попа выявляются мотивы-атрибуты, связанные с чертами облика священнослужителя (широкой одежды, ризы, длинных волос) и его социальным статусом; субъективно-качественные, характеризующие черты его характера (мотивы жадности, глупости, лицемерия); акционально-объективные мотивы проповеди, причастия, исповеди, крещения и др.; акционально-субъективные мотивы воровства и красноречия, а также ситуационные мотивы, связанные с бытом и семьей белорусского священника (попадьи и поповны, поповского работника, свињи и кошки).

К выраженным лексически мотивам относятся мотивы, связанные с внешним видом служителя культа (особенно активно представлен этот мотив в группе номинаций растений), субъективно-качественный мотив жадности, лексически проявленный в образе поповых глаз, некоторые акциональные мотивы, связанные с действиями служителя культа во время богослужения и богослужебными атрибутами (кропления, крещения и исповеди). К числу лексически маркированных можно отнести ситуационные мотивы смерти и единственной (последней) жены, которую

⁷⁰ Городскому старосте, главе магистрата.

имеет поп. Другие мотивы выражены в основном при помощи паремиологического материала, и, очевидно, имеют меньшую степень закреплённости в традиционной символической картине мира.

2.5.1.1.4. АРХІЕРЭЙ ‘общее название духовных лиц высшей ступени христианской церковной иерархии’ [ЭСРЛБМ: 66].

Высокий социальный статус и значительность фигуры архиерея подчеркивается в выражении слущк. *услугóўаць бы архірэя* ‘про деликатное, старательное обслуживание какого-нибудь важного человека’ [СБНП: 33].

2.5.1.2. Монастырское духовенство

2.5.1.2.1 ЕЗУІТ ‘член католического монашеского ордена Товарищества Иисуса, созданного в 1534 г. испанским дворянином Игнатием Лойолой для борьбы с Реформацией и укрепления католичества’ [ЭСРЛБМ: 237].

Единственным мотивом, который проявляется в портрете белорусского иезуита, становится мотив обмана и криводушия: могилев. *езуітка* ‘криводушная, вероломная женщина’: «Што пру другіх гываріць, ты ны сваю сястру пыглядзі, ізуітка ты нішчасныя», *езуітачка* ‘криводушная, вероломная женщина’, мцисл. *езуіціна, езуіцішча* ‘то же’ [СНЛМ 1: 138], могилев. *па-езуіцку* ‘криводушно, вероломно’ [СНЛМ 2: 112] (подробнее о данном мотиве и причинах его возникновения см. в разделе 2.3.2.2.4).

2.5.1.2.2. ЗАКОННІК, ЗАКОННІЦА⁷¹

Данное деривационно-фразеологическое гнездо включает всего один факт, указывающий на тесную связь законницы с церковью и ее строгое следование всем церковным требованиям и обрядам: минск. *закóнніца* ‘верующая, которая неуклонно выполняет наставления церкви’: «Жду я, паглядаю на слонца, а цётка ш законьніца, пакуль адмалілася ды пакуль прышкрэбалася – ужо й надвечер» [СГЦРБ 1: 147].

⁷¹ В доступных нам словарях белорусского языка это слово не зафиксировано, но включено в исследование, так как в значении ‘монах’ оно фиксируется в польском языке.

2.5.1.2.3. МАНАХ ‘член религиозной общины, который живет в монастыре и ведет аскетичный образ жизни в соответствии с монастырскими правилами’ [ЭСРЛБМ: 428].

Языковой портрет белорусского монаха создается на основе всего нескольких фактов. Во-первых, это народное выражение, разрабатывающее мотив строгости и степенности поведения монаха: *сядзёць як манáх* ‘о подчеркнуто строгом человеке’ [СБНП: 344]. Во-вторых, эмотивные единицы *ну ягó (яé, íx) к манаха́м* ‘высказывание недовольства, досады, отказ, нежелание что-либо делать’ [СФБМ 2: 19], причиной возникновения которых послужила **сакральность** и некоторая **демоничность** фигуры монаха. Кроме того, в данных выражениях мог отразиться тот факт, что монахи ведут уединенную жизнь за пределами городов и деревень.

2.5.1.2.4. ПУСТЭЛЬНИК ‘христианский подвижник, который добровольно заключает себя на всю жизнь в пещеры, кельи, в пустыни или на недоступные скалы на море, чтоб отдаться там постоянной молитве’ [СБНП: 581].

Портрет пустынника включает один мотив **уединенной жизни**, проявленный в лексеме *пустэльнік* ‘про человека, который живет в одиночестве в безлюдном месте’ [ТСБМ 4: 524].

2.5.1.2.5. ИГУМЕН ‘монашеский титул, который дает право на получение должности настоятеля монастыря’ [ЭСРЛБМ: 272], **ИГУМЕННЯ** ‘настоятельница греко-католического или православного женского монастыря’ [Там же].

В нашем материале образ белорусского игумена представлен одной паремией – могилев. «Добра пост: ігумену рыбка, а браціі – гула смаленая» [Ліцвінка, Царанкоў: 21]. В ней отражается, с одной стороны, **связь** игумена с **монахами** и его более высокое положение, с другой – **несоблюдение** им **поста**.

Чертой облика игуменьи, приписываемой ей языком, является ее **полнота**: гомел. *ба́ба што ігу́менша (тоўстая)* ‘про толстую, полную женщину’ [СБНП: 175], гомел. *игу́менша* ‘толстая неповоротливая женщина’: «Гэта баба, што ігу́менша, тоўстая, нічога не робіць» [БММ 4: 186].

2.5.2. Церковнослужители

2.5.2.1. АРГАНІСТ ‘музыкант, который играет на органе’ [ТСБМ 1: 263].

Наш материал включает три однотипные паремии, составляющие белорусский языковой портрет органиста: «Не арганіст – не перебіраю» [ПБП: 115], «Я не арганіст, пальцамі не перабіраю» [ТСП: 629], *я не арганіст, не перабіраю* ‘я не привередливый’ [Там же]. Данные пословицы строятся на обыгрывании двух значений глагола *перабіраць* ‘ритмично касаться чего-либо пальцами’ и ‘быть излишне требовательным при выборе кого-нибудь, чего-нибудь’ [ТСБМ 4: 263]. Таким образом, с одной стороны, в них запечатлено основное занятие органиста – игра на органе (перебирание клавиш), с другой – они разрабатывают связанный с достаточно низким социальным статусом и имущественным положением мотив не-привередливости органистов в жертвованиях и приношениях.

2.5.2.2. ПАНАМАР ‘церковнослужитель, прислуживающий в алтаре’⁷².

Единственная черта, отмеченная в этнолингвистическом портрете белорусского пономаря – его **речь**, которая представляется **монотонной** и **невыразительной**: *залáдзіць як панамáр* ‘про чье-то монотонное, скучное, невыразительное чтение, произношение’ [СБНП: 304].

Выводы

Итак, нами выявлены основные мотивы, составляющие этнолингвистические портреты белорусского духовенства. В белорусском, в отличие от других исследуемых языков, в равной степени представлены портреты православного и католического духовенства. Выявляется достаточное количество образов низшего духовенства: дьякона, пономаря, органиста, однако из образов высших священнослужителей на основании белорусского материала воссоздается только портрет архиерея, включающий лишь один мотив высокого социального статуса.

Стоит отметить, что наполненность портретов очень неоднородна. Объемен портрет попа (175 лексико-фразеологических единиц), достаточно наполнены материалом портреты ксендза (23 единицы) и дьякона (10 единиц). В портретах же других служителей культа вырисовываются лишь отдельные черты (в большинстве

⁷² В доступных нам белорусских словарях это слово не зафиксировано.

своем одна-две), портреты архиерея и пономаря строятся на основе одного факта, портрет органиста – на основе 4. Подробно не разработаны портреты монастырского духовенства⁷³: портреты законника и пустынника содержат по одному лексико-паремиологическому факту, портрет монаха – 2, иезуита – 4. Тогда как в других исследуемых языках они представлены большим количеством фактов и разнообразием мотивов.

Основные мотивы и их количество в каждом гнезде см. в приложении 4.

М о т и в ы - а т р и б у т ы, характеризующие внешний вид, проявлены только в портретах служителей средней степени иерархии: попа и – частично – ксендза. Сюда относятся мотивы ризы («Калі не поп, не ўбірайся ў рызы»), ширины рукавов (могилев. *рукавы́ як у папá* ‘про расклешенные к низу рукава’), длинных волос (гродн. *кóсы як у папá* ‘про человека с длинными волосами’). Комплекс мотивов, связанных с обликом служителя культа, можно обнаружить и в некоторых фито-нимах: гомел., могилев. *папо́к, поп*, могилев. *ксёндз, ксёндзоў плеш* ‘одуванчик *Taraxacum*’, могилев. *папы́, папкі́*, минск. *папо́вка палявая* ‘нивяник обыкновенный *Leucanthemum vulgare* Lam.’.

Одним из наиболее ярких мотивов в портретах этих служителей является субъективно-качественный мотив жадности. Он реализуется в образах глаз (слущк. *папоўскае вока* ‘завистливые, жадные’), горла («Папоўскае вока, а ксяндзоўскае горла, то ўсё пажорла»), брюха (гродн. *судзейскі карма́н што папоўскае бру́ха* ‘про алчность обозначенных служителей’) и кармана священника (могилев. «Паповы кішені ніколі не напоўніш», минск. «У ксяндза кішені бяздонныя»).

Другим значимым субъективно-качественным мотивом становится м о т и в лицемерия. Он характеризует как немонастырских священников второй степени иерархии (минск. «Ксёндз моліцца перад фігурай, а мае чорта пад скурай»), так и представителей монашества – иезуитов (могилев. *езуі́тка* ‘криводушная, вероломная женщина’).

Значимыми для портретов всего немонастырского духовенства оказываются акциональные мотивы, связанные с ритуальной деятельностью: для

⁷³ Возможно, в данном случае проблема заключается в недостатке материала: подобная лексика не всегда фиксируется в словарях.

попа или ксендза – обедней или мессой (минск. «Кожны поп (ксёндз) па-свайму правіць абедню (мшу)»), исповедью (гродн. *як папу́ на спроведзі́* ‘честно открыто (рассказать и под.)’), причастием («Поп служыць не дзеля Ісуса, а дзеля хлеба ку-са»), крещением (*шалёны поп хрысціў* ‘про неуравновешенного, склонного к необдуманным поступкам человека’), проповедью (*як папа ў царкве (слухаць)* ‘внимательно, с интересом (слушать)’), гродн. *пра́віць як ксёндз з каза́льніцы* ‘про чью-то связную, умную речь’), и окроплением (гродн. *папы́рскаць як поп крапі́длам* ‘про кратковременный небольшой дождик’, гродн. *як ксёндз крапидлам* ‘немного, едва уловимо (накрапывать и под.) о дожде’), для попа и дьячка / дьякона – погребальным обрядом («Умер багатыр – за нім ідзе весь мір, ўмер худачок – ідзе поп да дьячок»), молитвой (Новы поп (дзяк), новае і маленне) и пением («Поп благатае, а дзяк казлячыць»).

Ситуационные мотивы, характеризующие хозяйственный уклад и образ жизни служителей культа, в белорусском языке проявлены и в портретах светского духовенства (мотивы благополучной жизни: «Цяпер жытка папам ды катам»; наличия слуги: *ні папу ні папавай наймі́цы* ‘малое, незначительное количество’; животных (кошки и свиньи): брест. *разу́мны як папо́ва свіння́* ‘про чей-то небольшой ум’, слупск. *чо́рна як папо́ва Му́рза* ‘про неприятную, неухоженную женщину’; семьи (попадьи и поповны): *каму падабаецца поп, каму пападдзя, а каму папова дачка* ‘у каждого человека свой вкус, свой взгляд на вещи’), и в портретах монашествующих (затворничества: *пустэ́льнік* ‘про человека, который живет в одиночестве в безлюдном месте’). В то же время стоит отметить, что проявляются они не системно, воплощаясь в одном-двух фактах.

Подобно портретам духовенства в других исследуемых языках для образов белорусского духовенства характерно указание на место в социальной иерархии («На бязлюдзі і дзяк чалавек», *паньі як папы́, а паня́ты як шчаня́ты, яшчэ го́ршыя* ‘неприязненно про людей высших слоев’) и взаимоотношения с чертом (минск. «Дзе поп з кадзілам, там і чорт з качаргой», «Ксяндза судзяць не людзі, а чэрці»).

Лексически выраженными оказываются качественные мотивы, связанные с внешним видом священника (шириной одежды, длинными волосами), ситуационные мотивы животных попа и акциональные – исповеди, крещения и окропления

святой водой. И в лексике, и в паремиологии проявляются представления о его жадности и лицемерии, несоблюдении поста, сборе пожертвований (помимо значительного числа паремий данный мотив также закреплён в лексеме *дзякоўшчына* ‘сбор подаяния духовенству’), семье священника – попадье и поповой дочке, о чтении им молитв и обряде каждения. Только в паремиологии нашли отражение ситуационные мотивы благополучной жизни, акциональные мотивы обедни / мессы; также в основном в паремиологии обнаруживается указание на социальный статус священника и его связь с чертом.

Методика семантико-мотивационных параллелей позволила выделить номинативные признаки для некоторых «темных» лексем, среди которых витеб. *ксьёндз*, гомел., могилев. *папóк* ‘одуванчик *Taraxacum*’, гродн. *папоўнік* ‘донник белый *Melilotus alba*’ и некоторые другие.

ГЛАВА 3.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОРТРЕТОВ СЛУЖИТЕЛЕЙ КУЛЬТА В РУССКОМ, УКРАИНСКОМ, БЕЛОРУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

В предыдущей главе мы рассмотрели портреты служителей культа отдельно в каждом из изучаемых языков. В данной главе предметом исследования станут основные закономерности организации этих портретов и деривационно-фразеологических гнезд, на базе которых они строятся. Глава состоит из трех частей: в первой из них представлен совокупный портрет служителя культа, выделены сквозные мотивы, характерные как для одной языковой и конфессиональной культуры или названий отдельной группы служителей культа, так и для всех исследуемых языков и этнолингвистических портретов. Во второй части анализируются основные тематические сферы значений и выявляются межъязыковые семантико-мотивационные параллели. Третья часть посвящена сопоставительному анализу мотивационной структуры портретов в разных языках.

3. 1. Совокупный портрет служителя культа на основе данных русского, украинского, белорусского и польского языков

Стоит отметить сходства и различия в самом наборе портретов русского и украинского, белорусского и польского языков. Наиболее ярко и полно представлены портреты священнослужителей средней степени церковной иерархии (рус., бел. *поп*, укр. *пін* и польск. *ksiądz*, укр. *ксьондз*, бел. *ксьёндз*), которые имеют постоянный и тесный контакт с прихожанами. Данные портреты включают в себя практически все мотивы, характеризующие служителей культа, а «заголовочные» слова начинают восприниматься как обозначения типичного священнослужителя культа и могут употребляться по отношению к другим духовным чинам.

Очевидно, что в русском языке представлены преимущественно портреты православного духовенства (исключение составляют единичные лексемы, образованные от основ *пробст* в диалектной традиции и *иезуит* – в книжной), а в польском – католического (за исключением портрета попа). В польской языковой традиции полнее и ярче представлены портреты высших священнослужителей (прела-

та, епископа, кардинала, Папы Римского) и практически не отражены портреты низших священнослужителей и церковных служек, которые обнаруживаются в русском языке (дьякона, пономаря, звонаря, богомаза). Кроме того, на основе польских данных «вырисовываются» достаточно объемные портреты членов монашеских орденов, которых – в силу разницы православной и католической традиций – нет в русском языке.

Наборы этнолингвистических портретов, представленные в украинском и белорусском языках, во-первых, более скудные, во-вторых, включают в себя как портреты православного духовенства (дьякона/дьячка, попа, монаха и пр.), так и католического (ксендза, законника, представителей монашеских орденов). Однако следует отметить, что практически все украинские лексемы, образованные от названий католических священнослужителей и монашествующих, фиксируются на львовской территории и, вероятнее всего, являются польскими заимствованиями. В белорусском языке дериваты от названий католических клириков фиксируются широко.

Представим сравнительную характеристику особенностей реализации мотивов, проявляющихся в этнолингвистических портретах священнослужителей в изучаемых языках. В данном разделе приведен не весь материал, а лишь отдельные иллюстрации. Кроме того, мы не даем паспортизации для приведенных в предыдущей главе фактов. Для подтверждений тех или иных мотивационных решений или наличия признаков нами приводятся некоторые примеры из чешского и болгарского языков, а также литературные факты и контексты.

I. Внешний вид

Довольно активными во всех исследуемых языках являются мотивы, связанные с внешним видом служителя культа. Важным элементом образа священнослужителя становится его **одежда** (ср. рус. костр. *монашество* ‘монашеская одежда’, польск. *kardynalka* ‘часть женского костюма’). В ряде выражений выделяются названия видов одежды, характерных для служителей культа: в православной традиции **рясы** (рус. тул. *монах с рясой* ‘четвертная бутылка с вином’, укр. «Нарядився, як піп в рясу», ср. также рус. моск. *подрясник* ‘монах’ [СРНГ 28: 168]) и **ризы** (рус. «Когда не поп, так и не мыкайся в ризы!», укр. *як піп на різи (дивитися)* ‘гордо, с достоинством’). Образ ризы возникает и в польском портрете попа и, очевидно,

также относится к одежде православного священнослужителя (польск. «Kiedyś nie por, nie kładźże na siebie ryzy» <Если не поп, не одевай ризы>). В украинской традиции назван еще один вид священнического одеяния – **шаты** (укр. «Коли не піп, так і в шати не одягайся»). В польском языке маркированы такие виды одежды, как **хабит** (польск. «Habit nie czyni księdza» <Хабит не делает ксендза>) и **сутана** («Kiedyś nie ksiądz, nie wkładaj sutanny» <Если не ксендз, не надевай сутаны>). Уделяется внимание и некоторым другим элементам костюма священнослужителя: специфическому **воротнику** (кашуб. *ksąży kolnér* <ксендзов воротник> ‘пижма обыкновенная Tanactum vulgare’) и его **штанам** (польск. *portki księżę* <ксендзовы штаны> ‘водосбор обыкновенный’). Стоит отметить межъязыковой параллелизм паремий типа рус. «Когда не поп, так и не мыкайся в ризы!», укр. «Коли не піп, так і в шати не одягайся», бел. «Калі не поп, не ўбірайся ў рызы», польск. «Kiedyś nie por, nie kładźże na siebie ryzy», где названия данных видов одежды выступают как один из маркеров служителей культа. В русском и украинском языках называется неподходящая для священника одежда – **рогожа** (рус. «Попа и в рогоже знать», укр. «Видно попа у рогожі»). Интересно, что данные факты (за исключением рус. тул. *мона́х с ря́сой* ‘четвертная бутыль с вином’) входят в состав семантико-деривационных гнезд рус., бел. *pop*, укр. *nin*, польск. *ksiądz*, обозначающих, с одной стороны, священнослужителя средней степени церковной иерархии, а с другой – использующихся и для обозначения любого служителя христианского культа.

Среди признаков, которыми наделяется одежда священнослужителей – **длина**, отмеченная в русском, украинском и польском языках (рус. новг. *как попова риза* ‘о длинной одежде’, укр. восточнослобожанск. *як б́атюшка* ‘в длинной одежде’, польск. «Nie czyni księdza długa suknia ani żołnierza złota szabla» <Не делает ксендза длинное платье, а солдата золотая сабля>) и **форма** (рус. *вышива́ть по́пи-ками* ‘вышивать узор из фигур, похожих на людей в длинной одежде’, рус. красн. *мона́шка* ‘узор в виде квадратов, треугольников, вышитый на складках юбки’, польск. великопольск. *kśoc* ‘садовый клоп’⁷⁴).

Форма одежды служителей культа, по-видимому, стала причиной для переноса их обозначений на названия конусообразных объектов: перм. *пóпик* ‘неболь-

⁷⁴ О мотивации последнего факта чит. в разделе 3.1.4.

шой стог сена’, польск. *mnich* ‘снопики соломы, положенные в нижний пласт крыши’.

В русском и белорусском языках возникает также мотив **широких рукавов** священнической одежды: рус. волог., новг. как *попóв рука́в* ‘о чем-л. широком’, бел. могилев. *рукавы́ як у папá* ‘про расклешенные к низу рукава’. Стоит отметить, что в современной городской культуре актуализируется фасон епископских рукавов: рус. *рукав епископа*, укр. *рукав єпископа*, польск. *rękaw biskupa* встречаются в двух значениях ‘фасон рукавов женской одежды, узких сверху и собранных от локтя до запястья’ и ‘вид штор, собранных в нескольких местах подхватами’. Очевидно, эти выражения заимствованы из западноевропейских языков: ср. англ. *bishop sleeve, bishop's sleeve* ‘то же’.

Еще одно важное свойство одеяния священнослужителей – цвет. Характерный для повседневной одежды **черный цвет** становится одним из главных маркеров духовенства, что проявляется и в номинациях самих служителей культа: рус. *чернец*, укр. *чернець*. В русском и украинском языках черный цвет маркирует любого представителя духовенства: данный мотив наблюдается в портретах попа (рус. пск. *поп на сівой кобы́ле ї́здит* ‘шутл. о тёмной ночи’, укр. *nin* ‘лысуха черная *Fulica astra*’), монаха (рус. калуж. *мона́х* ‘голубь очень темной окраски’, укр. «Душа чорна, мов у ченця ряса») и пономаря (рус. новг. *пономáрь* ‘темно-серая кровососущая муха’). В зеркале польского языка разные представители духовенства связываются с разными цветами: черный цвет характеризует ксендза (польск. *jeść z księdzem* ‘есть что-либо подгорелое’), попа (польск. *pop* ‘тетерев во смены перьев’), викария (кашуб. *víkari jaḡał (přejaḡał)* <викарий ехал (приехал)> ‘о подгоревшем блюде’), монаха (польск. *mnich* ‘тетерев во время смены оперенья’) и органиста (кашуб. *organista přejaḡał* ‘о подгоревшем блюде’), но в то же время подробное знакомство носителей языка с облачениями высшего духовенства и представителей монашеских орденов становится причиной ассоциации епископа с **фиолетовым цветом** (польск. *biskupowy* ‘фиолетовый’⁷⁵), кардинала – с **красным** (польск. *kardynał* ‘губастик красный *Mimulus cardinalis*’), а монаха-капуцина – с **коричне-**

⁷⁵ Этот же мотив встречается и в украинском языке: львов. *біску́пський* ‘темно-фиолетовый’, но лингвогеографическая характеристика слова позволяет считать его заимствованием из польского.

вым (польск. *kolor kapucyński* <капуцинский цвет> ‘коричневый’). В белорусском языке мотив цвета выражения не получил.

В русском и украинском языках проявляются признаки, характеризующие священническую ризу: **яркость** и **нарядность** (рус. пск. *ясный как попова риза* ‘о блестящей, отливающей золотом одежде’, укр. «Піп ризи золоті носить, а бідний куска хліба просить»). В образе русского монаха закреплено и представление о **скромности** его одеяния (рус. карел. *мона́хом* ‘в знач. нареч. одевшись просто, не по-праздничному’).

Особое внимание уделяется **головному убору** служителей культа. Для православного попа характерны **скуфья** (рус. *попова скуфья* ‘одуванчик, дикий цикорий’) и **клобук** (рус. твер. *клобу́к поповский* ‘рогоз узколиственный’). Клобук воспринимается и как головной убор высших чинов: архиерея (рус. дон. *архиерейская ша́пка* ‘растение, вид кактуса’) и патриарха (рус. волог. *патриа́рх* ‘рогоз’), русского и украинского монахов (рус. «Не всяк монах, на ком клобук», укр. «Не плаче монах, що загубив коблук, та не обрадуєця, хто его й найде»). Внешний вид этого головного убора, по-видимому, стал причиной для развития мотива «большеголовости», проявленного в некоторых русских номинациях (костр. *поп* ‘головастик’).

В русском и украинском языках отмечен также **женский головной убор**: рус. волог. *плато́к мона́шкой* ‘платок, завязанный концами назад’, укр. полеск. *монашка* ‘черный, преимущественно теплый платок’.

Характерным головным убором католических священнослужителей (ксендза, попа, монаха, бернардинца, капуцина) является **капюшон**. Его образ отражен в польских фактах: «Ksiądz (pop) przy kapturze, szlachcić (ja) przy mundurze» <Ксендз (поп) при капюшоне, шляхтич (я) при мундире>, *zły mniszek, bernardynek* ‘растение аконит’, а также в укр. и польск. фитонимах *капуцин*, *карисун* ‘настурция большая *Тropaеolum majus* L’.

Служители культа наделяются двумя типами **прически**. Первый тип (**длинные волосы**), характерный для поздней православной традиции, отражается только в портретах восточнославянского попа: рус. пск. *длинноволосый что поп*, укр. жи-томир. *патлатий як піп*, бел. гродн. *ко́сы як у папá* ‘про человека с длинными волосами’.

Обычай выстригать **тонзуру** (рус. устаревш. *гуменцо́, плешь*, кашуб. *plesz*), характерный для католицизма и православия на более ранних этапах, получил отражение в русских и польских языковых фактах: рус. диал. *попова плешь, попово гуминце* ‘растение одуванчик’, польск. «Nie ten ksiądz, co ma plesz przegolony» <Не тот ксендз, кто имеет выбритую плешь>.

Длинная широкая одежда священнослужителя и его длинные волосы могли стать причиной его **сопоставления с женщиной** (рус. ряз. «Спереди мужик, а сзади баба» <поп>). На основе подобного сопоставления могла образоваться и кашубская лексема *tniix* ‘гермафродит’ (подробнее см. раздел 2.3.2.1.1).

Одним из наиболее ярких мотивов в образе попа является мотив **прямостояния**, вероятно, связанный с возвышающейся над прихожанами во время богослужения фигурой священнослужителя. Данный мотив проявляется в восточнославянских обозначениях разнообразных предметов, имеющих вертикальное положение: рус. диал. *поп* ‘прямостоящий предмет’, рус., укр. *на попа́*, бел. *на papá* ‘вертикально’ (подробнее об этой группе лексем см. в разделе 3.1.2). Мотив прямостояния можно выделить и в портрете русского монаха (карел. *монáx* ‘укладка зерновых или технических культур на поле, состоящая из 18 снопов’⁷⁶) и украинского чернеца (*черне́ць* ‘одинокая кегля, стоящая на черте «города» при игре в «скраклі»»). Факты, выражающие подобные мотивы в польском языке (*por* ‘гриб мухомор’, *por* ‘в игре – чурбан’ и некоторые др.), по-видимому, являются заимствованными, поскольку входят только в деривационно-фразеологическое гнездо *por*, вершинное слово которого прежде всего обозначает православного (русского) священнослужителя, и не поддерживаются языковой системой.

Мотив толщины в отличие от остальных мотивов, связанных с внешним видом священника, стоит относить к субъективным. В русском и украинском языках этот мотив характеризует попа (рус. арх. *попо́к* ‘шарик как украшение на спинке деревянной кровати’, «Попово брюхо из семи овчин сшито», укр. чернигов. *попівське рило як барило* <бочонок>), в белорусском – игуменью (гомельск. *ба́ба што ігу́менша* (*моўстая*) ‘про толстую, полную женщину’), в польском – монаха-бернардинца (*bernardyński* ‘толстый, откормленный’).

⁷⁶ Ср. влад. *поп* ‘малая укладка снопов в поле, представляющая собой несколько поставленных колосьями вверх снопов, накрытых сверху снопом колосьями вниз’.

II. Возраст

Субъективно-качественные мотивы, характеризующие возраст представителей духовенства, проявляются только в русских портретах. Так, в лексико-фразеологических комплексах, связанных с *попом* и *игуменом*, есть указания на **старость**: рус. «Вышел дед семидесяти лет, вынес внука старша себя» <священник с Евангелием>, рус. калуж. *йгумен* 'шутливое название старого солидного человека'. Стоит отметить разный уровень субъективности данных мотивов. Если представления о возрасте игумена базируются на объективных факторах (игуменом мог стать монах не моложе 30-40 лет), то мотив старости в портрете попа чисто субъективный (приходскими священниками становились в достаточно молодом возрасте, и среди представителей профессии встречаются люди различных возрастных групп).

III. Интеллект

Еще одной группой качественных мотивов, реализующихся в портретах служителей культа, являются мотивы, характеризующие интеллект. К объективным мотивам относятся возникающие в русском и польском языках мотивы **образованности** и **грамотности**: рус. «Не уча (Неуча) в попы не ставят», польск. «Księdza nie zrobili, a parobka zepsuli» <Ксендза не сделали, а парня испортили> 'о недоученном человеке'.

Оценочно-субъективные мотивы данной группы отмечены только в восточнославянских языках. К ним относится мотив **ума**, присущего русскому попу: «Умному попу лишь кукиш покажи, а уж он и знает, какой грех». Этот же мотив содержится в параллельных украинской и белорусской поговорках: укр. «Був би за дяка, та голова не така», бел. «Быў бы папом, да галава кляпом».

Другим субъективно-качественным мотивом, характеризующим служителей культа, становится мотив **глупости**: рус. «Смелого ищи в тюрьме, глупого в попах!», укр. «Дурніший од попа», бел. *умен як поп Семен* 'не очень умный'. С глупостью соотносятся мотивы **пустоголовости** и **рассеянности** русского монаха: «Хватился монах, как пусто в головах», карел. *монáх* 'неловкий, рассеянный человек, разиня'.

Амбивалентная оценка интеллекта русского попа получила выражение и в акциональных мотивах, связанных с обманом священника прихожанами («Поп

Ваньку не обманет, а Ванька попу правды не скажет»), а также обманом, который совершает сам поп («Безмен не попова душа, не обманет»).

IV. Характеристики поведения, личностные качества

В портретах служителей культа, созданных на основе материалов всех изучаемых языков, довольно распространены оценочно-качественные мотивы, связанные с чертами характера, которые приписываются представителям духовенства.

И православные, и католические священнослужители оцениваются с точки зрения категорий греха и безгрешности. С одной стороны, отмечается представление о том, что священник должен быть **носителем моральных норм** и образцом для подражания. Подобные мотивы наблюдаются в польских поговорках «Ksiądz bez dobrego przykładu, mieszek bez pieniędzy, senator bez rozsądku — jednej wagi» <Ксендз без хорошего примера, мешок без денег, сенатор без ума — одного веса>, «Cnot tyle ma, jak kapucyn» <Добродетелей имеет столько, как капуцин>. В русском, украинском и польском языках представление о необходимой безгрешности священнослужителя реализовано в поговорках, указывающих на отклонение от такого идеального поведения: рус. «На лес и поп вор (т. е. всякий дрова ворует)», укр. житомир. *любов сліпа — доведе до біди і пона* ‘о безрассудном поступке’, польск. «I księdzowi się przytrafi przy ołtarzu pierdnąć» <И ксендзу случается у алтаря перднуть>.

С другой стороны, во всех исследуемых языках отражен комплекс представлений, указывающих на **греховность** служителя культа: рус. «Согрешили попы за наши грехи», польск. «Ksiądz grzeszy i rozgrzeszy» <Ксендз грешит и грехи отпускает>. Греховность священнослужителя проявляется в ряде сюжетных мотивов, помещающих его в ад (рус. вят. *попам и в аду житъе* ‘слишком хорошо кому-либо’, укр. херсонск. *торгується, як чорт за пона* ‘просит дорогую цену’, бел. «Поп на том свеці за собаку», польск. «Wziął diabeł księdza, niech weźmie rektora» <Взял дьявол ксендза, пусть возьмет ректора>) и отмечающих страх священника перед Богом или богослужебными атрибутами (польск. «Ksiądz piekłem straszy, a sam nieba boi się» <Ксендз адом пугает, а сам рая боится>).

Несовпадение того безгрешного образа жизни, который должен вести служитель культа, с реальностью стало основой для развития мотива **лицемерия**. Данный мотив проявляется как в портретах священнослужителей: украинского и

белорусского попа (укр. «Роби теє, що піп каже, а не роби того, що він робить», бел. могилев. «Папы заглушаюць праўду малітвамі»), белорусского и польского ксендза (бел. минск. «Ксёндз моліцца перад фігурай, а мае чорта пад скурай», польск. «Każe nasz ksiądz z ambony ładnie, ale czyż, kiedy nie żyje przykładnie» <Говорит наш ксендз с амвона хорошо, но что с того, когда не живет соответствующе>) и польского прелата («Uczycie, panie prałacie, a sami źle działacie» <Учите, паны прелаты, а сами плохо делаете>), так и в портретах монашествующих: монаха в русском и украинском языках (рус. ворон. *монáшиться* ‘прикидываться монашкой; лицемерить’, укр. «І чорт на старість в монахи пішов») и представителей орденов в польском (польск. *bernardyńska postawa, ale wilcze serce* <бернардинская фигура, но волчье сердце> ‘о лицемерном человеке’). Отдельно следует сказать про образ иезуита, в котором мотив лицемерия воплощен наиболее ярко и проявляется в народной и книжной культуре Польши, Белоруссии и Украины (укр. литер. *єзуїт*, львов. *єзуїта*, бел. могилев. *єзуїціна, єзуїцішча* ‘хитрый лицемерный человек’) и в русской книжной традиции (рус. *иезуит* ‘то же’ [БАС 5: 76]).

Выразительны мотивы **жадности и ненасытности**, реализующиеся в портретах попа и ксендза (рус. «Любит поп блин, да и ел бы один», укр. «Жере як десять попів», польск. «Nie ma skarpsa nad księdza» <Нет скупца больше ксендза>), и близкий к ним мотив **завистливости** (рус. «Не бери у попа денег взаймы: у завистливого рука тяжела»). Эти мотивы просматриваются в общем для всех четырех языков образе завистливых и жадных **глаз** священнослужителя (рус. сиб. *попóвы глаzá*, бел. слупск. *папоўскае вока*, укр. ивано-франк. *зздзісний як попівське око*, польск. мазов. *mieć ropie oszu* <иметь поповы глаза> ‘про жадного, завистливого человека’). Менее распространены образы **мешка** (в русском, украинском и польском: рус. «Поп бездѣнный мешок», укр. «Попів міх, як циганський міх, ніколи не наповниться», польск. «Ksiądz nienasycony jak wór bez dna» <Ксендз ненасытный, как мешок без дна>), **кармана** (в русском, украинском и белорусском: рус. влад., ряз. *попóвский карман* ‘о наличии у кого-л. больших денег’, укр. «Не мала то мирянам журба <печаль>: попова кишенья <карман> порвалась», бел. минск. «У папа (ксяндза) кішені бяздонныя»), **брюха** (в русском и белорусском языках: рус. «Поповского брюха не набьешь», бел. гродн. *судзэйскі кармáн што папоўскае брúха* ‘про алчность обозначенных служителей’) и **горла** (в образе белорусского ксендза:

«Папоўскае вока, а ксяндзоўскае горла, то ўсё пажорла»). Ненасытность священника стала причиной для устойчивого сопоставления его глаз с волчьим горлом/пастью (в русском, украинском и польском языках: рус. «Волчья пасть да поповские глаза – ненасытная яма», укр. «Попівське око, що вовче горло», польск. «Ksiynda oko – wilcze grdło, co uwidzi – to by żarło» <Ксендза око – волчье горло, что увидит – то бы жрало>).

Украинский и польский священнослужители представляются ленивыми. Это, вероятно, связано с тем, что работа священника в отличие от физического труда крестьянина считается легкой и не воспринимается как настоящая (ср. укр. «Хто не хоче робити, той іде в попи або в монахи»). Но если в зеркале украинской языковой традиции священник предстает однозначно ленивым (укр. житомир. *лїнь як у попа, а апетит як у вовка*), то в польском языке есть указание на трудолюбие начинающего священнослужителя и лень старого («Nowy ksiądz w kościele by spał, a potem trudno go sprowadzić do kościoła» <Новый ксендз в костеле бы спал, а потом трудно его привести в костел>).

V. Образ жизни

Представления об особенностях поведения и образа жизни служителей христианского культа получают отражение в ряде ситуационных мотивов, присутствующих в основном в образах монастырского духовенства. В портретах русского и украинского монаха, а также польского ксендза выделяется объективный мотив **аскетичной жизни** (рус. *монашеский* ‘аскетически-воздержанный, целомудренный’, укр. *місяць-чернець* ‘календарный месяц в 30 дней, первое и последнее число которого приходятся на пост’, польск. «Pan ma za dużo, a ksiądz nie potrzebuje» <Пан много имеет, а ксендзу не нужно>). Другой активный мотив в портретах духовенства – мотив **затворничества и уединенности**, он проявляется в портретах монашествующих всех четырех языков: русского, украинского и польского монаха (рус., укр. *монах* ‘о мужчине, живущем уединенно’, кашуб. *tniχ* ‘нелюдимый человек’), русского и украинского чернеца (рус. пск. *жить как чернец* ‘шутл.-ирон. о чьей-л. одинокой, скромной жизни’, укр. *чернець* ‘одинокая кегля, стоящая на черте «города» при игре в «скраклі»’), русских инока (рус. карел. *інок* ‘о том, кто живет в лесу, скрываясь от властей’) и калугера (рус. ставроп., самарск. *калагурка* ‘женщина, уединенно живущая в отдельной избушке, занятая молитвами и по-

стом'), белорусского и польского пустынника (бел. *пустэльнік* 'про человека, который живет в одиночестве в безлюдном месте', польск. *żyć jak pustelnik* <жить как пустынник> 'жить аскетично, обособленно').

В портретах членов монашеских орденов просматриваются мотивы, характеризующие особый режим питания, принятый в монастырях: польск. *stół bernardyński* <бернардинский стол> 'сыто накрытый', малопольск. *kapucyńskie śniadanie* <капуцинский завтрак> 'нюхательный табак' (подробный анализ этих фактов см. в главе 2).

Особенности питания отражаются и в некоторых субъективно-акциональных мотивах. Во-первых, сюда относится **несоблюдение поста**, проявленное в образах украинских дякона и попа («Казав пан дяк (піп), що гусей не їсть, а повна стеля кісточок»), белорусских попа и игумена (могилев. «Добра пост: ігумену (папу) рыбка, а браціі (мужыкам) – гула смаленая»), польских ксендза и органиста (польск. *zjadł księdzu skwarę* <съел ксендза шкварку> 'имеет сыпь на губе', «Organista z bakałarzem zjedli kluski za ołtarzem» <Органист с бакалавром съели клецки за алтарем>).

Еще одним субъективно-акциональным мотивом, утверждающим греховность священнослужителей, становится мотив **пьянства**, который проявляется в рус. сиб. *архидáчить* 'употреблять спиртные напитки', укр. запорожск. *напився, як піп у страсну п'ятницю* 'очень много выпил водки или вина' и бел. «Што дзяк, то п'яніца». С этим же мотивом можно связать обозначение бутылок с вином рус. карел. *монáх* 'длинная бутылка с красным вином', а также укр. *попадя́* 'в свадебном обряде бутылка настоящей водки'. Импульсом для таких номинаций, возможно, стала монастырская традиция виноделия (ср. польск. *benedyktyn* 'вид ликера'), а также обряд причастия (ср. рус. урал. *причаща́ться* 'выпивать' [СРНГ 32: 57]).

VI. Хозяйство

Мотивы, связанные с хозяйственной деятельностью, присущи в основном представлениям о служителях культа средних степеней православной и католической иерархий: дяконе, попе, ксендзе, плебане, также в эту группу включается ряд мотивов, отражающих особенности монастырского уклада.

В русском, украинском, белорусском и польском языках выделяются акциональные мотивы, указывающие на доходы служителей культа. В паремиологии

всех исследуемых языков фиксируется мотив получения доходов в результате выполнения **богослужебного обряда** (рус. «Поп сыт от алтаря, а дьячок от пономаря», укр. «Писар живе з пера, а піп з вітваря», бел. могилев. «Поп моліцца не дарма, а за грошы», польск. «Ksiądz żyje z ołtarza, pisarz z kałamarza» <Ксендз живет с алтаря, писарь с чернильницы>). В качестве другого источника дохода выступают деньги и продукты, которые священник **собирает с прихожан** (рус. «И поп новину любит (ездит по дворам собирать хлеб)», укр. «Один чорт: піп, що стрижений, що кудлатий – усі люблять братиї», бел. *дзякоўчына* ‘сбор подаяния духовенству’, польск. «By ksiądz usiadł w lesie, każdy mu przyniesie» <Сидел бы ксендз в лесу, каждый ему принесет>).

Ряд мотивов характеризуют материальное положение служителей культа. Так, субъективно-качественный мотив **богатства** выделяется в образах русского и украинского попа (рус. влад., ряз. *попóвский кармáн* ‘о наличии у кого-л. больших денег’, укр. «Коли маєш сто кіп, то будеш піп»), русских калугера (волог. *кулугу́р* ‘состоятельный, богатый человек’), митрополита (*митропóлки* ‘сани с обшитыми железом полозьями, изготовленные не кустарным способом’⁷⁷) и архиерея («Я не архиерейский зять, с меня нечего взять»).

В польском же языке представление о богатстве священника, вероятно, реализуется через акциональный **мотив воровства**: «Nie grzech popa złupić» <Не грех попа ограбить>, «Księdza okraść nie szkoda, pana nie grzech, a Żyda zasługa» <Ксенза обокрасть не жаль, пана не грех, а еврея заслуга>). Частным проявлением этого мотива становится мотив разграбления имущества после смерти; он, однако, может быть связан и с отсутствием у католического священника семьи и, соответственно, очевидных наследников («Jak po księdzu brali» <Как после ксендза брали>, «Po plebanowej śmierci każdy w jego stodole rad młóci» <После смерти плебана каждый в его овине рад молотить>).

Богатство священника проявляется и в мотиве **благополучной жизни**, который обнаруживается в украинских, белорусских и польских паремиях (укр. «Хто попа має в родині, той має що їсти в судині», «Kto ma księdza w rodzie, temu bieda nie dobodzie» <У кого ксендз в роду, к тому беда не подберется>, бел. минск. «Папу на зямлі рай і неба – жыве і паміраць не треба»). Текстуальным «партнером» во-

⁷⁷ Подробнее о мотивации этого факта см. в разделе 2.1.1.6.

сточнославянского попа, подтверждающим тезис о его благополучной и сытой жизни, является *кот* (рус. «Теперь житье попам да котам», укр. «Добре жити попам та котам», бел. могилев. «Добра ўзімку кату, а ўзімку і улетку – папу»). Такие паремии обязаны своим возникновением и фонетическому сходству слов *поп* и *кот*.

Есть в портретах священнослужителей и противоположный мотив **бедности**, но по отношению к немонастырскому духовенству он проявлен слабее, чем мотив богатства. Этот мотив характерен для образов русского попа («Нет у попа сапог, служит и в лаптях»), украинского дьякона (укр. «Копа для попа, дякови буде й по мідякові») и польского плебана («*Spuścizna plebana da podszewkę do żupana*» <Наследство плебана дал подкладку от жупана>). Довольно полно мотив бедности и нищенствования реализуется в портретах представителей католических нищенствующих орденов (польск. *goły jak kapucyn* <голый как капуцин> ‘бедный’, «*Wlecze się jak bernardyn z kwestą*» <Ходит как бернардин с ящиком для пожертвований>).

Ситуационные мотивы в портретах представителей немонастырского духовенства средней степени иерархии (попа и ксендза) связаны с образами **работников священника** и его домашних животных. Во всех исследуемых языках фиксируется образ того, кто работает на священнослужителя. При этом отличие его занятий от той работы, которую выполняют крестьяне, по-видимому, послужило основой для представления о легкости подобного труда и лени самого работника (рус. иркут. *попóвский рабóтник* ‘лентяй’, укр. «Попів слуга як їсть, то упріє, а як робить, то змерзне», польск. «*Księżu sługa boi się pługą*» <Ксендзов слуга боится плуга>). Кроме того, русский язык «намекает» на то, что труд на попа может не оплачиваться (карел. *рабóтать на попá* ‘работать задаром, не получать за работу денег’).

В восточнославянских языках проявляются мотивы, связанные с **домашними животными**, которых содержит священник. Интересен образ поповой **собаки** (рус. диал. *попóва собáка* ‘род гусеницы-плодожорки’, укр. «Бреше, як попова собака»). Стоит отметить, что этот образ очень «силен» в русском языке, он проявляется в лексике различных тематических сфер: фитонимии, названиях насекомых, обозначениях человеческих свойств и т. д. — и паремиологии, при этом в украинском представлен всего несколькими фактами, а в белорусских лексикографиче-

ских источниках подобных фактов найти не удалось. Наиболее полная галерея образов священнических животных представлена в украинском языке. В русском и в украинском портретах возникают образы **лошади** (рус. «Старее поповой кобылы», укр. общенар. «Дере голову як попова кобила») и **курицы** (рус. олон. *попова курица* ‘ворона’, укр. житомир. *розумний як попова курка* ‘глупый’), в украинском и белорусском – **свиньи** (укр. надднепр. *попова свинка* ‘бескрылый, короткотелый серый кузнечик, что встречается на полях’, бел. брест. *разумны як папова свіння* ‘про чей-то небольшой ум’) и **кошки** («Смішки з попової кішки, а як своя здохне, то й плакатимеш», бел. слущк. *чорна як папова Мўрза* ‘про неприятную, неухоженную женщину’). Только в украинском языке встречаются образы **индюка** (житомир. *грамотний як попів індик* ‘глупый’), **коровы** («Попову корову и вовк пізна та не візьме») и **козы** (днепропетровск. *розумний як попова коза* ‘глупый’).

В польском и украинском языках фиксируется представление о хозяйственной деятельности монахов, основными занятиями которых считаются травничество (польск. малопольск. *benedykt* ‘гравилат Geum’, *bernardynka* ‘вид табака’) и создание настоек и ликеров (польск. *benedyktyn*, укр. общенар. *бенедиктін* ‘вид ликера’). С виноделием соотносятся и русские факты типа карел. *мона́х* ‘длинная бутылка с красным вином’.

VII. Семья

Мотивы, связанные с семьей, присутствуют в портретах белого православного духовенства. В восточнославянских языках довольно ярким оказывается образ **попадья** (рус. сиб. *попадья* ‘одуванчик «если с него не сдувается цветок, похожий на пух»’, укр. «Єден любить попа, другий попадю, а третій попову дочку», бел. «Хто любіць папа, хто пападдзю, а хто папову дачку»). В польском языке попадья упоминается вскользь: *poradja* ‘горчак обыкновенный’.

Самый яркий мотив, проявленный в образе попадья, – **мотив единственной (последней) жены**, связанный с запретом овдовевшему священнику жениться второй раз (ср. рус. «Попу раз оженившись, да на́ век закаяться»): рус. «Последняя у попа жена, да и та попадья», укр. «Одна в попа жінка, та й то остання», бел. «Апо́шняя у папа́ жонка». Отношения попа с попадьею охарактеризованы и в двух других аспектах: с одной стороны, подчеркивается **избалованность** попадья (рус. «Житье, как попадье за попом», укр. «Се таке сіно, що й попада, посоливши, у се-

реду б іла»), с другой – ее полная **зависимость** от попа (рус. «Не оставайся от жару головня, от попа попадаья», укр. «Доти попада княгиня, поки піп не згине», «Датуль пападдзя княгіня, пакуль поп не згіне»).

Другая группа мотивов, возникающая при характеристике семьи представителей белого духовенства, связана с образами их детей. В этом плане отмечается **плодовитость** и многодетность приходского священника (рус. «Дворовы да поповы плодливы», рус. моск. *поповы яйца* ‘ятрышник мужской’, укр. бойк. *попові муди* ‘красные ягоды’, польск. *porowe nudy* ‘бересклет’⁷⁸). Из детей священника в языке отражение получила только **дочь** (рус. «Поповы дочери, что голубые лошади: редкая удается», укр. «Не хватайся, як попівна заміж!», бел. гомельск. *спаць як папóвы дóчкі* ‘спать спокойно, бесхлопотно’), однако ее образ менее детализирован, чем образ попадады.

Для черного духовенства одним из главных мотивов становится мотив **безбрачия**, который проявляется в портретах как русских, украинских и польских монахов, так и польского и белорусского ксендза (рус. сиб. *монáшить* ‘жить холостяком’, укр. «Що козаку видиться, те монаху сниться», бел. минск. *мнóга як у ксяндза́ жóнак* ‘о полном отсутствии чего-либо’, кашуб. «Cjè tje za jeden, cjè drëgim daje śegце цун som ni mo» <Что за человек, который другим дает, чего он сам не имеет> (ксендз, который совершает брак)). В польском языке мотив celibата становится причиной для переноса наименования на кастрированных животных (диал. *mniszek* ‘кастрированное животное’, *proboszcz* ‘название вола’). С нарушением обета безбрачия связывается и мотив распутства монашествующих, возникающий во всех исследуемых языках (рус. новг. *монáшить* ‘гулять с девушками’, укр. «Чернець святці розгортає, а на молодіць поглядає», бел. минск. «Ксёндз аднымі вачамі глядзіць на маладога, а другімі – на маладую», польск. *żyje jak kanonik* <живет как каноник> ‘распутно’). Из-за нарушения этого обета в народном сознании возникли иронически окрашенные образы членов семьи черного духовенства: женой (рус. новг. *монáшина* ‘жена монаха’, польск. великопольск. шутл. *księdzowa* ‘о женщине, чрезмерно заботящейся о ксендзе’) и детьми (рус. «Ты дочь попова, да я и сам игумнов сын», польск. «Ożenił się równy z równą: kardynałczyk z opatuwną» <Пожились равный с равной: сын кардинала с дочерью аббата>).

⁷⁸ Эта группа фитонимов подробно анализируется в разделе 6.2.1.1.

VIII. Обрядовые действия

Довольно большое количество акциональных мотивов основано на действиях служителя культа во время богослужения и самих видах церковных обрядов и таинств: **крещения** (рус. «Умный тебя поп крестил, да напрасно не утопил», укр. «Дурний тебе піп хрестив що в воду не впустив», бел. гродн. *дурным папом хрышчаны* ‘очень решительный, неуравновешенный, непредсказуемый в своих действиях’, польск. силезск. «Ciebie też głupi ksiondz krzcіł» <Тебя тоже глупый ксендз крестил>), **венчания** (рус. сев.-двин. *поп* ‘прозвище того, кто регистрирует законный брак (в сельсовете)’, кашуб. «Cjè tje za jeden, cjè drëgim daje ÷egце цун som ni mo» <Что это за человек, что другим дает, чего он сам не имеет> (ксендз, который совершает брак)), **исповеди** (рус. дон. *как попу на духу (сказать)* ‘открыто, честно, ничего не утаивая’, бел. гродн. *як папу на спроведзі* ‘честно открыто (рассказать и под.)’, укр. «Висповідали без попа», польск. «Ksiądz o spowiedzi, baba o pieniądze» <Ксендз о исповеди, баба о деньгах>), **погребального и поминального обрядов** (рус. «Умереть бы тебе без попа, без дьякона, без свечей, без ладана, без гроба, без савана!», укр. «Піп людей хова — сховають и попа», бел. «Умер багатыр — за нім ідзе весь мір, ўмер худачок — ідзе поп да дьячок», польск. «Ksiądz ludzi grzebie, a doktor zabia» <Ксендз людей погребает, а врач убивает>). При этом представления о похоронном обряде наиболее широко и разнообразно отражены в языковом материале. По-видимому, его исполнение считается основной функцией священнослужителя и одним из главных источников доходов (рус. «Не всегда попу Дмитриева суббота», укр. «Як вродиця, без бариша не обходиця; и як вмере, то все піп дре»). Из-за этого священнику приписывается заинтересованность в чьей-либо смерти (рус. «Поп хочет большого прихода, а сам ждет не дождется, когда кто помрет»). **Мотив смерти** представлен в восприятии кладбища как части хозяйства священника (рус. дон. *попово гумно*, польск. великопольск. *księża obora* <ксендзов коровник> ‘кладбище’). А сама смерть трактуется как возможность «пополнить» это хозяйство: укр. лемк. *nín do кишéні* <кармана> *взяв* ‘умер’, лемк. *níти попове до мішка*, польск. *na księżą oborę руjść* <на ксендзов двор пойти> ‘умереть’, бел. *на папóвы сáні збірацца* ‘умирать’ (подробнее об этих фактах см. в разделе 3.2.3.5).

Характерным для образов русского и белорусского священника (отсутствующим в украинском и польском языке) является мотив **обедни/мессы**⁷⁹: рус. «Поп и обедни не отпел, а дурак и шапку надел», бел. «Поп па дзве абедні не служыць», минск. «Кожны поп (ксёндз) па-свайму правіць абедню (мшу)»). Единичный русский факт указывает на утреннюю службу: «Поп не устал, что рано к заутрене встал».

Кроме этого, следует выделить мотивы, характеризующие части богослужения. В первую очередь, это речевые жанры – **проповедь** (укр. «Піп два рази казання не говорить», бел. «Што новы поп, то новая проповедзь») и **молитва** (укр. «Дурний піп – (то) дурна (його) й молитва», бел. «У дурного попа і дурная молітва»). Богослужебная речь становится яркой приметой образа служителя культа. Ее **напевность** проявляется в образах восточнославянских дьякона (рус. калуж. *дьячить* ‘петь что-либо по нотам’, укр. житомир. «Співає як дяк», бел. «Поп благуе, а дзяк казлячыць») и попа (рус. «Поп поет, а кузнец кует», укр. «Піп співає, а попада млинці пече», бел. «Поп запяе, а каваль закуе»), польских ксендза (кашуб. «Śpiewa, prawi jak ksiądz» <Поет, говорит, как ксендз>), кантора (кашуб. *kantor* ‘жаба’) и органиста («Organisty rzecz śpiewać w kościele, żydowska śachrować, ślachecka wyalagantować się chłopska pracować, a babska rozgadywać się i wyciogać ludzi do kiliszka» <Дело органиста петь в костеле, еврейское – мошенничать, шляхетское – заставить крестьянина работать, а бабье – разбалтывать и разбирать людей по косточкам>). **Многословие** отражается в портретах русских и украинских попа (рус. *попівский язык* ‘о многословном, болтливом человеке’, укр. «День не петровський, язык не попівський») и дьякона (рус. дон. *как дьякон на амоне* ‘о болтливом, многогоречивом человеке’, укр. «Як?» – «Я не дяк – десять раз говорити: я скажу раз, але гаразд»), русского и польского монаха (рус. новг. *монашиться* ‘вести разговор в толпе’, польск. «Mnich niemowny, kot nielowny, gach wstydlivy, gracz sprawiedliwy – nigdy nie wskórają» <Монаха молчаливого, кота неловящего, любовника стыдливо-го, игрока справедливого – никогда не бывает>), польского епископа («Biskup, który jest milczący, jest jako wrotny siedzący» <Епископ молчаливый как привратник сидящий>). Признак **монотонности** речи представлен в портретах дьякона (рус.

⁷⁹ Параллелизм белорусских паремий с участием *попа* и *ксёндза* позволяет объединить представление о католической и православной службе в один мотив.

новг. *дьячить* ‘монотонно петь’, укр. «Забубонів, як старий дяк») и пономаря (рус. «Читает, как пономарь», бел. *залáдзіць як панамáр* ‘про чье-то монотонное, скучное, невыразительное чтение, произношение’).

Кроме того, стоит отметить обряд **каждения**, который совершает восточнославянский поп (рус. пск. *кадить как кадилом поп* ‘о дымящем папиросой или сигаретой, часто курящем человеке’, укр. житомир. *димить як піп кадилом* ‘курить’, бел. брест. *носытыся як поп з кады́лом* ‘о поведении одержимого человека’). Этот же мотив, вероятно, проявлен в польских названиях подгорелых и задымившихся блюд: *ksiądz wlażł w mleko (w śmietankę)* <ксендз влез в молоко (в сливки)> ‘о задымившихся блюдах’). Чуть менее распространен мотив **окропления**, исполнителем которого также представляется восточнославянский священник (рус. перм. *попов цвет* ‘буквица лекарственная *Betonica vulgaris*’, укр. «Попові кропило як шевцеві правіло», бел. гродн. *папы́рскаць як поп крапі́длам* ‘про кратковременный небольшой дождик’).

Как видно по приведенным примерам, большая часть мотивов, характеризующих обряды, относится к образам священнослужителей средних степеней иерархии, а мотивы, связанные с частями богослужения, – к образам священно- или церковнослужителей низших и средней степеней. Однако выделяются акциональный мотив **поклонов**, характерный только для образа монаха: рус. пск. *мона́хи*, укр. *мона́х*, польск. *mnich* ‘спусковое устройство в водоеме’.

IX. Социальное положение

Довольно большое внимание уделяется социальному положению служителя культа. Принадлежность священника к четко определенной социальной группе нашла отражение в ряде паремий русского и польского языков: рус. «Поп поа хвалит, только глазом мигает», польск. «Poznał swój swego, duchowny duchownego» <Узнал свой своего, духовный духовного>. Положение этой группы определяется, с одной стороны, **противопоставлением** более низким группам: **крестьянству** и **рабочему классу** (рус. «Не бывать попу в холопах, что холопу – в попах», укр. «Лучче бути добрим хлопом, як злим попом», бел. могилев. «Добра пост: папу рыбки, а мужыкам – гула смаленая», польск. силезск. «Lepszy być dobrym chłопym niż złym porupym» <Лучше быть хорошим крестьянином, чем плохим попом>, «Lepszy być ksiyndzym niż hawiyrzym» <Лучше быть ксендзом, чем шахтером>), с

другой – **соположением** представителям более высоких слоев общества, которое проявляется в польском и украинском языках: **пану** и **шляхтичу** (укр. «І попи, і пани – одного поля бур'яни», бел. *паньі як паны, а паняты як шчаняты, яшчэ гóршыя* ‘про людей высших слоев неприязненно’, польск. «Z księżą trzeba ostrożnie, z szlachtą według czasu» <С ксендзом нужно осторожно, со шляхтой в зависимости от времени>), **военному** (польск. «Co ksiądz, to kanonik, co żołnierz, to oficer» <Что ксендз, то канонник, что солдат, то офицер>), **врачу** (польск. «Ksiądz w kościele, sędzia w radzie, doktor w lekach mają być wielkiego poszanowania» <Ксендз в костеле, судья в совете, врач в лекарствах должен хорошо разбираться>, бел. «Поп і доктор і ў лесе з голада не памруць (не памрэ)»), **юристу** (силезск. «Ksiyndz, adwokat i zima nie podarujym» <Ксендз, адвокат и зима не подарят>). Таким образом, социальный **статус** служителя культа представляется довольно **высоким**, что проявляется в лексике русского и польского языков, обозначающей объекты, которым приписывается высокая ценность: рус. тул. *non* ‘головка ромашки, которой отмечается выигрыш в игре в попы’, польск. *ksiądz* ‘одна из фигур в шахматах: слон’, *kardynałka* ‘сорт больших сладких груш’.

С другой стороны, русские церковнослужители (пономарь и дьячок) наделяются **низким статусом**: «Наше барство хуже пономарства», «Толчок не разговор; а дьячку да пономарю по толчку – они и смекают».

Четкая иерархия, существующая в католической и православной церкви, получила отражение и в языковом материале. Нами зафиксировано достаточно большое количество паремий, где **сопоставляются разные церковные чины**: в восточнославянских языках (православной традиции) – поп и дьякон (рус. «Из попов да в дьяконы», укр. «Що можна попові, то зась дякові», бел. «Поп сагрышыў, а дзяка вешаюць»), в русском и украинском языках – поп и звонарь (рус. «Не в попы, так в звонари», укр. «Не в попи, так в дзвонарі пішов»), в русской – звонарь и пономарь (рус. «Не пойдешь в звонари, не попадешь и в пономари»), в польской католической – ксендз (пробст) и высшие духовные чины: ректор, епископ, каноник («Wziął diabeł księdza, niech weźmie rektora» <Взял дьявол ксендза, пусть возьмет ректора>, кашуб. «Ќеј Ѓіскур ма рђејахас, теј пробоś ногі мёје» <Когда должен епископ приехать, то и пробст ноги моет>), ксендз (пробст) и органист («Lepszy być ksiyndzym niż organistom» <Лучше быть ксендзом, чем органистом>), пробст

(плебан) и викарий («Nie rządzi wikary, kiedy pleban doma» <Не правит викарий, когда плебан дома>), епископ и кардинал («Kardynał nie biskup, kasztelan nie wojewoda» <Кардинал не епископ, кастелян не воевода>), епископ и Папа Римский («Łatwo być temu biskupom, kto ma wuja papieżem» <Легко быть епископом тому, у кого дядя Папа>), кардинал и Папа Римский («Gdy papież umrze, kardynałowie nie płaczą» <Когда Папа умрет, кардиналы не плачут>), кардинал и монах («Niż być złym gwardianem, lepiej prostym mnichem» <Чем быть плохим кардиналом, лучше простым монахом>). Монахи и глава монастыря (православный игумен и католический аббат) противопоставляются в обеих традициях: рус. «Игумену дело, а братии – зась», укр. «Не всім ченцям в ігуменах бути», бел. могилев. «Добра пост: ігумену рыбка, а браціі – гула смаленая», польск. «Mnich tak odpowiada, jak mu opat śpiewa» <Монах так отвечает, как ему аббат поет>.

Х. Общая связь со сферой сверхъестественного

В каждом из исследуемых языков фиксируется ряд мотивов, указывающих на принадлежность служителя культа (дьякона, попа, ксендза, монаха) к сфере сверхъестественного. В образах русского и белорусского попа и дьякона, а также польского ксендза эта связь проявляется в том, что эти священники **участвуют в магических практиках** (это главным образом аграрная магия): ср. обычаи после богослужения катать священника по полю в русской и белорусской культурах и посыпать овсом в польской. С другой стороны, магические свойства, приписываемые священнослужителю, проявляются в представлении о том, что он **приносит неудачу**, зафиксированном в русской, украинской и польской поговорках: рус. «Поп, да девка, да порожние ведра – дурная встреча», укр. «Держись за гудзик: піп спереду йде», польск. «Jeśli myśliwy spotka księdza, niech się wróci do domu, bo będzie miał nieszczęście» <Если охотник встречается ксендза, пусть возвращается домой, потому что будет у него неудача>), а также поддерживаются другими фольклорными жанрами, ср. белорусские поверья о том, что поп имеет *урочливе вока*: в народных сонниках говорится, что приснившийся священник предвещает беду, утрату имущества, смерть [БФ: 359].

В русском и польском языках восприятие священнослужителя как фигуры, связанной со сверхъестественным, послужило основой для возникновения семантических дериватов, обозначающих представителей **нечистой силы** (рус. тул. *ар-*

химандра ‘дьявол, нечистая сила’, польск. *tnich* ‘мифическое существо в виде монаха’) или **обладающих магическими умениями людей** (рус. перм. *презвітер* ‘знахарь’, польск. *czarn zakonnik* ‘чернокнижник’).

Связь служителя культа с нечистой силой проявляется в довольно большом количестве паремий, где **текстовым партнером** попа, ксендза или монаха предстает **черт**, бес или дьявол. Во всех исследуемых языках данные слова могут вступать как в отношения **оппозитивности** (рус. «Поп свое, а черт свое», укр. житомир. «Живуть як чорт з попом», бел. *pop swaё, <a> чорт swaё* ‘говорят про упертого человека, с которым тяжело договориться’, «Ksąz swoje, a djábel swoje» <Ксендз свое, а черт свое>), так и **симилярности** (рус. «Не наше дело попа учить, пусть его черт учит», укр. «Хто за кого, а чорт за попа», бел. гродн. «Папа судзяць не людзі, а чэрці», польск. «Mnich diabla w kapturze nosi» <Монах черта в капюшоне носит>).

Таким образом, языковой портрет служителя культа характеризуется в следующих десяти аспектах: с точки зрения его внешнего вида, возраста, интеллекта, личностных качеств и характеристик поведения, хозяйственной деятельности, образа жизни, семьи, обрядовых действий, социального статуса и отношения к сфере сверхъестественного.

Очевидно, значимыми для восприятия представителей духовенства в первую очередь являются объективно-качественные мотивы и мотивы-атрибуты, характеризующие внешний вид служителя культа, и акциональные, соотносящиеся с богослужебными действиями священника. В первом случае яркими маркерами духовенства становятся характерные виды одежды, головной убор, прическа, но ярче всего оказываются представления о цвете одежды. Если для православного (восточнославянского) священства характерен только черный цвет, то в польском языке, помимо черного цвета, приписываемого ксендзу, попу и монаху, наблюдаются также коричневые «ассоциации» капуцина, фиолетовые – епископа, красные – кардинала.

Стоит отметить, что во всех четырех традициях более значимыми для представителей немонастырского духовенства являются оценочно-качественные мотивы, связанные с чертами характера, и объективно-ситуационные, относящиеся к обрядовым действиям, тогда как связанные с образом жизни и особенностями по-

ведения ситуационные мотивы характеризуют в большей степени духовенство монастырское. Хозяйственный уклад наиболее полно отражен в портретах немонастырского духовенства, при этом представления о животных, которых содержит священник, фиксируются только в портретах восточнославянского попа и не обнаружены в польском языке.

Языковое отражение находит различие православной и католической традиции, связанное с семьей. Так, при характеристике русского, украинского и белорусского попа выделяется образ попадьи и поповых детей (дочерей), а мотив безбрачия возникает только по отношению к черному духовенству, тогда как в польском языке мотив безбрачия является общим для всех священнослужителей и обнаруживается как в этнолингвистическом портрете монаха, так и в портрете ксендза.

3.2. Тематические сферы вторичной семантики обозначений служителей культа

Большая часть метонимических или метафорических номинаций, образованных от обозначений священнослужителей, распределяется по тематическим группам. Данный раздел посвящен анализу отдельных тематических сфер, в которых обнаруживаются семантические дериваты, образованные от наименований служителей культа, и фразеологизмов, включающих данные наименования. Такой подход, во-первых, позволяет определить наиболее актуальные сферы отождествления и установить точки пересечения лексико-семантического поля «Служители культа» с другими лексико-семантическими полями, во-вторых, дает возможность выявить семантико-мотивационные параллели и модели семантической деривации, характерные для всех исследуемых языков, одного или нескольких из них, и, в-третьих, установить или поддержать системными данными мотивацию «темных» лексем. Подробнее о необходимости анализа тематических сфер вторич

К анализу привлекается не вся лексика и фразеология, а только входящая в состав крупных тематических групп. Для подтверждения устойчивости моделей семантической деривации и некоторых мотивационных решений привлекается также материал других славянских языков: чешского, сербского и болгарского.

На основе материала выделяются 3 макрогруппы и входящие в них более частные группы:

➤ **Природа**

- Растительный мир
- Животный мир
 - Насекомые
 - Рыбы
 - Гады
 - Птицы
 - Млекопитающие

➤ **Материальная и духовная культура**

- Предметы быта
- Игры и игровые принадлежности

➤ **Человек**

- Физические особенности
- Черты характера и интеллект
- Образ жизни
- Речь
- Физиологическое состояние: болезни и смерть

3.2.1. ПРИРОДА

3.2.1.1. Растительный мир

Одна из наиболее активных тематических сфер вторичной семантики обозначений служителей культа – сфера наименований растений. Как правило, входящие в эту группу лексемы имеют непрозрачную внутреннюю форму и требуют мотивационной реконструкции. Однако мотивационная интерпретация целого ряда лексем сталкивается с различными трудностями.

Во-первых, сложности в определении мотивационных признаков связаны с тем, что в народной традиции частотны метонимические переносы названий с одного растения на другое. Поэтому некоторые мотивационные решения приходится предлагать сразу для группы фитонимов, похожих по форме, функциям или другим признакам.

Во-вторых, невозможно точно установить производящее слово для лексем типа рус. *попóвник*, *попóк*. Подобные слова могут быть производными от лексемы

пуп, а сближение со словом *поп* может происходить на основе сходства внешнего вида растения с обликом человека. Рассмотрим, например, названия скабиозы (*Scabiosa*): рус. смол. *поп*, калуж., смол. *попы́*, бел. могил. *попо́к*. Возможно, изначально эти фитонимы не были связаны с образом священнослужителя, а были образованы от слова *пуп* (ср. другие названия данного растения: *пупник*, *пуповник*, *пуповная трава* [Анненков: 317]; важно также учесть использование скабиозы для лечения «сорвания пупа»). В результате народной этимологии этот фитоним сблился с лексемой *поп*. Но фиксируются и подтверждающие «священническую» мотивацию лексические факты, для которых мотивирующим признаком является сходство цветка с человеческой головой (ср. твер. *головки*, *головняк* ‘короставник полевой *Scabiosa arvensis*’ [Анненков: 317]). Явный пример контаминации дериватов слов *поп* и *пуп* – олон. *поповы коренья* ‘лапчатка *Potentilla*’ [СРНГ 29: 324]: указанное растение имеет также названия *пупная трава*, *пуповник*, пск. *пуповное коренье* (очевидно, калька с нем. *Nabelwurz* [Анненков: 38]).

Однако есть в фитонимии ряд названий, где «поповские» мотивации однозначны, ср. параллельно существующие обозначения одуванчика (*Taraxacum*): *поповник*, *поп*, *попова скуфья* (подробнее см. далее).

В «священнических» фитонимах находят отражение наиболее укорененные в языке мотивы и признаки: внешнего вида, богослужебных атрибутов священника и особенностей образа жизни, принятого в монастырях.

Достаточно большая группа фитонимов отражает народные представления о внешнем виде священника. В этом случае номинация, как правило, основывается на совокупности признаков. С одной стороны, фактором, обуславливающим активность наименований духовенства в фитонимии этого типа, можно считать устойчивое представление о прямостоящей позе священнослужителя, которое проявляется в довольно большом количестве семантических дериватов на основе наименований служителей культа, обозначающих вертикально стоящие объекты и объекты, напоминающие внешним видом человеческую фигуру (подробнее чит. в разделе 3.1). Этот образ, очевидно, лег в основу многочисленных названий **грибов**: рус. Красноярск., орл., тул. *поп* ‘белый гриб’, орл. *поп*, *попо́к* ‘подберезовик’, пол. *por* ‘мухомор’, чеш. *kapušínek* ‘сыроежка’, ‘подберезовик’ [Rystonová 2007: 228], рус. морд. *мона́х*, *мона́шка* ‘гриб из семейства груздей’ и мн. др. В последнем

случае на возникновение номинации повлияла ассоциация черного цвета гриба с цветом одежды монаха.

С другой стороны, не менее важно представление об особенной прическе или головном уборе священника. Названия растений с плоской круглой формой цветка могут быть мотивированы их сходством с православной скуфьей, католическим пилеолусом или же существовавшей ранее в православии и сохранившейся в католической традиции прической – тонзурой.

Так, весьма распространены образованные от обозначений священнослужителей названия разных видов **одуванчика** (*Taraxacum*): рус. калуж., сиб., урал. *поп*, диал. *попóвник*, *попóк*, волог., дон. *пóпик*, дон. *поповский дичок*, бел. гомельск., могил. *поп*, брянск. *панкі́*, могил. *ксёндз*, пол. общенар. *mnich*, *mniszek*, *mniszeczek*, *mniszysko*. Данные наименования могли возникнуть в результате компрессии из номинаций типа рус. диал. *попова скуфья*, вят., твер. *попова плешь*, диал. *попово гуменце*, бел. могил. *ксёндзоў плеш*, пол. *porowa główka* ‘одуванчик *Taraxacum*’. Ср. подобные номинации в других славянских языках: сербск. *попино гумно* ‘то же’ [Чайканович: 172], чеш. *mnihova hlava*, *mníšska hlava*, *mníšska pleš*, *popí plěška* ‘то же’ [Rystonová: 336]⁸⁰.

Интересным представляется проявленное в лексических фактах противопоставление двух стадий цветения одуванчика: при наличии рус. сиб. *поп* ‘одуванчик’ фиксируется также сиб. *попадья́* ‘одуванчик, «если с него не сдувается цветок, похожий на пух»’. В некоторых контекстах польского языка противопоставляются названия одуванчика в стадии цветения и номинации, относящиеся ко времени сбрасывания им семян: пол. мазов. «*Jak kfitné to mleč, a te biaće pуху, со śedmusxa, to: pop, kśonc, dmucháwes*» <Как цветет, то это “млеч”⁸¹, а тот белый пух, что сдувается, это поп, ксендз, дмухавец⁸²>. Фитонимы *mnich* и *dmuchawiec* обыгрываются в романе О. Токарчук «*Prawiek i inne czasy*» («Правек и другие времена»), при этом номинация *mnich* здесь уже относится к растению во время цветения: «Na

⁸⁰ В. А. Меркулова считает данные номинации кальками латинского названия *caput monachi* [Меркулова: 101]. Этот же образ проявляется и в ряде других европейских языков: ср. фр. *couronne de moine* (букв. «венец монаха»), англ. *priest's crown* (букв. «венец священника») [Анненков: 350]. Однако широкое распространение данных фактов в диалектах и разнообразное лексическое воплощение соответствующих моделей заставляют сомневаться в их калькированном характере и предполагать их независимое происхождение; об этом же см. [Колосова 2009: 190].

⁸¹ Ср. польск. *mlecz* ‘одуванчик *Taraxacum*’ [Karlłowicz 3: 170].

⁸² Ср. польск. литер. *dmuchawiec* ‘одуванчик *Taraxacum*’ [SW 1: 465].

księżowskich łąkach kwiaty modlą się nieustannie. Modlą się te wszystkie kwiatki świętej Małgorzaty i dzwoneczki świętego Rocha oraz zwyczajne, żółte mniszki. Od ciągłych modlitw ciała mniszków stają się coraz mniej materialne, coraz mniej żółте, coraz менее конкретне, aż в czerwcu zamieniają się в subtelne dmuchawce. Wtedy Bóg, wzruszony ich pobożnością, wysyła ciepłe wiatry, które zabierają dmuchawcowe dusze mniszków do nieba» <На ксендзовых лугах цветы неустанно молятся. Молятся все цветки святой Малгожатки и колокольчики святого Роха, а также обычные желтые «монашки». От постоянных молитв тела «монашек» становятся все менее материальными, все менее желтыми и все менее телесными, пока в июне они не превращаются в хрупкие одуванчики. Тогда Бог, растроганный их набожностью, посылает теплые ветры, которые забирают одуванчиковые души «монашек» на небо> [Tokarczuk 1996].

В данном контексте, с одной стороны, наклоняющиеся под воздействием ветра головки растений связываются с поклонами монахов при молитве, ср. названия других «молящихся» растений: волог. *богомолки* ‘колючник обыкновенный *Carlina vulgaris*’ [СРНГ 3: 51], арх. *богомолка* ‘кубышка желтая *Nuphar lutea*’ [АОС 2: 44]. С другой стороны, летящий вверх белый легкий пух одуванчиков ассоциируется с безгрешностью и святостью поднимающейся на небо души молящегося цветка-монаха. Последний мотив, по всей видимости, является авторским и не отражен в народной фитонимии.

Сходство с прической или головным убором священника легло в основу названий других растений, своим видом и формой цветка похожих на одуванчик: рус. ср.-урал. *гуменцо попово* ‘кульбаба осенняя *Leontodon autumnalis*’, пол. *mnichówka* ‘растение из семейства мальпигиевых’.

Эта же мотивационная модель могла отразиться и в номинациях разнообразных растений с цветами в форме шара: **купальницы** (*Trollius*)⁸³ – рус. волог. *пópик*; **пушицы узколистной** (*Eriophorum angustifolium*) – рус. волог., моск., орл. *попкí*; **клевера** (*Trifolium*) – рус. диал. *попки*, бел. могил. *папóк*, укр. *попки* ‘то же’; **коро-ставника** (*Knautia*) – бел. гродн. *панкí*, *пóнікі*, **бодяка** (*Cirsium*) – рус. нижегор. *попóвник*. При этом данные фитонимы встраиваются в ряд образованных от слова

⁸³ Эту мотивацию подтверждают другие названия данного растения: твер. *желтые головки*, нижегор. *болотные шапки* ‘купальница европейская *Trollius europaeus*’ [Анненков: 364].

поп номинаций шарообразных предметов (см. подробнее в разделе 2.2.1.1.4). В этом случае на их возникновение мог повлиять звуковой образ слова (губные согласные и лабиализованный гласный ассоциируются с формой круга). Возможно, дополнительный мотивирующий импульс здесь – народное представление о толщине священнослужителя.

Комплекс мотивационных признаков, отражающих «портретные» черты священнослужителя (его головной убор, прическу и позу), проявился также в номинациях **ромашки** и других похожих на нее растений (нивяника, пижмы, поповника): рус. волог., моск. *поп*, волог. *пóпик*, волог., калуж., приоб. *попы́*, орл. *попки́*, волог., калуж. *пóповка*, диал. *попóвник*, бел. могил. *папы́*, *панкі́*, вилейск. *папóвка палявая* ‘нивяник обыкновенный *Leucanthemum vulgare* Lam.’, рус. яросл., твер., смол. *поп* смол. *попы*, краснояр. *попóвник*, новг. *попóвка* ‘ромашка *Matricaria*’, тул. *попóвник*, *поповник непахучий* ‘пиретрум щитконосный *Pyrethrum corymbosum* Wild.’, костр. *поп* ‘пижма *Tanacetum* L.’, укр. подольск. *пóпики* ‘космос раздельнолистный *Cosmos bipinnatus*’. Эти названия отражают сопоставление сердцевины цветка с головным убором – скуфьей либо с выстриженной тонзурой, а его лепестков – с длинными волосами священника.

С меньшей долей вероятности можно предположить эту мотивацию для названий других **растений с соцветием типа «корзинка»**: рус. олон., мурман. *попóвка* ‘белозор болотный *Parnassia palustris* L.’, болг. *калúгерица*, *калúгери́чка*, *калúгер* ‘ярутка *Thlaspi*’ [Витанова: 115], чеш. *mníšek zlý* ‘безвременник осенний *Colchicum autumnale*’ [Rystonová: 336], укр. *попик*, *пóпики* ‘калужница болотная *Caltha palustris* L.’. Мотивирующим признаком для названий калужницы мог стать запах растения, вызвавший ассоциацию с каждением ладаном, которое поп совершает во время богослужения, ср. рус. енис. *водяной ладан* ‘*Caltha palustris* L. калужница болотная’.

Мотивом же для наименования растений с вытянутыми, цилиндрическими цветками послужила схожая форма священнического клобука. К фитонимам с этим типом мотивации относятся названия **рогоза** (рус. твер. *клобу́к попóвский* ‘рогоз узколистный *Typha angustifolia* L.’, волог. *патриáрх* ‘рогоз *Typha*’, болг. *калугери* ‘рогоз широколистный *Typha latifolia*’ [Витанова 2012: 115]), а также, возможно, **вахты** (муром. *попóвка* ‘вахта трехлистная *Menyanthes trifoliata* L.’). Подобную

мотивировку, очевидно, можно предположить и для сербск. *попова капа* <попов колпак> ‘водосбор *Aquilegia*’ [Анненков: 42].

Сходство с клобуком (или же, что вероятнее, головным убором высшего духовенства – митрой) отразилось в номинации **растений с круглым широким цветком**: дон. *архиерейская шапка, архиереёва голова* ‘разновидность кактуса’.

С представлениями о головном уборе священника (митре, клобуке, биретте или камилавке), по-видимому, связаны и названия **черноголовки обыкновенной** *Prunella vulgaris* L. – рус. курск. *красный попок*, а также **буквицы лекарственной** *Betonica vulgaris* – рус. перм. *попов цвет*. Последнее, вероятно, является калькой с немецкого *Pfaffen blümchen* <попов цветочек> ‘то же’ [Анненков: 317]. Однако более точную мотивацию установить пока невозможно.

Головным убором католических священников, название которого легло в основу фитонимов, является капюшон. Его образ отражен в наименованиях **аконита**, или борца, цветки которого напоминают фигуры людей в капюшонах: пол. *złoty mniszek, bernardyn, bernardynek* ‘аконит *Aconitum*’, чеш. *mníška kápe* ‘то же’ [Rystonová: 336], чеш. *mníšek dobrý* ‘борец противоядный *Aconitum anthora*’ [Там же]⁸⁴. В подтверждение данной мотивации приведем еще одно польское наименование данного растения – *niebieskie kapturki* <голубые капюшоны>.

Образ головного убора католических служителей культа возникает и в названиях **бересклета**: пол. *księża czapka* <шапка ксендза> ‘бересклет *Euonymus*’, чеш. *jezuitské čepičky* <иезуитский колпачки> ‘бересклет европейский *Euonymus europaeus*’ [Rystonová: 212].

В польских диалектных номинациях растений возникают образы воротника ксендза (кашуб. *ksqži kolnér* <ксендзов воротник> ‘пижма обыкновенная *Tanacetum vulgare*’) и его штанов (пол. *księżę galoty* <ксендзовы штаны> ‘водосбор обыкновенный *Aquilegia vulgaris*’ [SGP 8 (24): 107; Karłowicz 2: 50])⁸⁵.

Сходство формы цветка с фигурой в рясе, по-видимому, стало причиной для образования болгарских фитонимов *калугерица, калугеричка* ‘ирис водяной *Iris pseudacorus*’, *калугеричка* ‘фиалка *Viola*’, *калугеричка* ‘фиалка душистая *Viola odorata*’ [Витанова 2012: 115]. Кроме того, на возникновение этих фитонимов, а

⁸⁴ Ср. нем. *Mönchskappe*, англ. *monks-hood* (букв. «монашеский капюшон») ‘аконит *Aconitum*’ [Анненков: 6].

⁸⁵ Подробную мотивацию данного названия водосбора см. в разделе 3.1.4.

также названия гадючьего лука – болг. *калѹгерче-пáтерче* ‘гадючий лук кистевидный *Muscari racemosum*’ [Витанова 2012: 115] – мог повлиять и темный (фиолетовый) цвет растений, ассоциирующийся с темным цветом монашеской рясы.

Характерный цвет одежды нашел отражение в ряде польских (а также номенклатурных латинских) названий растений, образованных от лексемы *kardynał*: *kardynał* ‘губастик красный *Mimulus cardinalis*’, *kwiat kardynalski* ‘цветок кардинальский’, *stroiczka kardynalska* ‘лобелия кардинальская’ ‘лобелия темнокрасная *Lobelia cardinalis*’. Эти фитонимы обозначают растения с цветами красного цвета, который присущ облачению священнослужителей данного сана. Сюда же можно отнести и номинацию *kardynał płomienisty* ‘кардинал пламенный’ ‘вид яблони’, вероятно, называющую дерево с цветами или плодами красного цвета.

Образ священнической одежды положен в основу великопол. *kapelan* ‘кувшинка, водное растение’, *kapelana* ‘лопух, особенно его большие листья’. Общим признаком, характерным для этих растений, является ширина их листьев, напоминающих плащ. Та же мотивация лежит и в основе великопол. *kapelander* ‘гриб-зонтик’ (подробнее см. в разделе 2.3.1.2).

Еще одной чертой облика служителей культа, нашедшей отражение в фитонимии, стали борода и усы. Эти образы, по-видимому, воплощены в рус. ср.-урал. *архиерейская метла* ‘вейник незамеченный *Calamagrostis neglecta*’, укр. харьк. *архієрейська мітла*, *архієрейське помело* ‘полынь однолетняя *Artemisia annua* L.’⁸⁶ и чешском фитониме *kapucínské vousy* ‘цикорий обыкновенный *Cichorium intybus*’ [Rystonová: 228]. С другой стороны, под *архиерейской метлой* могло подразумеваться и кропило, а привлечение образа капуцина для обозначения цикория может быть связано с напитком, который изготавливают из этого растения. В таком случае название *kapucínské vousy* следует соотнести с названием другого напитка – капучино. Мотивирующим признаком в обоих случаях мог стать их коричневый цвет, подобный цвету одеяния монахов капуцинов (ср. дефиницию в словаре *Dizionario Garzanti Linguistica*: *cappuccino* ‘кофе с добавлением взбитого молока, цвет которого подобен цвету колпака капуцина’ [Dizionario]).

⁸⁶ Подтверждение этой мотивации дается в рус. контексте «Архиерейска метла, наверно, груба дак, да ишо на бороду похожа».

Представления о репродуктивных способностях православного попа отражаются в названиях таких растений, как **будра** (*Glechoma*) – укр. гуцул. *муді попови*, чеш. *poropes*, *poronek*, *ripenes*, *ripinek* [Machek: 135]; **ятрышник мужской** (*Orchis mascula* L.) – рус. моск. *поповы яйца*, укр. *попóві яйця*; **кирказон ломоносовидый** (*Aristolochia clematis* L.) – укр. *попóві мýді*; **бересклет** (*Evonymus*) – пол. *porowe nudy* ‘бересклет *Evonymus*’, укр. *попóва мýдя*, *попова мýдь* ‘бересклет бородавчатый *Evonymus verrucosa* Scop.’, *мýда попóва*, *мýде попове*, *попóва нудь*, *пóпова нýда*, *попóві яйці*, *попóві яйця* ‘бересклет европейский *Evonymus europaeus* L.’; **рябина** (*Sorbus*) – укр. львовск. *попóва мýдя*. Бересклет или рябина, вероятно, имеется в виду и в укр. бойк. *попові муді* ‘красные ягоды (какие?)’. «Сексуальные» коннотации присущи данным видам растений и безотносительно образа священнослужителя, ср. другие названия ятрышника: рус. *любка*, *любимка*, пол. *lisje jajka*, собственно латинское название *Orchis mascula*; показательно также использование этого растения в любовной магии (о ятрышнике см. в [Колосова 2009: 253–257]). Образ попа здесь возникает в связи с бытующим в народной культуре стереотипом, касающимся плодovitости и мужской силы православного священника (подробнее об этом мотиве см. в разделе 2.2.1.1.4).

Образование еще одного обозначения бересклета – укр. подольск. *попóві очі* ‘бересклет европейский *Evonymus europaeus* L.’ – может быть вызвано несколькими причинами. С одной стороны, здесь возможна эвфемизация, при которой слово «низкого регистра» заменяется словом «высокого», с другой – на основе круглой формы могла произойти замена соматизма (ср. другое название бересклета с компонентом *очі* – *жаб’ячі очі* [Гороф’янюк: 113], *глазун* ‘бересклет бородавчатый *Evonymus verrucosus* L.’ [Анненков: 142]). Образ же поповых глаз закреплен в народной культуре (ср. в паремииологии: «Волчья пасть да поповские глаза – ненасытная яма»).

В некоторых фитонимах отражены представления об атрибутах священнослужителя, в частности, о ритуальных предметах. Сходство соцветий **таволги** и **донника** с церковным кропилом послужило основой для образования бел. гродн. *папоўнік* ‘донник белый *Melilotus alba*’, могл. *поповник* ‘таволга обыкновенная *Spiraea filipendula*’ (ср. номинации этих же растений: рус. диал. *кропило* ‘*Melilotus alba*’ [Анненков: 212] и пол. *kropidło* ‘*Spiraea filipendula*’ [Там же: 339]).

В рус. костр. *popóvy cháši* ‘колокольчики’ и болг. *popova лъжичка* <попова ложечка> ‘Thlaspi ярутка’ [Витанова: 115], возможно, запечатлены образы принадлежностей, используемых для причастия: потира (чаши для святых даров, из которой причащаются [Скляревская: 207]) и лжицы (специальной ложечки с длинной ручкой, которой причащают мирян [Там же: 131]).

Еще одним устойчивым «атрибутом» православного священника, проявившимся и в фитонимии, можно назвать собаку. Зафиксирован случай, когда с попом ассоциируется сердцевина цветка ромашки, а с собачками – ее лепестки: волог. *собáчки* ‘в детской игре – лепестки ромашки’, *pónик* ‘желтая середина ромашки’. Подобный цветок также обозначается номинативным сочетанием, которое представляет собой фрагмент фольклорного текста: моск. *поп-поп, выгони собачку, поп-поп, выведи собачку* ‘растение нивяник’⁸⁷.

Определенные трудности возникают с выявлением мотивации фитонимов, в основе которых предположительно лежат обозначения представителей монашеских орденов. В первую очередь, сюда относятся некоторые колючие растения: **волчец** (пол. силезск., кашуб. *bernardy, bernardynek* ‘волчец *Cnicus*’, чеш. *benedikt lékařský, benedýkt, benediktýnský čubek, benediktová zelina* ‘то же’ [Rystonová: 49; Machek: 256]⁸⁸), **бодяк** (малопол. *bernardynek* ‘*Cirsium oleraceum* бодяк огородный’). Вероятно, в данном случае значимыми оказываются лечебные свойства данных растений и существующая в монастырях традиция сбора лечебных трав и изготовления из них микстур и настоев, ср. чеш. *benediktinka* ‘горький ликер из кникуса’ [Rystonová: 49], пол. *benedyktyn* ‘вид ликера’.

Занятие монахов-бенедиктинцев травничеством нашло отражение и в названиях многолетнего лекарственного растения **гравилат** (*Geum*): малопол. *benedykt* ‘*Geum* гравилат’, чеш. *benedikt vodní* ‘гравилат речной *Geum rivale*’ [Rystonová: 49], чеш. *benedikta, benediktová bylina, benediktové koření, benediktový kořen* ‘гравилат городской *Geum urbanum*’ [Там же] (ср. нем. названия растения *Benediktenkraut* <бенедиктова трава>, *Benediktenwurz* <бенедиктов корень> [Анненков: 157]). Изготовление **табака** в католических монастырях отразилось в названиях его сортов: *benedyktynka, bernardynka* ‘вид табака’.

⁸⁷ Об образе поповой собаки чит. подробнее в разделе 2.1.1.4.

⁸⁸ Стоит также отметить одно из латинских названий волчеца *Cnicus benedictus*.

В чешском языке фиксируются калькированные из испанского языка лексемы *jezuitska kuřa* <иезуитская кора>, *jezuitska kuřa v prášku* <иезуитская кора в порошке>, *jezuitský prášek* <иезуитский порошок>, *jezuitův prášek* <иезуитов порошок>, *jezuitský strom* <иезуитское дерево> ‘хинное дерево Cinchona’ [Rystonová: 212]. Возникновение данных лексем связано с тем, что хинный порошок впервые был привезен в Европу представителем ордена иезуитов [ЭСБЕ]. Сходную мотивацию, по-видимому, имеют чешские номинации *mníšský pepř* <монашеский перец> ‘витекс обыкновенный *Vitex agnus-castus*’ [Rystonová: 336], *jezuitské thé*, *jezuitský čaj* <иезуитский чай> ‘Пех падуб парагвайский *paraguariensis*’ [Там же: 212], *jezuitský ořech* <иезуитский орех> ‘чилиим *Trapa*’ [Там же].

Возникновение на основе лексики, обозначающей служителей культа, названий **сортов фруктов и овощей** может быть обусловлено несколькими факторами. Один из них – традиция отдавать церкви и священнослужителям часть первого урожая – *новину*⁸⁹. Эта традиция, очевидно, сыграла свою роль в появлении рус. простонар. *дьяконовка* ‘ранняя, небольшая, сладкая порода яблок, идущая только на лакомство, в свежем виде’ и дон. *попówka* ‘сорт мелких ранних груш’. Подобную мотивацию может иметь и пол. мазов. *księdzówka* ‘ранний картофель’, в значении которого также содержится сема ‘ранний, первый’. Обычай отдавать продукты церквям и монастырям может быть отражен и в пол. мазов. *mnich* ‘сорт яблок’. Но более вероятно предположение о том, что это слово соотносится с днем св. Михаила, к которому созревали яблоки (ср. кашуб. *miħa* ‘разновидность больших яблок, созревающих ко дню св. Михаила’), а притяжение к обозначению монаха проявилось позднее.

Образованные же от наименований монашеских орденов великопол. *benedykty* ‘вид картофеля’ и чеш. *kapucín* ‘вид гороха’ [Rystonová: 228], скорее всего, связаны с традицией выращивания данных сортов в монастырях.

Высокое положение кардинала отразилось в обозначениях фруктов высокого качества: *kardynalka* ‘сорт больших сладких груш’, *kardynalka* ‘сорт больших сладких слив’.

Таким образом, среди образованных от номинаций служителей культа названий растений наиболее распространены фитонимы, отражающие представле-

⁸⁹ Подробнее см. в разделе 2.1.1.4.

ния о внешнем виде служителей культа (одежде, причёске, головном уборе) и некоторых атрибутах. Производящими для таких наименований растений в большинстве случаев являются обозначения немонастырского духовенства средней степени. В большинстве случаев причиной метафорического переноса служит сходство формы, реже – цвета. От номинаций орденских монахов образованы в основном метонимические номинации, связанные с хозяйственным укладом клириков: травничеством и огородничеством.

3.2.1.2. Животный мир

3.2.1.2.1. Насекомые

Наиболее полно среди семантических дериватов обозначений служителей культа, относящихся к животному миру, представлена группа названий насекомых. Достаточно распространены номинации **бабочек**: рус. литер. *монáшенка*, рус., укр. общенар. *монáшка* ‘ночная бабочка из сем. волнянок’, новг. *поп* ‘вид бабочки’, диал. *монáх* ‘шелкопряд-сумеречник, которого гусеница поедает лес’, польск. *mniszka, zakonnica* ‘бабочка, опустошившая леса Баварии’ (ср. также факт «левой» мотивации *motylek* ‘ксендз’). В основе данных номинаций, по-видимому, лежит комплекс признаков. Во-первых, раскрытые крылья бабочки по форме напоминают широкую и длинную одежду священнослужителя. Во-вторых, значимым оказывается темный цвет крыльев ночных бабочек и сумеречников, который ассоциируется с черной рясой священника. В-третьих, в двух дефинициях подчеркивается также прожорливость бабочки, что может быть связано с представлением о ненасытности служителей культа (подробнее о реализации этого мотива см. в разделе 3.1).

Тот же мотив ненасытности, вероятно, реализован в русских названиях **гусениц**⁹⁰: ворон., ряз., сарат. *попóва собáка (собáчка)* ‘род гусеницы-плодожорки’, яросл. *попóва собáчка* ‘гусеница бабочки’, диал. *попова собачка* ‘гусеница сумеречника’. В основе данных номинаций лежит не собственно образ служителя культа, а принадлежащего ему животного – собаки.

⁹⁰ В лексемах рус. диал. *монáх* ‘шелкопряд-сумеречник, которого гусеница поедает лес’ и польск. *mniszka, zakonnica* ‘бабочка, опустошившая леса Баварии’ речь также могла идти не собственно о бабочках, а об их гусеницах.

Еще одно поповское животное, образ которого появляется в названиях насекомых, – свинья: укр. надднепр. *попова свинка* ‘бескрылый, короткотелый, серый кузнечик’. На возникновение данной номинации повлияло отношение кузнечика к «чистым», «божьим» насекомым (ср. название кузнечика «божьим» конем: рус. арх. *божий коник*), а *поп* здесь выступает в качестве контекстного синонима *Бога*.

Подобие раскрытых крыльев насекомого священническому облачению легло в основу номинации **стрекозы** – рус. дон. *поп*, а также, возможно стало дополнительным мотивирующим фактором для русских названий мух и мошкары: новг. *пономáрь* ‘темно-серая кровососущая муха’, новг. *подомáрь* ‘слепень’, пск. *звонари́* ‘мошкара’. Но главным мотивационным признаком здесь стало подобие жужжания насекомых непонятной, невыразительной речи пономаря и, возможно, звона в колокола, который является основной функцией церковного звонаря. Подтверждением этой мотивации служит то, что в портретах пономаря и звонаря речевые мотивы являются центральными (о них чит. в разделах 2.2.2.1 и 2.2.2.2).

Среди названий **жуков** выделяется группа лексем, обозначающих насекомых черного цвета: рус. свердл. *поп* ‘навозный жук’, арх. *поп* ‘жук-короед’, в которых проявляется представление о черной рясе служителя культа. Образ же богослужебных риз проявлен в другой группе – названиях жуков с яркой блестящей окраской: укр. *пін* ‘золотистая бронзовка *Cetonia aurata*’, гуцул. *пóпик* ‘жук-листоед *Chrysomela*’.

Подобие формы насекомого форме облачения священника проявилось в польских лексемах *kśoż* ‘водный клоп’, великопольск. *kśoc* ‘садовый клоп’. Кроме того, здесь проявляется представление о паразитизме священника, его жизни за чужой счет.

Мотивация названия **блох** (рус. калуж. *монáшенки*) связана, с одной стороны, с темным цветом этих насекомых, с другой – с паразитическим образом жизни.

3.2.1.2.2. Рыбы

Среди семантических дериватов от названий священнослужителей представлены обозначения рыб семейства **бычковых**: рус. арх. *поп* ‘мелкая речная рыба семейства бычков’, волог., моск., орл. *попóк*, арх. *попадья́* ‘бычок-подкаменщик’, ‘рыба подкаменщик’. Причиной для возникновения данных лексем, с одной сторо-

ны, мог стать темный цвет рыбы этого вида, ассоциирующийся с черной рясой служителя культа, с другой – ее большая голова, напоминающая священнический клобук.

Признак черного цвета лег в основу названий **подуста** (рус. нижегор. *монáх*, казан. *монáх-рыба*, сербск. *калућер* ‘подуст обыкновенный’ [Чайканович: 221]) и **горчака** (польск. *poradja*).

3.2.1.2.3. Гады

В рус. костр. *поп* ‘**головастик**’, по-видимому, проявился мотив большеголовости, связанный с высоким головным убором священника – клобуком. Возможно, головастик имеется в виду и в орл. *попóк* ‘лягушонок’. Если же речь идет именно о **лягушке**, мотивирующим признаком здесь может стать громкий и низкий звук, который издает лягушка, ассоциирующийся с речью священника. Несомненно, этот признак проявился в названии **жабы** – кашуб. *kantor*.

3.1.1.2.4. Птицы

Самым распространенным среди «священнических» названий птиц является название **голубя**: рус. калуж. *монáх* ‘голубь очень темной окраски’, польск. *mniszek* ‘голубь’, *karmelitek* ‘птица из семейства голубиных’, *карисун* ‘вид голубя с перьями вокруг шеи в форме капюшона’. Основным мотивирующим признаком здесь, по-видимому, стал темный цвет оперения, подобный черному цвету одежды священнослужителей и монахов. В лексеме *карисун* отразилось представление о капюшоне, который является одним из главных атрибутов монаха-капуцина.

Черный цвет лег в основу и номинаций других птиц: **вороны** – рус. олон. *попóва кúрица*; **галки** – рус. смол. *монáшенка* ‘о черной галке’; **гуся** – рус. диал. *монáшка* ‘серый гусь *Anser L.*’; **тетерева** или **глухаря** – польск. *zakonnik*, *mnich* ‘тетерев во время смены оперенья’. Подобие птичьего оперения одеянию монахов проявилось и в болгарских лексемах, обозначающих черно-белых птиц: **чайки** (болг. *калúгерица* [Витанова: 115]) и **чибиса** (болг. *калúгерица* [Там же]).

В образованном от лексемы *игумен* орнитониме рус. сиб. *игумén*, *игумén* ‘**кулик**’, помимо темного цвета оперения, важным оказывается поведение и походка птицы, которые вызывают ассоциацию с заложившим руки за спину неспешно про-

гуливающимся человеком и связываются с высоким статусом и степенностью игумена. Этот же образ проявлен и в польской номинации **аиста** *ksiądz wojciech* ‘белый аист *Ciconia ciconia* L.’, кроме того, здесь также имеет значение черно-белая окраска птицы.

В украинском обозначении черной **лысухи** (*Fulica astra*) – *nin* также возникает мотив черного цвета, однако значим здесь оказывается и образ тонзуры, которую напоминает белое пятно на голове птицы.

Образ тонзуры проявлен и в названии **королька**: укр. львов. *ксьондзик*. Русское же «священническое» обозначение этой птицы, по-видимому, имеет иную – звуковую – мотивацию: яросл., смол. *звонáрик* ‘желтоголовый королек *Redulus cristatus* Koch.’.

Красный цвет одежд кардинала получил отражение в польском орнитониме *kardynał* ‘птица из рода воробьиных *Cardinalis virginianus*’, а в кашуб. *pleboń* ‘петух’, вероятно, проявилось представление о напевной речи священника, на основе которой он нередко сопоставляется с петухом (ср. рус. поговорку «Поп да петух и не евши поют»).

3.2.1.2.5. Млекопитающие

Группа названий собственно зверей достаточно разрознена и включает в себя единичные факты, которые не выстраиваются в систему.

В рус. диал. *лесной архимандрит* ‘медведь’, по мнению С. Ю. Дубровиной, отразилось представление о главенстве и важности архимандрита и медведя, считающегося «главой» других зверей [Дубровина 2005: 200].

В польск. *proboszcz* ‘название вола’ нашло отражение представление о целибате, который соблюдает католический священник (ср. названия монахами кастрированных животных в разделе 2.3.2.1.1).

Польск. *kantor* ‘название коровы’ образовалась на основе сходства звуков, которые издает корова, с низким и громким голосом костельного певчего.

Как видно из приведенных фактов, большая часть «священнических» названий представителей животного мира образована при помощи метафорического переноса на основе сходства цвета животного с цветом облачения служителей культа

(обычно черного, реже красного или блестящего) или формы головы с его головным убором. Для насекомых значимо сходство раскрытых крыльев со священнической рясой. Производящими основами для дериватов этой группы стали в основном обозначения служителя культа средней степени церковной иерархии (попа, ксендза, пробста) и монашествующих, отдельные лексемы образованы также от номинаций церковнослужителей (звонаря, пономаря, кантора) и высшего духовенства (кардинала, архимандрита).

3.2.2. МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

3.2.2.1. Предметы быта

Основным мотивирующим признаком для большей части названий бытовых объектов, образованных от номинаций священнослужителей, стал признак прямостоящего предмета (ср. рус., укр., бел. общенар. *на пона́* ‘в вертикальное положение’). Большинство лексем, базирующихся на этом признаке, образовано от восточнославянской основы *поп* (изредка *монах*) и относятся к русскому, украинскому или белорусскому языкам.

Признак прямостояния проявлен в номинациях различных **вертикальных предметов**: балок, подпорок (рус. арх. *поп* ‘подпирающая готовое к спуску судно подставка, которую выбивают при спуске’, укр. буковин. *nín* ‘треножник, столб, деталь мотушки’), стен (рус. дон. *поп* ‘передняя и задняя стены длинного дома’), рам (укр. полеск. *попи* ‘боковые большие рамы ткацкого станка’), трубок (польск. *por* ‘трубка с для спуска грязной воды и задерживания внутри кадки вымачиваемого ячменя’). Очевидно, что для большинства приведенных фактов помимо вертикального положения важен также признак единичности (стоящая на возвышении фигура священника выделяется среди прихожан).

Этот же признак лег в основу номинаций разного рода **наверший** и крышек (рус. арх. *поп*, *попки́*, *попики* ‘резное украшение в верхней части прялки’, арх. *попы́* ‘вершина прялки, на которую навязывают кудель’, арх. *попо́к* ‘шарик как украшение на спинке деревянной кровати’, укр. закарпат. *nín* ‘верх крыши навеса в виде заостренной палки’).

Сочетание признака прямостояния с признаком широты одежды служителя культа проявляется в номинациях **конусообразных предметов**: рус. калуж., сарат.

поп ‘конус нетронутой земли при ее выемке, по которым определяют приближительную глубину ямы’. К этой группе относятся названия **стогов** (рус. перм. *пóпик* ‘небольшой круглый стог’, карел. *поп* ‘копна’) и **вариантов укладки снопов** (рус. влад., печор. *поп*, яросл., горьк., ульян. *попóк* ‘малая укладка снопов в поле’, арх. *поп*, волог. *пóпик* ‘суслон’, волог. *мона́х* ‘укладка зерновых или технических культур, состоящая из 18 снопов’, укр. буковин. *nín* ‘кладка из 5-7 снопов ржи или пшеницы’). В данной группе может также возникать мотив круглой формы, связанный с представлением о толщине попа (см. подробнее раздел 3.1).

Эти же признаки, а также признак единичности проявлен в названии **попом верхнего снопа в суслоне** (рус. моск., смол., яросл., бел. могилев., мцисл. *поп* ‘верхний сноп в суслоне’, рус. вят. *поп* ‘сноп, поставленный в середине суслона’, ‘большой сноп, которым накрывается копна или суслон’).

В группе слов, обозначающих **приспособления, связанные с поджогом и разведением огня** (рус. смол. *поп* ‘светоч’, смол. *поп* ‘название обгорелой лучины’, общенар. *мона́шек*, *мона́шенка*, *мона́шка* ‘курительная свечка в виде черной пирамидки’, простонар. *мона́х* ‘кусочек трута, для поджога’), помимо признака прямостоящего предмета, проявляются два других признака. Во-первых, это признак черного цвета (обгорелые свечи и части лучины соотносятся с фигурами священников в черных рясах), во-вторых, мотив дыма, который ассоциируется с каждением во время церковной службы (ср. рус. пск. *кадить как кадилом поп* шутол. или неодобр. ‘о дымящем папиросой или сигаретой, часто курящем человеке’). Значимость не только мотива прямостояния, но и черного цвета для этой группы дериватов подтверждается тем, что, в отличие от приведенных ранее фактов, здесь, помимо производящей основы *поп*, представлены дериваты лексемы *монах* (для портрета монаха мотив прямостояния не является настолько значимым, как для попа, но важен мотив черного цвета).

В отдельную группу выделяются обозначения **сосудов**. В первую очередь, это образованные от слова *монах* названия **бутылок**: рус. карел. *мона́х* ‘длинная бутылка с красным вином’, тул. *мона́х с рясой* ‘четвертная бутылка с вином’, карел. *мона́х* ‘бутылка для водки емкостью в четыре литра’. Вероятно, данные факты имеют комплексную мотивацию: «винная» тема связана, во-первых, с производством и хранением вина в монастырях, во-вторых, с обрядом причастия, во время которого,

как известно, в православной церкви принято вкушение хлеба и вина (ср. рус. простореч. *причащаться* ‘выпивать’). Сюда же примыкает украинское название бутылки *попадя́* ‘в свадебном обряде бутылка настоящей водки’, мотивация которого пока представляется темной (подробнее см. раздел 2.4.1.5).

Не совсем ясна мотивация польск. *mnich* ‘сосуд для отделения золота и серебра в печи’. Возможно, здесь проявился характерный для обозначения сосудов мотив прямостоящего предмета. Возможно также предположить, что развитие данного значения связано с представлением об алхимических опытах, которые ставились в средневековых католических монастырях. Однако вторая версия не подтверждается системными фактами.

Для названия другого типа сосуда – рус. пск. *мона́шка* ‘чугунок черного цвета с отверстием, в которое вставляется трубка самогонного аппарата’ – главным мотивирующим признаком является признак черного цвета. В укр. чернигов. *попівське рило як барило* ‘бочонок’ же отражается представление о толщине служителя культа.

В русском, украинском и польском языках фиксируются обозначения **спусковых устройств**: рус. пск. *мона́хи*, укр. общенар. *мона́х*, польск. общенар. *mnich* ‘спусковое устройство в водоеме: опускающиеся и поднимающиеся вертикальные щиты’. Здесь, по-видимому, нашли отражения поклоны монаха, которыми нередко сопровождается молитва.

Кроме того, в группу слов с предметной семантикой входит несколько лексем, не образующих тематические группы: рус. калуж. *мона́х* ‘бумажный змей особой формы’: «Без дранок, с неаккуратным мочальным хвостом»⁹¹, волог. *митропо́лки* ‘сани с обшитыми железом полозьями, изготовленные не кустарным способом’⁹², р. Урал *попо́вка*, *по́повская сеть* ‘вид плавучей сети’, сиб. *механизированный поп* ‘барометр’, польск. силезск. *pop* ‘сапожный клей’.

Итак, большая часть лексики, входящей в группу бытовых предметов, связана с мотивом прямостояния, который проявлен в дериватах восточнославянского *поп*. Польские факты такого рода имеют единичные фиксации и, по видимости, яв-

⁹¹ По-видимому, здесь произошел перенос по форме: форма бумажного змея напоминает широкую ризу монаха.

⁹² Вероятно, в данном факте отражается богатство и высокий социальный статус митрополита: лексема обозначает дорогие хорошие сани, которые были не по карману большинству крестьян.

ляются заимствованными. Меньшее распространение получили дериваты лексем *монах* и *mnich*. Они встречаются в обозначениях сосудов, спусковых устройств и предметов, связанных с разжиганием огня.

3.2.2.2. Игры и игровые принадлежности

Достаточно большую группу составляют «священнические» названия игр, в которых используются биты или чурки: **городки** (рус. арх. *поп*, свердл. *попá гонялы*, новг. *в попá-загонялу* ‘уличная игра типа городков’, арх. *из-за попá (игр́ать)*, *попóм игр́ать*, арх., карел. *попá гоня́ть*, костр. *попá загоня́ть* ‘играть в игру типа городков’), **лапта** (рус. арх. *попóв гоня́ть* ‘играть в лапту’) **мяч** (рус. новг. *в попá* ‘вид игры с мячом’).

Вероятнее всего, названия этих игр вторичны по отношению к используемым в них приспособлениям: **битам** (рус. арх. *поп* ‘бита, используемая для игры в кости’, сиб. *попóк* ‘бита для игры (в бабки)’), **чуркам или кеглям** (рус. протонар. *поп*, арх, волог. *пóпик*, брян. *попóк*, волог. *попы́*, сев.-двин. *пóпики* ‘в игре городки, рюхи, чурки’, волог. *поп* ‘палка, которую помещают в центре фигуры при игре в городки’). Называются *попом* или укр. *чернецом* и особые **положения чурок во время игры** (рус. пск., волог., вят., перм. *поп* ‘в игре в городки — рюха, которая, будучи сбитой с места, перекается, приняла стоячее положение, оставаясь в черте городка’, олон. *поп* ‘пара рюх, поставленных одна на другую’, укр. *черне́ць* ‘одинокая кегля, стоящая на черте «города» при игре в «скраклі»’⁹³). В этих случаях мотивирующими становятся два признака: прямостояния и единичности.

В польском же языке выделяется группа названий игр, особенностью которых является **разный вид и ценность используемых фигур**: *kardynał* ‘игра в поленья одинаковой длины, по-разному изготовленные и имеющие разную ценность’. Чаще дериваты от наименований служителей культа в этом случае обозначают не сами игры, а их фигуры: *por* ‘в игре, чурбан, отрезанный от палки и немного очищенный’, малопольск. *por* ‘фигура в игре в бирюльки’, *por, mnich* ‘одна из фигур в шахматах: слон’. Здесь значимым оказывается социальный статус служителя культа: его отличие от крестьянства и протонародья. Этот же мотив проявлен и в

⁹³ В этом факте наиболее значимым оказывается не мотив прямостояния, а единичности, связанный с уединенным образом жизни чернеца.

русской считалке: р. Урал. *поп* ‘в детской считалке – третий по счету’, *дьякон* ‘в детской считалке – четвертый по счету (при игре в мяч)’.

В рус. дон. *играть в пона́* ‘играть в игру, сходную с игрой в фанты’, по-видимому, отразился образ епитимьи, которую накладывает поп в качестве наказания за грехи.

Ироническое переосмысление обета безбрачия, который дает монах, легло в основу названий молодежных игр с эротическим подтекстом: рус. пск. *мона́х* ‘название игры на молодежном гулянии, в которой парни и девушки уединяются в отдельном помещении’, пск. *монаха вызывать* ‘играть в игру с поцелуями’. Еще в одной молодежной игре возникает образ попадьи: укр. полеск. *попадя́* ‘игра на вечерках: девушка сама выбирает парня для танца’. Здесь, вероятно, проявляется представление о главенстве жены над попом.

Таким образом, в группу названий игр входят две основные подгруппы. Во-первых, обозначения игр с кеглями, чурками или битами. Названия этих игр и приспособлений для них образованы от лексемы *поп*, они фиксируются лишь в русском языке и связаны с мотивом прямостояния. Во-вторых, в польском языке распространены названия игр с фигурами разной ценности, в этом случае причиной для возникновения названий служит особый социальный статус священника.

3.2.3. ЧЕЛОВЕК

3.2.3.1. Физические особенности

Среди наименований физических особенностей человека выделяются лексемы, характеризующие черты внешнего вида: **прическу** (рус. пск. *длинноволосый* что *поп*, (длинноволосый) как *попик*, бел. гродн. *кóсы як у папá* ‘про человека с длинными волосами’, брест., витеб., минск. *зарасці́ (абрастí) як поп*, *кудла́ты як поп* ‘про долго нестриженного человека’), **цвет волос** (укр. восточнослобожанск. *ру́дий піп хресті́в* ‘некрасивый, рыжий с веснушками’), **полноту** (рус. ворон. *попа́дья́*, бел. гомельск. *ба́ба што ігу́менша*, гомельск. *игу́ме́нша* ‘толстая неповоротливая женщина’, польск. *bernardyński* ‘толстый, откормленный’), **неухоженность** (рус. пск. *попа́дья немойская* ‘бран. о ленивой, неряшливой женщине’, бел. слупк. *чо́рна як папо́ва Му́рза* ‘про неприятную, неухоженную женщину’). Интересно, что дериваты со значением прически указывают на характеристику собственно свя-

щеннослужителя (попа), со значением полноты – на характеристику и представителей церковных институтов (игуменьи, бернардинца), и окружения попа (попадья), а дериваты со значением неухоженности – только на характеристику окружения (попадья и кошки).

Еще одна подгруппа слов – дериваты со значением **старости**. В их основе, с одной стороны, лежит образ самого служителя культа (игумена): рус. калуж. *ігумен* ‘шутливое название старого солидного человека’; с другой – его «атрибута» (поповой собаки): рус. горьк., кемер., омск., томск. *старше* (*старее, старе, старей*) *поповой собаки* ‘о пожилом человеке или о чем-л. обветшалом’, морд., перм. *старше поповой собаки*, укр. днепр. *старий як попова собака* ‘очень старый’.

К группе обозначений физических свойств относится также лексема со значением **глухоты**: рус. калуж. *звонарь* ‘глухой человек’.

3.2.3.2. Черты характера и интеллект

Большую группу составляют фиксирующиеся во всех восточнославянских языках дериваты от обозначений служителей культа со значением **жадности и завистливости**⁹⁴: рус. сиб. *попóвы* (*попóвские*) *глаза* (*вóчи*), укр. ивано-франк. *завдрісний як попівське око*, бел. *папоўскае вóка* ‘о жадном, завистливом человеке’, укр. херсон. *держитись за своє як єзуїт* ‘пренебрежительно о скупом, упрямом человеке’, укр. житомир. *дячкові скрізь ладаном пахне, ніп і шофер здачі не дають* ‘о жадном человеке’.

Другая крупная тематическая группа содержит дериваты также с комплексным значением **хитрости и двуличности**. За редким исключением (бел. гродн. *хітры як наша пападдзя* ‘про кого-либо очень хитрого’) они образованы от названий орденских монахов. В основном здесь активен образ иезуита: рус. книжн. *иезуит*, укр. литер., львов. *єзуїт*, бел. мцисл. *єзуїціна, єзуїцішча*, польск. *jezuít* ‘о хитром, лицемерном человеке’, укр. львов. *єзуїтський* ‘хитрый, коварный, лукавый, жестокий’, лемк. *єзуїтка*, бел. могилев. *єзуїтка, єзуїтачка*, польск. *jezuítka* ‘фальшивая лицемерная женщина’. Приведенные лексемы, возможно, являются заимствованными и могли проникнуть в данные языки с книжной культурой (с большей

⁹⁴ Имеющиеся словарные дефиниции не позволяют разделить эти два значения, поэтому вслед за словарями мы подаем их в комплексе.

вероятностью это можно сказать о русском языке, с меньшей – о польском и белорусском, распространенных на территориях, где деятельность ордена была довольно активной). Помимо иезуита, лицемерием наделяется также и монах-бернардинец: *bernardyńska postawa, ale wilcze serce* ‘о лицемерном человеке’.

В достаточно крупную третью подгруппу входят фразеологизмы со значением **глупости**: укр. ивано-франк. *дурний як ямищицький піп* ‘про глупого человека’. Они распространены в украинском и белорусском языках и могут быть разделены на два структурных типа: идеомы, содержащие сопоставление глупого человека с принадлежащими священнику животными (укр. житомир., кировоград. *розумний як попове порося*, бел. брест. *разумны як пап’ова свіння*, укр. житомир. *грамотний як попів індик*, днепропетровск. *розумний як попова коза* ‘глупый’), и выражения, указывающие на передачу священником своих свойств мирянину во время обряда крещения (укр. житомир. *дурний піп хрестив*, бел. *дурны поп хрысціў* ‘глупый человек’, гродн. *дурным папом хрышчаны, шалёны поп хрысціў* ‘про неуравновешенного, склонного к необдуманным поступкам человека’). Нужно заметить, что выражения типа «Х поп крестил», где Х одновременно является и характеристикой попа, и значением фразеологизма (характеристикой крещенного), достаточно распространены в украинском и белорусском языках (ср. укр. *рудий піп хрестив* ‘некрасивый, рыжий с веснушками’). Вероятно, эту же модель реализует польская поговорка, значение которой не сформулировано: силезск. «Ciebie też głupi ksiondz krzcił» <Тебя тоже глупый ксендз крестил>.

В эту группу также входят отдельные лексемы, не имеющие тематических связей: рус. волог. *калагірь* ‘капризный, заносчивый, недружелюбный’, новг. *выпросить у попа кобылу* ‘быть смелым, нахальным’, иркут. *поп’овский раб’отник* ‘лентяй’.

3.2.3.3. Образ жизни

Большая часть относящихся к данной группе дериватов образована от названий монашествующих и имеет значения, связанные с представлениями об их **уединенном** образе жизни (рус. литер. *монах*, укр. общенар. *мона́х*, бел. *пустэльнік* ‘о человеке, живущем уединенно’, рус. литер. *монахиня*, ставроп., самарск. *калагурка* ‘уединенно живущая женщина’, калуж. *замонаші́ться*, калуж., моск. *раз-*

монáшиться ‘начать удаляться от общества, вести монашеский образ жизни’, калуж. *размонáшиться* ‘отказаться от уединенного образа жизни’, польск. *żyć jak pustelnik* <жить как пустынник> ‘жить аскетично, обособленно’, кашуб. *mńić* ‘нелюдимый человек’) и **холостом** положении (рус. карел., костр., пск. *монáх* ‘неженвшийся мужчина, холостяк’, пск. *остаться монáхом* ‘остаться холостым’, сиб. *монáшить* ‘жить холостяком’, ворон., пск. *монáшка* ‘незамужняя женщина’).

Кроме того, в данную группу входят характеристики **богатства**: рус. влад., ряз. *попóвский карман* ‘о наличии у кого-л. больших денег’, волог. *кулугур* ‘состоятельный, богатый человек’.

3.2.3.4. Речь

Относительно высокая наполненность данной группы объясняется тем, что со священнослужителями носитель традиционной культуры сталкивался в основном во время церковной службы, а исполнение богослужебных текстов является одной из главных ее составляющих. Эту группу формируют дериваты названий служителей низших и средней степеней (дьякона, попа, ксендза, звонаря, пономаря).

Среди семантических дериватов священнической лексики фиксируются, во-первых, лексемы, обозначающие саму речевую деятельность: **произнесение непесенных текстов** (рус. новг. *дьячить* ‘говорить, вести беседу’, новг. *монáшиться* ‘вести разговор в толпе’, польск. мазов. *głosić jak ksiądz na ambonie* <голосить как ксендз на амвоне> ‘ораторствовать’) и **пение** (рус. курск., калуж., твер. *дьячить* ‘петь духовные песни, петь на клиросе’, калуж. *дьячить* ‘петь что-либо по нотам’, новг. *дьячить* ‘монотонно петь’, бел. слущк. *перагуквацца от не раўну́ючы рыхтык поп з дзяко́м у цэ́ркві* <перекликиваться точно как поп с дьяконом в церкви> ‘про чьи-то слаженные распевные переговоры’, ср. рус. новосиб. *разводи́ть моле́бен* ‘говорить плавно, протяжно’).

Во-вторых, большая часть дериватов указывает на **формальные характеристики речи** священнослужителя. При этом образ церковной речи, как и образ самого служителя культа, оказывается бинарным, включающим в себя противоположные свойства. Выделяются такие ее характеристики, как **четкость** (укр. лемк. *як піп (ксьондз) на казані* ‘очень четко и ясно’) и **неразборчивость** (укр. *бубонить*

як старий дяк ‘непонятно тихо говорить’), **интенсивность** (рус. дон. как *дьякон на амоне*, диал. *попóвский язык*, пск. *звона́рь* ‘о болтливом, многоречивом человеке’) и **лаконичность** (рус. пск. *попóвский язык* ‘о немногословном, молчаливом человеке’), **громкость** (рус. новосиб. *звона́рь* ‘крикливый человек, крикун’, перм. *звона́рь* ‘человек быстро и громко говорящий’⁹⁵) и **тихое звучание** (укр. *бубонить як старий дяк* ‘непонятно тихо говорить’). Отдельные признаки: **монотонность** (рус. новг. *дья́чить* ‘монотонно петь’), **скорость** (укр. лемк. *бесідува́ти як калві́нський пуп* ‘очень быстро говорить’) и **торжественность** (укр. львов. *говорить як піп на казанню* ‘произносит торжественным тоном’) – не вступают в отношения оппозиции.

В-третьих, речь характеризуется с точки зрения ее **содержания**. Одна группа дериватов указывает на глубину и содержательность произносимых слов (бел. гродн. *пра́виць як ксёндз з каза́льніцы*, слоним. *пра́виць як поп у цэ́ркві* ‘про чью-то хорошую умную речь’), другая – на ее **бессмысленность** и **бесполезность** (бел. *ба́яц як поп, а слуха́ц не́чава* ‘про людей, которые хорошо говорят, но ненужное’, рус. пск. *звонить как пономарь* ‘шутл.-ирон. о постоянно болтающем пустое человеке, пустозвоне’, ср. рус. свердл. *моле́бен служи́ть* ‘пустословить’ [СГСУ: 302]).

В связи с образом исповеди возникает ракурс, в котором речь оценивается с точки зрения **правдивости** или **ложности**. С одной стороны, в данной группе дериватов отражается представление о «правильной» исповеди, предполагающей честность исповедующегося (ср. рус. литер. *исповедь* ‘откровенное признание в чем-либо, откровенное, чистосердечное изложение чего-либо’ [МАС 1: 682]): рус. дон. как *попу́ на духу́ (сказать)*, укр. вороновск., ивачесчск., мостовск. як *пану́ на спóведзі (расказа́ть)*, восточнослобожанск. як у *попа під рясою*, бел. гродн. як *пану́ на спроведзі́* ‘открыто, честно, ничего не утаивая’. С другой – в украинском языке фиксируется выражение *попа в решете возить*, имеющее значение ‘утаивать грехи, врать во время исповеди’, которое, по-видимому, в дальнейшем потеряло связь с церковным обрядом и развило значение ‘обманывать кого-то, врать’.

Выделяются также обозначения некоторых **типов речи**: **просьба** (рус. новг., пск. *дья́чить* ‘твердить одно и то же, выпрашивая что-либо’, пск. *дья́чить* ‘просить

⁹⁵ В основе данных дериватов, вероятнее всего, лежат представления не о церковной речи, а о колокольном звоне.

милостыню’) и **объяснение** (рус. простонар. *дьячить* ‘толмачить, толковать, объяснять’, пск. *дьячить* ‘навязчиво поучать кого-нибудь’), появление которых также связано с представлениями о тех свойствах, которыми наделяется церковная речь: протяжности, монотонности, интенсивности.

Образ церковного звона используется для создания лексем со значением ‘сплетник’: рус. простонар. *звона́рь* ‘болтун, сплетник’, *звона́рка* ‘болтунья, сплетница’. Связь сплетен с колокольным звоном достаточно прочна, ср. рус. прост. *благовестить* ‘разглашать что-либо, сплетничать’ [БАС 1, 473], укр. разг. *благовістити* ‘разносить, разглашать’ [Гринченко 1, 70], рус. разг. *трезвонить* ‘разглашать что-либо, распространять слухи, вести, пересуды о ком-, чем-либо’ [БАС 15, 870], разг. *раззванивать* ‘разглашать всем, распространять повсюду’ [БАС 12, 331].

С одной стороны, развитие данного значения может быть связано с оповестительной функцией колокольного звона, цель которого – быть услышанным на как можно большем расстоянии как можно большим количеством людей. С другой – промежуточным могло стать значение ‘интенсивная речь’ (ср. рус. пск. *звона́рь* ‘кто любит поговорить’, прост. *растрезвониться* ‘увлечься болтовней, разговариваться’ [БАС 12, 924]), а семантика сплетен – появиться в результате его развития.

3.2.3.5. Физиологические состояния: болезнь и смерть

Отдельно следует сказать о фразеологизмах со значением ‘быть близким к смерти’ (рус. дон. *глядеть на по́во гумно́*, укр. лемк. *позера́ти попове до мі́шка*, бел. *глядзець на паповы сани́*, польск. *patrzyć, oglądać się na księdza oborę* <смотреть на ксендзов двор>, *zadrzesz girę na księżą oborę* <задепешь ноги на ксендзовом дворе>, *na księżą oborę wyglądać* <на ксендзов двор смотреть>) и ‘умереть’ (укр. лемк. *nín do кишéні* <кармана> *взяв* ‘умер’, лемк. *nítu попове до мі́шка* ‘умереть’, бел. *на папо́вы са́ні збіра́цца* ‘умирать’, польск. *na księżą oborę pójść* <на ксендзов двор пойти> ‘умереть’).

Интересно, что подобные факты присутствуют во всех исследуемых языках и имеют похожую структуру: «глядеть на/до + хозяйственный объект, принадлежащий священнику» для значения ‘быть близким к смерти’ и «пойти на/до + хо-

зыйственный объект, принадлежащий священнику» для значения ‘умирать’. Это свидетельствует о значимости данного мотива для культуры и языка.

Большая часть входящих в тематическую группу «Человек» дериватов находится на меньшем семантическом расстоянии от производящего слова, чем лексика других тематических групп, поэтому их значение нередко совпадает с мотивационным признаком, проявленным в портрете того или иного священнослужителя, включая характеризующие его атрибуты. Распространены дериваты, обозначающие черты характера (как правило, образованные от лексемы *pop*, реже от наименований монашествующих) и речевые характеристики (образованные от названий низших служителей культа: дьячка или дьякона и звонаря, реже средних: попа и ксендза). Лексика и фразеология, характеризующая образ жизни, в основном базируется на наименованиях монахов.

Представим данные о наполненности тематических групп. Как говорилось ранее, в тексте главы приведен не весь материал, но количественный подсчет проводился на всем корпусе фактов. Наиболее крупной тематической сферой, в которой функционируют дериваты от названий служителей культа и включающие их фразеологизмы, является сфера «Растительный мир» (в эту группу входит 173 языковых факта). Менее активно представлены группы из сферы «Материальная и духовная культура»: «Предметы быта» (48 фактов) и «Игры и игровые принадлежности» (42 факта), а также «Речь» (45 фактов) и «Черты характера» (35 фактов) из сферы «Человек». Группа «Физические особенности» включает 20 фактов, «Образ жизни» – 17, «Физиологические состояния» – 11. Помимо «Растительного мира» в сферу «Природа» включен также «Животный мир»: подгруппа «Насекомые» содержит 22 факта, «Рыбы» – 8, «Гады» – 3, «Птицы» – 19, «Млекопитающие» – 4.

Во всех исследуемых языках очень активна модель возникновения переносных значений ‘священник/его атрибут → растение’ (ср. возникновение в названиях одуванчика образа священнослужителя: рус., бел. *pop*, бел. *ксёндз*, польск. *mnich* – или образа его головы/тонзуры: рус. диал. *попова скуфья*, *попова плешь*, *попово гуменце*, укр. *попове гуменце*, бел. *ксёндзоў плеш*, пол. *porowa główka*, сербск. *попино гумно*, чеш. *mnihova hlava*, *mníšska hlava*, *mníšska pleš*, *popí plěška*). Другой характерной для всех языков моделью является модель образования фразеологизмов со

значением 'умирать, быть при смерти'. В русском, украинском и польском языках устойчива модель 'монах → спусковое устройство в водоеме'. К сожалению, подобных фактов в белорусском языке обнаружить не удалось, но вероятно, это связано с недостатком лексикографических источников, а не с отсутствием подобной белорусской лексики.

В восточнославянских языках активны дериваты слова *поп*, обозначающие прямостоящие, конусообразные или круглые предметы, биты, рюхи и игры с их использованием, однако в польском данная группа лексем представлена очень слабо, и все входящие в нее факты, по-видимому, являются заимствованными.

В основе большинства дериватов лежат мотивы, связанные с внешним видом служителя культа (одеждой: ее формой и цветом, головным убором, прической и т. п.). Очевидно, именно это обстоятельство определило преобладание фактов, относящихся к группе «Растительный мир», значения которых сформировались как раз на основе сходства внешнего вида растения с обликом служителя культа. Реже возникают образы, отражающие атрибуты священника (кадило и кропило), а также животных, которых он содержит. Исключение составляет группа «Человек», большинство включенных в нее фактов являются «эмблематическими», мотивы, лежащие в основе номинации, соответствуют значению лексики или фразеологизма.

3.3. Сопоставительный анализ мотивационной структуры портретов в различных языках

В результате анализа мы выделили несколько вариантов реализации мотивов в исследуемых языках.

- Мотив проявлен в одном/нескольких языках, но не проявлен в остальных. Например, уникальными для польского языка являются мотивы, связанные с одеждой священника (сутаной, хабитом, воротником и штанами), ее цветом (красным, коричневым и фиолетовым)⁹⁶. Исключительно в польских портретах присутствуют характеристики образа жизни орденских монахов: трудолюбие, особый режим питания и нечистоплотность, а также основного занятия органиста – игры на органе.

⁹⁶ Исключение здесь составляет единичный факт, зафиксированный на львовской территории.

Среди мотивов, которые присутствуют во всех восточнославянских языках, но отсутствуют в польском, – характеристики внешнего вида (длинные волосы), интеллектуальных способностей (ум, глупость), поведения (пьянство) и семьи (образ попады возникает и в нескольких польских фактах, однако велика вероятность, что они были заимствованы из восточнославянских языков), ритуальной речи (монотонность и поучительность), богослужебных атрибутов (кропило).

Несмотря на то, что образы домашних животных, которых содержит священник, представлены в портретах приходских священников всех восточнославянских языков, их наборы разнятся. Образы поповых собаки, лошади и курицы создаются на материале русского и украинского языков, но не реализованы в белорусском, образы свиньи и кошки – на материале украинского и белорусского, а образы коровы и козы отражены только в украинском языке.

Лакуны наблюдаются и среди мотивов, обозначающих церковные обряды. Образы обедни/мессы возникают во всех языках, кроме украинского, образ венчания – только в русском языке, образ причастия – только в белорусском.

Очевидно, ряд уникальных мотивов связан с отличиями между православной и католической культурами. В частности, в православной культуре отсутствует традиция монашеских орденов и менее выражена маркированность церковных чинов цветами одежды. В католической же принят celibат (следовательно, священники не имеют семьи) и нет традиции отращивать волосы.

Некоторые лакуны (например, отсутствие в белорусских портретах мотива поклонов и образа собаки), вероятно, обусловлены недостатком лексикографических источников.

- Мотив проявлен во всех/нескольких языках, но коды (лексический, фразеологический, паремиологический), при помощи которых он выражается, различны. В частности, мотив священнического клобука проявлен в русском и украинском языке, однако в русском он реализуется в достаточно большом количестве лексем: костр. *поп* ‘головастик’, твер. *клобу́к попо́вский* ‘рогоз узколистый *Typha angustifolia* L.’, дон. *архиерéйская ша́пка* ‘вид кактуса’, а в украинском – только в паремиологии: «Знайшов чернець клобук – не возрадувався, а загубив – не спечалився». Мотив кармана в русском языке выражен и в лексике, и в паремиологии (влад., ряз. *попо́вский карман* ‘о

наличии у кого-л. больших денег’, «В поповский карман с головкой спрячешься»), а в украинском и белорусском – только в паремиологии (укр. «Не мала то мирянам журба <печаль>: попова кишенья <карман> порвалась», бел. могилев. «Паповы кішні ніколі не напоўніш»). Мотив исповеди в восточнославянских языках выражен фразеологией и паремиологией (рус. дон. *как попу́ на духу́ (сказать)* ‘открыто, честно, ничего не утаивая’, укр. восточнослобожанск. *як у попа під рясою* ‘правдиво, открыто (сказать)’, бел. гродн. *як пану́ на спроведзі́* ‘честно открыто (рассказать и под.)’), а в польском – только паремиологией («Książdz o spowiedzi, baba o pieniądzach» <Ксендз о исповеди, баба о деньгах>).

- Мотив выражен при помощи одного и того же кода во всех/нескольких языках, но факты, в которых он проявляется, не образуют семантико-мотивационных параллелей – рядов со сходными моделями семантической деривации. Иначе говоря, один и тот же мотив воплощается в лексических единицах с различной структурой и образной фактурой. Мотив тонзуры реализован в рус. диал. *попово гуминце* ‘одуванчик Taraxacum’, укр. львов. *ксьо́ндзик* ‘королек желтоголовый *Regulus regulus*’, польск. *ksądz* ‘дыра в одежде (на колене или локте)’, а мотив толщины – в рус. арх. *попо́к* ‘шарик как украшение на спинке деревянной кровати’, укр. чернигов. *попівське рило як барило* ‘бочонок’, бел. гомельск. *ба́ба што ігу́мениа (тоўстая)* ‘про толстую, полную женщину’, *bernardyński* ‘толстый, откормленный’.

- Мотив проявлен в одном типе кода всех/нескольких языках, и факты, в которых он выражается, образуют семантико-мотивационные параллели. При выделении типов семантико-мотивационных параллелей, представленных в нашем материале, мы идем вслед за Е. Л. Березович [Березович 2014: 182–199]. Данная типология опирается на несколько критериев. Во-первых, при анализе формы языкового воплощения следует учитывать два фактора: морфосинтаксический (наличие/отсутствие словообразовательного или синтаксического изоморфизма между параллельными единицами) и образный. В этом случае мы можем выделить четыре типа параллелей:

- 1) обладающие изоморфизмом и тождественные в плане организации образа: рус. ср.-урал. *архиерейская метла* ‘вейник незамеченный *Calamagrostis neglecta*’ // укр. харьк. *архієрейська мітла* ‘полынь однолетняя *Artemisia annua* L.’; рус. карел.

к мона́ху ‘прочь, подальше’ // укр. общенар. к монахам ‘употребляется для выражения неудовлетворения кем- или чем-нибудь, осуждения чего-то, усиления высказанного’ // бел. ну ягó (яé, íх) к манаха́м ‘высказывание недовольства, досады, отказ, нежелание что-либо делать’;

2) обладающие изоморфизмом и имеющие различия в плане образной организации: укр. восточнослобожанск. *ру́дий піп хресті́в* ‘некрасивый, рыжий с веснушками’ // бел. *дурны́ поп хрысціў* ‘кто-то глупый или наивный, недогадливый’;

3) не обладающие синтаксическим изоморфизмом, но тождественные в плане организации образа: рус. новг. как *попóва рі́за* ‘о длинной одежде’ // укр. восточнослобожанск. *як ба́тюшка* ‘в длинной одежде’;

4) не обладающие изоморфизмом и имеющие различия в плане организации образа: рус. ворон. *попадья́* ‘бранно о толстой женщине’ // бел. гомельск. *ба́ба што ігу́менша (тоўстая)* ‘про толстую, полную женщину’; рус. костр. *поп* ‘пижма *Tanacetum* L.’ // кашуб. *ksązi kolnér* <ксендзов воротник> ‘пижма обыкновенная *Tanacetum vulgare*’.

Во-вторых, следует обратить внимание на характер отношений между внутренними формами и значениями языковых фактов. С этой точки зрения представленные в работе языковые факты позволяют выделить 4 типа семантико-мотивационных параллелей. Охарактеризуем отношения между ними.

1. Тождество внутренних форм и тождество семантики: рус. литер. *мона́шенка, мона́шка* ‘ночная бабочка из сем. волнянок с черными полосами и пятнами на крыльях и брюшке’ // укр. общенар. *мона́шка* ‘ночная бабочка семейства волнянок, у которой передние крылья белые с черными зубчатыми поперечными полосами, а задние – серые, ее гусеницы – вредитель леса’ // польск. *mniszka, zakonnica* ‘бабочка, опустошившая леса Баварии’; рус. пск. *мона́хи* // укр. общенар. *мона́х* // польск. *mnich* ‘спусковое устройство в водоеме’; рус. *завистлив, что поповские глаза* // укр. ивано-франк. *зздрісний як попівське око* // бел. гродн. *заві́сны (зайздóсны) як папóвы вóчы (папóва вóка)*; рус. карел. к мона́ху ‘прочь, подальше’ // укр. общенар. к монахам ‘употребляется для выражения неудовлетворения кем- или чем-нибудь, осуждения чего-то, усиления высказанного’ // бел. ну ягó (яé, íх) к манаха́м ‘высказывание недовольства, досады, отказ, нежелание что-либо делать’; рус. пск. *кадить как кадилом поп* шутл. или неодобр. ‘о дымящем папиросой

или сигаретой, часто курящем человеке' // укр. житомир. *димить як піп кадилом* 'курить'; укр. запорож. *носиться, як піп із кадилом* 'иронично или шутливо о человеке, который носит с чем-нибудь, не зная, где его положить, поставить и т.д.' // бел. брест. *носытыся як поп з кады́лом* 'о поведении одержимого, завязтого человека'.

2. Тождество внутренних форм и неполное семантическое подобие (имеющие параллельные отношения языковые факты относятся к одной тематической группе или имеют общую дифференциальную сему): рус. ср.-урал. *архиерейская метла* 'вейник незамеченный *Calamagrostis neglecta*' // укр. харьк. *архієрейська мітла* 'полынь однолетняя *Artemisia annua* L.'; рус. свердл. *поп* 'навозный жук' // укр. *піп* 'золотистая бронзовка *Cetonia aurata*'.

3. Коррелятивность (в нашем случае синонимия) внутренних форм и тождество семантики. Межъязыковыми синонимами чаще всего являются номинации православного и католического священников средней степени церковной иерархии *поп* и *ксендз*, реже – *поп* и *монах/monich*: рус. калуж., сиб., урал. *поп* // бел. могил. *ксёндз* // польск. общенар. *mnich* 'одуванчик *Taraxacum*'. В некоторых случаях наблюдается конкретизация образа: обобщенный православный монах сопоставляется с представителями определенных католических орденов (рус. калуж. *мона́х* 'голубь очень темной окраски' // польск. *karmelitek* 'птица из семейства голубиных' // *карисун* 'вид голубя' // *карисун* 'вид голубя с перьями вокруг шеи в форме капюшона'). В качестве синонимов в выражениях подобного типа выступают и названия священнических «атрибутов»: тонзуры (рус. вят., твер. *попова плешь*, диал. *попово гуменце* // укр. *попове гуменце* // бел. могил. *ксёндзоў плеш*, 'одуванчик *Taraxacum*'), хозяйственного объекта (рус. дон. *глядеть на попово гумно́* // укр. лемк. *позера́ти попове до мі́шка* // бел. *глядзець на паповы сані* // польск. *patrzyć, oglądać się na księża oborę* <смотреть на ксендзов двор> 'быть близким к смерти'; рус. дон. *попово гумно́ (гумні́ще)* // польск. великопольск. *księża obora* <ксендзов двор>, кашуб. *probošćova obora* <пробстов коровник> 'кладбище').

4. Коррелятивность внутренних форм и неполное семантическое подобие (имеющие параллельные отношения языковые факты относятся к одной тематической группе или имеют общую дифференциальную сему): рус. простонар.

дьяконовка ‘ранняя, небольшая, сладкая порода яблок, идущая только на лакомство, в свежем виде’, дон. *попóвка* ‘сорт мелких ранних груш’ // польск. *mażow. księdzówka* ‘ранний картофель’; рус. диал. *поп* ‘в игре в городки – рюха, которая, будучи сбитой с места, перекатыся, приняла стоячее положение, оставаясь в черте городка’ // укр. *чернёць* ‘одинокая кегля, стоящая на черте «города» при игре в «скраклі»’.

Выводы

Нами были проанализированы основные закономерности организации этнолингвистических портретов служителей христианского культа в русском, польском, украинском и белорусском языках.

Информация об основных мотивационных признаках и количестве мотивов, составляющих каждый портрет, приведена в приложении 5.

Сходства и различия прослеживаются как на уровне структуры портретов, так и в самом их наборе. Наиболее полно во всех исследуемых языках разработаны портреты «типичных» служителей культа – священников средней степени церковной иерархии: православного попа и католического ксендза, проводящих богослужения и имеющих наиболее тесный контакт с приходом. В православной традиции ярче и полнее, чем в католической, представлены портреты низшего духовенства и церковных служек (дьякона, пономаря, звонаря), а в католической – высших церковников (епископа, кардинала, Папы Римского). В католической традиции (польском, частично в украинском и белорусском языках) отражение нашла также группа «Монашеские ордена», которой (в силу отсутствия реалии) нет в православной традиции и, соответственно, русском языке.

Хотя на территории Украины и Белоруссии существует несколько направлений христианства, в портретах украинского и белорусского духовенства больше мотивов, объединяющих их с русским «православным» образом священнослужителя, чем с польским «католическим». Возможно, отсутствие большого количества специфических «католических» мотивов отчасти связано с недостатком материала, так как большая часть словарей создавалась в советское время и ориентировалась на российскую традицию. Стоит также отметить, что украинские и белорусские этнолингвистические портреты оказались менее полными, чем русские и польские.

Они строятся по большей части на паремиологическом материале. С одной стороны, это может объясняться состоянием диалектной лексикографии в Белоруссии и на Украине, в которой преобладают однотомные словари, включающие лишь базовую диалектную лексику и не проявляющие значительного внимания к вторичным номинациям, а также к лексическим единицам, связанным с сакральной сферой. С другой – сосуществование на украинских и белорусских территориях православной, римско-католической, греко-католической и ряда униатских церквей могло стать причиной менее детальной разработки образа священнослужителя, связанного с какой-то одной определенной конфессией.

В результате сопоставления мотивной структуры портретов обнаружилось ряды сходств и различий между разными группами портретов внутри галереи, а также портретами священнослужителей в разных языковых и конфессиональных культурах.

И католическая, и православная система служителей культа – системы с жесткой иерархией. Эта иерархия отражается и в фактах языка (в основном в паремиологии), при этом важными являются как иерархические отношения внутри группы духовенства (рус., укр. «Не в попы, так в звонари (дзвонарі)», польск. «Lepszy być ksiyndzym niż organistom» <Лучше быть ксендзом, чем органистом>), так и вписанность представителей группы в общесоциальную иерархию (рус. «Не бывать попу в холопах, что холопу – в попах», польск. «Co ksiądz, to kanonik, co żołnierz, to oficer» <Что ксендз, что канонник, что солдат, что офицер>). Поскольку лексика, обозначающая служителей культа, связана с церковной сферой, она имеет коннотации сакральности. Представления о сакральном диффузны – и мировоззренческий «источник» сакральности иногда утрачивается: так, согласно народным верованиям, священник может принимать участие в магических действиях, имеющих языческое происхождение (рус. костр. *попу́ на борóдку завязáть* ‘об оставленном в поле пучке колосьев’). Эта же диффузность (вкуче с языковой экспрессией, сопровождающей идею сакрального) обуславливает своеобразную «энантисемию», когда обозначения священников приобретают значение нечистой силы: рус. *архимáндра* ‘дьявол, нечистая сила’, польск. *mnich* ‘мифическое существо в виде монаха’.

Во всех четырех языках активны мотивы, связанные с обликом священнослужителя. Они выражены в большей степени в лексических и фразеологических фактах и характеризуют представителей разных групп духовенства. Языки описывают одежду священников (рус. тул. *monáh s rýсой* 'четвертная бутыль с вином', кашуб. *ksqżi kolnér* <ксендзов воротник> 'пижма обыкновенная'), цвет (укр. *nín* 'лысуха черная *Fulica astra*', польск. *biskupowy* 'фиолетовый')⁹⁷, головной убор (рус. дон. *архиерейская ша́пка* 'растение, вид кактуса'), прическу (бел. гродн. *кóсы як у панá* 'про человека с длинными волосами') и др. Такое внимание к внешнему облику обусловлено условиями контакта номинаторов и объекта номинации, а также яркой «инаковостью» священников в той среде, где они находятся.

Оценочно-качественные мотивы, указывающие на черты характера служителя культа и широко представленные русской, украинской, белорусской и польской паремиологией, проявляются по большей части в портретах представителей монастырского духовенства⁹⁸ (рус. «Смелого ищи в тюрьме, глупого в попах!», укр. житомир. «Лінь як у попа, а апетит як у вовка», бел. гродн., гомел. «Лáсы як поп на каўбасы», польск. «Nie ma skąpcza nad księdza» <Нет скупца больше ксендза>). В портретах монахов и представителей монастырских орденов гораздо полнее и ярче представлены ситуационные мотивы, характеризующие особенности монастырского образа жизни (рус. *монашеский* 'аскетически-воздержанный, целомудренный', укр. *monáh* 'про человека, который живет в одиночестве, избегает общения с людьми', польск. *stół bernardyński* <бернардинский стол> 'обильный стол').

Практически не представлены в портретах монастырского духовенства мотивы, связанные с хозяйственной деятельностью. Исключение составляют польские наименования производимых в монастырях продуктов. В то же время в портретах работающих «в миру» священнослужителей довольно ярко проявляется представление об их доходах (польск. «Ksiądz żyje z ołtarza, pisarz z kałamarza» <Ксендз живет с алтаря, писарь с чернильницы>, рус. влад., ряз. *попóвский кармáн*

⁹⁷ В области цветовых номинаций прослеживается разница между католической и православной традициями, определяющаяся экстралингвистическими факторами. Для православного служителя культа характерен черный цвет повседневного одеяния (единичные факты отражают представление о блестящей богослужебной ризе). В католической же традиции цвет одежды указывает на социальное положение служителя культа – принадлежность к той или иной группе, поэтому, помимо «универсального» черного цвета, здесь обозначены также коричневый (в образе капучина), фиолетовый (епископа) и красный (кардинала) цвета.

⁹⁸ Исключение составляет мотив лицемерия, характерный для образов монахов.

‘о наличии у кого-л. больших денег’) и служащих у них работниках (рус. иркут. *попóвский рабóтник* ‘лентяй’, польск. «Księżu sługa boi się pługą» <Ксендзов слуга боится плуга>). Мотивы, связанные с животными, которых содержит священник, присутствуют только в восточнославянских языках (рус. диал. *попóва собáка* ‘род гусеницы-плодожорки’, бел. гродн. *набрáцца як попóва Мўрза* ‘про очень пьяного человека’, укр. общенар. «Дере голову як попова кобила»), при этом сам набор животных шире всего в украинской традиции: к русским собаке, курице и лошади, белорусским свинье и кошке здесь добавляются образы коровы и индюка.

Довольно активны акциональные мотивы, характеризующие действия, производимые служителями культа во время богослужения. Эти мотивы в большей степени присущи портретам представителей немонастырского духовенства (рус. дон. *как попу́ на духу́ (сказа́ть)* ‘открыто, честно, ничего не утаивая’, укр. «Дурний тебе піп христив що в воду не впустив», бел. «Поп службыць не дзеля Ісуса, а дзеля хлеба куса»).

Различие между образами служителей культа в православной и католической культурах проявляется на уровне представлений о семье. Важные характеристики православного попа – многодетность и плодовитость (рус. «Дворовы да поповы плодливы»), он имеет жену (рус. сиб. *попадья́* ‘растение одуванчик «если с него не сдувается цветок, похожий на пух»’, укр. «Одна в попа жінка, та й то остання», бел. «Апóшня у папа́ жóнка»), тогда как в образе польского ксендза отмечается представление о принятом в католической традиции celibate (польск. «Cjé tje za jeden, cjé dręgim daje czego cun som ni mo» <Что это за человек, что другим дает, чего он сам не имеет> (ксендз, который совершает брак)). Еще одна специфическая черта, характерная для польской традиции (в отличие от восточнославянских), состоит в эксплицитном указании на необходимость уважать священника, содержащемся в паремиологии («Z księdzem i mnichem nie żartuj» <С ксендзом и монахом не шути>).

Анализ «реципиентной» семантики позволил выявить сферы отождествления, к которым относятся семантические дериваты на основе наименований священнослужителей. Установлено, что «священнические» семантические дериваты номинируют явления из следующих смысловых областей: «Растения», «Насекомые», «Рыбы», «Гады», «Птицы», «Млекопитающие», «Предметы быта», «Игры

и игровые принадлежности», «Человек» («Внешний вид», «Черты характера и интеллект», «Образ жизни», «Речь», «Физиологические состояния»). Кроме того, определены наиболее частотные модели развития семантики. Среди универсальных (представленных во всех проанализированных языках) моделей выделяются следующие: ‘священник / атрибут священника → растение’, ‘попасть в хозяйство к священнику → умереть’, ‘монах → спусковое устройство’. Для восточнославянских языков характерны модели ‘священник → стоящий вертикально предмет’, ‘священник → чурка для игры’, ‘священник → наверхие’.

Несмотря на общность большинства мотивов и портретных деталей, выделяются такие, которые специфичны для православной и католической традиций. Так, для наивных образов православных священнослужителей специфичны такие разноплановые детали, как прямостоячая поза, длинные волосы, наличие семьи (жены); для католических – красный, фиолетовый или коричневый цвет одеяния, занятия травничеством, нечистоплотность, трудолюбие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая работа посвящена этнолингвистическому портретированию как методике этнолингвистического исследования и портрету как способу представления результатов такого исследования.

В традиции лингвокультурологических и этнолингвистических исследований реализовано несколько подходов, которые можно отнести к портретированию. Среди них теория когнитивной дефиниции, разработанная в рамках Люблинской этнолингвистической школы, методика тезаурусного описания языка фольклора, предложенная С. Е. Никитиной, схема описания реалии, используемая представителями Московской этнолингвистической школы, и ономаσιологический портрет, применяемый, к примеру, в исследованиях уральских этнолингвистов. Собственно этнолингвистическое портретирование (с использованием данного термина) тоже проводилось в ряде исследований, однако подробное описание этого вида анализа не предпринималось.

Этнолингвистический портрет, с одной стороны, позволяет полно и наглядно отразить результаты семантико-мотивационной реконструкции и упорядоченно воссоздать комплекс народных представлений об исследуемой реалии, которые «рассыпаны» по отдельным культурным и языковым кодам. С другой стороны, портретирование дает возможность сравнивать комплексы представлений об однотипных реалиях внутри одного языка или культуры или между лингвокультурными традициями.

Объектом этнолингвистического портретирования является существующий в народном сознании образ конкретного предмета или персонажа, который закреплен в языке, фольклоре или других культурных кодах. В случае, когда портрет строится на основе языковых фактов, целесообразным кажется рассматривать в качестве объекта портретирования сигнификат лексемы. В нашем случае в качестве объекта выбран образ священнослужителя, анализируемый на материале русской, польской, украинской и белорусской лингвокультурных традиций. Соответствующий стереотип интересен тем, что в нем отражены представления о таком виде деятельности, которая сопутствует всей жизни крестьянина, но в то же время чужда для него; кроме того, этот стереотип определяется религиозной конфессией.

Это позволяет сравнивать портреты не только в разных языках, но и в разных культурах (в том числе конфессиональных).

Этнолингвистический портрет строится на основе деривационно-фразеологического гнезда – лексического комплекса, включающего в себя слова и выражения, возникшие в результате семантической или семантико-мотивационной деривации на основе вершинного слова (в нашем случае – церковного термина, обозначающего священно- или церковнослужителя), фразеологию и паремиологию с его участием. Методы семантической реконструкции и контекстного анализа входящих в состав деривационно-фразеологического гнезда фактов позволяют выявить набор мотивационных признаков и мотивов, отражающих актуальные для языка и культуры свойства исследуемой реалии. При этом количество черт в составе этнолингвистического портрета может различаться: портрет может включать минимальный набор ярких характеристик (1–2) или же максимально подробно и разносторонне описывать предмет.

Одна из главных характеристик этнолингвистического портрета – его структура, которая должна в общих чертах совпадать со структурой других портретов в галерее или портрета этой же реалии в другом языке или субстанциональном коде культуры. Этот принцип делает портреты сопоставимыми друг с другом, позволяет выявлять признаки, характерные для всех портретов в галерее (группе портретов, относящейся к одной тематической сфере реалий), и лакуны.

Мотивационные признаки, входящие в состав этнолингвистического портрета, могут быть классифицированы по нескольким основаниям: тематическому, логическому, жанровому, а также по степени субъективности или объективности информации, составляющей портрет.

Наиболее близок структуре народных представлений о мире тематический принцип классификации. Так, в составе портретов служителей культа выделяется 10 тематических рубрик: ▪ внешний вид, ▪ возраст, ▪ интеллект, ▪ характеристики поведения, ▪ личностные качества, ▪ хозяйство, ▪ семья, ▪ обрядовые действия, ▪ общая связь со сферой сверхъестественного; ▪ социальный статус.

Классификация по жанровому принципу и культурным кодам позволяет составить и сравнить отдельные портреты для каждого жанра или культур-

ного кода, но не дает общекультурного образа реалии. В нашем случае выделяются мотивы, проявленные только в лексике (в портретах служителей культа к таким чертам относятся, к примеру, длинная одежда или борода), только в паремиологии (ум, греховность, участие в обедне и др.), и мотивы, присутствующие как в системе языка, так и в паремиологии (тонзура, жадность, пение, собака и мн. др.).

С точки зрения логического статуса выделяется 5 групп мотивов:

- качественные (признаки и характеристики реалии: мотивы глупости, жадности, лени и пр.);
- акциональные (действия, которые совершает портретируемый персонаж или совершаются по отношению к нему: мотивы пения, каждения, поборов, исповеди, обмана и т. д.);
- ситуационные (ситуации, в которых участвует реалия: мотивы затворничества, нищенствования, безбрачия и др.);
- мотивы-атрибуты (мотивы попоады, работника священника, собаки, лошади, свиньи, курицы, кадила, кропила и т. д.);
- мотивы-партнеры (мотив черта).

По степени субъективности признаки внутри портрета делятся на объективные (действительно свойственные реалии: например, мотивы тонзуры, черного цвета, обедни, исповеди, особого режима питания и под.) и субъективно-оценочные (приписываемые реалии извне: мотивы паразитизма, жадности, паразитизма, лицемерия и др.).

Важной чертой этнолингвистических портретов является сопоставимость как отдельных портретов (внутри одного языка или между языками и языковыми кодами), так и галерей портретов. Сопоставление галерей возможно на различных уровнях:

- между диалектами одного языка;
- между разными языками;
- между разными субстанциональными кодами одного языка;
- между разными хронологическими пластами одного языка;
- между разными культурами.

В нашем случае проведено сопоставление галерей портретов служителя культа по трем основаниям: между языками, между субстанциональными кодами и между конфессиональными культурами.

Так, в системно-языковых фактах проявлены в большей степени мотивы, связанные с внешностью служителя культа (одеждой, головным убором, прической), а в малых фольклорных жанрах – мотивы, указывающие на черты характера (жадность, лицемерие, глупость), социальное положение, сакральность. Мотивы, указывающие на образ жизни и атрибуты (семью и животных), представлены в обоих кодах.

В ходе исследования репрезентированы 69 этнолингвистических портретов христианских священно- и церковнослужителей: 17 из них – на материале русского языка, 27 – на материале польского, 14 – на материале украинского, 11 – на материале белорусского языка. В их состав вошло 1925 языковых фактов: 653 – русского, 519 – польского, 498 – украинского и 255 – белорусского языка.

Во всех исследуемых языках наиболее полно разработаны портреты священников средней степени церковной иерархии: православного попа и католического ксендза. Они воспринимаются как типичные представители профессии и наделяются всеми основными свойствами духовенства. Портреты низшего духовенства (дьякона, звоноря, пономаря) ярче и полнее отражены в православной традиции (русском, украинском и белорусском языках). Портреты высшего духовенства (епископа, кардинала, Папы Римского) более детально обрисованы католической традицией (польским, украинским и белорусским языками). В католической традиции также достаточно подробно представлена группа орденских монахов, которых из-за отсутствия соответствующей реалии нет в православной культуре.

Отдельно стоит сказать о системах портретов украинского и белорусского языков. Во-первых, они оказались менее полными, чем системы русского и польского языков, и строящимися в большей степени на паремиологическом материале. Причиной для этого могла стать как особенность украинской и белорусской лексикографических традиций, так и многоконфессиональность территорий, которая привела к меньшей маркированности образов духовенства.

При сопоставлении мотивной структуры портретов на межъязыковом уровне выделено 4 варианта реализации мотивов:

1. Мотив проявлен в одном / нескольких из исследуемых языков, но не проявлен в остальных. Например, только в польском языке реализуются мотивы сутаны, красного цвета, игры на органе, а во всех восточнославянских языках – мотивы длинных волос, пьянства, попадьи и кропила.

2. Мотив проявлен во всех / нескольких из исследуемых языков, но различаются коды, при помощи которых он выражен. Например, мотив исповеди в восточнославянских языках выражен фразеологией и паремиологией (рус. дон. *как попу́ на духу́ (сказать)* ‘открыто, честно, ничего не утаивая’, укр. восточнослобожанск. *як у попа під рясю* ‘правдиво, открыто (сказать)’, бел. гродн. *як пану́ на спроведзі́* ‘честно открыто (рассказать и под.)’), а в польском – только паремиологией («Książd o spowiedzi, baba o pieniędzach» <Ксендз о исповеди, баба о деньгах>).

3. Мотив выражен при помощи одного и того же кода во всех / нескольких языках, но факты, в которых он проявляется, не образуют семантико-мотивационных параллелей. Например, мотив тонзуры реализован в рус. диал. *попово гуминце* ‘одуванчик *Taraxacum*’, укр. львов. *ксьо́ндзик* ‘королек желтоголовый *Regulus regulus*’, польск. *ksądz* ‘дыра в одежде (на колене или локте)’.

4. Мотив выражен при помощи одного и того же кода во всех / нескольких языках, и факты, в которых он проявляется, образуют семантико-мотивационные параллели.

Семантико-мотивационные параллели, в свою очередь, классифицируются, во-первых, на основе подобия синтаксического изоморфизма и образной организации. Выделено 4 типа параллелей: ▀ обладающие изоморфизмом и тождественные в плане организации образа (рус. ср.-урал. *архиерейская метла* ‘вейник незамеченный *Calamagrostis neglecta*’ // укр. харьк. *архієрейська мітла* ‘полынь однолетняя *Artemisia annua* L.’); ▀ обладающие изоморфизмом и имеющие различия в плане образной организации (укр. восточнослобожанск. *рудий піп хрестів* ‘некрасивый, рыжий с веснушками’ // бел. *дурны́ поп хрысціў* ‘кто-то глупый или наивный, недогадливый’); ▀ не обладающие изоморфизмом, но тождественные в плане образной организации (рус. новг. *как попова риза* ‘о длинной одежде’ // укр. восточнослобожанск. *як ба́тюшка* ‘в длинной одежде’); ▀ не обладающие изоморфизмом и имеющие различия в плане образной организации (костр. *поп* ‘пижма *Tanacetum* L.’ //

кашуб. *ksqži kolnèr* <ксендзов воротник> ‘пижма обыкновенная *Tanacetum vulgare*’).

Во-вторых, нами проведена классификация семантико-мотивационных параллелей с точки зрения соотношения внутренних форм и значений языковых фактов. Представлено также 4 варианта реализации данного соотношения: ▪ полное тождество внутренних форм и семантики (рус. пск. *монáхи* // укр. общенар. *монáх* // польск. *mnich* ‘спусковое устройство в водоеме’); ▪ полное тождество внутренних форм и неполное подобие семантики (рус. ср.-урал. *архиерейская метла* ‘вейник незамеченный *Calamagrostis neglecta*’ // укр. харьк. *архієрейська мітла* ‘полынь однолетняя *Artemisia annua* L.’); ▪ коррелятивность (синонимия, антонимия) внутренних форм и тождество семантики (рус. калуж., сиб., урал. *пон* // бел. *могил. ксёндз* // пол. общенар. *mnich* ‘одуванчик *Tagetis*’); ▪ коррелятивность внутренних форм и неполное подобие семантики (рус. диал. *пон* ‘в игре в городки — рюха, которая, будучи сбитой с места, перекачась, приняла стоячее положение, оставаясь в черте городка’ // укр. *чернёць* ‘одинокая кегля, стоящая на черте «города» при игре в «скраклі»’).

Важен для составления этнолингвистического портрета и анализ «реципиентных» семантических сфер, т. е. тех сфер, в которые происходит метафорический перенос значения. Внимание к принимающей семантике, во-первых, позволяет выявить связь исследуемого лексико-семантического поля с другими полями, во-вторых, – определить семантико-мотивационные параллели и модели семантической деривации, которые могут быть характерны для всех исследуемых языков. Так, большая часть семантических дериватов, образованных от обозначений служителей культа, образует 14 тематических групп, распределенных на 3 макрогруппы: «Природа» (входят группы «Растительный мир», «Животный мир», «Насекомые», «Рыбы», «Гады», «Птицы», «Млекопитающие»), «Материальная и духовная культура» (входят группы «Предметы быта», «Игры и игровые принадлежности»), «Человек» (входят группы «Физические особенности», «Черты характера и интеллект», «Образ жизни», «Речь», «Физиологические состояния: болезни и смерть»).

В качестве **перспектив** исследования метода этнолингвистического портретирования отметим:

- привлечение материала другого типа. В частности, в качестве реалий для портретирования стоит рассмотреть неодушевленные предметы. Отдельного исследования требует разработка методики максимально полной структурированной репрезентации народных представлений об абстрактных реалиях;
- разработку методики сопоставления портретов в хронологическом аспекте (например, портретов служителей культа на базе древнерусского и современного русского языков);
- разработку методики сопоставления портретов, основанных на данных разных форм существования языков (народных портретов, построенных на диалектном материале, и портретов, построенных на материале литературного языка);
- разработку методики сопоставления и анализа различий в авто- и гетеропортретах. Кажется целесообразным сопоставить внутреннюю и внешнюю точки зрения на портретируемую реалию. Например, могут быть сопоставлены народный портрет священнослужителя и портрет, сконструированный на базе жаргона семинаристов.

ЛІТЕРАТУРА

Словари, фольклорные и этнографические источники

- АФБП – Асабісты фонд беларускіх прыказак : на матэрыяле запісаў ад У. П. Ліхтар, вёска Гоцк Салігорскага раёна / Л. А. Валчок, Ц. А. Малахоўскі ; пад рэд. Т. В. Валодзінай, А. В. Сцепулёнка. Мінск : МАІРА, 2012. 58 с.
- Аксамітаў А.* Прыказкі і прымаўкі : Тлумач. слоўн. бел. прыказак і прымавак з арх., каф. збораў, рэд. выд. XIX і XX стст. / А. Аксамітаў. Мінск : Бел. навука, 2000. 319 с.
- Анненков – Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей / сост. Н. Анненков. СПб. : Тип. Имп. Акад. Наук, 1878. XXI + 645 с.
- АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980–. Вып. 1–.
- Аркушин Г. Л.* Словник західнополіських говірок : у 2 т. / Г. Л. Аркушин. Луцьк : Вежа, 2000.
- Арьянова В. Г.* Словарь фитонимов Среднего Приобья : в 3 т. / авт.-сост. В. Г. Арьянова ; ред. О. И. Блинова. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006–2007.
- АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) : в 6 вып. / Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького ; гл. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь : Перм. гос. ун-т, 1984–2011.
- БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / ред. В. И. Чернышев. М. ; Л. : Наука, 1948–1965.
- БММ – Беларуская мова і мовазнаўства. Вып. 3–5. 1976.
- БСРП – *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. 785 с.
- БТДК – Большой толковый словарь донского казачества / ред. кол.: В. И. Дегтярев, Р. И. Кудряшова и др., Ростов. гос. ун-т, ф-т филологии и журналистики ; каф. общ. и сравн. языкознания. М. : Рус. словари : Астрель : АСТ, 2003. 608 с.
- Будур Н.* Православный словарь. 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zadonsk-monastir.ru/pravoslavie-dlya-novonachalnyh/2013-03-12-14-55-56.html>.
- БФ – Беларускі фальклор: Энцыклапедыя : у 2 т. Т. 2 : Лабараторыя традыцыйнага мастацтва – “Яшчур” / рэдкал. Г. П. Пашкоў і інш. Мінск : БелЭн, 2006. 832 с.
- Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны / І. К. Бялькевіч ; рэд.: М. В. Бірыла, А. А. Крывіцкі. Мінск : Навука і тэхніка, 1970. 509 с.

- Вікторіна О. М.* Словник лексики та фразеології народної медицини й лікувальної магії Кіровоградщини / О. М. Вікторіна ; відп. ред.: В. В. Лучик. Кіровоград : Центр.-Українське вид-во, 2006. 436 с.
- Власова М. Н.* Энциклопедия русских суеверий / М. Н. Власова. СПб. : Азбука-классика, 2008. 624 с.
- ГГ – Гуцульські говірки : короткий словник / укл. Г. Гузар, Я. Закревська, У. Єдлінська, В. Зеленчук, Н. Хобзей. Львів : Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 1997. 232 с.
- Гороф'янюк І. В.* Ботанічна лексика центральноподільських говірок : матеріали до Лексичного атласу української мови / І. В. Гороф'янюк ; відп. ред. П. Ю. Гриценко. Вінниця : ПП Балюк І. Б., 2012. 304 с.
- Гримашевич Г. І.* Словник назв одягу та взуття середньополіських і суміжних говірок / Г. І. Гримашевич. Житомир : Північноукраїн. діалектол. центр Житомир. держ. пед. ун-ту ім. Івана Франка, 2002. 184 с.
- Гринченко – Словарь української мови : у 4 т. / укл. Б. Грінченко. Київ : Наукова думка, 1996 (надрук. з видання 1907–1909). 496 с.
- ГС – *Чабаненко В.* Гартоване слово: постійні порівняння в говірках Нижньої Наддніпрянини / збір. і впорядк. В. Чабаненко. Запоріжжя : [б. в.], 1995. 164 с.
- ГСЛ – Гуцульські світи лексикон / Н. Хобзей, Т. Ястремська, О. Сімович, Г. Дидик-Меуш. Львів : Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ, 2013. 668 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. 2-е изд. СПб. ; М. : Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989).
- Даль ПРН – Пословицы русского народа : в 2 ч. / сб. В. Даля. СПб. ; М. : Изд. М. О. Вольфа, 1879.
- Дзендзелівський Й. О.* Українсько-західнослов'янські лексичні паралелі / Й. О. Дзендзелівський ; відп. ред. Ф. Т. Жилко. Київ : Наукова думка, 1969. 212 с.
- Дилакторский – Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А. И. Левичкин, С. А. Мызников. СПб. : Наука, 2006. 677 с.
- ДО – Дополнения к Опыту областного великорусского словаря / ред. Н. Я. Данилевский. СПб. : Изд. второго Отд-ия Имп. Акад. наук, 1858. 328 с.
- Добровольский – Смоленский областной словарь / сост. В. Н. Добровольский. Смоленск : Тип. П. А. Силина, 1914. 1022 с.
- Доброльожа Г. М.* Ідеографічний словник поліських народних порівнянь з компаративними об'єктами – назвами тварин / уклад. Г. Доброльожа. Київ : Волинь, 1997. 53 с.

- Доброльожа Г. М.* Красне слово як золотий ключ. Постійні народні порівняння в говірках Середнього Полісся та суміжних територій : словник / уклад. Г. Доброльожа. Житомир : Волинь, 2003. 160 с.
- Доброльожа Г. М.* Фразеологічний словник говірок Житомирщини / уклад. Г. Доброльожа. Житомир : ПП Туловський, 2010. 404 с.
- Дубровина С. Ю.* Народное православие на Тамбовщине. Опыт этнолингвистического словаря / С. Ю. Дубровина. Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2001. 171 с.
- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови : в 6 т. / ред. О. С. Мельничук. Київ : Наукова думка, 1982–2012.
- ЖСл – Жывое слова / рэд. Ю. Ф. Мацкевіч, І. Я. Яшкін. Мінск : Навука і тэхніка, 1978. 284 с.
- ЗНФ – *Лепешаў І. Я.* З народнай фразеалогіі : дыферэнцыяльны слоўнік / І. Я. Лепешаў. Мінск : Вышэйшая школа, 1991. 109 с.
- Иллюстров – Сборник российских пословиц и поговорок / И. И. Иллюстров. Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1904. 475 с.
- Івченко А. О.* Українська народна фразеологія: ономасіологія, ареали, етимологія / А. О. Івченко. Харків : Фоліо, 1999. 304 с.
- Каспяровіч М.* Віцебскі краёвы слоўнік : (матэрыялы) / М. Каспяровіч ; пад рэд. М. Я. Байкова і Б. І. Эпімаха-Шыпілы. 2-е выд., стэр. Менск [Мінск : б. в.], 2011. 371 с.
- Коваленко Н. Д.* Фраземіка говірок західного Поділля / Н. Д. Коваленко. Кам'янець-Подільський : ПП Буйницький О. А., 2011. 176 с.
- Колас – Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа / уклад. А. С. Аксамітаў і інш. ; пад рэд. А. С. Аксамітава. Мінск : Навука і тэхніка, 1993. 655 с.
- Коновалова Н. И.* Словарь народных названий растений Урала / Н. И. Коновалова. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2000. 235 с.
- КСГРС – Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- КСУГЗ – Картотека Словаря украинских говоров Закарпатской обл. Н. А. Грицака.
- КЯС – *Мельниченко Г. Г.* Краткий Ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820–1956 гг.) / Г. Г. Мельниченко. Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1961. 224 с.
- Лисенко П. С.* Словник поліських говірів / П. С. Лисенко. Київ : Наук. думка, 1974. 260 с.
- Ліцвінка, Царанкоў – Слова міма не ляціць : беларускія народныя прыказкі і прымаўкі / В. Д. Ліцвінка, Л. А. Царанкоў. Мінск : Універсітэцкае, 1985. 156 с.

- ЛКТЭ – Лексическая картотека ТЭ УрГУ (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- ЛЛ – Лексикон львівський: поважно і на жарт / Н. Хобзей, О. Сімович, Т. Ястремська, Г. Дидик-Меуш. Львів : Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2009. 672 с.
- МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой, АН СССР, Ин-т рус. яз. М. : Рус. яз., 1981–1984.
- Матіїв М. Словник говірок Центральної Бойківщини / М. Д. Матіїв. Київ ; Сімферополь : Ната, 2013. 620 с.
- МГГ – Матеріали до словника гуцульських говірок: Косівська Поляна і Росішка Рахівського району Закарпатської області / Ю. О. Піпаш, Б. К. Галас. Ужгород : Ужгор. нац. ун-т, 2005.
- Мілкоўскі В. Матчына слова : спроба слоўнічка некаторых рэгіянальных гаворак / В. Мілкоўскі. Мінск : Права і эканоміка, 2010. 45 с.
- Міхайлаў П. А. У фразеалогічэую скарбонку брэстчыны / П. А. Міхайлаў, І. С. Трунова // Народныя скарбы : дыялекталагічны зборнік : да 80-годдзя А. А. Крывіцкага / рэд. Л. П. Кунцэвіч. Мінск : Права і эканоміка, 2008. 378 с.
- ММБС – Маленькі маскоўска-беларускі (крывіцкі) слоўнічак фразеалагічны і прыказкаў ды прывітанні, зычэнні і інш. / з участ. А. Адамовіча. Мінск : [б. в.], 1944. 151 с.
- МСВГ – Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора / Н. М. Васнецов. Вятка : Губерн. тип., 1907. 357 с.
- Номис — Українські приказки, прислів'я і таке інше / уклад М. Номис ; упоряд., приміт. та вступна ст. М. М. Пазяка. Київ : Либідь, 1993. 768 с.
- НОС – Новгородский областной словарь : в 12 вып. / отв. ред. В. П. Строгова. Новгород : Изд-во Новг. пединститута, 1992–1995.
- Онишкевич М. Й. Словник бойківських говірок : в 2 ч. / М. Й. Онишкевич. Київ : Наукова думка, 1984.
- Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / ред. А. Х. Востоков. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1852. 275 с.
- ОСВГ – Областной словарь вятских говоров / ВятГГУ, под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров : Коннектика : Изд-во ВятГГУ : Радуга-ПРЕСС, 1996–. Вып. 1–.
- ПБП – Пераначуеш – больш пачуеш : Прыказкі і прымаўкі для дарослых і школьнікаў, для разум. і шкоднікаў / уклад. Ф. М. Янкоўскі. Мінск : Выд. респ. унітар. прадпрыемства “Маст. літ.”, 2002. 253 с.

- ПД – Касько У. К. Палескі дзівасіл : беларускія народныя прыказкі, прымаўкі, выслоўі : са скарбніцы А. К. Сержпутоўскага / У. К. Касько. Мінск : Выш. шк., 2005. 381 с.
- Пиртей П. С. Короткий словник лемківських говірок / П. С. Пиртей ; упоряд. і підгот. до друку Є. Д. Турчин. Івано-Франківськ : Сіверсія МВ, 2004. 326 с.
- Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. И. Подвысоцкий. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1885. 198 с.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л. ; СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1967–. Вып. 1–.
- ПП – Прислів'я та приказки : в 3 т. / вступ. ст. М. М. Пазяка. Київ : Наукова думка, 1989–1991.
- РБПС – Русско-белорусский паремиологический словарь / Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко ; Могилев. гос. ун-т им. А. А. Кулешова. Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2007. 244 с.
- РС – Раслінны свет : тэмац.слоўн / склад. В. Дз. Астрэйка і інш. ; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, А. А. Крывіцкі. Мінск : Бел. навука, 2001. 653 с.
- Сабадош І. Історія української ботанічної лексики (XIX – початок XX ст.) / І. Сабадош. Ужгород : Ужгород. нац. ун-т, 2014. 600 с.
- Садовников – Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Н. Садовников. М. : Терра, 1996. 336 с.
- СБГ – Словник буковинських говірок / заг. ред. Н. В. Гуйванюк. Чернівці : Рута, 2005. 688 с.
- СБНП – Слоўнік беларускіх народных параўнанняў / уклад.: Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей ; навук. рэд. В. М. Макієнка ; прадмова Т. Валодзінай. Мінск : Бел. навука, 2011. 482 с.
- СВГ – Словарь вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда : Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.
- СГ – Аркушин Г. Силенська гуторка / Г. Аркушин. Луцьк : Вежа, 1996. 168 с.
- СГБС – Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / Г. В. Афанасьева-Медведева. СПб. : Наука, 2007–. Т. 1–.
- СГГРиЯ – Астаф'єва М. М. Словник гуцульських говірок Річки та Яворова : у 4 т. / М. М. Астаф'єва, Г. В. Воронич. Івано-Франківськ : Місто НВ, 2014. Кн. 1 : А-Ж. 2014. 516 с.
- СГП – Словарь говоров Подмосковья : в 2 вып. / А. Ф. Войтенко. М. : ИПТК «Логос» ВОС, 1995.

- СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева ; [гл. ред. М. Э. Рут]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- СГТС – Сельская гаспадарка : тэматычны слоўнік / склад.: В. Д. Астрэйка і інш. ; навук. рэд.: Л. П. Кунцэвіч, В. М. Курцова. Мінск : Бел. навука, 2010. 526 с.
- СГЦРБ – Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі : у 2 т. / уклад.: Е. С. Мяцельская і інш. ; пад рэд. Е. С. Мяцельскай. Мінск : Універсітэцкае, 1990.
- СД – Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995–2012.
- СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области : в 6 т. / под ред. Р. И. Кудряшовой. Волгоград : Изд-во ВГИПК РО, 2006–2009.
- СДФГ – Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны / М. А. Даніловіч ; Гродзен. дзярж. ун-т імя Я. Купалы. Гродна : ГрДУ, 2000. 266 с.
- Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев / О. К. Сердюкова. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 2005. 320 с.
- СЗГС – *Сабадош І. В.* Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району / І. В. Сабадош. Ужгород : Ліра, 2008. 408 с.
- Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры / Г. Н. Скляревская, РАН, Ин-т лингв. исследований. СПб. : Наука, 2000. 480 с.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. М. : Наука, 1975–. Вып. 1–.
- СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века / ред. С. Г. Бархударов. Л. ; СПб. : Наука, 1984–. Вып. 1–.
- Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи / И. М. Снегирев ; изд. подг. Е. А. Костюхин. М. : Индрик, 1999. 624 с.
- СНЛМ – *Юрчанка Г. Ф.* Сучасная народная лексіка : з гаворкі Мсціслаўшчыны : в 3 т. / Г. Ф. Юрчанка. Мінск : Навука і тэхніка, 1993–1998.
- СОГ – Словарь орловских говоров : учеб. пособие по русской диалектологии / под ред. Т. В. Бахваловой. Вып. 1–4. Ярославль, 1989–1991. Вып. 5–. Орел, 1992–.
- СПГ – Словарь пермских говоров : в 2 вып. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь : Кн. мир, 2000–2002.
- СПП – Словарь псковских пословиц и поговорок / С.-Петербург. гос. ун-т, Межкафедр. словарь. каб. им. проф. Б. А. Ларина ; сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, науч. ред. Л. А. Ивашко, отв. ред. Л. А. Карпова. СПб. : Норинт, 2001. 176 с.
- СРГА – Словарь русских говоров Алтая : в 4 т. / под ред. И. А. Воробьевой, А. И. Иванова. Барнаул : Изд-во Алтайск. ун-та, 1993–1997.

- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРГМ – Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия) : в 8 т. / под ред. Р. В. Семенковой. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006.
- СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2003–2005.
- СРГС – Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1999–2006.
- СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во : Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.
- СРГСУ-Д – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996. 580 с.
- СРГЦК – Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края / под общ. ред. О. В. Фельде (Борхвальдт). Красноярск : РИО КГПУ, 2003–. Т. 1–.
- СРГЮП – *Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В.* Словарь русских говоров Южного Прикамья : в 3 вып. / И. А. Подюков (науч. ред.), Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012.
- СРДГ – Словарь русских донских говоров : в 3 т. / Ростов. гос. ун-т ; авт.-сост. З. В. Валюсинская и др. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1975–1976.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- СРСГСП – Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья : в 3 ч. / под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992–1993.
- ССГ – Словарь смоленских говоров : в 11 вып. / отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. Смоленск : СГПИ/СГПУ, 1974–2005.
- ССНП – *Юрченко С. О.* Словник стійких народних порівнянь / С. О. Юрченко, А. О. Івченко. Харків : Основа, 1993. 176 с.
- СТ – Тураўскі слоўнік : у 5т. / А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін, П. А. Міхайлаў, Т. П. Трухан. Мінск : Навука і техника, 1982–1987.
- СУМ – Словник української мови : в 11 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства ; за ред. І. К. Білодіда. Київ : Наук. думка, 1970–1980.
- СФБМ – Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. Мінск : Бел. энцыклапедыя, 2008.

- ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). Мінск : Бел. сав. энцыклапедыя, 1977–1984.
- ТСП – Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч ; Установа адукацыі “Гродз. дзярж. ўн-т імя Я. Купалы”. Гродна : ГрДУ, 2011. 695 с.
- Ужченко Д. Гендерні стереотипи у фразеології східнословобожанських говірок) / Д. Ужченко // Діалектологічні студії. Вип. 7 : Традиції і модерн / відп. ред. П. Гриценко, Н. Хобзей. Львів : Ін-т українознавства ім. І. Крип’якевича НАНУ, 2008. С. 61–79.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1986–1987.
- ФСЛГ – Фразеологічний словник лемківських говірок. Тернопіль навчальна книга – Я. В. Битківська / за ред. Г. Ф. Ступінської, В. Я. Ступінського. Тернопіль : Навчальна книга – Богдан, 2012.
- ФСЛГСС – Вархол Н., Івченко А. Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини / Н. Вархол, А. Івченко. Братіслава ; Пряшів : Slovenské ped. nakl. v Bratislave, oddel. ukr. lit. v Prešove, 1990. 160 с.
- ФСРГНП – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. СПб. : Наука, 2008.
- ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1983. 232 с.
- ФСУМ – Фразеологічний словник української мови : в 2 кн. / під ред. В. М. Білоноженко та ін. Київ : Наук. думка, 1993.
- Чабаненко В. А. Словник говірок Нижньої Наддніпрянщини : в 4 т. / В. А. Чабаненко. Запоріжжя : Запоріз. держ. ун-т, 1992.
- Чайкановић В. Речник српских народних веровања о билькама / В. Чайкановић ; рукопис приред. и доп. В. Ђурић. Београд : Српска књижевна задруга, 1985. 347 с.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1999.
- Шило Г. Ф. Наддністрянський регіональний словник / Г. Ф. Шило. Львів ; Нью-Йорк : Ін-т мовознавства ім. І. Крип’якевича НАН України : Наук. т-во ім. Т. Шевченка в Америці, 2008. 288 с.
- ЭМТЭ – Картотека этнографических материалов Топонимической экспедиции УрФУ (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

- ЭСБЕ – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/>.
- ЭСРЛБМ – Энцыклапедычны слоўнік рэлігійнай лексікі беларускай мовы / У. М. Завальнюк, М. Р. Прыгодзіч. Мінск : Изд-во Грецова, 2013. 808 с.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.
- Янкоўскі Ф. Беларуская фразеалогія: Фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне / Ф. Янкоўскі. Мінск : Выш. шк., 1968. 449 с.
- ЯОС – Ярославский областной словарь : в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль : ЯГПИИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.
- AE UMCS – Archiwum Etnolingwistyczne UMCS. Lublin, Polska (Люблин, Польша).
- Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego / A. Brückner. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1957. 805 s.
- Dizionari Garzanti Linguistica [Электронный ресурс]. URL: www.garzantilinguistica.it.
- Doroszewski – Słownik języka polskiego : w 11 t. / red. W. Doroszewski. Warszawa : PWN, 1958–1969.
- Encyklopedia Katolicka / pod red. F. Gryglewicz. Lublin : T-wo nauk. Katolickiego Uniw. Lubelskiego, 1973–. T. 1 –.
- Karłowicz J. Słownik gwar polskich : w 6 t. / J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Kraków : Nakł. prenumeratorów i Kasy im. Mianowskiego, 1900–1911.
- KSGP – Kartoteka słownika gwar polskich (Zakład Dialektologii Polskiej IJP PAN, Krakow).
- Kucała M. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich / M. Kucała. Wrocław : Zakł. im. Ossolińskich, Wydaw. Polskiej akad. nauk, 1957. 408 s.
- Machek V. Česká a slovenská jména rostlin / V. Machek. Praha : Nakl. Československé akad. věd, 1954. 366 s.
- NKPP – Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło S. Adalberga : w 4 t. / red. J. Krzyżanowski, S. Świrko. Warszawa : Państw. Inst. Wydawniczy, 1969–1978.
- Sciesz – Słownik gwarowy Śląska Cieszyńskiego. Wydanie drugie, poprawione i rozszerzone / red. J. Wronicz. Ustroń : Wydawnictwo Na Gojach, 2010. 358 s.
- SGO – *Kąś J.* Słownik gwary Orawskiej : w 6 t. / J. Kąś. Kraków : Academica, 1900–1911.
- SGOWM – Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur / red. Z. Stamirowska. Wrocław etc. : Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1987–. T. 1–.
- SGP – Słownik gwar polskich / red. Mieczysław Karaś. Kraków : Zakład Dialektologii Polskiej Instytutu Języka Polskiego PAN, 1979–. T. 1, z. 1–.

- Skorupka – Słownik frazeologiczny języka polskiego : w 2 t. / S. Skorupka. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1967–1968.
- SSSL – Słownik stereotypów i symboli ludowych / red. J. Bartmiński. Lublin : Wyd. UMCS, 1996–. T. 1–.
- SW – *Karłowicz J.* Słownik języka polskiego : w 8 t. / J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiecki. Warszawa : Nakł. prenumeratorów i Kasy im. Mianowskiego, 1900–1935.
- Sychta B.* Słownik gwar Kaszubskich na tle kultury ludowej / B. Sychta. Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1967–1976. T. 1–7.
- Tokarczuk O.* Prawiek i inne czasy [Электронный ресурс]. Warszawa, 1996.

Исследования

- Агапкина Т. А.* Символика деревьев в традиционной культуре славян: осина (опыт системного описания) / Т. А. Агапкина // Кодови словенских култура / ред. Ајдачић. Број 1. Година 1. Биљке. Београд : Clio, 1996. С. 7–22.
- Агапкина Т. А.* Мифология деревьев в традиционной культуре славян: лещина (*Corylus avellana*) / Т. А. Агапкина // *Studia mythologica Slavica* / М. Kropеј; К. Hrobat Virloget. Knj. 1. Ljubljana : Znanstvenoraziskovalni center SAZU, 1998. S. 183–194.
- Агапкина Т. А.* Мифология деревьев в традиционной культуре славян: сосна / Т. А. Агапкина // Славянский мир в третьем тысячелетии / отв. ред. Е. С. Узенева. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2011. С. 379–387.
- Агапкина Т. А.* Деревья в традиционной культуре славян: проблема системного описания / Т. А. Агапкина // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 29–43.
- Агапкина Т. А.* Мифология деревьев в традиционной культуре славян: тис / Т. А. Агапкина // Славянский альманах 2012 / Т. И. Вендина; К. В. Никифоров; М. А. Робинсон; Н. Н. Старикова; А. Л. Шемякин. М. : Индрик, 2013. С. 365–375.
- Агаркова Н. Э.* Деньги / Н. Э. Агаркова // Антология концептов. Т. 2 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2005. С. 73–85.
- Агиенко М. И.* Правда и истина / М. И. Агиенко // Антология концептов. Т. 3 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2006. С. 118–138.
- Адрианова Д. В.* Устойчивые синонимические парные сочетания современного русского и чешского языка библейского происхождения / Д. В. Адрианова // *Die slawische Phraseologie und die Bibel. Славянская фразеология и Библия. Slovanska frazeologia a Biblia* / ред. Н. Walter, V M. Mokienko, D. Baláková. Greiswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2013. S. 14–16.
- Алпатов В. В.* Концептуальные основы формирования английских христианских топонимов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Алпатов Владислав Викторович. Тамбов, 2007. 197 с.
- Андреев А. Р.* Монашеские ордена / А. Р. Андреев. М. : Традиция-Евролинц, 2003. 400 с.
- Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. М. : Языки русской культуры, 1995. 767 с.
- Бабаева Е. В.* Собственность / Е. В. Бабаева // Антология концептов. Т. 2 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2005. С. 288–299.
- Бабич Н.* Магія слова для всього живого / Н. Бабич. Чернівці : Букрек, 2012. 384 с.
- Байрамова Л. К.* Фразеологические библеизмы в аспекте аксиологии / Л. К. Байрамова // *Die slawische Phraseologie und die Bibel. Славянская фразеология и Библия. Slovan-*

- ska frazeologia a Biblia / red. H. Walter, V M. Mokienko, D. Baláková. Greiswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2013. S. 17–22.
- Балашова Е. Ю.* Роль телеономных концептуальных полей в организации религиозного дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Балашова Елена Юрьевна. Саратов, 2016. 633 с.
- Баранов А. Н.* Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. М. : Знак, 2008. 656 с.
- Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский ; пер. с польск. М. : Индрик, 2005. 528 с.
- Белобородова И. Н.* Священник и колдун в русской урало-сибирской народной культуре: о символическом языке обрядов посвящения / И. Н. Белобородова // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры Уральского государственного университета, 1995–1996 / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Науч.-исслед. ин-т рус. культуры Урал. гос. ун-та ; [редкол.: А. К. Матвеев (отв. ред.) [и др.]. Екатеринбург : УрГУ, 1997. С. 92–100.
- Белова О. В.* Этноконфессиональный навет как культурный текст (по материалам из западных областей Белоруссии, Украины и из восточной Польши) / О. В. Белова // Белорусско-российский диалог (Культура и литература Беларуси XX–XXI вв.) / ред. Н. М. Куренная и др. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2006. С. 227–242.
- Белова О. В.* Фигура служителя культа в народных представлениях / О. В. Белова // Россия XXI. 2009. № 3. С. 132–146.
- Белова О. В.* Народный портрет еврея / О. В. Белова // Евреи в России. Неизвестное об известном / Л. Лифлянд, А. Локшин, С. Вайнштейн. М. : Достоинство, 2012. С. 81–87.
- Белова О. В.* Портрет этнического соседа: евреи глазами славян (по фольклорно-этнографическим материалам с Гродненщины) / О. В. Белова // Желудок: память о еврейском местечке / отв. ред. И. Копчёнова. М. : Ин-т славяноведения : Сэфер, 2013а. С. 63–81.
- Белова О. В.* «Своя» и «чужая» вера в системе ценностей народной культуры (на материале фольклорных нарративов из регионов этнокультурных контактов) / О. В. Белова // Межэтнические и межконфессиональные связи в русской литературе и фольклоре («Россия — Запад — Восток»: Литературные и культурные связи, 1) / отв. ред. В. Е. Багно. СПб. : Изд-во Пушкинского Дома, 2013б. С. 91–99.
- Белова О. В.* Заметки об аксиологии народной религиозности (на примере этноконфессионального диалога евреев и славян) / О. В. Белова // Категория оценки и система

ценностей в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 2015. С. 303–324

- Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте / Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2000. 532 с.
- Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. М. : Индрик, 2007. 600 с.
- Березович Е. Л.* Русский АД на иноязычном фоне: к сопоставительному изучению деривационной семантики межъязыковых лексических эквивалентов / Е. Л. Березович // Вопр. языкознания. 2010. № 6. С. 37–57.
- Березович Е. Л.* Деривационная семантика *русского* в русских народных говорах / Е. Л. Березович // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 5–32.
- Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция / Е. Л. Березович. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. 488 с.
- Березович Е. Л.* Ономаσιологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации / Е. Л. Березович, Д. П. Гулик // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурологическом аспекте / отв. ред. Г. П. Нешименко. М. : Наука, 2002. С. 232–253.
- Березович Е. Л.* Россия и Франция: диалог языковых стереотипов / Е. Л. Березович, Г. И. Кабакова // Антропологический форум. 2015. № 27. С. 9–69.
- Березович Е. Л.* Сибирь в русской языковой традиции (на иноязычном фоне) / Е. Л. Березович, Ю. А. Кривошапова // Пространство и время в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 2011. С. 110–157.
- Березович Е. Л.* Образы Москвы в зеркале русского и иностранного языка. «География» Москвы / Е. Л. Березович, Ю. А. Кривошапова // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 159–183.
- Березович Е. Л.* Образ Москвы в зеркале русского и иностранных языков: Человек. Культура. Политика и экономика / Е. Л. Березович, Ю. А. Кривошапова // Quaestio Rossica. 2015. № 1. С. 129–152.
- Березович Е. Л.* Ономасиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания / Е. Л. Березович, М. Э. Рут // Изв. Урал. гос. ун-та. 2000. № 17. Гуманитар. науки. Вып. 3 : Филология. С. 33–38.
- Бобырева Е. В.* Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии : на материале православного вероучения : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Бобырева Екатерина Валерьевна. Волгоград, 2007. 465 с.

- Богданова М. А.* Счастье / М. А. Богданова // Антология концептов. Т. 8 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2011. С. 21–39.
- Бугаева И. В.* Язык православных верующих в конце XX – начале XXI века / И. В. Бугаева. М. : ФГОУ ВПО РГАУ–МСХА им. К. А. Тимирязева, 2008. 234 с.
- Булавина С. В.* Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Булавина Светлана Валентиновна. Воронеж, 2003. 21 с.
- Бурукина О. А.* Цвета библейских фразеологизмов: истоки цветового символизма // Die slawische Phraseologie und die Bibel. Славянская фразеология и Библия. Slovanska frazeologia a Biblia / red. H. Walter, V M. Mokienko, D. Baláková. Greiswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2013. S. 59–68.
- Бутенко Е. Ю.* Страх / Е. Ю. Бутенко // Антология концептов. Т. 5 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2007. С. 81–89.
- Вальтер Х.* Блажен, кто верует, тепло ему на свете. Различия в библейской фразеологии немецкого и русского языков / Х. Вальтер // Die slawische Phraseologie und die Bibel. Славянская фразеология и Библия. Slovanska frazeologia a Biblia / red. H. Walter, V M. Mokienko, D. Baláková. Greiswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2013. S. 69–74.
- Варбот Ж. Ж.* Исследования по русской и славянской этимологии / Ж. Ж. Варбот. М. ; СПб. : Нестор-История, 2012. 648 с.
- Верещагин Е. М.* Библейская стихия русского языка / Е. М. Верещагин // Рус. речь. 1993. № 1. С. 90–98.
- Виноградова Л. Н.* Схема описания мифологических персонажей / Л. Н. Виноградова, А. В. Гура, О. А. Терновская, С. М. Толстая, Г. И. Кабакова // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София, 30.VIII.89–6.IX.89. Проблемы культуры. М. : Ин-т славяноведения и балканистики, 1989. С. 78–85.
- Виноградова Л. Н.* Материалы к сравнительной характеристике мифологических персонажей / Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София, 30.VIII.89–6.IX.89. Проблемы культуры. М. : Ин-т славяноведения и балканистики, 1989. С. 86–114.
- Винокур Т. Г.* Речевой портрет современного человека / Т. Г. Винокур // Человек в системе наук / отв. ред. И. Т. Фролов. М. : Наука, 1989. С. 361–370.

- Витанова М.* Манастирът и монасите в езиковата картина на българина / М. Витанова // Витанова М. Човек и свят. Лингвокултурологични проучвания / М. Витанова. София : Бул-Корени, 2012. С. 109–118.
- Войтак М.* Религиозный стиль в генологической перспективе / М. Войтак // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под. ред. М.П. Котюровой. Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2003. Вып. 6. С. 323–339.
- Войцева Е. А.* Особенности функционирования лексики церковно-книжного фонда в русском литературном языке / Е. А. Войцева // Синхронический и диахронический анализ языковых единиц русского языка / отв. ред. М. А. Брицын. Киев : КГПИ, 1989. С. 39–46.
- Волотковская А. В.* Лексика городской культуры в русских народных говорах : дипл. работа / А. В. Волотковская. Екатеринбург, 2003.
- Воронина И. В.* Языковой портрет красноярских толкиенистов : дипл. работа / И. В. Воронина. Екатеринбург, 2003.
- Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология / В. Г. Гак. М. : Междунар. отношения, 1977. 264 с.
- Гак В. Г.* Этимолого-семантические поля в лексике / В. Г. Гак // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова) / отв. ред. д-р филол. н. М. В. Ляпон. М. : Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова РАН, 1995. С. 107–117.
- Георгиева О. Н.* Добро и зло / О. Н. Георгиева // Антология концептов. Т. 8 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2011. С. 3–21.
- Гехт Е. Г.* Структура фразеологизмов библейского происхождения / Е. Г. Гехт // Язык и культура : материалы Междунар. науч. конф. / Барнаул : Барнаул. гос. пед. ун-т, 1997. С. 28–34.
- Голев, Шпильная – Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология / под ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпильной. М. : Лепанд, 2014. 640 с.*
- Горюшина Р. И.* Лексика христианства в русском языке (системные отношения прямых конфессиональных и производных светских значений слов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Горюшина Розантина Ивановна. Волгоград, 2002. 20 с.
- Гудавичюс А.* Сопоставительная семасиология литовского и русского языков / А. Гудавичюс. Вильнюс, 1985.
- Гулик Д. П.* Вторичные этнонимы и отэтнонимические дериваты английского языка в свете языковой картины мира / Д. П. Гулик // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 3: сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 81–96.

- Гура А. В.* Материалы к сравнительной характеристике женских мифологических персонажей (серболужицкие параллели) / А. В. Гура // Материалы к VI международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. Проблемы культуры. София, 30.VIII.89–6.IX.89. Проблемы культуры. М. : Ин-т славяноведения и балканистики, 1989. С. 115–132.
- Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. М. : Индрик, 1997. 912 с.
- Дженкова Е. А.* Стыд и вина / Е. А. Дженкова // Антология концептов. Т. 3 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2006. С. 230–247.
- Досимова М. С.* Женщина / М. С. Досимова // Антология концептов. Т. 6 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2008. С. 158–182.
- Дубровина С. Ю.* Семантические особенности библейской фразеологии русского языка (лингвокультурологический аспект) / С. Ю. Дубровина // Словарь и культура. К 100-летию с начала публикации «Словаря болгарского языка» Н. Герова : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, ноябрь 1995 г.) / Ин-т славяноведения и балканистики РАН. М., 1995. С. 77–78.
- Дубровина С. Ю.* Христианская лексика в русском диалектном изводе / С. Ю. Дубровина. Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2005. 440 с.
- Земская Е. А.* Речевой портрет ребенка / Е. А. Земская // Земская Е. А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь / Е. А. Земская. М. : Языки славянских культур, 2004. С. 386–407.
- Едалина А. А.* Опыт ономаσιологического портретирования / А. А. Едалина // LINGUISTICA JUVENIS : сб. науч. тр. молодых ученых. Вып. 7. Екатеринбург, 2006. С. 81–88.
- Еремина М. А.* Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Еремина Марина Артуровна. Екатеринбург, 2003. 253 с.
- Еремина М. А.* Лень и трудолюбие в зеркале языковой традиции / М. А. Еремина. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 204 с.
- Ерофеева Т. И.* Речевой портрет говорящего / Т. И. Ерофеева // Языковой облик уральского города : сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, Ин-т рус. культуры ; [редкол.: Н. А. Купина (отв. ред.) и др.]. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 90–91.

- Живов В. М.* Двоеверие и особый характер русской культурной истории / В. М. Живов // *Philologia slavica: К 70-летию академика Н. И. Толстого* / отв. ред. В. Н. Топоров. М. : Наука, 1993. С. 50–59.
- Жуйкова М. В.* Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов / М. В. Жуйкова. Луцьк : РВВ «Вежа» Волин. держ. ун-ту ім. Лесі Українки, 2007. 416 с.
- Ицкович Т. В.* Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Ицкович Татьяна Викторовна. Екатеринбург, 2016. 387 с.
- Кабакова Г. И.* Материалы по румынской демонологии / Г. И. Кабакова // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София, 30.VIII.89–6.IX.89. Проблемы культуры. М. : Ин-т славяноведения и балканистики, 1989. С. 133–150.
- Карасик В. И.* Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В.И. Карасик. Волгоград : Перемена, 1999. С. 5–19.
- Карсавин Л. П.* Монашество в средние века / Л. П. Карсавин. СПб. : Тип. Акц. о-ва «Брокгауз-Ефрон», 1912. 110 с.
- Китайгородская М. В.* Русский речевой портрет. Фонохрестоматия / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. М. : Наука, 1995. 128 с.
- Колосова В. Б.* Лексика и символика народной ботаники восточных славян (на общеславянском фоне): Этнолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 / Колосова Валерия Борисовна. СПб., 2003. 167 с.
- Колосова В. Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники / В. Б. Колосова. М. : Индрик, 2009. 352 с.
- Кондратенко М. М.* Славяно-германские параллели в символическом значении диалектной лексики (на материале славянских и южно-немецких говоров) / М. М. Кондратенко // Вестн. РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 3. С. 137–143.
- Коновалова Н. И.* Сакральный текст как линовокультурный феномен / Н. И. Коновалова. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2007. 298 с.
- Коришунков В. А.* Поп, скomorох, колдун и печник. Обладатели сакрального статуса в традиционной культуре Русского Севера // Герценка : Вятские записки / Киров, 2002. Вып. 3. С. 93–102.

- Котлярова Т. Г.* Языковой портрет города Астаны / Т. Г. Котлярова // Славянские языки в этнокультурном пространстве Казахстана : сб. материалов Междунар. круглого стола. Астана : Комитет по языкам М-ва культуры и информации РК, 2013. С. 76–81.
- Кривошапова Ю. А.* Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Кривошапова Юлия Александровна. Екатеринбург, 2007. 252 с.
- Крысин Л. П.* Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л. П. Крысин // Рус. яз. в науч. освещении. 2001. Вып. 1. С. 90–106.
- Лебедев М.* О пении тропарей и кондаков на литургии [Электронный ресурс] / М. Лебедев. URL: <http://www.liturgica.ru/bibliot/tropar.html>.
- Левкиевская Е. Е.* Славянский оберег. Семантика и структура / Е. Е. Левкиевская. М. : Индрик, 2002. 336 с.
- Леонтьева Т. В.* Интеллект человека в зеркале русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Леонтьева Татьяна Валерьевна. Екатеринбург, 2003. 296 с.
- Леонтьева Т. В.* Интеллект человека в русской языковой картине мира / Т. В. Леонтьева. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2008. 280 с.
- Леонтьева Т. В.* Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Леонтьева Татьяна Валерьевна. Екатеринбург, 2015. 427 с.
- Леорда С. В.* Речевой портрет современного студента : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Леорда Светлана Владимировна. Саратов, 2006. 19 с.
- Листрова-Правда Ю. Т.* Национально-культурное своеобразие слова *Бог* в русских пословицах, собранных В. И. Далем / Ю. Т. Листрова-Правда // Язык и культура : материалы регион. науч.-методич. конф. / Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1996. С. 13–14.
- Листрова-Правда Ю. Т.* Своеобразие библеизмов в современном русском языке / Ю. Т. Листрова-Правда, С. Оноприенко // Поиск. Опыт. Мастерство. Актуальные вопросы обучения иностранных студентов / отв. ред. Е.Ф.Акаткина. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. Вып. 4. С. 99–104.
- Лю Сун.* Похороны / Сун Лю // Антология концептов. Т. 7 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2009. С. 258–271.
- Лю Цзюань.* Путешествие / Цзюань Лю // Антология концептов. Т. 2 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2005. С. 241–254.
- Макарова В. Ю.* «...Он хотя и выпивает, но не упивается»: отношение крестьян к пьянству священников / В. Ю. Макарова // Сны Богородицы. Исследования по антропологии

- религии / под ред. Ж. В. Корминой, А. А. Панченко, С. А. Штыркова. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. С. 70–85.
- Макарова В. Ю.* Облик русского священника: к истории длинных волос / В. Ю. Макарова. 2007а [Электронный ресурс]. URL: www.religare.ru/2_43442.html.
- Макарова В. Ю.* Поп – мужик или баба? / В. Ю. Макарова // АБ-60 : сб. к 60-летию А. К. Байбурина. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007б. (Studia Ethnologica; Вып. 4). С. 421–434.
- Макарова В. Ю.* Священник в зооморфных уподоблениях / В. Ю. Макарова // Natales grate numeras? : сб. ст. к 60-летию Г. А. Левинтона. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 362–380.
- Михайлова Ю. Н.* Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Михайлова Юлия Николаевна. Екатеринбург, 2004. 20 с.
- Мокиенко В. М.* Сопоставление в теории и практике преподавания русского языка как иностранного / В. М. Мокиенко // Рус. яз. за рубежом. 1987. № 5. С. 54–60.
- Мокиенко В. М.* Адам в славянских языках / В. М. Мокиенко // Число – язык – текст : сб. ст. к 70-летию А. Е. Супруна. Минск : БГУ, 1998. С. 284–293.
- Мошина Е. А.* Надежда / Е. А. Мошина // Антология концептов. Т. 3 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2006. С. 184–195.
- Мулен Л.* Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы. X–XV века / Л. Мулен. М. : Молодая гвардия, 2002. 352 с.
- Непокупный А. П.* Прусское название христианского священника: prestors EV 707 / А. П. Непокупный // Colloquium pruthenicum secundum / ed. Wojciech Smoczyński.. Kraków ; Warszawa : Universitas, 1998. С. 109–110.
- Никитина С. Е.* Человек конфессиональный и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект) / С. Е. Никитина. М. : Сов. писатель, 2009. 354 с.
- Николаева Т. М.* «Социолингвистический портрет» и методы его описания / Т. М. Николаева // Русский язык и современность : Всесоюз. науч. конф. Москва, 20–23 мая 1991 г. Доклады. Ч. 2 / М. : Наука, 1991. С. 73–75.
- Огай О. Н.* «В начале было слово» религиозно-семантические корни языка / О. Н. Огай // Христианство и мир : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Христианство-2000», Самара, 16–18 мая 2000 г. / Науч. ред. протоиерей Шестун Е. Самара [б. и.], 2001. С. 531–635.

- Павлинова О. В.* Лингвистическое портретирование лексемы «словно» в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Павлинова Ольга Викторовна. Армавир, 2017. 218 с.
- Панов М. В.* История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / М. В. Панов. М. : Наука, 1990. 456 с.
- Панова Л. Г.* Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «рессато») / Л. Г. Панова // Логический анализ языка. Языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : РАН ИЯ, Языки русской культуры, 2000. С. 167–177.
- Петкевич А. В.* Жертвоприношение в русской символической картине мира : дис. ... магистра филологии / Петкевич Анна Владимировна. Екатеринбург, 2007. 147 с.
- Попова А. Р.* Лексико-фразеологический комплекс как результат реализации креативного потенциала лексической единицы / А. Р. Попова. Орел : Горизонт, 2012. 366 с.
- Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. URL: www.pravenc.ru.
- Пьянкова К. В.* Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: Этнолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Пьянкова Ксения Викторовна. Екатеринбург, 2008. 251 с.
- Родионова И. В.* Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Родионова Инна Валерьевна. Екатеринбург, 2000. 178 с.
- Розов А. Н.* Священник в духовной жизни русской деревни / А. Н. Розов. СПб. : Алетейя, 2003. 253 с.
- Руссо М.* Плащ св. Мартина / М. Руссо. 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/library/17_r/us/so_001.htm.
- Рут М. Э.* Образная номинация в русской ономастике / М. Э. Рут. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 192 с.
- Рыбникова Е. И.* Деривационно-фразеологические гнезда от обозначений культурных растений в русской языковой традиции : дипл. работа / Е. И. Рыбникова. Екатеринбург, 2015. 82 с.
- Слаутина М. В.* Национально-культурная специфика семантической сферы «Религия» / М. В. Слаутина // VERBUM: язык, текст, словарь : [сб. науч. тр.] : посвящ. юбилею Л. Г. Бабенко / [ред. кол.: Ю. В. Казарин (отв. ред.) и др.]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006а. С. 136–143.

- Слаутина М. В. Особенности репрезентации христианской картины мира в лексике русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Слаутина Марина Васильевна. Екатеринбург, 2006б. 19 с.
- Сергеева Е. В. Изменение семантики лексем *вера* и *религия* в русском литературном языке XIX–XX веков / Е. В. Сергеева // Язык. Функции. Жизнь : сб. ст. в честь проф. А. В. Бондарко / В. Д. Черняк и др. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. С. 125–130.
- Солодянкина Н. В. Речевой портрет студента-филолога / Н. В. Солодянкина, А. В. Хвостова // Русская языковая личность в современном коммуникативном пространстве : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. Е. В. Белгородцева. Бийск : ФГБОУ ВПО «АГАО», 2012. С. 155–159.
- Спиридонов Д. В. К сопоставительному изучению семантических дериватов личного имени: рус. *Иван*, польск. *Jan*, фр. *Jean* / Д. В. Спиридонов, Л. А. Феоктистова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф., 8–12 сентября 2012 г. / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 268–270.
- Спиридонов Д. В. Русский *Иван* и его «братья»: польск. *Jan* и фр. *Jean* (к вопросу об этнокультурной специфике личного имени) / Д. В. Спиридонов, Л. А. Феоктистова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III междунар. науч. конф., Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 257–260.
- Спиридонов Д. В. Русский *Иван* и его «братья»: польск. *Jan* и фр. *Jean* (к вопросу об этнокультурной специфике личного имени) / Д. В. Спиридонов, Л. А. Феоктистова // Acta onomastica. 2016. LVI. С. 76–92.
- Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования / И. А. Стернин. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 288 с.
- Супрун А. Е. Принципы сравнительного изучения лексики / А. Е. Супрун // Методы сопоставительного изучения языков / отв. ред. В. Н. Ярцева. М. : Наука, 1998. С. 26–32.
- Тимофеев К. А. Из наблюдений над религиозной лексикой русского языка / К. А. Тимофеев // Дискурс. 1997. № 3. С. 42–45.
- Тихомирова А. В. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Тихомирова Александра Васильевна. Екатеринбург, 2013. 350 с.
- Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира / С. М. Толстая // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 112–127.

- Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе / С. М. Толстая. М. : Индрик, 2008. 528 с.
- Толстая С. М.* Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике / С. М. Толстая. М. : Либроком, 2010. 368 с.
- Толстой Н. И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. М. : Индрик, 1995. 512 с.
- Толстой Н. И.* Язычество древних славян / Н. И. Толстой // Очерки истории культуры славян / редкол.: В. К. Волков, В. Я. Петрухин, А. И. Рогов, С. М. Толстая, Б. Н. Флоря. М. : Индрик, 1996. С. 145–160.
- Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / О. Н. Трубачев. М. : Наука, 1991. 495 с.
- Федуленкова Т. Н.* Проблемы вариантности фразеологических единиц библейской этимологии / Т. Н. Федуленкова // Язык и культура : материалы междунар. науч. конф. / Барнаул : Изд-во БГПУ, 1997. С. 161–163.
- Фефилов А. И.* Основы конфронтативного анализа лексики немецкого и русского языков / А. И. Фефилов. Куйбышев : Куйбышев. пединститут, 1985. 178 с.
- Фрумкина Р. М.* Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) / Р. М. Фрумкина // Научно-техническая информация. Сер. 2 : Информационные процессы и системы. 1992. № 3. С. 1–8.
- Царьков П. Б.* Языковой портрет думского политика-либерала (на материалах публицистики и стенографических отчетов заседаний Государственной Думы России) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Царьков Павел Борисович. Тверь, 2012. 23 с.
- Шабалина Е. В.* Семантико-мотивационное своеобразие русской лексики с числовым компонентом: этнолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Шабалина Екатерина Владимировна. Екатеринбург, 2011. 175 с.
- Шкатова Л. А.* Специфика городского общения / Л. А. Шкатова // Живая речь уральского города : сб. науч. тр. / [редкол.: Н. А. Купина (отв. ред.) и др.]. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1988. С. 19–28.
- Щитова О. Г.* Неисконная лексика в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII в. / О. Г. Щитова. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 480 с.
- Яковлева Т. В.* Языковой портрет города в его названиях / Т. В. Яковлева, В. В. Демичева, О. И. Еременко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 6. С. 258–261.

- Bajerowa I.* Kilka problemów stylistyczno-leksykalnych współczesnego polskiego języka religijnego / I. Bajerowa. // O języku religijnym. Zagadnienia wybrane / red. M. Karpluk, J. Sambor. Lublin : Red. Wydawnicza KUL, 1988. S. 21–44.
- Bartmiński J.* Językowe podstawy obrazu świata / J. Bartmiński. Lublin : Wyd. UMCS, 2012. 328 s.
- Bartmiński J.* Polski językowo-kulturowy obraz DOMU i jego profile / J. Bartmiński, I. Bielińska-Gardziel // Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów. T. 1 : Dom / red. J. Bartmiński. Lublin : Wyd. UMCS, 2015. S. 89–123.
- Bartmiński J.* Stereotyp Rosjanina i jego profilowanie we współczesnej polszczyźnie / J. Bartmiński, I. Lappo, U. Majer-Baranowska // Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury. 2002. Vol. 14. S. 105–152.
- Bartmiński J.* Litewski i białoruski stereotyp Polaka (w świetle badań za pomocą dyferencjału semantycznego) / J. Bartmiński, L. Mavrič, S. Rzeutska // Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury. 2005. Vol. 17. S. 187–197.
- Bartmiński J.* Językowy obraz świata a spójność tekstu / J. Bartmiński, R. Tokarski // Teoria tekstu / pod red. T. Dobrzyńskiej. Wrocław : ZNiO, 1986. S. 65–81.
- Bieńkowska D.* Biblijne i modlitewne frazeologizmy w polszczyźnie łódzian / D. Bieńkowska, M. Kamińska // “Rozprawy Komisji Językowej” (Łódzkie Towarzystwo Naukowe). 1990. 36. S. 117–122.
- Golachowska E.* Po polsku czy białorusku? Narodowościowe i językowe wybory młodego pokolenia katolików na Grodzieńszczyźnie / E. Golachowska // Konstrukcje i destrukcje tożsamości. T. 1 : Wokół religii i jej języka / pod red. E. Golachowskiej i A. Zielińskiej. Warszawa : Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2011. S. 105–112.
- Granat A.* Wyrząd ksiądz jako tabu językowe / A. Granat // Język a Kultura. 2009. T. 21. S. 295–305.
- Jabłoński A.* Nazwy osób duchownych w historii polszczyzny / A. Jabłoński // Język a chrześcijaństwo / red. I. Bajerowa, M. Karpluk, Z. Leszczyński. Lublin : T-wo nauk. Katolickiego uniwersytetu Lubelskiego, 1993. S. 145–158.
- Kamińska M.* Z problemów funkcjonowania terminologii religijnej w świadomości wernych / M. Kamińska // Język a chrześcijaństwo / red. I. Bajerowa, M. Karpluk, Z. Leszczyński. Lublin : T-wo nauk. Katolickiego uniwersytetu Lubelskiego, 1993. S. 85–94.
- Kleśta I.* Językowy obraz księdza : praca magisterska / I. Kleśta. Bydgoszcz, 1998. 71 s.
- Kovačová V.* Biblická frazeológia v porovnávacích reláciách frazeologickej kompetencie slovenskej, ruskej a nemeckej mladej generácie / V. Kovačová // Die slawische Phraseologie und die Bibel. Славянская фразеология и Библия. Slovanska frazeologia a

- Biblia / red. H. Walter, V M. Mokienko, D. Baláková. Greiswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2013. S. 102–111.
- Kozłowska-Doda J. Dom w języku białoruskim / J. Kozłowska-Doda // Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów. T. 1 : Dom / red. J. Bartmiński. Lublin : Wyd. UMCS, 2015. S. 177–206.*
- Krasowska H. Wybór języka w Kościele rzymskokatolickim na pograniczach Ukrainy / H. Krasowska // Konstrukcje i destrukcje tożsamości. T. 1 : Wokół religii i jej języka / pod red. E. Golachowskiej i A. Zielińskiej. Warszawa : Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2011. S. 95–104.*
- Lappo I. Profilowanie stereotypu Rosjanina w polskim kręgu językowo-kulturowym / I. Lappo // Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury. 2002. Vol. 14. S. 153–174.*
- Lappo I. Stereotyp polaka i jego profilowanie w białoruskim kręgu językowo-kulturowym / I. Lappo // Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury. 2005. Vol. 17. S. 113–144.*
- LASIS 2015 – Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów. T. 1 : Dom / pod red. J. Bartmińskiego. Lublin : Wyd. UMCS, 2015. 504 s.
- LASIS 2016 – Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów. T. 3 : Praca / pod red. J. Bartmińskiego. Lublin : Wyd. UMCS, 2016. 455 s.
- Lisowski T. Cerkiew i kościół jako ‘ecclesia’ i ‘tempulum christianorum’ w polszczyźnie szesnastowiecznej / T. Lisowski // Język a chrześcijaństwo / red. I. Bajerowa, M. Karpluk, Z. Leszczyński. Lublin : T-wo nauk. Katolickiego uniwersytetu Lubelskiego, 1993. S. 131–143.*
- Misiak M. DOM w etnolect łemkowskim / M. Misiak // Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów. T. 1 : Dom / red. J. Bartmiński. Lublin : Wyd. UMCS, 2015. S. 207–236.*
- Młotek A. Obraz życia zakonnego utrwalony w polszczyźnie : praca magisterska / A. Młotek. Bydgoszcz, 1998. 93 s.*
- Popławska A. Stereotyp księdza w polszczyźnie lat 2010–2011 : praca licencjacka / A. Popławska. Lublin, 2011. 61 s.*
- Rak M. Kultoremy podhalańskie / M. Rak. Kraków : Księg. Akademicka, 2015. 430 s.*
- Rystonová I. Průvodce lidovými názvy rostlin i jiných léčivých přírodnin a jejich produktů / I. Rystonová. Praha : Academia, 2007. 732 s.*
- Skibińska E. Obraz Polaka i Rosjanina w języku francuskim i w świadomości francuskiej młodzieży / E. Skibińska // Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury. 2005. Vol. 17. S. 213–232.*
- Wojtak M. O początkach stylu religijnego w polszczyźnie / M. Wojtak // Stylistyka / red. S. Gajda. Opole : UO, 1992. S. 90–97.*

Wysocka A. Językowy obraz Afrikanina / *A. Wysocka* // *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury*. 2002. Vol. 14. S. 175–196.

Приложение 1. Основные мотивы, составляющие этнолингвистические портреты служителей культа в русском языке

Мотив	Портреты, в которых проявлен мотив (количество фактов)
Особая одежда	Поп (2), Монах (1)
Ряса	Поп (1), Монах (2)
Риза	Поп (2)
Рогожа	Поп (3)
Длинная одежда	Поп (2)
Широкая одежда	Поп (2)
Нелепая одежда	Поп (1)
Черный цвет	Поп (8), Монах (18), Чернец (1), Игумен (2), Пономарь (3)
Яркая одежда	Поп (1)
Скромная одежда	Монах (2)
Скуфья	Поп (40)
Клобук	Поп (3), Монах (1), Игумен (1), Архиерей (2)
Большеголовость	Поп (3)
Длинные волосы	Поп (1)
Тонзура	Поп (7)
Борода	Архиерей (1)
Вертикальныйо прямостоящий предмет	Поп (68), Монах (6)
Конусообразная форма	Поп (10)
Брюхо	Поп (5)
Круглая форма	Поп (11)
Старость	Поп (3) , Игумен (1)
Ум	Поп (2)
Глупость	Поп (3)
Пустоголовость	Монах (2)

Рассеянность	Монах (1)
Грамотность	Поп (10)
Хитрость	Поп (2), Монах (1)
Продажность	Поп (1)
Неподкупность	Поп (1)
Греховность	Поп (5)
Отклонение от идеала безгрешности	Поп (5), Патриарх (1), Монах (1), Архимандрит (1)
Лицемерие	Монах (3)
Жадность и завистливость	Поп (7)
Глаза	Поп (5)
Доход с церковных обрядов	Поп (10)
Новина	Поп (6)
Богатство	Поп (9), Архиерей (1), Митрополит (1), Калугер (1)
Бедность	Поп (3)
Работник	Поп (3)
Курица	Поп (2)
Лошадь	Поп (5)
Собака	Поп (15)
Затворничество	Монах (10), Инок (1), Калугер (1), Чернец (1)
Пьянство	Монах (3), Архидьякон (1)
Жена	Поп (21)
Дети	Поп (1)
Плодовитость	Поп (5)
Дочери	Поп (8)
Безбрачие	Монах (9), Чернец (1), Игумен (1)
Неподвижность	Монах (1)
Поклоны	Монах (3)
Обедня	Поп (3)
Заутреня	Поп (4)

Погребальный обряд	Дьякон (1), Поп (16)
Пение	Поп (6), Дьякон (4), Пономарь (1)
Речь	Дьякон (1), Монах (1)
Монотонность речи	Дьякон (1), Пономарь (3)
Громкость речи	Дьякон (2), Звонарь (2)
Многословие	Дьякон (1), Поп (1), Калугер (1), Пономарь (1)
Просьба	Дьякон (2)
Поучение	Дьякон (2)
Лаконичность речи	Поп (1)
Каждение	Поп (5)
Потир	Поп (1)
Колокол	Поп (5), Пономарь (4), Звонарь (2)
Крещение	Поп (3)
Венчание	Поп (2)
Исповедь	Поп (5)
Наказание за грехи	Поп (5)
Смерть	Поп (8)
Противопоставление солдату	Поп (1)
Противопоставление крестьянству	Поп (24)
Приход	Поп (4)
Высокое социальное положение	Поп (8), Игумен (8)
Власть	Патриарх (1), Архимандрит (1)
Принадлежность к социальной группе духовенства	Дьякон (5), Поп (16), Монах (7), Игумен (7), Пономарь (2)
Низкое социальное положение	Дьякон (2), Монах (7), Пономарь (2), Звонарь (2)
Существование за счет прихожан	Дьякон (1), Поп (5)
Сакральность	Дьякон (4), Пресвитер (1), Поп (3), Архимандрит (1), Пономарь (1)
Черт	Поп (17), Инок (2)

Приложение 2. Основные мотивы, составляющие этнолингвистические портреты служителей культа в польском языке

Мотив	Портреты, в которых проявлен мотив (количество фактов)
Необычная одежда	Kapłan (1), Kardynał (4), Organista (1)
Риза	Pop (2)
Сутана	Ksiądz (1)
Хабит	Ksiądz (1), Mnich (1), Zakonnik (1)
Воротник	Ksiądz (1)
Штаны	Ksiądz (3)
Плащ	Kapelan (3)
Ширина одежды	Ksiądz (4), Mnich (2)
Черный цвет	Ksiądz (6), Pop (3), Wikary (1), Mnich (3), Zakonnik (1), Organista (1)
Фиолетовый цвет	Biskup (4)
Красный цвет	Kardynał (6)
Коричневый цвет	Kapucyn (1)
Головной убор	Ksiądz (1), Kardynał (1)
Скуфья	Mnich (5)
Клобук	Pop (3)
Капюшон	Ksiądz (1), Pop (1), Mnich (5), Kapucyn (4)
Тонзура	Ksiądz (5), Pleban (1), Pop (1)
Вертикальный прямостоящий предмет	Pop (3)
Конусообразная форма	Mnich (6)
Толщина	Pop (1), Bernardyn (4)
Строгость	Ksiądz (1)
Грамотность	Ksiądz (4)
Хитрость	Ksiądz (2)
Праведность	Kapucyn (1)
Греховность	Ksiądz (9)

Лицемерие	Ksiądz (6), Prałat (3), Jezuita (4)
Несоблюдение поста	Ksiądz (5), Organista (2)
Жадность и завистливость	Ksiądz (6), Pop (4), Jezuita (1), Organista (1)
Лень	Ksiądz (5)
Трудолюбие	Benedyktyn (1)
Доход с церковных обрядов	Ksiądz (4)
Поборы	Ksiądz (18)
Привередливость	Ksiądz (4)
Благополучие	Ksiądz (13)
Грабеж	Ksiądz (6), Pleban (1), Pop (1)
Прислуга	Ksiądz (12)
Затворничество	Mnich (3), Pustelnik (3)
Молчание	Mnich (1)
Травничество	Benedyktyn (4), Bernardyn (6)
Нищенствование	Benedyktyn (1), Bernardyn (4), Kapucyn (2)
Нечистоплотность	Bernardyn (1)
Особое питание	Bernardyn (2), Kapucyn (2)
Жена	Pop (2)
Плодовитость	Pop (2)
Безбрачие	Ksiądz (1), Proboszcz (1), Kardynał (1), Mnich (17), Zakonnik (2), Opat (1), Jezuita (1), Kapucyn (6)
Распуство	Ksiądz (3), Wikary (1), Kanonik (1)
Поклоны	Mnich (5)
Погребальный обряд	Ksiądz (6), Pop (1), Kościelny (2)
Пение	Ksiądz (2), Pleban (1), Kantor (2), Organista (2)
Интенсивность речи	Ksiądz (4), Biskup (1)
Громкость речи	Zakonnik (1)
Каждение	Ksiądz (4), Pop (1)
Переодевание	Ksiądz (3)
Крещение	Ksiądz (1)

Венчание	Ksiądz (6)
Исповедь	Ksiądz (6)
Смерть	Ksiądz (13), Proboszcz (3)
Миссионерство	Kapłan (2)
Неразборчивость в работе	Ksiądz (2)
Противопоставление крестьянству	Ksiądz (1)
Сопоставление с дворянством	Ksiądz (1)
Сопоставление с военными	Ksiądz (5)
Сопоставление с врачом	Ksiądz (14)
Отношение с приходом	Ksiądz (2), Pleban (2), Pop (2)
Высокое социальное положение	Kapłan (1), Ksiądz (3+5), Pop (2), Biskup (3), Kardynał (4), Papież (1), Mnich (2), Kapucyn (2)
Принадлежность к группе духовенства	Duchowny (1), Ksiądz (8), Pleban (1), Proboszcz (4), Biskup (4), Kardynał (4), Papież (3), Mnich (9), Zakonnik (1), Opat (5), Organista (3)
Существование за счет прихожан	Ksiądz (2), Mnich (4)
Сакральность	Ksiądz (1), Mnich (1)
Черт	Ksiądz (18), Pop (1), Mnich (5)

Приложение 3. Основные мотивы, составляющие этнолингвистические портреты служителей культа в украинском языке

Мотив	Портреты, в которых проявлен мотив (количество фактов)
Одежда	Піп (1)
Ряса	Піп (3)
Риза	Піп (11)
Сутана	Піп (1)
Длинная одежда	Батюшка (1), Піп (1)
Черный цвет	Піп (1), Монах (1), Чернець (2)
Фиолетовый цвет	Біскуп (1)
Нарядность	Піп (7)
Яркость одежды	Піп (2)
Клобук	Монах (1), Чернець (3)
Женский платок	Монах (3)
Капюшон	Капуцин (1)
Длинные волосы	Піп (4)
Тонзура	Ксьондз (1), Піп (7)
Борода	Архієрей (2)
Вертикальный прямостоящий предмет	Піп (6)
Толщина	Піп (1)
Ум	Дяк (1)
Глупость	Піп (2)
Греховность	Монах (1)
Лицемерие	Піп (3), Єзуїт (4)
Несоблюдение поста	Піп (7)
Жадность и завистливость	Піп (39)
Лень	Піп (6)
Злость	Монах (1), Чернець (2)
Доход с церковных обрядов	Дяк (1), Піп (13)

Поборы	Піп (12), Монах (1)
Благополучие	Піп (22)
Богатство	Піп (5)
Бедность	Дяк (1)
Курица	Піп (1)
Лошадь	Піп (3)
Собака	Піп (4)
Свинья	Піп (10)
Индюк	Піп (2)
Кошка	Піп (2)
Корова	Піп (1)
Коза	Піп (1)
Затворничество	Монах (1), Чернець (1)
Аскеза	Чернець (3)
Пьянство	Піп (1)
Виноделие	Бенедектинець (2)
Переписывание и хранение книг	Монах (1)
Торговля	Монах (1)
Жена	Дяк (1), Піп (35)
Плодовитость	Піп (14)
Дочери	Дяк (2), Піп (24)
Безбрачие	Монах (2), Чернець (1), Капуцин (3)
Распуство	Ксьондз (2)
Поклоны	Монах (1)
Погребальный обряд	Дяк (1), Піп (14)
Пение	Дяк (1), Піп (4)
Интенсивность речи	Піп (3)
Монотонность речи	Дяк (3)
Четкость речи	Ксьондз (1), Піп (2)
Многословие	Дяк (1)
Поучение	Піп (6)

Каждение	Піп (4)
Крест	Піп (1)
Кропило	Піп (2)
Колоколо	Піп (5)
Крещение	Піп (6)
Исповедь	Піп (3)
Проповедь	Піп (5)
Молитва	Піп (4)
Смерть	Піп (6)
Разрешение споров	Піп (7)
Благословение	Піп (5)
Противопоставление крестьянству	Піп (3)
Противопоставление наемным работникам	Піп (2)
Сопоставление с панством	Піп (5)
Отношение с приходом	Піп (5)
Высокое социальное положение	Піп (2)
Гордость	Піп (2)
Принадлежность к соц. группе духовенства	Дяк (4), Піп (16), Чернець (4)
Низкое социальное положение	Дяк (6)
Сакральность	Дяк (1)
Черт	Піп (22), Чернець (1)

Приложение 4. Основные мотивы, составляющие этнолингвистические портреты служителей культа в белорусском языке

Мотив	Портреты, в которых проявлен мотив (количество фактов)
Риза	Поп (7)
Широкая одежда	Поп (1)
Скуфья	Поп (7)
Длинные волосы	Поп (3)
Тонзура	Ксёндз (2)
Прямостоящий предмет	Поп (7)
Толщина	Ігумен (2)
Строгость	Манах (1)
Глупость	Поп (1)
Грамотность	Поп (1)
Обман	Поп (1)
Лицемерие	Ксёндз (7), Поп (2), Езуіт (4)
Несоблюдение поста	Поп (3)
Жадность и завистливость	Ксёндз (1), Поп (15)
Доход с церковных обрядов	Ксёндз (1), Поп (3)
Поборы	Дзяк (2), Ксёндз (1), Поп (8)
Благополучие	Поп (4)
Толока	Поп (3)
Работник	Поп (2)
Свинья	Поп (1)
Кошка	Поп (4)
Затворничество	Пустэльнік (1)
Пьянство	Дзяк (1)
Жена	Поп (16)
Дети	Поп (5)
Безбрачие	Ксёндз (1)
Распутье	Дзяк (1), Ксёндз (1), Поп (1)

Обедня/месса	Ксёндз (1), Поп (2)
Погребальный обряд	Дзяк (2)
Пение	Поп (3)
Интенсивность речи	Панамар (1)
Красноречие	Поп (2)
Каждение	Поп (3)
Крест	Поп (1)
Кропило	Ксёндз (3), Поп (3)
Крещение	Поп (4)
Исповедь	Поп (2)
Проповедь	Ксёндз (1), Поп (10)
Молитва	Поп (1)
Причастие	Поп (1)
Смерть	Поп (4)
Противопоставление крестьянству	Поп (3)
Противопоставление скомороху	Поп (3)
Сопоставление с врачом	Поп (1)
Сопоставление с паном	Поп (3)
Высокое социальное положение	Архіерэй (1)
Принадлежность к соц. группе духовенства	Дзяк (3), Поп (5), Ігумен (1)
Низкое социальное положение	Дзяк (1)
Сакральность	Манах (1)
Черт	Ксёндз (2), Поп (6)

Приложение 5. Портретные черты служителей культа в русском, польском, украинском и белорусском языках

Вершинное слово деривационно- фразеологического гнезда	Количество лексических фактов	Основные портретные черты
Русский язык		
дьякон	34	Исполняет церковные обряды. Говорит многословно, напевно, монотонно, громко. Живет за счет приношений прихожан. Имеет более низкое социальное положение, чем поп. Принадлежит к сакральной сфере.
пресвитер	1	Принадлежит к сакральной сфере.
проб	1	Исполняет церковные обряды.
поп	476	Одет в длинную широкую неудобную черную (рясу) или блестящую (ризу) одежду, на голове – скуфья или клобук. Имеет длинные волосы или тонзуру. Похож на женщину. Стоит в неподвижной прямой позе. Толстый. Старый. Грамотный. Умный // глупый. Продажный // неподкупный. Греховный. Жадный и завистливый. Живет за счет прихожан. Богатый // бедный. Имеет слугу. Держит собаку, лошадь и курицу. Имеет жену и дочерей. Исполняет обряды крещения, заутрени, обедни, венчания, исповеди (отпускает грехи и наказывает), погребальный обряд. Кадит. Окропляет. Рано встает. Говорит напевно, многословно или лаконично. Принадлежит к замкнутой социальной группе. Противопоставлен крестьянству. По социальному положению выше дьякона и пономаря. Принадлежит к сакральной сфере. Связан с нечистой силой.
монах	64	Одет в черную скромную одежду, на голове – клобук. Стоит в неподвижной прямой позе. Молится. Кланяется. Хитрый и лицемерный. Рассеянный. Пустоголовый. Дает обет безбрачия. Ведет затворнический образ жизни. Связан с нечистой силой.
инок	3	Ведет затворнический образ жизни. Связан с нечистой силой.
калогер	6	Ведет затворнический образ жизни. Богат. Многословен.
чернец	8	Одет в черную одежду. Ведет затворнический образ жизни. Дает обет безбрачия.
архидьякон	1	Любит выпить.
игумен	20	Одет в черную одежду, на голове – клобук. Старый. Строгий. Имеет высокое социальное положение. Главенствует над монахами.
архимандрит	4	Принадлежит к сакральной сфере. Имеет высокое

		социальное положение.
архиерей	4	Носит клобук и калоши. Богат. Безгрешен.
митрополит	1	Богат.
патриарх	3	Носит клобук. Обладает большой властью. Безгрешен.
пономарь	17	Совершает церковные обряды. Говорит напевно и монотонно. Звонит в колокола. Имеет низкое социальное положение. Принадлежит к сакральной сфере.
звонарь	11	Звонит в колокола. Глухой. Имеет низкое социальное положение.
богомаз	3	Занимается рисованием.
Польский язык		
duchowny	1	Принадлежит к замкнутой социальной группе.
kapelan	3	Одет в плащ.
kapłan	4	Одет в необычную одежду. Принадлежит к замкнутой социальной группе. Читает проповеди.
ksiądz	244	Одет в длинную широкую одежду черного цвета (сутану, хабит) со стоячим воротником. Не носит штанов. На голове – капюшон. Выстрижена тонзура. Должен являться примером для прихожан. Греховен // безгрешен. Лицемерен. Принимает целибат. Распутен. Не соблюдает пост. Усерден в молодости и ленив в старости. Жаден и ненасытен. Хитер. Получает доход от прихожан. Берется за любую работу. Привередлив. Живет благополучно и богато // живет аскетично. Имеет прислугу. Проводит крещение, венчание, погребение, исповедь (отпускает грехи). Прозорлив. Говорит интенсивно и напевно. Кадит. Во время службы переодевается. Отличается от прихожан // подобен прихожанам. Имеет высокий социальный статус. Требуется уважительного отношения. По социальному положению ниже ректора, епископа и каноника, но выше органиста. Противопоставляется крестьянству, но подобен по статусу шляхтичу, военному, врачу и юристу. Принадлежит к сакральной сфере. Связан с нечистой силой. Приносит неудачу.
pleban	8	Связан с приходом. Имеет более высокий статус, чем викарий. Богат. Говорит напевно.
por	28	Одет в черную одежду или ризу, на голове – капюшон. Стоит в прямой позе. Толстый. Жадный и ненасытный. Богат. Участвует в погребальном обряде. Кадит. Имеет жену. Обладает выдающимися репродуктивными способностями. Имеет высокий социальный статус. Подобен дьякону. Связан с приходом. Связан с чертом.
proboszcz	8	Участвует в погребальном обряде. Принимает целибат. Связан с приходом. По социальному статусу ниже епископа, но выше викария.

wikary	4	Одет в черную одежду. Замещает другого священника.
kanonik	1	Распутен.
prałat	3	Лицемерен.
biskup	14	Одет в фиолетовую одежду. Участвует в мессе. Говорит интенсивно. Имеет трон. Имеет высокий социальный статус. Влиятелен. По положению выше ксендза и пробста, но ниже кардинала и Папы Римского.
kardynał	16	Носит специфическую одежду красного цвета и специфический головной убор. Принимает целибат. По социальному статусу выше епископа и монаха, но ниже Папы Римского.
eminencja	1	Управляет.
papież	6	Является эталоном субъекта католической веры. Имеет высокий социальный статус. По положению выше кардинала и епископа.
mnich	72	Одет в широкую конусообразную одежду черного цвета (хабит), на голове – капюшон. Выстрижена тонзура. Многословен. Кланяется. Принимает обет безбрачия. Бесплоден. Живет уединено. Ведет паразитический образ жизни. Имеет особый режим питания. Проводит алхимические опыты. Имеет высокий социальный статус. Связан с другими монахами и аббатом. Принадлежит к сакральной сфере. Связан с нечистой силой.
zakonnik	9	Одет в хабит черного цвета. Принимает целибат. Говорит громко. Неразрывно связан с монастырем.
pustelnik	3	Ведет отшельнический образ жизни.
opat	8	Принимает целибат. Главенствует над монахами.
benedyktyn	7	Занимается травничеством. Просит милостыню. Трудолобив.
bernardyn	23	На голове – капюшон. Толстый. Нищий. Просит милостыню. Нечистоплотен. Много ест. Занимается травничеством. Лицемерит.
dominikan	3	Связан с собаками. Берет взятки.
jezuita	7	Двуличен. Дает обет безбрачия. Жаден.
kapucyn	23	Одет в коричневую одежду. На голове – капюшон. Беден. Много ест или не ест вообще. Молчит. Производит мед. По социальному статусу подобен старосте, воеводе, пану.
karmelita	2	Одет в черно-белую одежду.
kantor	2	Исполняет церковные песнопения.
kościelny	4	Участвует в погребальном обряде. Усерден в молодости, ленив в старости. Безгрешен.
organista	13	Одет в черную одежду. Поет. Играет на органе. Работает в приходской школе. Не соблюдает пост. Жаден. По социальному статусу подобен каликанту и ксендзу. Ниже пробста.

Украинский язык		
алілуйко	1	Носит странную одежду.
дяк, дячок	27	Не соблюдает пост. Умен // глуп. Беден. Ведет паразитический образ жизни. Получает доход от исполнения церковных обрядов. Имеет жену и дочь. Участвует в погребальном обряде. Говорит много-словно, напевно, монотонно. По социальной роли подобен попу.
батюшка	1	Одет в длинную одежду.
ксьондз	5	Читает проповеди. Говорит четко. Не повторяет по несколько раз. Распутен.
піп	408	Одет в длинную одежду черного цвета (шаты, рясу), либо в нарядную одежду (ризy). На голове – скуфья. Носит длинные волосы или выстригает тонзуру. Стоит в прямой позе. Толстый. Жаден и завистлив. Ненасытен. Нечестен. Ленив. Глуп. Греховен. Его слова не совпадают с делами. Не соблюдает пост. Получает доходы, совершая церковные обряды. Его услуги дороги. Обирает прихожан. Собирает пожертвования. Богат. Живет благополучной жизнью. Имеет прислугу. Держит свинью, собаку, лошадь, индюка, курицу, кошку, корову. Имеет жену и дочь. Обладает выдающимися репродуктивными способностями. Проводит крещение, исповедь, погребальный обряд. Читает молитвы и проповеди. Учит. Говорит быстро, интенсивно, напевно. Кадит. Окропляет. Носит крест. Звонит в колокол. Разрешает споры. Дает благословения. Имеет высокий социальный статус. По социальному положению подобен пану, звонарю, дьякону и противопоставлен крестьянину и наемному работнику. Связан с приходом. Принадлежит сакральной сфере. Связан с чертом. Приносит неудачу.
біскуп	1	Одет в фиолетовую одежду.
папіш	2	Является эталоном субъекта католической веры.
законник	2	Набожен. Хранит книги.
монах	16	Одет в черную одежду, на голове – клобук (у мужчины) или платок (у женщины). Ведет затворническую жизнь. Дает обет безбрачия. Кланяется. Злой. Греховен. Создает и хранит книги. Занимается торговлей. Обирает прихожан.
чернець	18	Одет в черную одежду, на голове – клобук. Стоит в прямой позе. Злой. Дает обет безбрачия. Ведет аскетичную жизнь. Соблюдает пост. Принадлежит к монашеству. Связан с другими монахами и игуменом. Связан с чертом.
архієрей	4	Имеет бороду. Имеет высокий социальный статус.
бенедектинец	2	Занимается изготовлением ликеров.
єзуїт	6	Лицемерен. Следует строгим правилам. Упрям.
капуцин	5	На голове капюшон. Дает обет безбрачия.

Белорусский язык		
дзяк, дзякан	10	Поет. Любит выпить. Распутен. Собирает пожертвования. Имеет более низкое социальное положение, чем поп.
ксёндз	23	Выстригает тонзуру. Лицемерен. Греховен. Жаден. Принимает целибат. Распутен. Служит мессы. Окропляет. Читает проповеди. Освящает дома. Доход получает с исполнения церковных обрядов. Относится к сакральной сфере.
поп	175	Одет в широкую одежду (ризу). Носит длинные волосы. Выстригает тонзуру. Стоит в прямой позе. Жаден. Не соблюдает пост. Распутен. Лицемерен. Имеет жену и дочь. Ведет благополучную жизнь. Собирает пожертвования. Получает доход, исполняя церковные обряды. Имеет работников, в том числе бесплатных. Держит свинью и кошку. Его работа легкая и бесполезная. Читает молитвы и проповеди. Проводит причастие, исповедь, погребальный обряд. Читает Библию. Говорит напевно и красноречиво. Кадит. Окропляет. По социальному статусу сопоставляется с дьяконом и ксендзом и противопоставляется крестьянину, скомороху, цыгану, пану, войту. Участвует в магических ритуалах. Связан с чертом.
законник, законника	1	Следует церковным требованиям.
манах	2	Строгий. Принадлежит к сфере сакрального.
пустэльнік	1	Живет уединенно.
езуіт	4	Лицемерен.
ігумен, ігумення	4	Связан с монахами. Не соблюдает пост. Толстый.
архіерэй	1	Имеет высокий социальный статус.
арганіст	3	Играет на органе. Имеет низкий социальный статус.
панамар	1	Говорит монотонно.